

УДК 81-23
ББК 81.2

К ВОПРОСУ О ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ

Н. М. Алибекова

Костанайский социально-технический университет имени академика З. Алдамжар, Костанай, Казахстан

Данная статья посвящена исследованию положительных и отрицательных характеристик поликультурного общества. Поликультурность выступает одной из основных характеристик современного общества. В нынешнем социуме следует обозначить группы — этнические, гендерные, возрастные, профессиональные, которые обладают более или менее выраженными культурными особенностями. В данном исследовании мы рассматриваем поликультурный социум на примере Костанайского социально-технического университета имени З. Алдамжар, так как профессиональная среда данного вуза включает в себя представителей различных национальностей и социальных статусов. В связи с этим возникает необходимость поиска путей общения для мирного сосуществования.

Ключевые слова: *этнос, поликультурное общество, модели общения, языковое сознание, национальная культура, межэтническая толерантность, межкультурное общение, этническая культура, языковая личность, социум.*

Тенденции современного общества в сферах культурной, социальной, политической и экономической жизни создали предпосылки к формированию поликультурного социума. Приобщение к важнейшим ценностям, формирование умения общаться и взаимодействовать с представителями соседних культур и в мировом пространстве выступает одной из его важнейших задач.

С. С. Кунанбаева в работе «Теория и методика современного иноязычного образования» говорит о том, что правомерность дефиниции общения как реализации всей системы отношений человека подтверждается тем, что человеческое общество немислимо вне общения [3].

Мы разделяем точку зрения автора, которая заключается в том, что общение функционирует в обществе в следующих проявлениях:

- 1) как способ объединения индивидов;
- 2) как средство развития каждого индивида в процессе общечеловеческих отношений;
- 3) как ареал обитания и единения с людьми отдельно рассматриваемого индивида в процессе межличностных отношений и общения;
- 4) как вторичная социальная категория по отношению к системе взаимодействия людей при рассмотрении отношений (общественных и межличностных), так как вербальное общение порождается системой общественных отношений людей [3].

В отраслях и научных направлениях, где вербальное общение выступает одним из важнейших объектов изучения, предпринимаются попытки конструирования модели общения.

Мы считаем целесообразным рассмотреть модель межкультурной коммуникации, отраженную в работе И. В. Приваловой «Интеркультура и вербальный знак», в основе которой представлено «этнолингвокультурное сознание».

С точки зрения автора, «языковое сознание базируется на родном языке, оно первично, а при переходе на другой язык не изменяется полностью на вторичное сознание, а происходит преобразование языкового сознания путем синтеза» [6. С. 7].

Согласно данной модели межкультурного общения коммуникативный акт может быть представлен отдельными фазами; определенным набором механизмов, участвующих в реализации каждой фазы; набором элементарных составляющих коммуникативной модели, отражающих подходы межкультурного общения и способностью моделей передавать информацию.

В современных условиях активного межкультурного взаимодействия актуальным становится вопрос об исследовании аспектов коммуникации, способствующих успешному общению носителей разных культур.

Особенности культуры и истории народа постигаются, входят в мир народа, приобретают языковое выражение и вводятся в пространство языка народа.

Язык каждой нации, каждого государства — это бесценное достояние. Сама идентификация нации происходит, прежде всего, через ее язык. В труде С. Г. Тер-Минасовой «Язык

и межкультурная коммуникация» говорится о том, что язык — это не только средство коммуникации, знаковая система, но и хранитель национальной культуры, менталитета нации, ее души [11].

Безусловно, язык и культура тесно связаны друг с другом. Язык — важная часть культуры, и ее носитель. Язык является одной из важнейших форм наследия и развития культуры, так как вся культурная деятельность, творчество и развитие не могут существовать изолировано от языка.

Е. В. Клименко в своем исследовании «Межэтническая толерантность как ресурс социальной коммуникации в поликультурном обществе» уточняет, что «в этой ситуации несовершенства социальной коммуникации, являющиеся универсальным явлением для любой культуры, становятся более существенными и процесс социальной коммуникации в таком поликультурном обществе становится все более и более затрудненным» [2. С. 4].

«Поликультурное общество» — это общественно-научное понятие, получившее распространение в 1960-х гг. в таких иммиграционных странах, как Австралия, Канада, Новая Зеландия и США. Данный термин означает сосуществование, взаимодействие культур, отличающихся друг от друга языком, религией и формами жизни. Кроме того, немецкий ученый Ф. Бейерсдёрфер в своей работе «Мультикультурное общество: отношение, феномен и правила общения» рассматривает два варианта трактовки понятия «поликультурного общества»: дескриптивное и нормативное [15].

По мнению Франка Бейерсдёрфера, в дескриптивном значении данное понятие применяется в том случае, когда социум насчитывает представителей различных культур, то есть наблюдается поликультурность. Тогда «чисто экспериментальным путем можно установить, является ли общество многонациональным или нет» [15. С. 49]. Кроме этого, автор полагает, что данный способ позволяет проследить и выяснить, можно ли рассматривать такое общество как положительное или отрицательное; и нужно ли такое общество поддерживать или, наоборот, разрушать его при помощи определенных политических действий.

Важнейшими задачами, возникающими перед нынешним *поликультурным обществом*, являются формирование межэтнической толерантности, реализация ее коммуникативного потенциала

и тем самым преодоление негативных тенденций в сфере межэтнических отношений.

И. А. Мальковская в работе «Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы» отмечает, что «поликультурность общества предопределяется, прежде всего, абсолютным признанием различий, множественности и многоликости культурного и социального бытия, прав и свобод гражданина, ненасилия, веротерпимости, толерантности, равенства, взаимодействия и взаимовлияния культур. Принято считать, что термин “поликультурное общество” наиболее адекватно отражает “несистемный”, или “нелинейный” взгляд на социальное многообразие, многообразие путей, модели развития» [5. С. 180].

По мнению автора, семантическая дефиниция «поли-» как многого и множественности соответственно к «поликультурному обществу» выделяет, с одной стороны, рамки, ограничивающие пространство общества, в которое изначально заключено поликультурное различие и многообразие. С другой, — уплотнение поликультурного пространства в процессе диверсификации и дифференциации культурных различий, что дает основание рассуждать о временном, спрессованном и сжатом континууме мультикультурности. Вследствие этого наиболее значимыми процессами являются: стабильность — устойчивость (пространственная заданность мультикультурности) и коммуникация (динамические и временные связи, сообщения, миграции между субъектами поликультурных пространств).

Проблема оптимизации межэтнического общения чрезвычайно актуальна для каждой страны. Возникает необходимость поиска новых путей анализа межкультурной коммуникации. Теоретические и практические аспекты данной проблемы развернуто рассматриваются в рамках этно- и психолингвистики. Этнолингвистические исследования доказывают, что проблемы межэтнического взаимодействия имеют тесную связь с темой языкового сознания. Языковое сознание носителя этнической культуры формируется в процессе «вхождения» в данную культуру и характеризуется определенными качествами. Носитель конкретной этнической культуры обладает собственным сознанием, которое состоит из образов и представлений, соответствующих данной культуре. Необходимо отметить, что сознание меняется от культуры к культуре [13].

Особенности этнокультурного языкового сознания определяются взаимодействием разви-

тия языков, сферой географического расположения, многонациональностью страны проживания, культурой, мышлением и речью.

Т. Г. Стефаненко в работе «Этнопсихология» полагает, что негативные стереотипы не могут быть разрушены «директивными указаниями». Знакомство с непривычными традициями, образом жизни, обычаями не может вызвать неприятия. Кроме того, увеличение межличностного общения способно привести к усилению предубеждений. Поэтому чрезвычайно важно обозначить возможность определения обстоятельств и условий общения между представителями различных этнических групп, что позволит наименее травмировать и не породить недоверие [10].

Автор считает, что одной из основных потребностей человека является принадлежность к какой-либо общности: семейной, родовой, этнической, профессиональной и так далее. Важнейшая позиция в этом ряду принадлежит этнической общности, и какое-либо воздействие по ущемлению этой потребности этнической принадлежности непременно приведет к возникновению конфликта, сбоев в межкультурных коммуникациях. Разнообразные конфликты возникают и проявляются в восприятии, в расхождении интересов. Но необходимо учитывать, что этнические конфликты имеют социокультурный характер, так как существуют различия в языке, культуре, религии, обычаях и особенностях менталитета [10].

Как было отмечено, преодоление негативных тенденций в сфере межэтнических отношений, формирование межэтнической толерантности, реализация ее коммуникативного потенциала — важнейшие задачи современного *поликультурного общества*.

В связи с этим, проблема коммуникации в поликультурном обществе раскрывается через взаимосвязи, взаимоотношения, контакты субъектов культурных различий — Врага, Чужого и Другого, в том числе и близких друг другу, кроме того посредством процессов институциональных диффузий, связанных с взаимопроникновением институциональных структур субъектов «культурных различий» [1. С. 24].

В своем труде «Теория языкознания» В. А. Гречко отмечает, что «коммуникация увеличивается возросшим влиянием масс-медиа, стереотипами образовательной среды, усредняющими культурные различия и культивирующим массовые культурные потребности. Динамика взаимодействий современных субъектов поли-

культурного общества нацелена на преодоление границ социальных пространств, вторгаясь в иные социальные мономиры, территории и при отсутствии толерантности и уважения к культуре другого чревата конфликтами и взаимным уничтожением» [1. С. 24].

Мы разделяем мнение автора о том, что коммуникация в поликультурном социуме отображает факт мобильности и контактов субъектов культурных различий с точки зрения позитивной и негативной сторон.

Коммуникация и стабильность мультикультурного общества проявляются весьма противоречивыми и взаимосвязанными феноменами. Сетевые мультимедийные технологии предоставляют возможность субъектам культурных различий переходить в виртуальное измерение, формировать публичные сферы в Интернет и создавать диаспорные среды национального уровня. Тем самым переводя анализ поликультурности на новый эпистемологический уровень транскультуры. Одновременно, другим «субъектам культурных различий» необходима самая обычная земная, а не виртуальная стабильность, чтобы обладать временем обустройства своего жизненного мира в сложном поликультурном обществе.

На сегодняшний день, в век технологий и процесса глобализации, прослеживается активизация поиска эффективных условий и механизмов воспитания подрастающего поколения, имеющего способность к различным культурным диалогам. Возникла необходимость определить пути и средства межнациональных взаимоотношений и коммуникации внутри государства и за его пределами.

По нашему мнению, одним из подобных путей служит формирование у молодежи поликультурного сознания, включающего в себя следующие компоненты: знание культуры, истории, этноса. С этой точки зрения, происходит процесс общения, осознание роли своей национальной культуры и этноса-партнера в мировом пространстве; знание особенностей национальной культуры как отображения национальной психологии. Также эмпатия, включающая в себя познание психологических особенностей этноса, способность к сопереживанию, умение поставить себя на место другого.

Величайший казахский поэт, философ, писатель Абай Кунанбаев в свое время призывал казахский народ изучать русский язык. Он понимал, что посредством русского языка и русской

культуры казахи смогут приобщиться к мировой литературе.

Наличие культуры межнационального общения мы понимаем как следствие успешной адаптации личности в поликультурном социуме. Е. Б. Старовойтенко в монографии «Культурная психология личности» выделяет внешние и внутренние признаки развитости культуры межнационального общения. К внешним признакам причисляются: 1) интерес к культуре, истории, науке другого народа; 2) потребность в освоении языка, истории, литературы, науки другого народа; 3) развитие отношений с людьми другой национальности.

Автор отмечает, что большая роль в данном вопросе отводится и внутренним признакам, имеющим: 1) мотивационный характер: уважение к многонациональному народу, любовь к Родине, направление на общечеловеческие ценности; 2) этнический характер: проявление тактичности к человеку; способность и готовность сопереживать; 3) деятельно-поведенческий характер: реакция на совместную деятельность, супружество: развитие чувства национальной гордости; 4) мировоззренческий характер: понимание совместной деятельности людей разных национальностей: ориентация на общечеловеческие, нравственные ценности; дух веротерпимости к религиозным чувствам людей; 5) интеллектуально-эмоциональный характер: толерантность к людям другой национальности в рабочей, учебной и бытовой сферах [9].

По нашему мнению, успешное развитие культуры межнационального общения подрастающего поколения в сфере образования возможно только при условии, если сам педагог свободен от негативных национальных стереотипов и предрассудков, владеет этнопедагогическими и этнопсихологическими знаниями, умениями корректировать содержание образования с учетом этнического многообразия своей страны. Каждый народ на протяжении сотен лет имеет особенную, укоренившуюся в жизни культуру, которая неизбежно воздействует на воспитательный процесс.

Указ Президента республики Казахстан Н. А. Назарбаева гласит: «Казахстан уникален и силен своей многонациональностью. На его земле сформировалось уникальное поликультурное пространство. Поликультурность Казахстана — это прогрессивный фактор развития общества. Евразийские корни народов Казахстана позволя-

ют соединить восточные, азиатские, западные, европейские потоки и создать уникальный казахстанский вариант развития поликультурности» [7].

Наличие культурных различий, свойственных поликультурным обществам, не могло не отобразиться на образовательной системе. Результатом являются изменения в подходах к обучению в школах, в итоге чего наблюдается разработка поликультурного образования, включающего в себя уважение и признание языков и культуры всех этнических групп.

В данный момент вопрос о формировании новой личности, способной профессионально решать важные задачи в новых условиях развития общества, в условиях глобальных перемен ставится и решается по-новому. В век поликультурности и многоязычия главным требованием, предъявляемым к любому специалисту, является не только успешное владение родным языком, но и знание иностранного языка. На современном этапе развития общества, языковая ситуация в многонациональном Казахстане приводит к необходимости разработки основных методических принципов и подходов для формирования коммуникабельной языковой личности. Мы поддерживаем утверждение многих исследователей о том, что процветание общества зависит от культуры слова, а не только от экономики и техники и даже не от общей культуры. Безусловно, главная проблема сегодняшнего высшего образования — подготовка разностороннего специалиста, обладающего высоким уровнем культуры (в том числе и культуры слова).

Современное поликультурное образование в Республике Казахстан выступает одним из главных направлений в системе высшего образования. Непосредственно вуз представляет собой важнейший этап в процессе создания и развития поликультурной личности, когда осознанно формируются основные ценности и жизненные приоритеты.

Так как объектом нашего исследования является языковая среда поликультурного социума на примере Костанайского социально-технического университета имени З. Алдамжар, нами были проведены *групповое анкетирование* и *социолингвистический опрос* среди профессорско-преподавательского состава (далее ППС) 6 действующих кафедр.

Главным преимуществом группового анкетирования является доступность и оперативность

опроса. Анкетером, работающим с группой опрашиваемых из 20–30 человек, объясняется цели исследования, правила заполнения анкетирования, и в случае неясностей при исследовании анкеты он индивидуально консультирует респондентов. Анкеты заполняются в присутствии анкетера и возвращаются ему сразу после заполнения.

Таким образом, после проведения данного метода исследования нами выявлены следующие классификации:

1) классификация по гендерному типу: из общего количества ППС 113 человек; мужчин — 42, женщин — 71 человек;

2) классификация по возрастному цензу: из общего состава ППС в количестве 113 человек; 54 преподавателя в возрасте 30–50 лет; 59 человек 50–70 лет;

3) классификация по национальной принадлежности: всего ППС — 113 человек; из них мусульмане — 71 человек, славяне — 42 человека.

Кроме того, в нашем исследовании проводился опрос представителей шести кафедр, который заключался в получении первичной социолингвистической информации, базирующейся на устном или письменном обращении к исследуемой совокупности людей с вопросами, содержание которых касается проблемы лингвистического исследования. В опросе участвовало 113 реципиентов и нами получены следующие данные.

Анализируемый вопрос: «Как Вы оцениваете межнациональные отношения в Костанайском социально-техническом университете им. академика З. Алдамжар?» содержал пять вариантов ответов и получены следующие результаты.

Славяне:

Мужчины (30–50 лет) — 4 человека: «положительно» — 2; «отрицательно» — 1; «не интересуюсь» — 0; «не знаю» — 1; «все равно» — 0.

Мужчины (50–70 лет) — 7 человек: «положительно» — 5; «отрицательно» — 1; «не интересуюсь» — 1; «не знаю» — 0; «все равно» — 0.

Женщины (30–50 лет) — 21 человек: «положительно» — 15; «отрицательно» — 3; «не интересуюсь» — 1; «не знаю» — 2; «все равно» — 0.

Женщины (50–70 лет) — 10 человек: «положительно» — 8; «отрицательно» — 1; «не интересуюсь» — 0; «не знаю» — 0; «все равно» — 1.

Рассмотрев полученные результаты, делаем вывод: 30 человек ответили «положительно», что составляет 71 %, 6 человек дали ответ «отрицательно» — 14 %, остальные 15 % анкетированных

выбрали иные варианты ответов. Это означает, что 85 % опрошенным преподавателям безразличны межнациональные отношения и большая их часть полагает межкультурное сосуществование толерантным.

Мусульмане:

Мужчины (30–50 лет) — 10 человек: «положительно» — 6; «отрицательно» — 1; «не интересуюсь» — 1; «не знаю» — 1; «все равно» — 1.

Мужчины (50–70 лет) — 21 человек: «положительно» — 19; «отрицательно» — 1; «не интересуюсь» — 1; «не знаю» — 0; «все равно» — 0.

Женщины (30–50 лет) — 25 человек: «положительно» — 18; «отрицательно» — 2; «не интересуюсь» — 3; «не знаю» — 2; «все равно» — 0.

Женщины (50–70 лет) — 15 человек: «положительно» — 12; «отрицательно» — 1; «не интересуюсь» — 0; «не знаю» — 2; «все равно» — 0.

Итог полученных результатов: 55 человек выбрали ответ «положительно», что составляет 77 %; 5 человек (7 %) — ответили «отрицательно», 16 % анкетированных составляют другие варианты ответов, из чего вытекает, что большинством голосов межнациональные отношения признаны положительными.

Данные без учета национальности: 85 человек (75 %) ответили «положительно», 11 человек (10 %) ответили «отрицательно»; 17 человек (15 %) — другие варианты ответов.

Таким образом, межнациональные отношения профессорско-преподавательского состава Костанайского социально-технического университета им. академика З. Алдамжар считаем положительными.

Второй поставленный вопрос: «Приходилось ли Вам сталкиваться со случаями межнациональной неприязни в Костанайском социально-техническом университете им. академика З. Алдамжар?». Предлагались два варианта ответов: «да» (положительно) и «нет» (отрицательно).

Славяне:

Мужчины (30–50 лет) — 4 человека: «положительно» — 2; «отрицательно» — 2.

Мужчины (50–70 лет) — 7 человек: «положительно» — 3; «отрицательно» — 4.

Женщины (30–50 лет) — 21 человек: «положительно» — 17; «отрицательно» — 5.

Женщины (50–70 лет) — 10 человек: «положительно» — 5; «отрицательно» — 5.

Мусульмане:

Мужчины (30–50 лет) — 10 человек: «положительно» — 7; «отрицательно» — 3.

Мужчины (50–70 лет) — 21 человек: «положительно» — 13; «отрицательно» — 8.

Женщины (30–50 лет) — 25 человек: «положительно» — 18; «отрицательно» — 7.

Женщины (50–70 лет) — 15 человек: «положительно» — 7; «отрицательно» — 8.

Рассмотрев полученные данные по второму вопросу, резюмируем следующие результаты: среди опрошенных преподавателей 42 мужчины и 71 женщина, что в процентном соотношении составляет 37 % и 63 % соответственно. Как установлено, женщины представляют большинство реципиентов. По возрастному цензу: 56 % от 30 до 50 лет и 44 % от 50 лет до 70 лет, то есть людей среднего возраста среди реципиентов больше, чем женщин старшей категории. Со случаями межнациональной неприязни приходилось встречаться 64 % опрошенных женщин, оставшиеся 36 % преподавателей с подобными случаями не сталкивались. Учитывая возрастную категорию, наблюдается следующее: женщины от 30 до 50 лет — 76 % встречались со случаями межнациональной неприязни и 24 % — нет; среди опрошенных старшего поколения 39 % — «Да» и 61 % — «Нет». При соотнесении цифр установлено, 76 % среднего возраста и 39 % старшего поколения женщин с ответом «Да» и 24 % и 61 % с ответом «Нет».

Следовательно, женщинам в возрасте от 30 до 50 лет чаще приходилось сталкиваться со случаями межнациональной неприязни, чем людям старшего поколения. Предположительно, такое положение связано с отсутствием у людей среднего возраста житейской мудрости, терпимости, изменениями в социальной обстановке и так далее.

Проанализируем ответы среди мужчин. В возрастной категории от 30 до 50 лет — 14 человек, 50–70 лет — 28 человек, то есть 33 % и 67 %. Утвердительно ответили 25 человек, что состав-

ляет 60 %, 17 человек (40 %), дали отрицательный ответ. Мужчин среднего возраста — 9 человек (64 %) и старшего возраста — 16 человек (57 %).

Мы приходим к следующему выводу: мужчины среднего возраста чаще сталкиваются со случаями национальной неприязни, нежели люди старшего возраста.

Таким образом, с ответом «Да» на поставленный вопрос женщин и мужчин в возрасте от 30 до 50 лет — 76 % и 64 %, женщин и мужчин старшего возраста — 24 % и 57 %; с ответом «Нет» в возрастной категории от 30 до 50 лет женщин и мужчин — 24 % и 36 %, от 50 до 70 лет — 61 % и 43 %. При соотнесении этих данных установлено, что из ста тринадцати опрошенных «Да» ответили 47 женщин и 39 мужчин, в итоге 86 человек, то есть 76 %; с ответом «Нет» — 24 женщины и 3 мужчины, вместе 27 человек, что составляет 24 %.

Вывод: межнациональная неприязнь существует, соотношение цифровых данных показывает, что одна треть опрошенных встречалась с этим явлением. Также наблюдаются различия по возрастному параметру и гендерному типу.

На основе вышеизложенного, мы приходим к мнению, что тщательное изучение и сохранение обычаев и традиций своего народа, имеет прикладное значение, способствует развитию преемственности поколений, укреплению семьи, уважительному отношению к своей и другим культурам. А взаимное усвоение элементов культур, как известно, способствует интеграционным процессам и усиливает гражданское самосознание.

Полученные данные свидетельствуют о том, что необходимо дальнейшее исследование языковой среды ППС КСТУ имени З. Алдамжар, с целью рассмотреть существующие культурные различия и проблемы речевого поведения в поликультурном социуме.

Список литературы

1. Гречко, В. А. Теория языкознания : учеб. пособие / В. А. Гречко. — М., 2003. — 375 с.
2. Клименко, Е. В. Межэтническая толерантность как ресурс социальной коммуникации в поликультурном обществе : автореф. дис. ... канд. культурологии / Е. В. Клименко. — СПб., 2009. — 24 с.
3. Кунанбаева, С. С. Теория и практика современного иноязычного образования / С. С. Кунанбаева. — Алматы, 2010. — 344 с.
4. Купфер, Л. В. Модели речевого поведения сотрудников организации: психолингвистический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. В. Купфер. — Челябинск, 2015. — 23 с.
5. Мальковская, И. А. Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы / И. А. Мальковская. — М., 2004. — 180 с.

6. Привалова, И. В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации) : монография / И. В. Привалова. — М., 2005. — 472 с.
7. Распоряжение Президента Республики Казахстан от 15 июля 1996 года № 3058 «О Концепции этнокультурного образования в Республике Казахстан».
8. Сабитова, З. К. Лингвокультурология : учебник / З. К. Сабитова. — М., 2013. — 524 с.
9. Старовойтенко, Е. Б. Культурная психология личности : монография / Е. Б. Старовойтенко. — М., 2007. — 310 с.
10. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология / Т. Г. Стефаненко. — М., 2003. — 325 с.
11. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. — М., 2000. — 624 с.
12. Тугел, А. С. Толерантность как лингвокультурологический феномен в языковом сознании казахов и русских : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. С. Тугел. — Астана, 2010. — 23 с.
13. Христофорова, О. Национальные стереотипы коммуникативного поведения и их влияние на межэтнические взаимодействия / О. Христофорова. — М., 2001. — 150 с.
14. Якушева, Ю. Е. Динамика межэтнических отношений в Республике Казахстан : дис. ... канд. ист. наук / Ю. Е. Якушева. — М., 2015. — 314 с.
15. Beyersdörfer, F. Multikulturelle Gesellschaft: Begriffe, Phänomene, Verhaltensregeln / F. Beyersdörfer. — Berlin; Hamburg; Münster, 2004. — 295 p.

Сведения об авторе

Алибекова Наталья Михайловна — доцент кафедры гуманитарных наук педагогического факультета, Костанайский социально-технический университет имени академика З. Алдамжар. Костанай, Казахстан. Alibekova.nataly@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 4 (414). *Philology Sciences. Iss. 112. Pp. 7—14.*

TO THE QUESTION OF MULTICULTURAL SOCIETY

N. M. Alibekova

*Kostanai social and technical university named after academician Z. Aldamzhar, Kostanay, Kazakhstan.
Alibekova.nataly@mail.ru*

This article is devoted to the study of the characteristics of a multicultural society. The tendencies of modern society in the social, cultural, economic, political plans led to the formation of a multicultural society. One of its most important tasks is to become involved in global values, to develop the ability to communicate and interact with representatives of neighboring cultures and in the world space. Multiculturalism is one of the main characteristics of modern society. In the current society, you can identify a lot of groups — ethnic, gender, age, professional, each of which has its more or less pronounced cultural characteristics. We consider the multicultural society on the example of the Kostanai social and technical university Z. Aldamzhar, as a professional environment in which representatives of different nationalities and social status are present. There is a need to find ways to communicate for peaceful coexistence.

Keywords: *ethnos, multicultural society, communication models, linguistic consciousness, national culture, interethnic tolerance, intercultural communication, ethnic culture, language personality, society.*

References

1. Grechko V.A. *Teoriya yazykoznaniiya* [Theory of Linguistics]. Moscow, 2003. 375 p. (In Russ.).
2. Klimenko E.V. *Mezhetnicheskaya tolerantnost' kak resurs sotsial'noy kommunikatsii v polikul'turnom obshchestve* [Interethnic tolerance as a resource of social communication in a multicultural society]. St. Petersburg, 2009. (In Russ.).
3. Kunanbaeva S.S. *Teoriya i praktika sovremennogo inoyazychnogo obrazovaniya* [Theory and practice of modern foreign language education]. Almaty, 2010. 344 p. (In Russ.).

4. Kupfer L.V. *Modeli rechevogo povedeniya sotrudnikov organizatsii: psikholingvisticheskiy aspekt* [Models of speech behavior of employees of the organization: psycholinguistic aspect]. Chelyabinsk, 2015. (In Russ.).
5. Mal'kovskaya I.A. *Znak kommunikatsii. Diskursivnye matritsy* [Sign of communication. Discursive matrices]. Moscow, 2004. 180 p. (In Russ.).
6. Privalova I.V. *Interkul'tura i verbal'nyy znak (lingvokognitivnye osnovy mezhkul'turnoy kommunikatsii)* [Interculture and verbal sign (linguocognitive basis of intercultural communication)]. Moscow, 2005. 472 p. (In Russ.).
7. *Rasporyazhenie Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 15 iyulya 1996 goda № 3058 «O Kontseptsii etnokul'turnogo obrazovaniya v Respublike Kazakhstan»* [Order of the President of the Republic of Kazakhstan of July 15, 1996, no. 3058 "On the Concept of Ethno-Cultural Education in the Republic of Kazakhstan"].
8. Sabitova Z.K. *Lingvokul'turologiya* [Lingvokulturology]. Moscow, 2013. 524 p. (In Russ.).
9. Starovoytenko E.B. *Kul'turnaya psikhologiya lichnosti* [Cultural psychology of personality]. Moscow, 2007. 310 p. (In Russ.).
10. Stefanenko T.G. *Etnopsikhologiya* [Ethnopsychology]. Moscow, 2003. 325 p. (In Russ.).
11. Ter-Minasova S.G. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and intercultural communication]. Moscow, 2000. 624 p. (In Russ.).
12. Tugel A.S. *Tolerantnost' kak lingvokul'turologicheskiy fenomen v yazykovom soznanii kazakhov i russkikh* [Tolerance as a linguistic and cultural phenomenon in the linguistic consciousness of Kazakhs and Russians]. Astana, 2010. (In Russ.).
13. Khriforova O. *Natsional'nye stereotipy kommunikativnogo povedeniya i ikh vliyanie na mezhetnicheskie vzaimodeystviya* [National stereotypes of communicative behavior and their influence on interethnic interactions]. Moscow, 2001. 150 p. (In Russ.).
14. Yakusheva Yu.E. *Dinamika mezhetnicheskikh otnosheniy v Respublike Kazakhstan* [Dynamics of interethnic relations in the Republic of Kazakhstan]. Moscow, 2015. (In Russ.).
15. Beyersdörfer F. *Multikulturelle Gesellschaft: Begriffe, Phänomene, Verhaltensregeln*. LIT Verlag Berlin — Hamburg — Münster, 2004. 295 s. (In Germ.).

УДК 801.3

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПОЭЗИИ И. ЮСУПОВА

Г. А. Алламбергенова

Каракалпакский государственный университет им. Бердаха, Нукус, Узбекистан

Фразеологические словосочетания используют главным образом для конструирования художественного образа, а также для достижения экспрессивно-эмоционального эффекта. Изучение их в семантико-стилистическом аспекте способствует раскрытию их контекстных смысловых граней. В данной работе рассмотрено использование фразеологизмов, связанных с различными частями тела человека, в произведениях талантливого каракалпакского поэта И. Юсупова

Ключевые слова: каракалпакский язык, поэзия И. Юсупова, фразеология, соматизмы, стилистика фразеологизмов.

В каракалпакском языке существуют словосочетания, формирование которых происходило на протяжении длительного периода времени и которые включают в свою структуру несколько слов. В современном языкознании для обозначения таких словосочетаний используют термины «устойчивые словосочетания» или «фразеологизмы». В каракалпакском языке фразеологические словосочетания используют главным образом для конструирования художественного образа, а также для достижения экспрессивно-эмоционального эффекта.

В выявлении эмоционально-экспрессивного воздействия фразеологизмов наиболее важным является их изучение в семантико-стилистическом аспекте, раскрытие их контекстных смысловых граней [7]. Отдельные слова внутри фразеологизмов, выделяющиеся семантической нагрузкой, служат его основой, ядром. Такие слова повторяются в составе фразеологизмов. Например, слова «язык», «сердце», «глаз», «рот», «рука», «зуб», «нога», «белый», «черный», «семь» и др. являются словами-основами [2]. Ученый Е. Бердимуратов, специалист по лексике каракалпакского языка, высказал мнение о том, что «большинство групп словосочетаний в каракалпакском языке образованы в результате изменения предметов, имеющих определенное значение в жизни человека», а также показал, что в составе фразеологических словосочетаний часто встречаются слова, связанные с наименованиями частей тела человека (язык, рот, сердце, нога, рука, лицо, голова, нос, ухо, легкие и др.) [3]. В «Кратком фразеологическом словаре каракалпакского языка» Ж. Ешбаева имеется множество фразеологизмов, несущих соматическое значе-

ние [5]. Соматические фразеологизмы приведены в предназначенном для учащихся школ русско-каракалпакском фразеологическом словаре, подготовленном Т. Джумамуратовым [4].

А. Исаевым защищена кандидатская диссертация по изучению соматических фразеологизмов в узбекском языке [6]. Автор исследования выявил тесную связь парных фразеологических словосочетаний с различными изменениями в окружающем нас мире, а также тот факт, что фразеологизмы не образуются от любых слов, а возникают лишь вокруг слов, связанных с частями тела человека, животными, флорой и фауной.

Г. Айназарова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Отдельные смысловые типы фразеологизмов каракалпакского языка или грамматические отличия парных фразеологизмов». В исследовании анализируется деление парных фразеологизмов на группы в семантическом аспекте в зависимости от их использования в языке [2].

В статье Ш. Абдиназимова «Фразеологическое новаторство Бердаха» в творчестве поэта наряду с искусным использованием устойчивых словосочетаний анализируются отдельные стилистические особенности фразеологизмов [1].

В каракалпакском языке имеется большое количество фразеологизмов, связанных с частями тела человека (соматизмы). Например: *көзине шөп салыў* ('изменять', досл. 'попасть в глаз соринкой'), *көзи жетиў* ('убедиться', 'удостовериться' досл. 'достать глазами'), *тил алгыш* ('послушный, сговорчивый', досл. 'берущий язык'), *тил тийгизиў* ('обругать', 'оскорбить', досл. 'задеть языком'), *тили шыгыў* ('говорить', досл. 'язык появился'), *тисинен шыгармаў* ('держат язык за зубами', досл. 'зажать зубами'), *тис қаққан*

(‘собаку съел’, ‘стреляный воробей’ досл. ‘стучать о зубы’), *аузы ашылыу* (‘ротозей’, досл. ‘открытый рот’), *аузына қум қуйу* (‘набрать в рот воды’, досл. ‘насыпать песка в рот’), *аузынан түскендей* (‘вылитый’, досл. ‘как выпавший изо рта’), *мурнынан жип өткерип алыу* (‘обуздать’, досл. ‘привести веревку через носовые хрящи’), *мойнына миниу* (‘садиться на шею’), *басына көтериу* (‘носить на руках’, досл. ‘поднять до головы’) и др.

Мы рассматриваем использование фразеологизмов, связанных с различными частями тела человека, в произведениях талантливого каракалпакского поэта И. Юсупова. Напр.: *Истиң көзин билип* (досл. ‘зная дела глаз’) *күн етсе талап, Дәуран атын минер жалларын тарап (Көринер болың. Будьте заметными)*; (‘Тот, кто знает свое дело, век в радости проживет’); *Ел ишинде сырын журттан жасырып, Жалынарман аяғыңа бас урып* (досл. ‘припадая головой к ногам’) (*Жанан көринбес. Моей милой не видать*); (‘Имея тайну в стороне родной, с мольбою обращаюсь’); *Исим оңлап, сен түсирдиң сәтине, Жел болып тиймедің базда бетиме* (досл. ‘не задев лица’). (*Өмир, саған ашықпан. В тебя влюблен я, жизнь*) (‘Удачно все сложила ты в судьбе моей, Не принес мне беспокойства’) [8; 10].

Фразеологизмы, приведенные в примерах, образованы на основе слов «глаз», «голова», «нога», «лицо». Фразеологизм из первого примера *истиң көзин билип* несет смысловую нагрузку ‘уметь’, ‘мочь исполнить’. Во втором примере фразеологизм *аяғына бас урыу* имеет значение ‘обращаться с просьбой’, ‘просительность’. В последнем примере фразеологизм *бетине жел болып түспеу, бетин жел қақпау* искусно изменен поэтом и приспособлен для стихотворных строк.

Фразеологизмы, связанные с частями тела человека, в произведениях И. Юсупова имеют различные смыслы. Исходя из собранных материалов, автор статьи счел возможным разделить фразеологизмы на группы по семантическому значению.

Учитывая различную смысловую нагрузку, которую несут в себе фразеологизмы, связанные с действиями человека, предложены следующие группы.

Фразеологизмы, выражающие гордость, спесь, зазнайство.

Фразеологизмы, выражающие подобное значение, весьма продуктивно использованы в произведениях И. Юсупова. Например, *Егер тилиң менен орақ ораң да* (досл. ‘языком косить словно серпом’); *Енди дәртке аспас билимсиз*

ақыл (Компьютер заманының мугаллимлерине. Учителям компьютерного века) (‘Даже если говоришь с три короба, проку нынче нет от ума без знаний’); *Ағасына арқа сүйен* (досл. ‘опираться спиной’) *өскенлер, Оңша мисе тутпай қарады саған (Қайта құрыудың балларына. Детям перестройки)*; (‘Кто привык полагаться на другого, со снисхождением смотрит на тебя’); *Жұлдыз излеп айқасынан, Май басыпты көзимизди* (досл. ‘глаза застило жиром’) (*Бул жер еле зор болады. Эта земля еще зацветет*) (‘В поисках недосягаемого, Задрала носы’); *Бул не көргенсизлик, тоба! Хәр мурнында батпан самал* (досл. ‘в каждой ноздре по батману ветра’) (*Ауыл, ауыл. Село, село*) (‘Что за неучтивость, что за заносчивость такая!’); *Мурны аспанда* (досл. ‘носом кверху’), *кеули айларда болды, Дәуири шым-шытырық болған шөгирме (Шөгирме¹)*. (‘Тебя носили и гордые, и высокомерные, перевидал немало, на своем веку ты, шогирме’) [8; 10; 11].

При анализе примеров мы видим, что если расхождение слова и дела переданы фразеологизмом *тили менен орақ орыу*, то зазнайство, спесь выражены в фразеологизмах *арқа сүйеу, көзин май басыу, хәр мурнында батпан самал*. Для придания остроты фразеологизму *мурнына самал ениу*, в его состав внедрены слова *хәр* и *батпан*. Особенно ярко мастерство поэта, своеобразие его стиля проявились в последнем примере.

Фразеологизмы, связанные с психологическими состояниями.

В произведениях И. Юсупова широко использованы фразеологизмы, выражающие психологические состояния. Например: *Мурын көрмегенге мурын таң болып* (досл. ‘нос был удивлен’), *Иши күйгенлердиң бауыры қан болып* (досл. ‘печень налилась кровью’). (*Дос хәзили. Дружеская шутка*) (‘Дивился нос тому, что не видали раньше носа, От злобы задыхались выйдя из себя’); *Өттің талай телтек дирилдеспеден, Басыңа көп гауға түскен* (досл. ‘много испытаний выпало на голову твою’) *шөгирме* (Шөгирме — «традиционный каракалпакский мужской головной убор»). (‘Прошел ты через разные испытания, пережил немало передряг, шөгирме’); *Мириүбеттиң нурын қуйып жанларға, Жүрек шәуқилдесип* (досл. ‘сердце переполнено радостью’), *қууантып елди (Беглиғиңди бузба сен. Не теряй достоинства)*. (‘Наполнив души светом милосердия, сердца переполняет, радуя страну’) [11].

¹ Шөгирме — традиционный мужской головной убор каракалпаков.

Если в приведенных примерах фразеологизм *баўыры қан болыў* выражает страдание, то в следующем примере путем изменения фразеологизма *басыңа ис түсиў* в форму *басыңа көп гаўға түскен* поэт показал высокую степень страдания. В третьем же примере с помощью устойчивого словосочетания *жүрек шәўкилдеў* переданы эмоции. Данный фразеологизм демонстрирует такие эмоциональные состояния, как радость, счастье.

В следующих примерах соматические фразеологизмы используются поэтом для передачи состояния страха. Например, *Хәр адым атқанда дize қалтырап, Жүрекке ас батпас* (досл. ‘дрожь в коленях’, ‘сердце тревожиться’), *уйқымыз жайсыз* («Плаха» *излеп В поисках плахи...*) (‘Шаг каждый отдается дрожью, потерян сон, а пища в горло не идет’); *Аяғымды таслар жаралап, Хәўлиредди жүрегим* (досл. ‘волнуется сердце’) *хам де.* (Александр Блокты оқығанда. Читая Александра Блока) (‘Изранены камнями ноги, и сердце трепещет в груди’); *Жүрегим даўамас енди* (досл. ‘сердце не смеет теперь’) *көрмеге, Мәканлап алыпсаң өзиң, байыўлы* (Байыўлыға. Сове) (‘Сердце бьется в страхе, страшно посмотреть, Поселилась здесь ты, сова’) [8].

В данных примерах фразеологизмы *жүрекке ас батпас, дize қалтырап, жүреги хәўлиреў, жүреги даўамас* служат для передачи состояния «страха», «испуга». Здесь особенно ярко продемонстрировано мастерство поэта в использовании богатства народного языка.

Фразеологизмы, выражающие качества: «уважение», «почитание».

В стихах поэта немало соматических фразеологизмов с вышеназванным смыслом. Например, *Арыў хаял қарсысында, Дize бүгип, басын ийген* (досл. ‘преклонив колени, склонив голову’). (Тилек. Пожелание) (‘При виде женщины красивой, голову склонив, кланялись в ноги’); *Адамшылық арга толы жүреги, Ана хұрметине бас ийер* (досл. ‘в знак уважения голову склонив’) *олар.* (Жынысымды жырайман. Славлю род) (‘С сердцем полного достоинства, Пред матерью голову склонив’); *Жәхәнگیر шаҳлар да, отыралмай тахта, Алдында диз шөгип* (досл. ‘пред ними преклонив колени’), *қазнасын шашқан* (Ким бар, бизиң жақтың хаялларындай?. *Есть ли подобные женищинам нашим?*) (‘Всемогущие властители, не усидев на троне, Опустившись пред тобой на колени, рассыпали богатства свои’) [11].

Из приведенных примеров мы видим виртуозное использование поэтом фразеологизмов,

образованных соматизмами. Особенно ярко мастерство поэта проявилось в использовании двух фразеологизмов в одной строке. В целом все приведенные выше фразеологизмы выражают такое качество человека, как «уважение».

Фразеологизмы, выражающие действие.

Поэт в своих произведениях использовал соматические фразеологизмы, выражающие различные состояния и действия, связанные с повседневной жизнью:

*Қосық — теңиз, болсам балық
Ис буйырса сиздей халық,
Аяғымды қолға алып,
Басым менен жумалайман.*

Песнь — море, я же рыба в нем.
Коль мне народ поручит,
Я брошусь исполнять,
Беспрекословно.

(Сен дегенде...) [Говоря о тебе] [10].

В приведенных выше примерах слова «нога», «рука», «голова», благодаря тому, что переданы в словосочетаниях *аяғын қолға алыў, басы менен жумалаў*, выражают готовность человека служить своему народу.

Фразеологизмы, выражающие характер, внешний и внутренний мир героя.

В произведениях поэта в большом количестве встречаются соматические фразеологизмы, выражающие черты характера человека, его внешний вид, внутренний мир, обрисовывающие его портрет. Например, *«Биймезгил қонақ па» деп шығып көрсем, Биреў тур туўған айдай беси күнги* (досл. ‘месяц новорожденный’). (Кешки жол ойлары. Вечерние думы) (‘Думал гость непрощенный’ — вышел посмотреть, там стоит, красавица, словно месяц новорожденный’); *Қолы ашық* (досл. ‘открытые руки’) — *жазық болың, Мийман менен маўасалы.* (Еки жасқа бир нәсият. Двум молодым один совет) (‘Будьте щедрыми, гостеприимными, с открытой широкой душой’); *Кимлер жас қайтса да ақылы толған, Кимселер зуўқылдап тил-жазы қалған* (досл. ‘остался язык’). (Болмаса. Иначе) (‘Кто-то смолodu полон мудрости, кто-то лишь горазд языком трепать’); *Бар билгени аўзында* (досл. ‘все, что знает — на языке’), *Саўдырақ қарақалпағым* (Беглиғиңди бузба сен. Не теряй достоинства) (‘Все наружу у него, С открытой душой, каракалпак’); *Тас баўыр* (досл. ‘железная печень’) *биреўлер жаңа бул жерде, Биреўди аямай тас пенен урды...* (Тәжирийбе тамшылары. Капли

знания). (‘Недавно на месте этом люди злые, били камнями кого-то жестоко’) [10; 11].

Если в первом примере красоту девушки поэт выражает, уподобляя ее луне, то во втором примере с помощью фразеологизма *қолы ашық*, передает доброту, щедрость. В третьем примере фразеологизм *тил жағы қалыу* передает такие качества человека, как склонность к «пустой болтовне», «пустым обещаниям», «неуместным разговорам». В последнем примере благодаря фразеологизму *бар билгени аўзында*, переданы такие черты характера, как наивность, чистосердечие, а фразеологизмом *тас баўыр* поэт стремился показать жестокость, злость человека.

Фразеологизмы, иллюстрирующие народные традиции.

В строках поэта мы встречаем также фразеологизмы такого рода. Например: *Тандыр жапқан жеңгейлерден бар мирэт, Рухсат жоқ аўыз тиймей* (досл. ‘коснуться ртом’) *өтиўге*. (*Күн шығыс жолаушысына. Восточному путнику*) (‘Приглашение имеется от снох, пекущих хлеб, не дадим пройти мимо, не испробовав хлеб-соль’); *Улы қонса уясына, қызы қонса қыясына* (досл. ‘расположиться’), *Ата менен анасына, қатнасықлы жол ашады (Еки жасқа бир нәсият)* (‘Когда сын и дочь обретут свое счастье, Родителям откроется путь для общения’); *Сизлерден диз шөгип* (досл. ‘преклонив колени’) *өтинемен мен, Аўыз бирлик, татыўлықты сақлаўды* (Президент) (‘Преклонив колени пред вами, я прошу, Берегите дружбу и единство’); *Той, лазымға ат шаптырған, Фарға тамыр туўысқанлық* (досл. ‘родство словно вороньи вены’), *Бир қазанда ас демлеткен, Баўыр басқан* (досл. ‘прикипеть печени’) *туўысқанлық. (Туўысқанлық. Родство)* (‘Вы гонцов на свадьбу отправляли, Мои родные корня одного, И пищу с одного котла делили, Мои родные, близкими мой’); *Егер сен аспанды турсаң да тиреп, Аттан*

түсип, сәлем бермегиң керек. Сонда гаррылар қайтадан туўғандай, Қуўанар белине белбаў буўғандай (досл. ‘словно поясом повязавшись’). (*Фаррылар. Старики*) (‘Юнец сойдет с коня, Поклон седому старику отвесит, и так мужчиной станет он, а не мальчишкой — повесой’ (Перевод Р. Казаковой)); *Қой, жылаўық болмаң... Шай қойың, қәне... Ким ата-анасын байлап жүр белге* (досл. ‘привязывать к поясу’)... (*Пазыйлет. Достоинство*) (‘Эй, не плачьте, вы ... Ставьте лучше чай... Не бывает в жизни без потерь’) [8; 9; 11].

Каждый из приведенных фразеологизмов отражает традиции каракалпакского народа. Всем известно, что фразеологизм *нан аўыз тийиу* означает не только готовность хозяев угостить гостя, но выражает мысль о том, что в доме всегда рады гостям. Данный фразеологизм является началом, основой, раскрывающей национальные черты нашего народа. В каждом из приведенных примеров использования фразеологизмов мы наблюдаем их особенность, экспрессивно-эмоциональное значение.

Таким образом, из вышеизложенного видим, что в произведениях И. Юсупова широко использованы фразеологизмы, связанные с частями тела человека. Они являются основным элементом в художественном изображении разнообразия народного языка, его лексико-семантического богатства. Их использование в каракалпакском народном творчестве, произведениях классиков каракалпакской литературы отвечает эстетическим требованиям и вносит свой вклад в развитие художественного слова. Изучая язык произведений поэта, мы можем видеть отличие фразеологических словосочетаний от других лексических единиц, которые можно сравнивать со сливками языка, передающими своеобразие поэтического слова.

Список литературы

1. Джумамуратов, Т. Русско-каракалпакский фразеологический словарь для школьников / Т. Джумамуратов. — Нукус, 1985. — 204 с.
2. Исаев, А. Соматические фразеологизмы узбекского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Исаев. — Ташкент, 1977. — 24 с.
3. Юсупов, И. Стремлюсь всей душой. Стихи и поэмы / И. Юсупов. — Нукус, 1986. — 312 с.
4. Абдиназимов, Ш. Бердақтың фразеологиялық жаңашыллығы / Ш. Абдиназимов // «Әмиўдәрья» журналы. — 1998. — № 1–2. — С. 108–109.
5. Айназарова, Г. Қарақалпақ тилинде теңлес еки компонентли фразеологизмлердиң лексика — семантикалық хәм стильлик өзгешеликлери / Г. Айназарова. — Нөкис, 2015. — 72 б.

6. Бердимуратов, Е. Хэзирги каракалпак тили. Лексикология / Е. Бердимуратов. — Нөкис, 1994. — 188 б.
7. Ешбаев, Ж. Каракалпак тилиниң қысқаша фразеологиялық сөзлиги / Ж. Ешбаев. — Нөкис, 1985. — 160 б.
8. Йўлдошев, Б. Фразеологик услубият асослари / Б. Йўлдошев. — Самарқанд, 1999. — 200 б.
9. Юсупов, И. Дəўир самаллары (қосықлар хэм поэма) / И. Юсупов. — Нөкис, 1982. — 129 б.
10. Юсупов, И. Кеўилдеги кең дўнья (қосықлар) / И. Юсупов. — Нөкис, 1989. — 175 б.
11. Юсупов, И. Беглигинди бузба сен (қосықлар) / И. Юсупов. — Нөкис, 1995. — 94 б.

Сведения об авторе

Алламбергенова Гулжахан Айтбаевна — докторант базовой докторантуры, Каракалпакский государственный университет им. Бердаха. Нукус, Узбекистан. sapphire71@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 4 (414). *Philology Sciences. Iss. 112. Pp. 15—19.*

STYLISTIC USE OF THE SOMATIC PHRASEOLOGISMS IN THE POETRY OF I. YUSUPOV

G. A. Allambergenova

Karakalpak State University, Nukus, Uzbekistan. sapphire71@mail.ru

Phraseological phrases are used to establish a connection in a sentence, as well as to sharpen the thought in works of art. Studying them in the semantic-stylistic aspect promotes the disclosure of their contextual semantic facets. In this paper, the use of phraseologisms associated with various parts of the human body in the works of the talented Karakalpak poet I. Yusupov is considered.

Keywords: *Karakalpak language, poetry of I. Yusupov, phraseology, somatisms, stylistics of phraseologisms.*

References

1. Dzhumamuratov T. *Russko-karakalpakskiy frazeologicheskiy slovar dlya shkol'nikov* [Russian-Karakalpak phraseological dictionary for schoolchildren]. Nukus, 1985. 204 p. (In Russ.).
2. Isayev A. *Somaticheskiye frazeologizmy uzbekskogo yazyka* [Somatic phraseological units of the Uzbek language]. Tashkent, 1977. (In Russ.).
3. Yusupov I. *Stremlyus vsey dushoy. Stikhi i poemy* [I strive with all my heart. Verses and poems]. Nukus, 1986. 312 p. (In Russ.).
4. Abdinazimov Sh. Berdaqtny frazeologiyalyq zhanashlylygy [Phraseological innovation of Berdakh]. «Amudarya» zhurnaly [Journal «Amudarya»], 1998, no. 1–2, pp. 108–109. (In Karakalpak).
5. Aynazarova G. *Qaraqalpaq tilinde tenles yeki komponentli frazeologizmlerдин leksika — semantikalig ham stil'lik ozghelikleri* [Lexico-semantic and stylistic features of two-component phraseological units in the Karakalpak language]. Nokis, 2015. 72 p. (In Karakalpak).
6. Berdimuratov E. *Hazirgi qaraqalpaq tili. Leksikologiya* [Present Karakalpak language. Lexicology]. Nokis, 1994. 188 p. (In Karakalpak).
7. Eshbayev Zh. *Qaraqalpaq tilinin qysqasha frazeologiyalyq sozligi* [A short dictionary of phraseological units of the Karakalpak language]. Nokis, 1985. 160 p. (In Karakalpak).
8. Yuldoshev B. *Frazeologik uslubiyat asoslari* [Basics of phraseological syllables]. Samarqand, 1999. 200 p. (In Uzbek).
9. Yusupov I. *Dayir samallari (qosiqлар ham poema)* [Winds of the Era (songs and poems)]. Nokis, 1982. 129 p. (In Karakalpak).
10. Yusupov I. *Keyildegi ken dynia (Qosyqlar)* [In the heart of the whole world (songs)]. Nokis, 1989. 175 p. (In Karakalpak).
11. Yusupov I. *Begligindi buzba sen (Qosyqlar)* [Do not rush your power (songs)]. Nokis, 1995. 94 p. (In Karakalpak).

УДК 81-139; 811.161; 070.19
ББК 80

ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ КАК СТРУКТУРАНТЫ КОНЦЕПТОСФЕРЫ «ДУХОВНОСТЬ»: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАЧЕСТВЕННОЙ И МАССОВОЙ ПЕРИОДИКИ

В. В. Антропова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 16-18-02032

Современные СМИ, функционирующие в многовекторном поле медиакультуры и поддерживающие таким образом принцип мультикультурализма, продуцируют и репродуцируют определенные ценностные смыслы. Используя методологические наработки лингвокультурной концептологии, автор рассматривает интенциональные концепты как часть обширной ментальной области «духовность», реализующиеся в дискурсе качественных и массовых печатных изданий, и описывает содержательную специфику дискурсивных моделей исследуемых концептуальных полей.

Ключевые слова: *аксиология журналистики, духовность, дискурс, лингвокультурный концепт, качественные СМИ, массовые издания.*

Полимодалный дискурс массмедиа как феномен современной культуры предлагает сегодня множество вариантов ценностной идентификации личности, интегрированной в медиареальность. Аксиологическая доминанта социогуманитарных изысканий обозначила передовые позиции различных ценностно-ориентированных парадигм, в том числе аксиологии журналистики (В. А. Сидоров, И. В. Ерофеева, К. Р. Нигматуллина, С. С. Ильченко, Л. Г. Свитич и мн. др.), лингвокультурной концептологии (Ю. С. Степанов, В. И. Карасик, С. Г. Воркачев, Г. Г. Слышкин, Н. Ф. Алефиренко, Г. В. Токарев и мн. др.), а в философско-культурологических штудиях необычайно активизировалась проблема духовности — «ценности высшего ранга, аккумулирующей в себе все “царство ценностей” Вселенной» [5. С. 30]. Понимая духовность как светский ментальный конструкт, «первосущность ментальности» [1. С. 24], мы, следуя за специалистами, посчитали ее аутентичным основанием выстраивания ценностной идентичности личности, которая, являясь по определению поликоммуникационной, «многофункциональной», «многомерной», легко мигрирует между многочисленными инфопотоками и процесс ценностной идентификации которой затруднен еще и в связи с расширением и усложнением коммуникативного пространства.

Соотносимым с данными исследовательскими задачами является методологический инстру-

ментарий лингвокультурной концептологии — «концептосфера» и «концепт». Они организуются по полевому принципу, согласно которому «концептосфера» и «концепт» понимаются в самом общем приближении как инвентарь элементов, связанных между собой семантическими отношениями. Ядерно-периферийная организация концептуальных полей предполагает следующие моменты:

1) в составе поля выделяется центр, или ядро (смыслы, для которых характерна максимальная концентрация полеобразующих признаков), и периферия (смежные смыслы, составляющие зону с ослаблением интенсивности полеобразующих признаков). Центр консолидируется вокруг семантической доминанты;

2) центральные конститuentы наиболее специализированы для выполнения функций поля, выполняют наиболее однозначно функцию поля и обязательны для поля;

3) граница между центром и периферией является нечеткой, размытой;

4) конститuentы поля могут принадлежать центру одного поля и периферии другого поля и наоборот;

5) разные поля отчасти накладываются друг на друга, образуя зоны постепенных переходов.

Полагаясь на многочисленные философско-культурологические исследования по духовности, мы установили, что многоуровневое ментальное образование «духовность» целесообраз-

но рассматривать в трех аспектах: процессуальном, атрибутивном, модусном. Процессуальность духовности явствует из ее функциональности, деятельности; атрибутивное измерение подчеркивает аксиологичность содержания; модусный аспект описывает духовность через определенный способ ее проявления. Мы, согласно трем принятым векторам рассмотрения духовности, выделили три взаимосвязанных, взаимообусловленных группы околядерных концептов в пределах гиперконцепта «духовность»: интенциональные концепты («поиск», «стремление»), атрибутивные («добро», «совесть», «истина», «интеллект», «красота», «гармония»), модусные («свобода», «воля», «ответственность»).

Не умаляя значения каждой группы, все же отметим примарность интенциональных концептов, поскольку, во-первых, в основе любого действия человека лежит некая интенция (намерение), желание действовать в направлении обретения решения проблемы либо задачи, продиктованного некими установками, мотивами, внешними предписаниями либо личностными целями — это и придает смысл определенной деятельности; во-вторых, духовность в научной литературе описывается как базовое, интегративное качество, которое позволяет человеку координировать свою деятельность с представлениями о целесообразности, рациональности его поступков. Поэтому функциональная сторона духовности описывает ее как постоянный поиск чего-либо, стремление к чему-либо, служение чему-либо, ориентацию на что-либо, борьбу за что-либо. Духовная личность принципиально деятельностна, «функциональна». Результатом подобных интенций личности становится ее преобразование, становление, изменение. Поэтому в структуре гиперконцепта «духовность» считаем возможным выделение двух интенциональных концептов — «поиск» и «стремление». При этом стоит отметить их когнитивную несложность по сравнению с атрибутивными и модусными концептами: они лишь задают вектор движения личности, но не описывают в содержательном отношении саму деятельность и не раскрывают способы ее реализации.

Рассмотрим реализацию указанных концептов в контексте типологической модели российских печатных СМИ по уровню контента (качественные vs массовые издания). В качестве примера качественной прессы обратимся к еженедельному журналу «Русский репортер», массового издания — таблоиду «Комсомольская правда».

Итак, концепты «поиск» и «стремление» объективируются в 74 текстовых фрагментах качественной периодики и в 162 — массовой (нами был проанализирован весь массив текстов за 2016 г.). Дискурсивные концептуальные смыслы обоих концептов совпадают с узуальными (то есть восстановленными по словарям), и каких бы то ни было расхождений между узуальной и дискурсивной моделями нами не выявлено (в отличие от их аналогов в дискурсе элитарной периодики, соотносимой с высоким сегментом культуры). Это говорит о том, что оба типа изданий — качественные и массовые — в этом фрагменте концептуализации действительности транслируют «нормативную», общепризнанную всеми носителями языка картину мира типа. Более того, периферийные элементы в дискурсивных моделях обоих концептов не обнаружены, что свидетельствует об актуализации ядерных концептуальных признаков и невостребованности периферийных. Причина этого видится в том, что поиск и стремление сами по себе, в отрыве от аксиологической составляющей, являются достаточно простыми, чаще всего процедурными, оперативными и не обязательно духовными действиями. Плотность ядра и «индифферентность» периферии как когнитивные признаки демонстрируют ценностную направленность системы СМИ: массовые и качественные издания (в отличие от элитарных) транслируют «усредненные значения». Опишем центральные (ядерные) и околядерные смыслы узуальных моделей исследуемых концептов и рассмотрим их дискурсивную репрезентацию.

Узуальные модели

Концепт «поиск»:

– ценностные смыслы ядерной зоны: «поиск как целенаправленные действия», «действия ищущего»;

– элементы околядерной зоны: «поиск как состояние мобилизации сознания», «стремление добиться чего-либо, найти что-либо», «устремление к чему-либо новому, *попытка* найти новые пути, решения в науке, искусстве и т. п.», «разведывательная боевая операция», «разведывательные работы по отысканию новых месторождений полезных ископаемых, по определению местонахождения объектов промысловой добычи».

Концепт «стремление»:

– центральные элементы: «настойчивое желание добиться чего-либо, осуществить что-либо», «устремленность к чему-либо»;

– околядерные признаки: «порыв», «устремленность, протекающая с большой напряженностью, силой», «устремленность, отличающаяся быстротой развития», «напряженность, энергичность сознания, действия» [8; 11; 12].

Дискурсивная репрезентация

Если сравнивать реализацию представленных моделей в дискурсе качественных и массовых изданий, можно выявить определенные различия.

Вербализаторами концепта «поиск» в текстах качественного издания «Русский репортер» выступают лексемы *поиск*, *искать*, а концепта «стремление» — слова *стремиться*, *стремясь*, *устремленный*, *стремление*, *стремительный*, *стремительно*, *устремиться*, *целеустремленность*, *целеустремленно*, *целеустремленный*.

Перечислим наиболее частотные типы реалити, которые становятся объектами интенциональных устремлений личности:

1) идеальные, духовно-нематериальные начала, связанные с интеллектуальной, этической, эстетической, витально-экзистенциальной сферами: *искать аргументы*; *искать мистический смысл*; *искать стимулы*; *искать материал*, форму, новый жанр; *искать в простоте*; *искать нечто большее*; *искать компромисс внутри себя*; художники, *стремившиеся выразить судьбоносные процессы*; *стремлюсь достичь совершенства*; желание жить в мире и *стремление к равенству*; *стремиться к призрачному счастью*; человеком, страстно *стремящимся к любви*, к тотальному пробуждению жизни; человек *стремится быть выше себя*. При этом одна треть таких реалити называет новейшие достижения естественных наук: *искать гравитационные волны*; *поиски метана*; *поиски жизни вне Земли*; *искать лед в приповерхностном слое Марса*; вредность эфира *стремится к нулю* (32 контекста);

2) материальные начала действительности, связанные с решением повседневно-бытовых, утилитарно-прагматических задач: *искать на рынке компании*; *искать информацию о должнике*; *поиск контактов*; *искать работу*; *искать партнерство*; *искать альтернативу Египту и Турции*; *искать деньги*; *искать информацию о курорте*; *стремиться к лучшей жизни*; *стремиться к тому, чтобы рекламируемые образы надежно отпечатались в нашей памяти*; *стремление к эффективной работе*; *стремятся максимально удерживать свое кресло*; *устремились на место событий*; она *стремится к золоту* (то есть к золотой медали) (26 текстовых фрагментов);

3) люди, связанные профессионально-творческими, родственными, социально-профессиональными или иными отношениями: *поиски актеров*; *искать сына*; *искать ребенка*; *искать неизвестного*; *искать волонтеров*; *искать врагов народа* (16 контекстов).

В массовом издании «Комсомольская правда» репрезентантами концепта «поиск» выступают слова *поиск*, *искать*, *разыскивать*, *розыски*, *разыскиваемый*, концепта «стремление» — *стремление*, *стремиться*, *устремленный*, *целеустремленный* (меньше, чем в качественном).

Ранжирование объектов интенциональных устремлений выглядит совершенно по-иному:

1) люди, характеризующиеся с точки зрения различных социальных отношений: уголовно-преступных и уголовно-правовых (абсолютное большинство примеров), социально-экономических и социально-финансовых, родственных, профессионально-творческих, коммунально-хозяйственных: *искал киллера в Интернете*; *искать исполнителя убийства*; *поиск свидетелей кровавой драмы*; челябинская полиция *ищет маршрутичика*, из-за которого пассажирка разбила голову; полиция Липецка *ищет* искалечивших котенка; полиция *ищет* подростка из Миасса, ушедшего из дома почти две недели назад; полиция Челябинска *ищет* пострадавших от рук серийного «охотника за золотом»; полиция снова *ищет* эксгибициониста, пугающего детей в Челябинске; уголовный розыск *ищет* южноуральца, склонного нападать на женщин; полиция более полугода *ищет* лихача, который насмерть сбил южноуральца; пожилого мужчину *ищет* полиция и волонтеры в Новосибирске; *разыскиваемый* был одет в белую рубашку без рукавов, светлые брюки и светлые туфли; полиция *ищет* возможных жертв подозреваемых; полицейские *разыскали* покупателя, забрали краденое и вернули владельцу; полиция *ищет* жертв задержанного в Челябинске вора; *разыскивать* живодерок; полиция *ищет* людей, причастных к распространению фотографий в Интернете; полиция *разыскивает* педофила; полиция *разыскивает* южноуральца, который выкрал свою дочь у бывшей жены; следственный комитет *разыскивает* организаторов отдыха детей в Карелии; правоохранители Волгограда *разыскивают* преступника, который напал на 23-летнюю девушку; полиция *разыскивает* мать-«кукушку»; полиция *разыскивает* уральского стрелка, расстрелявшего восемь человек;

полиция **ищет** коллекторов; **розыски** наркоманки; **поиск** пропавшей пенсионерки; полиция Турции **разыскивает** сбежавшего из аэропорта третьего смертника; **поиск** боевиков и их пособников; **поиск** новых инвесторов, **искать** покупателя; **искать** новых хозяев; **искать** других владельцев; **искать** родственников; **искать** пропавшего сына; **искать** внучку-наследницу; **искать** родных; Сергей Лазарев **ищет** звезду для дуэта; Плужников и Фотий наслаждаются славой, а «Голос» уже **ищет** новых звезд; **поиск** талантов; **искать** единомышленников и помощников; мэрия опять **ищет** дополнительные машины для уборки снега в Челябинске; **поиск** пропавших туристов и др. (120 контекстов);

2) реалии материального мира, связанные с оперативным решением насущных социальных, финансовых и иных задач: **искать** работу; **поиск** работы; **поиск** жилья; **искать** деньги; **поиск** и внедрение альтернативных производств; **поиск** нового действенного оружия против золотистого стафилококка; **поиск** и создание лекарств-антибиотиков; **стремление** достичь высот в большом теннисе; **стремятся** дикто-

вать тариф, **стремление** к «черному переделу» (37 контекстов);

3) геополитические концепты, отражающие международные и внутригосударственные политические отношения: *Запад ищет перемирия; Россия стремится к лучшему решению* (3 контекста);

4) нематериальные начала: *постоянное стремление к новаторству, стремление к победе* (2 контекста).

Таким образом, в дискурсе качественных изданий интенциональные концепты одновременно идеоцентричны и антропоцентричны, можно утверждать их двойственность: для такого типа изданий важен поиск важнейших жизненных закономерностей, объясняющих действительность, однако не менее значимым оказывается и поиск материальных законов существования «обычного», среднестатистического человека. Дискурсивные практики массовых изданий свидетельствуют об исключительной антропоцентричности интенциональных концептов, в их структуре четко прослеживается утилитарно-прагматическая семантика.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурная природа ментальности / Н. Ф. Алефиренко // Язык. Словесность. Культура. — 2011. — № 1. — С. 23–43.
2. Воркачев, С. Г. «Куда ж нам плыть?» — лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития / С. Г. Воркачев // Язык, коммуникация и социальная среда. — 2010. — Вып. 8. — С. 5–27. — URL: <http://philology.ru/linguistics2/vorkachev-10a.htm>.
3. Воркачев, С. Г. Лингвокультурная концептология и ее терминсистема (продолжение дискуссии) / С. Г. Воркачев // Полит. лингвистика. — 2014. — № 3. — С. 12–20.
4. Ерофеева, И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре (репрезентация ценностей в журналистике начала XXI в.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И. В. Ерофеева. — СПб., 2010. — 53 с.
5. Канапацкий, А. Я. Онтологическая истинность духовности : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / А. Я. Канапацкий. — Уфа, 2004. — 45 с.
6. Карасик, В. И. Концепт как единица лингвокультурного кода / В. И. Карасик // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. — 2009. — № 10. — С. 4–11.
7. Карасик, В. И. Базовые характеристики лингвокультурных концептов / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Антология концептов. — М., 2007. — С. 12–13.
8. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М., 1995. — 928 с.
9. Сидоров, В. А. Аксиология журналистики и ценностный анализ медиасферы: парадигма и методы изучения / В. А. Сидоров // Вестн. Львов. ун-та. Сер. «Журналистика». — 2012. — Вып. 34. — С. 47–65.
10. Сидоров, В. А. Аксиология журналистики: опыт становления новой дисциплины / В. А. Сидоров, С. С. Ильченко, К. Р. Нигматуллина. — СПб., 2009. — 174 с.
11. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — М., 1981–1984.
12. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб., 2002. — 960 с.
13. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — М., 2001. — 990 с.
14. Токарев, Г. В. Лингвокультурологическая теория концепта / Г. В. Токарев // Гуманитар. ведомости Тул. гос. пед. ун-та. — 2013. — № 4. — С. 178–182.

Сведения об авторе

Антропова Вера Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. ava45@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 4 (414). *Philology Sciences. Iss. 112. Pp. 20—25.*

INTENSITIVE CONCEPTS AS STRUCTURES OF THE CONCEPTUAL SPHERE “SPIRITUALITY”: COMPARATIVE ANALYSIS OF THE QUALITATIVE AND MASS PERIODICS

V. V. Antropova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, ava45@yandex.ru

Modern media, functioning in the multi-vector field of media culture and thus supporting the principle of multiculturalism, produce and reproduce certain value meanings. Using the methodological experience of linguocultural conceptology, the author considers intentional concepts as part of the vast mental field of “spirituality”, realized in the discourse of quality and mass prints, and describes the content specificity of the discursive models of the conceptual fields under study.

Keywords: *axiology of journalism, spirituality, discourse, linguocultural concept, high-quality mass media, mass editions.*

References

1. Alefirenko N.F. Lingvokul'turnaja priroda mental'nosti [Linguistic and cultural nature of mentality]. *Jazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [Language. Literature. Culture], 2011, no. 1, pp. 23–43. (In Russ.).
2. Vorkachev S.G. «Kuda zh nam plyt'?» — lingvokul'turnaja konceptologija: sovremennoe sostojanie, problemy, vektor razvitija [«Where are we to go?» — linguistic-cultural conceptology: current state, problems and vector of development]. *Jazyk, kommunikacija i social'naja sreda* [Language, communication and social environment], 2010, iss. 8, pp. 5–27. Available at: http://vestnik.udsu.ru/2013/2013-022/vuu_13_022_38.pdf, accessed 13.01.2018. (In Russ.).
3. Vorkachev S.G. Lingvokul'turnaja konceptologija i ee terminosistema (prodolzhenie diskussii) [Linguocultural conceptology and its terminological (continued discussions)]. *Politicheskaja lingvistika* [Political linguistics], 2014, no. 3, pp. 12–20. (In Russ.).
4. Erofeeva I.V. *Aksiologija mediateksta v rossijskoj kul'ture (reprezentacija cennostej v zhurnalistike nachala XXI v.)* [Axiology of media texts in Russian culture (representation of values in journalism and the beginning of XX century)]. St. Petersburg, 2010. (In Russ.).
5. Kanapakci A.Ja. *Ontologicheskaja istinnost' duhovnosti* [The ontological truth of spirituality]. Ufa, 2004. (In Russ.).
6. Karasik V.I. Koncept kak edinica lingvokul'turnogo koda [Concept as a unit of linguocultural code]. *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Proceedings of Volgograd state pedagogical University], 2009, no. 10, pp. 4–11. (In Russ.).
7. Karasik V.I., Slyshkin G.G. Bazovye harakteristiki lingvokul'turnyh konceptov [The basic characteristics of linguocultural concepts]. *Antologija konceptov* [Anthology of concepts]. Moscow, 2007. Pp. 12–13. (In Russ.).
8. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, 1995. (In Russ.).
9. Sidorov V.A. Aksiologija zhurnalistiki i cennostnyj analiz mediasfery: paradigma i metody izuchenija [Axiology of journalism and value analysis media: paradigm and methods of study]. *Vestnik L'vovskogo universiteta. Serija «Zhurnalistika»* [Bulletin of Lviv University. A Series Of “Journalism”], 2012, iss. 34, pp. 47–65. (In Russ.).
10. Sidorov V.A., Il'chenko S.S., Nigmatullina K.R. *Aksiologija zhurnalistiki: opyt stanovlenija novoj discipliny* [Axiology of journalism: experience of establishing a new discipline]. St. Petersburg, 2009. (In Russ.).

11. Evgen'eva A.P. (ed.). *Slovar' russkogo jazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, 1981–1984.
12. Kuznecov S.A. (ed.). *Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Modern dictionary of Russian language]. St. Petersburg, 2002. (In Russ.).
13. Stepanov Ju.S. *Konstanty: slovar' russkoj kul'tury* [Constants: dictionary of Russian culture]. Moscow, 2001. (In Russ.).
14. Tokarev G.V. Lingvokul'turologičeskaja teorija koncepta [Linguistic and cultural theory of the concept]. *Gumanitarnye vedomosti Tul'skogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta* [Humanitarian Bulletin of Tula state pedagogical University], 2013, no. 4, pp. 178–182. (In Russ.).

УДК 81

ПУБЛИКАЦИИ Н. П. СЕМЕНТОВСКОГО В ГАЗЕТЕ «ОРЕНБУРГСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ» В ЖАНРОВО-ТЕМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Т. А. Барышникова

МАОУ «СОШ» № 50, Челябинск, Россия

Впервые предметом исследования становятся статьи одного из постоянных авторов «Оренбургских епархиальных ведомостей» — Н. П. Сементовского. Используя жанры слова, поучения, некролога, заметки, очерка, публицист писал о важных общественно-политических событиях в стране, местных происшествиях, быте и нравах жителей Оренбуржья, борьбе с раскольниками и сектантами, обвинениях в адрес церкви, требующих ответа от духовенства.

Ключевые слова: *Сементовский, епархиальные ведомости, «Оренбургские епархиальные ведомости», церковная публицистика, публицистический жанр, дореволюционная печать.*

«Оренбургские епархиальные ведомости» (далее — «ОЕВ»), издававшиеся в 1873–1916 гг., сегодня представляют значительный научный интерес, прежде всего, как источник документальных исторических и краеведческих материалов. Исследователей привлекает обилие ценных фактов в содержании статей на местные темы. Предпринимаются отдельные попытки изучения жанровой специфики печатного издания, его взаимодействия с органами власти и роли в формировании социокультурной среды на Южном Урале. Общая типовая программа, по которой создавались епархиальные ведомости в 1860–1870-е гг. сразу в нескольких регионах Российской империи, в том числе и в Оренбургской губернии, позволяет рассматривать официальный орган печати Оренбургской епархии в качестве примера такого типа издания в работах О. И. Лепилкиной, в трудах по истории журналистики В. А. Павлова, Е. В. Ахмадулина, В. Ф. Блохина. В отсутствие полноценного, комплексного изучения «ОЕВ» особую ценность представляет статья, написанная современником издания, активным его сотрудником, краеведом Н. М. Чернавским и опубликованная в 12-м томе «Трудов Оренбургской ученой архивной комиссии» в 1903 г. В ней содержатся сведения об истории создания ведомостей, о переменах в составе редакции, намечены определенные периоды в издании газеты, описаны внешние, экономические условия выпуска номеров, названы наиболее оригинальные авторы и выдающиеся статьи.

В настоящей работе рассматриваются опубликованные в неофициальной части «ОЕВ» статьи одного из постоянных авторов, Николая

Петровича Сементовского. Всего за время с 1880-го по 1909-й гг. были напечатаны 32 его публикации. При этом стоит отметить, что, несмотря на сложившееся восприятие епархиальных ведомостей как газеты, ими был использован «формат, оформление и характер материалов журнального издания» [1. С. 203]. Соответственно, под статьей в «ОЕВ» подразумевается объемная работа, занимающая 5–10 страниц и в некоторых случаях имеющая продолжение в нескольких номерах. Целью данного исследования является характеристика публицистики Н. П. Сементовского с точки зрения преобладания тех или иных жанровых форм, выявление актуальной проблематики в его статьях.

Фамилия Сементовских в нескольких поколениях была особым образом отмечена в деле просвещения населения Оренбургского края, начиная с отца семейства, Петра Ивановича, всю свою жизнь посвятившего труду пастыря, миссионера, свыше 30 лет прослужившего настоятелем Параскевинской церкви в Кундравинской станице Троицкого уезда. Священнический сан и должность благочинного 10-го округа накладывали на него не только обязательства по отpravлению церковной службы, но и предполагали много другой работы, связанной с распространением народного образования, созданием церковно-приходских школ, преподавательской деятельностью. За большие заслуги в разных должностях епархиального управления Петр Иванович Сементовский был удостоен множества наград и всеобщего признания, в том числе своих детей. Для них он был не только и не столько примером пастыря, сколько добро-

го, трудолюбивого и всесторонне развитого человека, который «старался не отставать от века, любил литературу и не жалел средств на покупку книг, оставил такую библиотеку, какую имеют не многие из пастырей церкви» [3. С. 781]. В 2016 г. обо всех членах семьи Сементовских, детях и внуках, талантливых ученых, музыкантах, проживавших и ныне живущих в разных городах России и за рубежом, был издан 1-й том «Путешествия к семейным истокам» Татьяны Вадимовны Кучеровой. Книга вышла в ограниченном количестве экземпляров в мастерской краеведа и издателя П. С. Правдина. Пока она доступна читателям библиотек г. Миасса и библиотеки 3-го корпуса Челябинского государственного университета, но может быть полезна всем, кто интересуется дореволюционным прошлым Южного Урала. В следующий том генеалогического исследования Т. В. Кучеровой, планируемый к изданию, войдут рассматриваемые здесь публикации Н. П. Сементовского в «ОЕВ».

Вслед за отцом Николай Петрович Сементовский получил духовное образование и в 1869 г. был рукоположен в сан священника Николаевской церкви Филимоновского поселка Троицкого уезда Оренбургской епархии, где началась его духовная карьера. С 1879-го по 1912-й гг. о. Николай служил в Петропавловском и Александро-Невском храмах Миасского завода, и это было время становления его как пастыря, законоучителя, миссионера, просветителя. Он принимал активное участие в открытии новых учебных заведений и сам преподавал в них, по его инициативе проводились благотворительные концерты, спектакли. Свидетельством его таланта как оратора, проповедника сегодня являются записи, сделанные в церковно-приходской летописи Петропавловского храма, о проводимых Н. П. Сементовским внебогослужебных чтениях, собиравших огромную аудиторию и производивших на нее большое впечатление [2]. Другим подтверждением его энергичной общественной жизни и активной гражданской позиции служат сохранившиеся публикации в «ОЕВ».

В неофициальной части издания, благодаря корреспонденциям из разных населенных пунктов Оренбургского края, формировалось историко-статистическое описание епархии и отдельных приходов, печатались статьи о развитии народного образования, открытии церковно-приходских школ, труды по изучению религиозного состава населения Оренбуржья и многое другое.

Однако, учитывая важность исторических событий на рубеже XIX–XX вв., следует признать и особую ценность публицистики, представленной на страницах епархиальных ведомостей. Не только светские, но и имеющие духовное звание авторы живо отзывались на актуальные социальные, философские и политические проблемы, являя в своих статьях яркие образцы красноречия, обращенного к современникам, попавшим под влияние различных идей переустройства общества.

Сознание большой личной ответственности за судьбу страны отличает автора русской церковной публицистики, чей образ «печальника Русской земли» сложился еще в памятниках ораторского искусства XI–XVII вв. Нравственные поучения, прославление современников, занимающихся просветительской работой, воспитание гражданских чувств и проповедь христианской любви — таким, по большей части неизменным, был набор реализуемых задач писателя, публициста, оратора и в средние века, и в рассматриваемую нами эпоху на рубеже XIX–XX столетий.

В русле этой культурной традиции сегодня, спустя сотню лет, нам видятся и публицистические опыты Николая Петровича Сементовского. Его сотрудничество с редакцией ведомостей началось в 1880 г., переломном для газеты. Предшествовал этому «глухой» период в ее издании, когда и официальный, и неофициальный отделы редактировались единолично кафедральным протоиереем С. И. Семеновым, проповеди которого и составляли неофициальную часть. Бессодержательность «ОЕВ» вызывала недовольство духовенства, и с начала 1880-х гг. под редакцией смотрителя духовного училища протоиерея Н. С. Сперанского (1881–1883) они стали более информативными [9]. Способствовало этому привлечение редактором к сотрудничеству преподавателей духовных учреждений и приглашение священников епархии к активному высказыванию своих суждений «о местных потребностях духовной паствы, по тем или иным вопросам пастырской практики, вызываемым местными условиями и обстоятельствами» [8. С. 162]. Одним из немногих, надо сказать, местных священников, принявших это приглашение, был Н. П. Сементовский.

Информационным поводом для его первого выступления в печати стал уход из жизни императрицы Марии Александровны. «Речь пред панихидою», подписанная свящ. Н. Сементовским,

написана в жанре слова, приуроченного к событию государственного значения. Панегирическая приподнятость текста, приличествующая случаю и свидетельствующая о безграничной преданности автора царской семье, выражается в частых восклицаниях, градации, анафоре и других приемах, с помощью которых автор пытается передать сложный комплекс чувств: «Не стало Царицы Русской! Не стало мудрой помощницы Царю нашему в управлении народным благодеянием! <...> Не стало нежнейшей матери благословеннейшего семейства Царствующего Дома!» [5. С. 469]. Патетический тон речи несколько сглаживается при упоминании о мирских заботах усопшей императрицы, ее помощи пострадавшим в Русско-турецкой войне, страхе за жизнь супруга, неоднократно подвергавшегося смертельной опасности на поле боя и нападению террористов, планам которых в конце концов было суждено сбыться, и царевичество стало поводом для еще одной «Речи» Н. П. Сементовского от 15-го марта 1881-го г. В этом слове, в отличие от предыдущего, вместо восклицаний — риторические вопросы, передающие «бунт сердца», «тревогу чувств» автора. Погибшего царя Александра II публицист окружает эпитетами «милосердный», «благотворец», «освободитель», «мученик», «праведник». Террористов называет «убийцами», «злодеями», «сынами погибельными», «людьми смуты», «безумцами», «предателями». Это противопоставление, понятное из контекста, отсылает нас к евангельской антитезе Христос — Иуда. Отталкиваясь от нее и опираясь на цитаты из Священного Писания, Н. Сементовский использует приемы учительного, дидактического красноречия. Ничего случайного, по мнению автора, не бывает, поэтому из национальной трагедии нужно всем извлечь урок и воспитывать в себе преданность монархии, укрепляться в вере.

Главной своей задачей как пастыря Н. П. Сементовский видел в том, чтобы учить, наставлять, поэтому и в публикациях в «ОЕВ» прослеживаются жанровые особенности поучений, ориентированных на простых людей с целью воспитать в них высокие моральные качества, идеалы гражданского служения [10]. Священник Н. Сементовский требует от своего читателя трудолюбия, скромности, отвращения от пьянства, от детей — заботы о родителях, от родителей — воспитания детей в вере. Разбирая недавно произошедшее событие — участие учащейся молодежи в подпольных агитациях, политико-социа-

листических пропагандах, автор приводит слова известной пословицы «ученье — свет, а неученье — тьма», но с оговоркой, что началом ученья должен быть «свет истинный, просвещающий всякого человека, грядущего в мир». Обращаясь к своему читателю, Сементовский старается писать просто, безыскусственно, вместе с тем рассчитывая на медленное, вдумчивое прочтение. Еще одной особенностью его поучений является определенная диалогичность. Задавая самому себе вопросы от лица «совопросников века сего, желающих знать», автор располагает к себе любого человека, малограмотного с точки зрения религии. С помощью такого приема «вопрос–ответ», по примеру катехизиса, он ориентируется в том, какую информацию и как представить читателю газетной публикации.

В ответ на потребность редакции в передаче «нравственного состояния паствы, по возможности в связи с бытовыми, экономическими и этнографическими условиями ее жизни» [8. С. 163] Н. П. Сементовский предоставил богатый местный материал в виде этнографического очерка «Свадебные обычаи по казачьим селениям Троицкого уезда» («ОЕВ», 1881, № 5–6). Большой интерес для фольклористов представляют приведенные в нем записи обрядовых песен, пословиц, сопровождающих жениха и невесту на каждом этапе их подготовки к свадьбе. Этот текст служит примером удачного сочетания большой исследовательской работы и увлекательного повествования. Весь ход подготовки к свадьбе и сама церемония описаны в мельчайших подробностях и так живо, что создается эффект присутствия автора во всем — не только в общей толпе гостей, но и в скрытых от посторонних глаз моментах личных переживаний будущих молодоженов. При этом Сементовский отмечал, что в Оренбургской губернии из сотни свадеб священнику едва ли придется побывать на одной. Автор очерка не только описывает свадебные обычаи, но и пытается восстановить их историю, объяснить, основываясь на народной мудрости. Вопросы материального благополучия, имеющие большое значение в создании казачьего брака, не вызывают осуждения священника. Ход мыслей родителей, ищущих для своих детей ровню по размерам кошелька родителей противоположной стороны, автору вполне понятен. Описывая и объясняя обряды языческого происхождения, он также не вступает в спор с вековыми традициями, не упрекает участников церемонии в их за-

блуждении. Публицист выдерживает стилистику текста: в данном случае он не наставник, не учитель для своей паствы, а бытописатель, с интересом обращающийся к каждой детали свадебного обряда.

Одной из злободневных тем в печати в конце XIX столетия было формировавшееся в обществе мнение об отсталости и безнравственности православного духовенства. Н. П. Сементовский предпринял попытку разобраться в причинах такого отношения, обратившись к особой жанровой разновидности очерка-воспоминания. В своих «Думах и воспоминаниях» он, стараясь быть максимально сдержанным и достоверным, рассказал об особенностях образовательного процесса в Уфимском епархиальном училище, который окончил более 10 лет назад. Несмотря на столь резкие обвинения в адрес духовенства, Сементовский отчасти с ними соглашается, потому что спустя годы видит недостатки и в воспитательном процессе, и в недостаточной компетентности преподавателей, многому виной была и леность самих семинаристов, а также то, что священство — это не профессия, а призвание, доступное немногим.

Объектом критического рассмотрения в епархиальных ведомостях были различные еретические учения, разрастающиеся в народной среде с невероятной скоростью на рубеже XIX–XX вв. Новой редакцией «ОЕВ» в 1881 г. было решено ввести в неофициальной части издания миссионерский отдел для описания быта и верований инородцев, изучения мер и средств для успешной миссионерской деятельности среди них, а также для разоблачения расколоучителей и сектантов в специальных «статьях полемического характера» [8. С. 161]. Центральный эпизод в таких статьях, как правило, представляет забавное происшествие, связанное с деятельностью раскольников и сектантов. Например, Н. П. Сементовский описывает случаи, когда прихожане православного храма, соблюдающие все церковные порядки, одновременно приглашают к себе для «отчитки» болезни старообрядческого священника, а необходимую всем прививку от оспы считают «печатью антихриста». В анекдотической ситуации оказывается православный священник, в дом которого врывается человек и объявляет, что его сын должен быть немедленно обвенчан и уже все ждут батюшку в церкви. На отказ священника, объясненный тем, что брак без предварительных формальностей невозможен, гость пригро-

зил, что в таком случае обратится за помощью к священнику из австрийской секты. В другом случае Сементовский приводит отрывок из своей беседы с одним из раскольников-старообрядцев, который, переписывая икону Божией матери «Утоли моя печали», намеренно изобразил пальцы Богородицы сложенными в виде двуперстия. А в качестве оправдания иконописец ответил, «что-де таких икон на Руси — тысячи и что сам Государь Император ими не гнушается и приносит подносимые старообрядцами иконы». Вместе со статьей Н. Сементовский сопроводил в редакцию «ОЕВ» и саму икону, вызывающую споры.

Практико-ориентированная функция являлась спецификой статей из отдела по борьбе с сектантством. Редакция ведомостей полагала, что православным священникам Оренбургской епархии мог быть полезен миссионерский опыт пастырей из соседних приходов. Задачей публициста было не столько изобличить и высмеять частные случаи, но на примере частного представить общую картину заблуждений, распространенных в народе. Н. П. Сементовский анализирует рукописную брошюру «Сон пресвятой Богородицы», распространенную среди населения губернии больше, чем Евангелие или молитвослов, и из большого количества вариантов выбирает для публикации пять списков («ОЕВ», 1881, № 22–23; 1882, № 1). Он объясняет популярность фольклорного текста тем, что Евангелие в народе считается принадлежностью исключительно храма, наравне с церковной утварью. «Сон», напротив, удобен в домашнем употреблении, поскольку пересказывает евангельский сюжет в двух-трех предложениях и доступным языком, а кроме того, содержит обещания благополучной жизни, в случае соблюдения основных заповедей и дальнейшего распространения данной брошюры.

Наблюдения Н. Сементовского за жизнью прихожан позволяют ему делать некоторые обобщения в очерках из своей миссионерской практики. Кроме ярко выраженной позиции автора, критической оценки и документальной достоверности, обязательным элементом в них являются апологические прения, «дискурс которых осуществляется в русле православной догматики» [7. С. 57]. Поводом для полемики становится также забавное событие, способное вызвать усмешку читателя. Так, например, Н. П. Сементовский пишет о том, что в Миасском заводе в среде раскольников, которые не признают святых после патриарха Никона, появился свой собственный святой

и чудотворец, исцеляющий болезни и «отчитывающий» всех — и своих, и православных, а в других приходах участились случаи поклонения мощам «святых», которые, как выяснилось позже, при жизни были мусульманами. Задачей автора полемической статьи служит убедительное, достоверное выступление. Аргументация Н. П. Сементовского очень точна, он приводит доказательства, опровергающие слухи и саму возможность чуда в среде лжеучений, использует цитаты из Священного Писания, Деяний, Посланий апостолов, агиографии, примеры из истории церкви, из собственной миссионерской практики. Круг чтения священника не ограничивается богословской литературой, в своих статьях он ссылается на современных философов, писателей Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, А. И. Герцена, А. П. Плетнева и многих других. Автор хорошо ориентируется в современном ему информационном мире, цитирует не только печатные издания на духовную тематику: «Церковный вестник», «Пастырский собеседник», «Миссионерское обозрение», «Вера и разум», старообрядческий журнал «Церковь», но и общественно-политические издания «Новое время», «Русь», «Новости дня», «Речь», «Современные известия», «Московские ведомости», «Гражданин», «Русский труд», «Неделя», «Голос», «Колокол», «Русская старина», «Русский архив», «Иллюстрированный мир», «Вестник трезвости», «Друг трезвости», местные газеты «Уральская жизнь», «Голос Приуралья» и др.

Статьи, проповеди Н. П. Сементовского против раскольников и сектантов, по собственному его признанию, вызывали бурю негодования в местной среде. О себе он написал с самоиронией: «Вообще один из протоиреев миасских давно стоит, с позволения сказать, поперек горла раскольника. С прибытием его в Миасс усилилась миссионерская проповедь, явились миссионерские беседы в церкви, вне ее и в печати» [4. С. 355]. В старообрядческом журнале «Церковь» Сементовский обнаружил клевету на свое имя и в связи с этим упомянул об уже имеющейся у него кабинетной коллекции «анонимных пасквилей, прокламаций и писем даже с угрозой смерти от социалистов, революционеров и раскольников за проповеди против врагов церкви, царя и отечества», а также вскользь сообщил о факте покушения на его жизнь [4].

Обращая особое внимание на этот факт, мы позволим себе сравнение просветительской работы

Н. П. Сементовского в Миасском заводе с издательско-журналистской деятельностью редактора газеты «Казак» П. Д. Захарова. Строгий обличительный характер статей, направленных в адрес жителей Миасского завода, тормозящих его развитие, препятствующих благоустройству поселения, вызывал неприятие нового органа печати у миасцев. П. Д. Захарову тоже приходилось отвечать на клевету, выслушивать угрозы, также на его жизнь было совершено покушение. Однако просветительская деятельность давала свои плоды, вокруг редакции формировалась своя культурная среда. Н. П. Сементовский тоже принимал участие в газете «Казак», присылая письма в редакцию. Одни письма касались актуальной темы перехода старообрядцев в православие, другие представляли собой полемику с ранее опубликованными письмами о важных для Миасского завода вопросах развития торговли.

Н. П. Сементовский уверенно демонстрирует свои знания во всех областях жизни, будь то нравы местных жителей, вопросы экономики, строительства, политики, откликается на злободневные вопросы современности и общественные потрясения в стране и регионе. Разбирая в «ОЕВ» случай самоубийства девушки в Миасском заводе, он обращается к авторитетным мнениям ученых-психотерапевтов. Сементовский высказывает свое отношение к очередной церковной реформе, восстанавливающей выборы благочинных: «Пора понять, что самые лучшие учреждения не внесут перемены в нашу жизнь, если люди останутся прежними, равнодушными, теплехладными». В подтверждение использует слова «современного оракула» Толстого о том, что действительный подъем может произойти только через религиозное и нравственное возрождение каждого: «Выборное начало не лекарство против болезни человечества» [6. С. 61]. Любопытно, что упоминание в официальном печатном органе епархии в 1907 г. имени Л. Н. Толстого было довольно неоднозначным, тем более цитирование, пусть и подходящее. Однако же о лояльном отношении Николая Петровича Сементовского к графу Толстому тоже говорить не приходится. Подтверждением тому служит публикация, которую отметил Н. М. Чернавский как одну из наиболее интересных в истории газеты. Статья «По поводу письма толстовца к харьковскому архиепископу» была написана в 1901 г., вскоре после опубликования постановления Святейшего синода о том, что Л. Н. Толстой больше не является

членом церкви. В ней Сементовский полемизирует с одним из учеников толстовства по поводу сомнительной популярности писателя, отвечает на обвинения против духовенства. Возмущение его вызывают не столько идеи писателя, сколько уверенность представителей «уродливого толстовства», что этим учением заражена вся Россия. Опровергает это примерами из газет о переполненных храмах и монастырях, о том, что в 1901 г. был «заметен прилив паломников интеллигентского класса», «прилив богомольцев».

Статьи Н. П. Сементовского в «ОЕВ» рассматриваются нами в русле религиозного мировоззрения автора как способствующие распространению и укреплению православия, подчи-

ненные практическим потребностям епархии, вместе с тем сохраняющие связь с общественно-политической и культурной жизнью страны. Разнообразие жанровых форм, актуальная тематика, документальная достоверность фактов, сложная система средств выразительности и обилие цитат в тексте свидетельствуют о таланте его как публициста. Дальнейшее изучение творчества Сементовского, а также других авторов неофициального отдела «ОЕВ» позволит в определенной степени расширить представление об этом органе печати и церковной публицистике в целом и, что очень важно, открыть новые имена и факты из истории дореволюционной печати на Южном Урале.

Список литературы

1. Лепилкина, О. И. Структурно-типологическая трансформация системы русской провинциальной прессы в XVIII — начале XX вв. : дис. ... д-ра филол. наук / О. И. Лепилкина. — Ставрополь, 2010. — 429 с.
2. Летопись Оренбургской епархии Троицкого уезда Миасского завода Петропавловской церкви (1882–1897) : в 3 т. / сост. Т. А. Василец, Е. А. Маркина, А. А. Миронова. — Челябинск, 2011. — Т. 3. — 348 с.
3. Сементовский, Н. П. Некролог / Н. П. Сементовский // Оренбург. епарх. вед. — 1981. — № 22. — С. 779–781.
4. Сементовский, Н. П. По поводу бесед со старообрядцами в Миасском заводе / Н. П. Сементовский // Оренбург. епарх. вед. — 1909. — № 23–24. — С. 350–356.
5. Сементовский, Н. П. Речь пред панихидою по новопреставленной Благочестивейшей Государыне Императрице Марии Александровне, Ея Императорском Величестве, Императрице Всероссийской / Н. П. Сементовский // Оренбург. епарх. вед. — 1880. — № 12. — С. 469–471.
6. Сементовский, Н. П. Со съезда духовенства 17-го округа (Корреспонденция) / Н. П. Сементовский // Оренбург. епарх. вед. — 1907. — № 1. — С. 60–63.
7. Стрелкова, О. С. Духовная проза и поэзия в курской церковной периодике дооктябрьского периода (по материалам издания «Курские епархиальные ведомости») : дис. ... канд. филол. наук / О. С. Стрелкова. — Курск, 2014. — 222 с.
8. Чернавский, Н. М. «Оренбургские епархиальные ведомости» / Н. М. Чернавский // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. — Оренбург, 1903. — Т. XII. — С. 153–190.
9. Чернавский, Н. М. Тридцатилетие издания «Оренбургских епархиальных ведомостей» / Н. М. Чернавский // Оренбург. епарх. вед. — 1903. — № 2. — С. 57–68.
10. Черторицкая, Т. В. Красноречие Древней Руси (XI–XVII вв.) / Т. В. Черторицкая. — М., 1987. — 448 с.

Сведения об авторе

Барышникова Татьяна Андреевна — кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы, МАОУ «СОШ» № 50. Челябинск, Россия. plaits@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2018. No. 4 (414). Philology Sciences. Iss. 112. Pp. 26—32.

PUBLICATIONS OF N. P. SEMENTOVSKY IN THE NEWSPAPER “THE ORENBURG DIOCESAN GAZETTE” IN THE GENRE-THEMATIC ASPECT

T. A. Baryshnikova

Secondary School № 50, Chelyabinsk, Russia. plaits@mail.ru

For the first time subject of research are the publicistic experiments of one of the regular authors in the newspaper «The Orenburg diocesan gazette». It was Nikolay Petrovich Sementovsky, the parson in Miass, what belonged to Orenburg province. He published 32 articles in the «The Orenburg diocesan gazette» in 1880–1909.

The object of author's attention were important social and political events in the country, local incidents, life and customs of the inhabitants of the Orenburg province, struggle against dissenters and sectarians, accusations against the church, what needed a response from the clergy. The different information reasons required the use of one genre or another: word, preaching, obituary, the note, feature article. The publicism of N.P. Sementovsky is a vivid example of eloquence, what addressed to contemporaries, who were influenced of different ideas of social reorganization.

Keywords: *Sementovsky, diocesan gazette, «The Orenburg diocesan gazette», church journalism, publicistic genre.*

References

1. Lepilkina O.I. *Strukturno-tipologicheskaya transformatsiya sistemy russkoy provintsial'noy pressy v XVIII — nachale XX vv.* [Structural-typological transformation of the system of the Russian provincial press in the XVIII — early XX centuries]. Stavropol, 2010. 429 p. (In Russ.).
2. Vasilets T.A., Markina E.A., Mironova A.A. *Letopis' Orenburgskoy yeparkhii Troitskogo uyezda Miasskogo zavoda Petropavlovskoy tserkvi (1882–1897) v 3 t. T. 3* [The chronicle of the Orenburg Diocese of the Trinity Uyezd of the Miass Plant of the Peter and Paul Church (1882–1897) in 3 vol. Vol. 3]. Chelyabinsk, 2011. 348 p.
3. Sementovskiy N.P. Nekrolog [The Obituary]. *Orenburgskiy yeparkhial'nyye vedomosti* [The Orenburg diocesan gazette], 1981, no. 22, pp. 779–781. (In Russ.).
4. Sementovskiy N.P. Po povodu besed so staroobryadtsami v Miasskom zavode [About the conversations with the Old Believers in Miass]. *Orenburgskiy yeparkhial'nyye vedomosti* [The Orenburg diocesan gazette], 1909, no. 23–24, pp. 350–356. (In Russ.).
5. Sementovskiy N.P. Rech' pred panikhidoyu po novoprestavlennoy Blagochestiveyshey Gosudaryne Imperatritse Marii Aleksandrovne, Yeya Imperatorskom Velichestve, Imperatritse Vserossiyskoy [Speech before the panihida on the newly-abdicated Most Pious Empress Maria Alexandrovna, Her Imperial Majesty, the Empress of the All-Russian]. *Orenburgskiy yeparkhial'nyye vedomosti* [The Orenburg diocesan gazette], 1880, no. 12, pp. 469–471. (In Russ.).
6. Sementovskiy N.P. So s'yezda dukhovenstva 17-go okruga (Korrespondentsiya) [From the congress of the clergy of the 17th district (Correspondence)]. *Orenburgskiy yeparkhial'nyye vedomosti* [The Orenburg diocesan gazette], 1907, no. 1, pp. 60–63. (In Russ.).
7. Strelkova O.S. *Dukhovnaya proza i poeziya v kurskoy tserkovnoy periodike dooktyabr'skogo perioda (po materialam izdaniya «Kurskiye yeparkhial'nyye vedomosti»)* [Spiritual prose and poetry in the Kursk church periodicals of the pre-October period (based on the publication of the Kursk diocesan news)]. Kursk, 2014. 222 p. (In Russ.).
8. Chernavskiy N.M. «Orenburgskiy yeparkhial'nyye vedomosti» [«Orenburg diocesan news»]. *Trudy Orenburgskoy uchenoy arkhivnoy komissii. T. 12* [Proceedings of the Orenburg Scientific Archive Commission. Vol. 12]. Orenburg, 1903. Pp. 153–190. (In Russ.).
9. Chernavskiy N.M. Tridtsatiletiye izdaniya «Orenburgskikh yeparkhial'nykh vedomostey» [Thirty years of publication of the “The Orenburg diocesan gazette”]. *Orenburgskiy yeparkhial'nyye vedomosti* [The Orenburg diocesan gazette], 1903, no. 2, pp. 57–68. (In Russ.).
10. Chertoritskaya T.V. *Krasnorechiye Drevney Rusi (XI–XVII vv.)* [Eloquence of Ancient Rus (XI–XVII cent.)]. Moscow, 1987. 448 p.

УДК 8.882
ББК 83

ОНЕГИНСКИЙ ТИП ГЕРОЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

П. В. Бояркина

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии Наук. Санкт-Петербург, Россия

Статья посвящена установлению единства европейско-русской романной традиции XIX–XX вв., в рамках которой варьируется нашедший классическое выражение в «Евгении Онегине» тип героя. Его обычно характеризуют как героя байронического, рефлексирующего, разочарованного, охлажденного, наделенного чертами демонизма. В таком описании смешаны два европейских типа, которые в русской традиции то объединяются, то вновь разводятся.

Ключевые слова: Пушкин, «Евгений Онегин», онегинский тип героя, Байрон, Констан, Метьюрин, Шатобриан, Нодье, Лермонтов, Тургенев, Гончаров, Достоевский, Андрей Белый, Набоков, Битов, Минаев.

Принято считать, что традиция русского классического романа XIX в. восходит к «Евгению Онегину». Но пушкинский роман в свою очередь ориентирован на целый ряд западноевропейских образцов и потому служит опосредующим звеном между более ранней и позднейшей художественной традицией. Наследование «Онегину» и «онегинскому» типу героя, таким образом, означает также и преемственность по отношению к тем произведениям, с ориентацией на которые создавался роман в стихах.

Наиболее привычное понимание типа как явления социально-психологического сформировалось одновременно с возникновением натуральной школы и жанра физиологического очерка. В. Г. Белинский в 1841 г. писал: «Сущность типа состоит в том, чтоб, изображая, например, хоть водовоза, изображать не какого-нибудь одного водовоза, а всех в одном» [3. С. 603]. В переводе на современный научный язык это означает, что конкретное литературное изображение определенного социального типа должно содержать его инвариантные черты. По Белинскому, эти черты должны быть распознаны во внеположной литературе реальности и затем лишь «отражены» в произведении. В данной статье понятие «тип» будет использоваться иначе: как имманентно литературная характеристика, имеющая, конечно, определенную соотнесенность с реальностью, но этим далеко не исчерпывающаяся. По С. Г. Бочарову, «литература не только отражает жизненные человеческие типы, социальные и психологические, — она создает новые личности и типы, подобные действительным, их объясняющие, оценивающие и “продолжа-

ющие”, содержащие “прибавление” к ним <...> Сотворенные литературой характеры как бы продолжают работу действительности» [11. С. 317]. «Прибавление», о котором говорит исследователь, возникает силой писательских мысли и воображения, но также и наследуется из текстов-предшественников как собственно литературная генетическая связь образов. Именно она в первую очередь формирует инвариантные черты литературного типа, и именно ей посвящена эта статья. Само собой разумеется, что каждое новое воплощение варьирует инвариантный набор характеристик, но пока он остается узнаваемым, можно говорить о принадлежности героя к тому или иному литературному типу.

При описании героя онегинского типа подобный набор характеристик обычно остается достаточно устойчивым: речь идет о байроническом демоническом типе, о герое рефлексирующем, разочарованном, охлажденном, пресыщенном, скучающем. Такое описание обобщает качества, присущие целому ряду героев русской классики, но, как всякое широкое обобщение, при ближайшем рассмотрении оказывается не совсем точным, поскольку речь, строго говоря, должна идти не об одном, а о двух типах героев, черты которых то сочетаются, то расходятся в русской литературе. Этот факт становится вполне очевидным, если рассмотрение русской романной традиции начинать не с Пушкина, а с тех европейских образцов, на которые ориентирован «Евгений Онегин». Они названы прямо в тексте пушкинского романа и хорошо известны: прежде всего это произведения Байрона, Метьюрина, Бенжамена Констан, Шатобриана и Шарля Нодье.

При первом же взгляде на такой перечень становится ясно, что в произведениях этих авторов воплощены два различных типа героев. К одному из них относятся герои восточных поэм Байрона, Мельмот и Жан Сбогар, к другому — Рене, Адольф, Чайльд Гарольд и (с определенными оговорками) байроновский Дон Жуан.

Герои первого типа — это герои демонической линии. Таинственный и страшный жизненный опыт отвращает их от мира и принятых в нем норм общежития. Их разочарованность мотивирована той или иной формой столкновения с очевидным злом, которому сами они предаются, как правило, в знак протеста. Этот протест может иметь космические масштабы или мистическую природу (такова, например, история Мельмота, продавшего душу дьяволу). Но так или иначе герои этого типа совершают преступления, будь то гибель людей по вине Мельмота или в результате разбойничьих действий Жана Сбогара, не имеющих мистической подоплеки. Герой такого типа может выступать искусителем, который испытывает нравственность окружающих — таков, например, персонаж Метьюрина. И тем не менее подобный герой не лишен благородства, в ряде случаев он подан как «благородный разбойник». В романе Нодье такая двойственность подчеркнута: герой предстает как благородный Лотарио, но он же — разбойник Жан Сбогар. Разочарованность как внутренний разлад героя с самим собой оказывает разрушительное воздействие на окружающих. В таком понимании разочарованность можно рассматривать как черту демонического характера. Чаще всего жертвой оказывается находящаяся рядом с героем женщина, причем различные героини воплощают различные типы жертвенности (невинная жертва, самопожертвование и др.).

Если демонические герои — это герои действия, то второй тип представлен героями пассивными и скучающими. Их разочарованность мотивирована не встречей со злом, но пресыщением, затянувшимся опытом однообразных любовных связей и светских наслаждений. Таков прежде всего Чайльд-Гарольд. Склонные к рефлексии, эти герои могут объяснять свою охлажденность теми или иными врожденными свойствами собственного характера — таковы Рене и Адольф. Как и герои демонического типа, герои второго типа тоже становятся искусителями. Однако искушение это иного толка. Адольф соблазняет несвободную женщину, то же дела-

ют Чайльд-Гарольд и байроновский Дон Жуан. Подлинно глубокое чувство, если и вспыхивает в них, то ненадолго, и женщину они губят не потому, что находятся во власти зла, но в силу внутренних свойств их, как правило, эгоцентрического душевного склада.

Существенно, что у Байрона представлены оба типа: один — в восточных поэмах, другой — в «Паломничестве Чайльда Гарольда». Как известно, в творчестве Пушкина есть целый ряд персонажей, родственных Онегину: кавказский пленник, Алеко в «Цыганах» и герой «Сцены из Фауста». Уже при первой пробе такого характера Пушкин поместил в контекст, близкий к восточным поэмам Байрона, героя, генетически восходящего к «Чайльду Гарольду». Аналогичным опытом стала и «Сцена из Фауста»: тот же тип героя вписан здесь в фаустовский сюжет (в связи с темой данной статьи важна близость к этому сюжету истории Мельмота). В «Евгении Онегине» два типа совместились — но важно понять, каким образом.

Черты героя «не демонического» типа заданы в пушкинском романе вполне отчетливо: Онегин пресыщен опытом светской жизни и любовных приключений, скучает, особенности его душевного склада причиняют страдания любящей женщине. Когда она становится несвободной, он, как и Адольф, выступает по отношению к ней искусителем. Гораздо сложнее представлены в пушкинском герое «демонические» черты. Он совершает злодеяние — убивает друга. Но это не то зло, какому предается Мельмот или Жан Сбогар. Во-первых, убийство происходит по правилам дуэльного кодекса. Во-вторых, сама дуэль спровоцирована не им. В дуэльной истории Онегин ведет себя как герой пассивного типа — этим (то есть опять-таки особенностями его внутреннего мира), собственно, и определяется его вина. Другое сходство его с героями первого типа, казалось бы, заключается в проснувшейся в нем, наконец, способности к сильному чувству. Но этот сюжетный поворот происходит в восьмой главе, написанной, как было показано еще А. А. Ахматовой, под сильнейшим влиянием «Адольфа» [2]. И незавершенная фабула романа не позволяет утверждать, что чувство Онегина соприродно любви байроновских титанических героев, угасающей лишь вместе с их жизнью, а не той сильной, но недолговечной вспышке чувств, которую переживает герой Бенжамена Констан. Точно так же в «Каменном госте», который писался в момент

завершения «Онегина», остается неясным, стала ли Дона Анна единственной или всего лишь очередной любовью Дон Гуана.

Итак, в фабуле пушкинского романа не содержится прямых свидетельств принадлежности Онегина к «демоническим» героям. Однако недвусмысленные отсылки к ним имеются. В тексте, наравне с Чайльд Гарольдом, поименованы, направляя мысль читателя, и Мельмот, и Корсар, и Сбогар. А основная реализация модели героя этого типа происходит, разумеется, во сне Татьяны, где Онегин предстает и разбойником, и убийцей, и повелителем inferнальных существ. Таким образом, не данный в реальном плане демонический подтекст личности героя, хоть и проявляется отчасти на фабульном уровне, но в своем прямом выражении отграничен от него: он задан лишь в измерении сна. Два типа героев у Пушкина не слиты в нерасторжимое единство, «демонический» тип очерчен, но реализован лишь частично, в ослабленной форме — как подтекст, как неосуществленная возможность, как потенция характера. С. Г. Бочаров описывал «Евгения Онегина» как произведение, в котором наряду с воплощенным сюжетом существует возможный сюжет [9]. Два этих сюжета связаны, но не тождественны друг другу.

Если с учетом сказанного посмотреть, как наследовались онегинские черты русской литературной традицией, то станет понятно, что доминирующей становилась то одна возможность, то другая. Поочередно воплощался то один тип героя, заложенный в генезисе пушкинского романа, то другой — и лишь изредка их черты совмещались. Что же касается иллюзии их единства, то она возникла прежде всего благодаря Лермонтову, действительно попытавшемуся совместить оба типа. Это его «Демон», а затем и «Герой нашего времени» побуждают нас говорить о едином демоническом типе героя.

В «Демоне» со всей очевидностью воплощен именно этот тип — здесь и его космический масштаб, и метафизическая составляющая, и осознанный выбор зла, совершенный по причинам вовсе не психологического свойства, и роковая, единственная, гибельная для героини любовь. Казалось бы, Лермонтов напрямую обращается к той европейской литературной традиции, которая питала «Онегина», — но автору «Демона» важно, что эта традиция уже была опосредована Пушкиным. А потому в «Демоне» появляются отчетливые проекции «Онегина». Так, напри-

мер, предначертание встречи Демона с Тamarой («В душе моей, с начала мира, / Твой образ был напечатлен» [30. С. 216]¹) напрямую отсылает к «Евгению Онегину», где Татьяна «узнает» предназначенного ей возлюбленного:

Вся жизнь моя была залогом

Свиданья верного с тобой;

Я знаю, ты мне послан Богом... [24. С. 66]².

Встреча с Тamarой для Демона — надежда вновь обрести утраченные веру и любовь. Однако и этот искушитель становится причиной гибели героини, а душа ее оказывается принадлежащей небесам.

Если в «Демоне» переключки с «Онегиным» присутствуют как отдаленный фон сюжета, то в «Герое нашего времени» происходит уже непосредственная работа по проявлению в онегинском типе демонических черт. И вновь Лермонтов обращается к пушкинским источникам, теперь уже с равной активностью заимствуя черты героев обоих типов. Принципиально важным в образе Печорина оказывается отсутствующее в «демонических» героях, но наиболее явно воплощенное в «Адольфе» самоосмысление героя, поданное в форме исповеди. Как и для Адольфа, одним из ключевых моментов для Печорина оказывается понимание неизбежности смерти³. Как и Адольф, он ищет взаимности несвободной женщины. Как Адольф и Онегин, Печорин вписан в современный контекст, свободный от мистической составляющей. И в то же время черты «демонических» героев проявлены в нем достаточно отчетливо. Глаза его горят «фосфорическим блеском», как у inferнальных существ, взгляд «ослепительный, но холодный», «дерзкий» и «равнодушно-спокойный» [17. С. 244]. «Разбойничью» тему, связанную с героями этого типа, Печорин реализует в тот момент, когда, неотличимый в национальном костюме от черкеса, пугает княжну

¹ Ср. также: «Мое! сказал Евгений грозно» [24. С. 106] — «Она моя! — сказал он грозно» [30. С. 201].

² Онегин, «не узнавший» Татьяну и прозревший слишком поздно, оказывается лишен возможного счастья. Мотив «неузнавания» героини появляется также в позднейшей традиции в романах, где воплощен герой второго типа. «Нет, я ее не знал...» — думает Рудин после объяснения с Натальей [28. С. 283]. Демон же, наоборот, утверждает, что он «один поныне <...> постиг и оценил» свою возлюбленную [18. С. 209].

³ «Ведь хуже смерти ничего не случится — а смерти не минуешь!» [17. С. 347].

Мери, принявшую его за разбойника¹. Подобно Мельмоту, Печорин появляется как «необходимое лицо пятого акта» в «развязке чужих драм» [17. С. 301]. В дуэльной истории он уже отнюдь не пассивен. Он считает, что «пыл благородных стремлений» навеки утрачен им потому, что он не угадал своего назначения [17. С. 321] — и в том, что Лермонтов понимает под назначением, социальное и метафизическое измерения смыкаются.

От Печорина онегинская линия напрямую ведет к Ставрогину в «Бесах» Достоевского и Николаю Аблеухову в «Петербурге» Андрея Белого. Связи «Печорин — Ставрогин», как и связи «Ставрогин — Аблеухов», уже рассматривались в исследовательской литературе, но, как правило, по отдельности [4; 6; 11; 26; 30]. Отметим лишь одну сквозную параллель, идущую от «Героя нашего времени» к «Бесам» и оттуда — к «Петербургу». Печорин записывает в дневнике: «Одни скажут: он был добрый малый, другие — мерзавец!.. И то и другое будет ложно» [17. С. 322]. Между такими же взаимоисключающими определениями колеблется описание Ставрогина и Аблеухова. О первом из них сказано: «Казалось бы, писанный красавец, а в то же время как будто и отвратителен» [13. С. 37]. Об Аблеухове встречные дамы говорят: «Красавец», «Аполлон Бельведерский». «Но если бы Николай Аполлонович с дамами пожелал вступить в разговор, про себя сказали бы дамы: “Уродище...”» [4. С. 47]. Понятно, что речь здесь идет не просто о внешности обоих героев, а об их, так сказать, двуипостасной природе — той самой, которой отмечены демонические герои. Андреем Белым даже специально подчеркнуты в Аблеухове пародийные люциферические черты². Спародированы они не случайно: как и Ставрогин, Аблеухов ведет себя по модели другого героя — героя пассивного типа. На протяжении всего романа он ищет способ как-нибудь уклониться от исполнения тех надежд, которые возложили на него террористы. И так же не оправдывает надежд Верховенского Николай Ставрогин. В «Бесах» и в «Петербурге» предложенное Лермонтовым соединение двух типов

¹ Ср. также обмен репликами между Печориним и княжной Мери: «Разве я похож на убийцу?» — «Вы хуже...» [17. С. 296].

² «...право, право же: выглядел Николай Аполлонович хромоногим, горбатым, и — с хвостиком, когда полетел что есть мочи он по мягкой ступенчатой лестнице...» [4. С. 393].

словно испытывается на прочность — и прочность эта оказывается сомнительной.

Но есть в русской литературе и другая ветвь героев, наследующих Онегину — тех, кто не имеет в характере «демонической» составляющей. В статье «Романы Тургенева и роман “Накануне”» Л. В. Пумпянский, рассматривая тургеневских героев на фоне онегинской традиции, в то же время возводит характеры Рудина и Лаврецкого в «Дворянском гнезде» к Адольфу [23]. Таким образом, если Лермонтов в «Демоне», учитывая ту же традицию, обращался непосредственно к Байрону и Метьюрину, то Тургенев, избирая другой — пассивный — тип героя, обращается к Бенжамену Констану.

Рудин кажется окружающим весьма образованным³, но Лежнев, который был близок с Рудиным в юности, сообщает, что он «не очень сведущ» [28. С. 252]. Адольф пишет о себе: «Несмотря на рассеянную жизнь, которую я вел, благодаря довольно усидчивому труду я достиг успехов, выделивших меня из среды моих товарищей и подавших моему отцу надежды, по всей вероятности, сильно преувеличенные» [16. С. 81]. Онегин, более всего преуспевший в «науке страсти нежной», учился понемногу «чему-нибудь и как-нибудь», «усидчивому труду» был явно чужд, однако производил благоприятное впечатление на общество («Чего ж вам больше? Свет решил, / Что он умен и очень мил» [24. С. 7–8]).

Слова Рудина, по отзыву того же Лежнева, «так и остаются словами и никогда не станут поступком» [28. С. 252]. На собственную бездеятельность сетует Адольф («Я сто раз стыдился своей жизни, протекавшей в неизвестности и бездействии») [16. С. 116]). Об Онегине в восьмой главе сказано: «Дожив без цели, без трудов / До двадцати шести годов, / Томясь в бездействии досуга...» [24. С. 170].

В финале романа Рудин признается: «В чем и в ком я не разочаровался, бог мой!» [28. С. 311]. Разочарованность героя — черта, восходящая через «Онегина» уже не только к Констану, но и к Байрону.

Во время объяснения Наталья упрекает Рудина в том, что он с ней пошутил от скуки и благодарит его за преподанный урок, уроком называет отповедь Онегина и Татьяна.

³ Рудин «говорил умно, горячо, дельно <...> Всем непонятно казалось и странно, каким это образом вдруг, в деревне, мог проявиться такой умница» [28. С. 225].

Другой пассивный рефлексивный герой Тургенева — Лаврецкий в «Дворянском гнезде». Однако еще Н. А. Добролюбов отмечал его отличие от типичного героя в духе Адольфа, заявляя, что в нем есть «что-то законно-трагическое, а не призрачное» [12. С. 105]. Он желает деятельности, но не знает, как к ней подступиться. Недостатки воспитания и образования Лаврецкого определили его неровный характер и отчужденность от людей, но не породили в нем скуку или разочарование. Он, наоборот, стремится восполнить пробелы в своем образовании и стать человеком действительно знающим:

Он сознавал недостатки своего воспитания и вознамерился по возможности воротить упущенное. В последние пять лет он много прочел и кое-что увидел; много мыслей перебрало в его голове; любой профессор позавидовал бы некоторым его познаниям, но в то же время он не знал многого, что каждому гимназисту давным-давно известно. Лаврецкий сознавал, что он не свободен; он втайне чувствовал себя чужаком. Недобрую шутку сыграл англоман с своим сыном; капризное воспитание принесло свои плоды. Долгие годы он безотчетно смирялся перед отцом своим; когда же, наконец, он разгадал его, дело уже было сделано, привычки вкоренились. Он не умел сходить с людьми; двадцати трех лет от роду, с неукротимой жадной любви в пристыженном сердце, он еще ни одной женщине не смел взглянуть в глаза. При его уме, ясном и здоровом, но несколько тяжелом, при его наклонности к упрямству, созерцанию и лени ему бы следовало с ранних лет попасть в жизненный водоворот, а его продержали в искусственном уединении... [27. С. 43].

Сформировавшиеся особенности характера играют злую шутку с чувствами Лаврецкого. Несомненно способный на подлинную искреннюю любовь, он оказывается настолько слеп, что до прямого столкновения с правдой не подозревает об измене жены. Став обладателем печального опыта, он впадает не в скуку или разочарование — он становится «очень равнодушен ко всему» [27. С. 55]. Встретив Лизу Калитину, Лаврецкий оказывается вновь способен на сильное чувство и даже лелеет надежду на счастливое будущее (которому, однако, не дано осуществиться).

От героев «Рудина» и «Дворянского гнезда» существенно отличается герой «Накануне», и это отличие, помимо всего прочего, маркировано тем, что в истории Инсарова появляются де-

тали, характерные для сюжетов, в которых участвуют демонические герои. Многие в его прошлом окутано тайной, его действия во многом предопределены страшным злодеянием, которое ему пришлось пережить, как некоторым героям восточных повестей Байрона (его мать нашли зарезанной). Контекст, в котором он изображен в романе, — мирный, но его жизнь имеет и другое, грозное, хотя почти скрытое от читателя измерение — борьбы. Здесь можно видеть смягченный вариант двойной жизни Жана Сбогара, только разбойничество замещено освободительной борьбой.

Апофеозом русского героя пассивного типа, естественно, является гончаровский Обломов, которого едва ли можно возводить к онегинскому типу, хотя попытки их соотнесения в исследовательской литературе и предпринимались [31]¹. Но любопытно, что в вышедшем в один год с «Обломовым» «Дворянском гнезде» Лаврецкий, наследующий Адольфу, и его университетский приятель Михалевич ведут диалог, напоминающий разговоры Обломова и Штольца:

— Наивные байбаки лежат себе на печи и ничего не делают, потому что не умеют ничего делать; они и не думают ничего, а ты мыслящий человек — и лежишь; ты мог бы что-нибудь делать — и ничего не делаешь; лежишь сытым брюхом кверху и говоришь: так оно и следует, лежать-то, потому что все, что люди ни делают, — все вздор и ни к чему не ведущая чепуха.

— Да с чего ты взял, что я лежу? — твердил Лаврецкий, — почему ты предполагаешь во мне такие мысли?

— А сверх того, вы все, вся ваша братия, — продолжал неугомонный Михалевич, — начитанные байбаки. <...> вам ваше жалкое знание в подспоре идет, лень вашу постыдную, бездействие ваше гнусное оправдывает. Иной даже гордится тем, что я, мол, вот умница — лежу, а те, дураки, хлопчут. Да! А то есть у нас такие господа — впрочем, я это говорю не на твой счет, — которые всю жизнь свою проводят в каком-то млении скуки <...> О, это мление скуки — гибель русских людей! Весь век собирается работать противный байбак...

— Да что ж ты бранишься! — вопил в свою очередь Лаврецкий. — Работать... делать... Скажи лучше, что делать, а не бранись, Демосфен полтавский! [27. С. 76–77].

¹ Сам Гончаров говорил о созданном им типе героя как о герое «охлаждающемся» [10. С. 318].

Некоторое сходство с Онегиным можно обнаружить и в образах обоих Адуевых («Обыкновенная история»). Как справедливо подчеркивает М. В. Отрадин, «Александр Адуев, Обломов и Райский относятся к одному типу личности» [22. С. 52]. Таким образом, в расширенном контексте преемствующих друг другу образов связи между ними проступают более отчетливо.

В связи с темой этой статьи особый интерес представляет роман «Обрыв», где два типа героев, соединенные у Лермонтова, Достоевского и Андрея Белого, даны в их отдельности и даже противопоставленности. Речь идет, о Райском и Волохове. Дилетантизм Райского, надоевший ему светский Петербург, его переезд из столицы в деревню и некоторые другие детали прямо восходят к «Онегину»¹. Сходство с нажимом подчеркнуто Гончаровым в тот момент, когда героем не только овладевает скука, но он хочет сделать ее предметом своего романа. И так же отчетливо Волохов выписан под «демонический» тип. Он не разбойник, его поведение всего лишь асоциально, но именно разбойником именуется его молва [9]. Гончаров то и дело сравнивает его со зверем, подчеркивая необузданное начало его характера². Знакомясь с Верой, он предлагает ей яблоко — это типовой жест искусителя, и отношения с ним губят героиню. И если в «Обыкновенной истории», выписывая характеры своих героев, Гончаров работал с типажам «Онегин — Ленский», то в «Обрыве» сам онегинский тип оказывается вновь расщеплен на те две составляющие, которые были заложены в его генезисе.

Нельзя, впрочем, сказать, что эти две составляющие в послелермонтовской традиции существуют именно порознь. Как было показано, они соединяются в образе Инсарова. Другим примером может служить Версильов в «Подростке» Достоевского. История работы Достоевского над романом «Подросток» свидетельствует о том, что одним из литературных прототипов Версильова

стал Рудин³. В конце романа Рудин рассказывает Лежневу о себе: «Маялся я много, скитался не одним телом — душой скитался». Лежнев же отвечает: «Может быть, тебе и следует так вечно странствовать, может быть, ты исполняешь этим высшее, для тебя самого неизвестное предназначение...» [28. С. 311]. Тип русского «скитальца» и был воплощен в образе Версильова [15]. В то же время в характере Версильова и некоторых его мировоззренческих установках исследователи видят и непосредственное переосмысление онегинского типа. Основанием для такого сближения служат сопоставление французского эпитафия к пушкинскому роману с разработками характера Версильова в конспектах Достоевского [26].

Существенно, что Версильов принадлежит к поколению «отцов». Череду героев «онегинского» типа, отнесенных к родительскому поколению, открывает Павел Петрович Кирсанов в «Отцах и детях» с его аристократизмом, молодостью, проведенной в светских развлечениях, опытом разочарования в любви. Движение исторического времени заставляет писателей то трансформировать черты Онегина, «вписывая» этот тип в современность (так создавались образы Ставрогина или Николая Аблеухова), то несколько отодвигать его в прошлое, изображать на фоне нового, пришедшего ему на смену поколения. В последнем случае обрисовка «онегинского» типа иногда становится ироничной или даже пародийной. У Достоевского в «Бесах» представлены сразу два поколения героев «онегинского» типа, к старшему относится воспитатель Ставрогина Степан Трофимович Верховенский⁴. По мере отдаления

³ В черновых материалах к «Подростку» от 27 февраля 1875 г., Достоевский сделал помету: «Узнать о Рудине» [14. С. 263].

⁴ «Важно помнить, что Степан Трофимович Верховенский — не только отец Петруши, но и воспитатель Ставрогина. Он-то и привил ему то “неопределенное ощущение <...> вековой, священной тоски”, в котором вполне узнаваема байроническая тоска, свойственная и самому Верховенскому-старшему. В тексте она обозначена в пародийно онегинском варианте: сказано, что Степану Трофимовичу свойственно пару раз в год впадать в “гражданскую скорбь”, то есть просто в хандру». Не удивительно, что на первых страницах романа Степан Трофимович является перед читателем “с опаленными крыльями”, не удивительна и байронически-фаустовская смесь в его нелепой поэме, имеющей, впрочем, при всей ее нелепости, пророческий смысл по отношению к дальнейшему развертыванию сюжета» [8. С. 107].

¹ На генетическую связь образа Райского с Онегиным и Печориным указывал А. Цейтлин [29].

² «Он быстро встал со скамьи. “Дальше, Вера, от меня!” — сказал он, вырывая руку и трясая головой, как косматый зверь» [9. С. 611]. «Он шел к плетню, тоже не оборачиваясь, злобно, непокорным зверем, уходящим от добычи» [9. С. 616]. «Она была у него в объятиях. Поцелуй его зажал ее вопль. Он поднял ее на грудь себе и опять, как зверь, помчался в беседку, унося добычу...» [9. С. 618].

от пушкинской эпохи пародийность, как кажется, усиливается: если Павел Петрович и Степан Трофимович описаны с большой долей авторской симпатии, то Демон Вин подан в «Аде» Набокова как чисто пародийный персонаж, наследующий свои черты и от Онегина, и от лермонтовского Демона¹. Это демонстрирует, конечно, не отношение Набокова к пушкинскому герою, а ту меру условности, с какой подобная фигура может быть, с точки зрения писателя, введена в контекст XX в. Пушкинский роман превращается в декорации, на фоне которых Демон соблазняет Марину Дурманову, ставшую матерью его детей и главных героев романа:

«...*la Durmanska* <...> с самого начала дрянной однодневки (американской пьесы, основанной неким претенциозным писакой на знаменитом русском романе в стихах) была настолько призрачна, прелестна и трепетна, что Демон (бывший не вполне джентльменом в амурных делах) заключил пари с князем N, своим соседом по креслам в партере, подкупил череду закулисных стражей и вскоре в *cabinet reculé* (как мог бы загадочно обозначить французский писатель былых времен эту комнатку <...>) успел овладеть ею между двумя картинами (по главам третьей и четвертой замордованного романа)» [21. С. 20–21].

Впрочем, и в XX в. писатель мог изображать героя, наследующего «онегинские» черты, как представителя «своего» поколения. Именно таков главный герой романа А. Г. Битова «Улетающий Монахов», который из чувствительного и пылкого мальчика превращается по мере обретения жизненного опыта в разочарованного, не способного к чувству мужчину. Это роднит его с героем гончаровской «Обыкновенной истории» Александром Адуевым, поначалу восторженным юношей, душа которого стараниями дяди после

¹ «Демон недавно чернее черного выкрасил волосы. На пальце его Кавказским хребтом сиял алмазный перстень. Длинные, черные в синих глазках крылья свисали сзади, колеблемые океанским ветром. *People turned to look* (люди оглядывались). Эфемерная Тамара — с подведенными веками, румяная, словно Казбек, во фламинговом боа — никак не могла решить, чем она пуше потрафит своему демоническому любовнику...» [21. С. 176].

«Отец Вана как раз покидал один Сантьяго, желая взглянуть, что учинило с другим землетрясение, когда из Ладорской больницы пришло каблогаммой известие о близкой кончине Дана. Сверкая очами, свистя крылами, Демон немедля ринулся в Манхэттен. Не так уж и много развлечений оставила ему жизнь» [21. С. 419].

многих переживаний и потерь постепенно погружается в сон.

Если авторы второй половины XIX и XX вв. начинают пародировать черты героев демонической линии, то писатели XXI в. и вовсе отказываются от того, чтобы наделять своих персонажей характеристиками, восходящими к этой разновидности онегинского типа. Так, например, созданный очевидно с оглядкой на Онегина и Печорина герой произведения Сергея Минаева «*Duxless. Повесть о ненастоящем человеке*» существует исключительно в социальном измерении корпоративной культуры и светской жизни Москвы. Разочарованный в окружающей действительности, циничный, проматывающий собственную жизнь персонаж² удивительным образом вновь оказывается героем нашего времени.

Герой, являясь не только сюжетной единицей романа (жанра, разомкнутого в социальную действительность [13]), но и его ключевым элементом, должен обладать, по Ю. М. Лотману, «свободой действия», то есть способностью входить с другими элементами в автоматически непредсказуемые комбинации» [19. С. 93]. При этом герой определенного типа не приходит в произведение из ниоткуда, он привносит с собой некоторые элементы предшествующей традиции, определяя, так или иначе, сюжетное пространство текста. Отчасти это напоминает феномен «бродячих сюжетов», под которыми понимают устойчивый комплекс сюжетно-фабульных мотивов, переходящий из одной страны в другую и меняющий свой художественный облик в зависимости от новой среды своего бытования. Набор мотивов может и пополняться, и сокращаться. И точно так же характеристика героя может быть представлена то достаточно полным, то редуцированным набором типовых элементов. При этом важно, что переходя из произведения в произведение, тип не остается неизменным, он трансформируется, вписываясь в новые исторические обстоятельства, но сохраняя заданное литературной традицией ядро.

² «Я шут гороховый, готовый стебаться над всеми, в том числе над собой. Я с детства быстро устаю от игрушек, мне тут же что-нибудь новенькое подавай. Я и жизнь свою проматываю этой ежедневной погоней за развлечениями. Я же бегу сам от себя, мне самому с собой скучно, тошно и мерзко. Даже в редкие моменты веселья я жду не дождусь, когда же наконец вернется ко мне моя единственная любовь — ДЕПРЕССИЯ» [20. С. 289].

Список литературы

1. Ахматова, А. А. «Адольф» Бенжамена Констана в творчестве Пушкина / А. А. Ахматова // Ахматова, А. А. О Пушкине: Статьи и заметки / А. А. Ахматова. — М., 1989. — С. 51–89.
2. Белинский, В. Г. Наши, списанные с натуры русскими. Издание Я. А. Исакова. Санкт-Петербург. 1841 / В. Г. Белинский // Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений / В. Г. Белинский. — М., 1954. — Т. 5. — С. 602–604.
3. Бахтин, М. М. Роман как литературный жанр / М. М. Бахтин // Бахтин, М. М. Собрание сочинений / М. М. Бахтин. — М., 2012. — Т. 3. — С. 608–643.
4. Белый, А. Петербург / А. Белый. — М., 1981. — 696 с.
5. Бочаров, С. Г. О возможном сюжете: «Евгений Онегин» / С. Г. Бочаров // Бочаров, С. Г. Сюжеты русской литературы / С. Г. Бочаров. — М., 1999. — С. 17–45.
6. Бочаров, С. Г. Французский эпиграф к «Евгению Онегину» (Онегин и Ставрогин). Р. S. Примечания к теме об Онегине и Ставрогине / С. Г. Бочаров // Бочаров, С. Г. Сюжеты русской литературы / С. Г. Бочаров. — М., 1999. — С. 152–191.
7. Бочаров, С. Г. Характеры и обстоятельства / С. Г. Бочаров // Теория литературы: Основные проблемы в историческом освещении. — М., 1962. — Т. 1. — С. 312–451.
8. Виролайнен, М. Н. «Общевропеец» как русский тип / М. Н. Виролайнен // Культурный палимпсест : сб. ст. к 60-летию В. Е. Багно. — СПб., 2011. — С. 103–113.
9. Гончаров, И. А. Обрыв / И. А. Гончаров // Гончаров, И. А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. / И. А. Гончаров. — СПб., 2004. — Т. 7. — 775 с.
10. Гончаров, И. А. Собрание сочинений : в 8 т. / И. А. Гончаров. — М., 1980. — Т. 8. — 576 с.
11. Дарский, Д. С. Пушкин и Достоевский / Д. С. Дарский // Из истории филологии : сб. ст. и материалов к 85-летию Г. В. Краснова. — Коломна, 2006. — С. 171–192.
12. Добролюбов, Н. А. Когда же придет настоящий день? / Н. А. Добролюбов // Добролюбов, Н. А. Собрание сочинений : в 9 т. / Н. А. Добролюбов. — М., 1963. — Т. 6. — С. 96–140.
13. Достоевский, Ф. М. Бесы / Ф. М. Достоевский // Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. — Л., 1974. — Т. 10. — 519 с.
14. Достоевский, Ф. М. Подросток / Ф. М. Достоевский // Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. — Л., 1976. — Т. 16. — 440 с.
15. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. — Л., 1976. — Т. 17. — 479 с.
16. Констан, Б. Адольф / пер. А. Кулишер / Б. Констан // Французская романтическая повесть. — Л., 1982. — С. 77–152.
17. Лермонтов, М. Ю. Герой нашего времени / М. Ю. Лермонтов // Лермонтов, М. Ю. Сочинения : в 6 т. / М. Ю. Лермонтов. — М.; Л., 1957. — Т. 6. — С. 202–347.
18. Лермонтов, М. Ю. Демон / М. Ю. Лермонтов // Лермонтов М. Ю. Сочинения : в 6 т. / М. Ю. Лермонтов. — М.; Л., 1955. — Т. 4. — С. 183–220.
19. Лотман, Ю. М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия / Ю. М. Лотман // Лотман, Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. / Ю. М. Лотман. — Таллин, 1993. — Т. 3. — С. 91–106.
20. Минаев, С. Duxless. Повесть о ненастоящем человеке / С. Минаев. — М., 2013. — 352 с.
21. Набоков, В. Ада, или Радости страсти / В. Набоков // Набоков, В. Собрание сочинений американского периода : в 5 т. / В. Набоков. — СПб., 1997. — Т. 4. — 672 с.
22. Отрадин, М. В. «На пороге как бы двойного бытия...»: О творчестве И. А. Гончарова и его современников / М. В. Отрадин. — СПб., 2012. — 328 с.
23. Пумпянский, Л. В. Романы Тургенева и роман «Накануне»: (Историко-литературный очерк) / Л. В. Пумпянский // Пумпянский, Л. В. Классическая традиция: собрание трудов по истории русской литературы / Л. В. Пумпянский. — М., 2000. — С. 381–402.
24. Пушкин А. С. Евгений Онегин / А. С. Пушкин // Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений : в 16 т. / А. С. Пушкин. — М.; Л., 1937. — Т. 6. — С. 1–205.
25. Савченко, Н. К. К вопросу о сюжетно-композиционной своеобразии романа Достоевского «Бесы» / Н. К. Савченко // Филологический сборник. — Алма-Ата, 1968. — Вып. 8–9. — С. 16–27.

26. Савченко, Н. К. Онегин в творческом сознании Достоевского / Н. К. Савченко // Проблемы жанра и взаимодействие литератур. — Алма-Ата, 1986. — С. 20–25.
27. Тургенев, И. С. Дворянское гнездо / И. С. Тургенев // Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / И. С. Тургенев. — М., 1981. — Т. 6. — С. 5–158.
28. Тургенев, И. С. Рудин / И. С. Тургенев // Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / И. С. Тургенев. — М., 1980. — Т. 5. — С. 197–322.
29. Цейтлин, А. И. А. Гончаров: 1812–1891 / А. И. Цейтлин. — М., 1948. — 492 с.
30. Чирков, Н. О стиле Достоевского: Проблематика, идеи, образы / Н. Чирков. — М., 1967. — С. 178–180.
31. Чумакова, Е. И. «Евгений Онегин» А. С. Пушкина и «Обломов» И. А. Гончарова / Е. И. Чумакова // Вопросы творчества и биографии А. С. Пушкина : тез. докл. и сообщ. межвуз. науч. конф., 23–25 апр. 1992 г. — Одесса, 1992. — С. 113–115.

Сведения об авторе

Бояркина Полина Викторовна — аспирантка отдела пушкиноведения, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. Санкт-Петербург, Россия. polina.boyardkina@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 4 (414). *Philology Sciences. Iss. 112. Pp. 33–43.*

ONEGIN TYPE OF HERO IN RUSSIAN LITERARY TRADITION

P. V. Boyarkina

Institute of Russian Literature (The Pushkin House), Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia. polina.boyardkina@gmail.com

The article is devoted to setting the unity of European and Russian novelistic tradition, varying certain type of hero, which classical embodiment is Eugene Onegin. Literary ancestors of Pushkin's hero are such European characters as Byron's Child-Harold, B. Constant's Adolf, Chateaubriand's Rene, Maturin's Melmoth and Ch. Nodier's Jean Sbogar. Onegin type of hero is usually described as Byronic, demonic type, reflecting, disillusioned, cold, satiated and bored. Meanwhile this description unites two European types: one goes back to the characters having demonic features (such as Melmoth and Jean Sbogar) and another is reflecting and above all passive (Child-Harold, Adolf, Rene). In latest Russian literary tradition dominant hero characteristic is either determined by the choice of one of this types or their integration.

Keywords: *Pushkin, «Eugene Onegin», Onegin type of hero, Byron, Constan, Maturin, Chateaubriand, Nodier, Lermontov, Turgenyev, Goncharov, Dostoevskiy, A. Belyiy, Nabokov, Bitov, Minaev.*

References

1. Ahmatova A.A. «Adolf» Benzhamena Konstana v tvorchestve Pushkina [Benjamin Constant's Adolf in Pushkin's works]. Ahmatova A.A. *O Pushkine: Statji i zametki* [About Pushkin: Articles and notes]. Moscow, 1989. Pp. 51–89. (In Russ.).
2. Belinskiy V.G. Nashi, spisannyye s natury russkimi [Ours painted from nature by Russians]. Belinskiy V.G. *Polnoe sobranie sochineniy. T. 5* [Complete works. Vol. 5]. Moscow, 1954. Pp. 602–604. (In Russ.).
3. Bahtin M.M. Roman kak literaturnyy zhanr [Novel as a literary genre]. Bahtin M.M. *Sobranie sochineniy. T. 3* [Complete works. Vol. 3]. Moscow, 2012. Pp. 608–643. (In Russ.).
4. Belyiy A. *Peterburg* [Petersburg]. Moscow, 1981. 696 p. (Seriya «Literaturnyye pamyatniki»). (In Russ.).
5. Bocharov S.G. O vozmozhnom syuzhete: «Evgeniy Onegin» [About possible subject: «Eugene Onegin»]. Bocharov S.G. *Suzhety russkoy literatury* [The plots of Russian literature]. Moscow, 1999. Pp. 17–45. (In Russ.).
6. Bocharov S.G. Frantsuzskiy epigraf k «Evgeniyu Oneginu» (Onegin i Stavrogin). P. S. Primechaniya k teme ob Onegine i Stavrogine [French epigraph to «Eugene Onegin» (Onegin and Stavrogin)]. Bocharov S.G. *Suzhety russkoy literatury* [The plots of Russian literature]. Moscow, 1999. Pp. 152–191. (In Russ.).

7. Bocharov S.G. Haraktery i obstoyatelstva [Personalities and circumstances]. *Teoriya literatury: Osnovnye problemy v istoricheskom osvescheniy. T. 1* [Literary theory: Basic problems in historical interpretation. Vol. 1]. Moscow, 1962. Pp. 312–451. (In Russ.).
8. Virolainen M.N. «Obscheevropeets» kak russkiy tip [«Commo-European» as Russian type]. *Kulturniy palimpsest* [Cultural palimpsest]. St. Petersburg, 2011. Pp. 103–113. (In Russ.).
9. Goncharov I.A. Obryv [The Precipice]. Goncharov I. A. *Polnoye sobranie sochineniy i pisem : v 20 t. T. 7* [Complete works in 20 v. Vol. 7]. St. Petersburg, 2004. 775 p. (In Russ.).
10. Goncharov I.A. *Sobranie sochineniy : v 8 t. T. 8* [Collected works in 8 vol. Vol. 8.]. Moscow, 1980. 576 p. (In Russ.).
11. Darskiy D.S. Pushkin i Dostoevskiy [Pushkin and Dostoevskiy]. *Iz istorii filologii : sb. st. i materialov k 85-letiyu G. V. Krasnova* [From the history of Philology]. Kolomna, 2006. Pp. 171–192. (In Russ.).
12. Dobrolyubov N.A. Kogda zhe pridet nastoyaschiy den? [When will the present day come?]. Dobrolyubov N.A. *Sobranie sochineniy : v 9 t. . T. 6* [Collected works in 9 vol. Vol. 6]. Moscow, 1963. Pp. 96–140. (In Russ.).
13. Dostoevskiy F.M. Besy [Demons]. Dostoevskiy F.M. *Polnoye sobranie sochineniy : v 30 t. T. 10* [Complete works in 30 vol. Vol. 10]. Leningrad, 1974. 519 p. (In Russ.).
14. Dostoevskiy F.M. Podrostok [The Adolescent]. Dostoevskiy F.M. *Polnoye sobranie sochineniy : v 30 t. T. 16* [Complete works in 30 vol. Vol. 16]. Leningrad, 1976. 440 p. (In Russ.).
15. Dostoevskiy F.M. *Polnoye sobranie sochineniy : v 30 t. T. 17* [Complete works: in 30 vol. Vol. 17]. Leningrad, 1976. 479 p. (In Russ.).
16. Konstan B. Adolf [Adolf]. *Frantsuzskaya romanticheskaya povest* [French romantic novels]. Leningrad, 1982. Pp. 77–152. (In Russ.).
17. Lermontov M.Yu. Geroy nashego vremeni [The Hero of our time]. Lermontov M.Yu. *Sochineniya : v 6 t. T. 6* [Works in 6 vol. Vol. 6]. Moscow; Leningrad, 1957. Pp. 202–347. (In Russ.).
18. Lermontov M.Yu. Demon [The Demon]. Lermontov M.Yu. *Sochineniya : v 6 t. T. 4* [Works in 6 vol. Vol. 4]. Moscow; Leningrad, 1955. Pp. 183–220. (In Russ.).
19. Lotman Yu.M. Syuzhetnoe prostranstvo russkogo romana XIX stoletiya [The subject area of Russian XIX's century novel]. Lotman Yu.M. *Izbrannyye stati : v 3 t. T. 3* [Selected articles in 3 vol. Vol. 3]. Tallin, 1993. Pp. 91–106. (In Russ.).
20. Minaev S. *Dyxless. Povest o nenastoyaschem cheloveke* [Dyxless. The story of a fake man]. Moscow, 2013. 352 p. (In Russ.).
21. Nabokov V. Ada, ili Radosti strasti [Ada or Ardor]. Nabokov V. *Sobranie sochineniy amerikanskogo perioda : v 5 t. T. 4* [Collected American period works in 5 vol. Vol. 4]. St. Petersburg, 1997. 672 p. (In Russ.).
22. Otradin M.V. «Na poroge kak byi dvoynogo byitiya...»: O tvorchestve I. A. Goncharova i ego sovremennikov [«On the threshold of a kind of double being ...»: On the works of I. A. Goncharov and his contemporaries]. St. Petersburg, 2012. 328 p. (In Russ.).
23. Pumpyanskiy L.V. Romanyi Turgeneva i roman «Nakanune»: (Istoriko-literaturnyy ocherk) [Turgenev's novels and The Virgin Soil]. Pumpyanskiy L.V. *Klassicheskaya traditsiya: Sobranie trudov po istorii russkoy literatury* [Classical tradition]. Moscow, 2000. Pp. 381–402. (In Russ.).
24. Pushkin A.S. Evgeniy Onegin [Eugen Onegin]. Pushkin A.S. *Polnoye sobranie sochineniy : v 16 t. T. 6* [Complete works in 16 vol. Vol. 6]. Moscow; Leningrad, 1937. Pp. 1–205. (In Russ.).
25. Savchenko N.K. K voprosu o syuzhetno-kompozitsionnom svoebrazii romana Dostoevskogo «Besy» [On the question of subject and compositional originality of Dostoyevskiy's novel The Demons]. *Filologicheskyy sbornik* [Philological Collection]. Alma-Ata, 1968. Pp. 16–27. (In Russ.).
26. Savchenko N.K. Onegin v tvorcheskoy soznanii Dostoevskogo [Onegin in Dostoyevskiy's creative mind]. *Problemy zhanra i vzaimodeystvie literature* [The problems of genre and interaction of literatures]. Alma-Ata, 1986. Pp. 20–25. (In Russ.).
27. Turgenev I.S. Dvoryanskoe gnezdo [A Nest of Gentlefolk]. Turgenev I.S. *Polnoye sobranie sochineniy i pisem : v 30 t. T. 6* [Complete works in 30 vol. Vol. 6]. Moscow, 1981. Pp. 5–158. (In Russ.).
28. Turgenev I.S. Rudin [Rudin]. Turgenev I.S. *Polnoye sobranie sochineniy i pisem : v 30 t. T. 5* [Complete works in 30 vol. Vol. 5]. Moscow, 1980. Pp. 197–322. (In Russ.).
29. Tseytlin A. I. A. *Goncharov: 1812–1891* [A. Goncharov: 1812–1891]. Moscow, 1948. 492 p. (In Russ.).

30. Chirkov N. *O stile Dostoevskogo: Problematika, idei, obrazyi* [On Dostoevskiy's manner: Problematics, ideas, figures]. Moscow, 1967. Pp. 178–180. (In Russ.).
31. Chumakova E.I. «Evgeniy Onegin» A. S. Pushkina i «Oblomov» I. A. Goncharova [Pushkin's Eugene Onegin and Goncharov's Oblomov]. *Voprosyi tvorchestva i biografii A. S. Pushkina: Tezisy dokladov i soobscheniy mezhvuzovskoy nauchnoy konferentsii, 23–25 apr. 1992 g.* [Questions on works and biography of A. S. Pushkin]. Odessa, 1992. Pp. 113–115. (In Russ.).

УДК 81'37(81.161.1+811.581)
ББК 81.1

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Минь Ван

*Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия
Шаньдунский женский университет, Цзинань, Китай*

В данной статье изучается образ женщины во фразеологизмах русского и китайского языков. Путем отбора и классификации пословиц и поговорок с «женской» лексемой получено семантическое поле образа женщины с четырьмя зонами: ядро, предъядерная зона, ближняя периферийная зона и дальняя периферийная зона; описаны сходства и различия образа женщины, отраженного во фразеологизмах двух культур.

Ключевые слова: образ женщины, фразеологизм, семантическое поле, лингвокультурологический подход, русский язык, китайский язык.

Язык и культура имеют тесную связь, и их взаимодействие является основным предметом исследования лингвокультурологии. С учетом всех объективных аспектов проявления человека «в языке и через язык», общетеоретические проблемы «человек и язык» и «язык и культура» изучаются более сбалансированно [1]. В. Гумбольдт считает, что «язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [2. С. 68]. Фразеологизмы — богатый источник для изучения представлений народа об окружающем мире, о человеке как таковом, его обыденной жизни и представлениях образов мужчины и женщины. Следовательно, фразеологизмы служат средством для изучения народной культуры, так как во фразеологизмах сохраняется опыт людей, накопленный в течение нескольких веков. Как считает В. Н. Телия, «фразеологический состав языка — это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [7. С. 9]. Таким образом, с помощью анализа фразеологизмов мы выявляем понимание и восприятие китайцами и русскими образа женщины.

Материал нашего исследования — пословицы и поговорки русского и китайского языков с лексемами *женщина, девушка, девочка, свекровь, теща, вдова, сваха, мачеха*. Все примеры в данном тексте выбраны из двух словарей: русского словаря «Пословицы и поговорки русского народа» [4] и китайского словаря — «常用谚语辞典» (Словарь часто употребляемых пословиц

[8]. При этом сноски на данные словари в тексте не предусмотрены. Способ исследования — отбор и классификация пословиц и поговорок, анализ, описание и сопоставление.

По мнению А. В. Кирилиной, «паремиология показательна с точки зрения культурных стереотипов, зафиксированных в языке», таким образом, «анализ большого количества единиц позволяет все же сделать вывод о доминирующих тенденциях и оценках» [5. С. 179]. На основе сплошной выборки из «Словаря живого великорусского языка» В. Даля, А. В. Кирилина берет для анализа 242 фразеологических единицы, отражающих жизнь и взгляд женщины на мир, условия и возможности ее социализации. В 242 фразеологизмах выделяется 7 семантических групп (в скобках указано количество соответствующих единиц):

1. Замужество (91).
2. Любовь и привязанность (35).
3. Материнство, деторождение и воспитание (31).
4. Типичная деятельность и самоощущение (26).
5. Родственные отношения (25).
6. Проявление своей воли (18).
7. Существо нерациональное, нелепое, недальновидное (16) [5. С. 186].

Представим семантическое поле образа женщины в русских фразеологизмах (рис. 1).

График показывает, что доля фразеологических единиц о замужестве (группа 1) занимает первое место — 37,6 %, служит ядром образа женщины. Группы 2 и 3 с долями 14,5 % и 12,8 % соответственно составляют предъядерную зону,

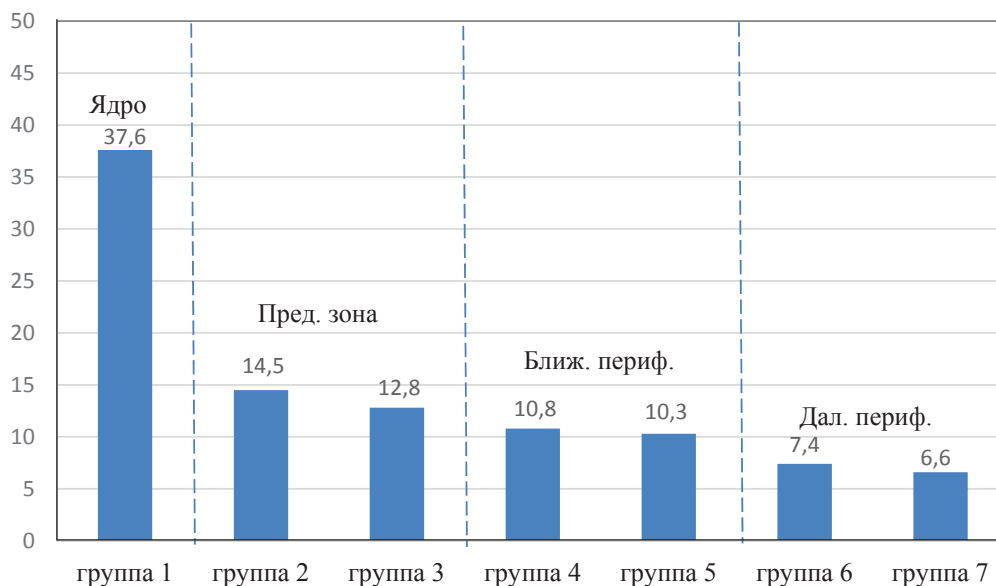

Рис. 1. Семантическое поле образа женщины в русских фразеологизмах (%)

а группы 4 и 5 не имеют большой разницы: 10,8 % и 10,3 % соответственно и являются ближней периферийной зоной. Последние две группы составляют дальнюю периферийную зону — 7,4 % и 6,6 %.

Согласно методике классификации А. В. Кирилиной, пословицы и поговорки в китайском языке, содержащие «женскую» лексику: *женщина, девушка, девочка, свекровь, теща, вдова, сваха, мачеха* — составляют 237 единиц. Они разделены на следующие группы:

1. Замужество (96).
2. Типичные характеры и положение женщин (45).

3. Материнство, деторождение, воспитание (32).
4. Родственные отношения (27).
5. Красавица и некрасивая женщина (21).
6. Целомудрие (16).

Представим семантическое поле образа женщины в китайских фразеологизмах (рис. 2).

Как видим, в китайском языке фразеологические единицы группы «Замужество», как в русском языке, тоже являются ядром, только их доля немного выше, чем в русском языке — 40,5 %. В группе 2 фразеологические единицы, определяющие типичные характеры и положение женщин, занимают 19 % и являются предъядерной

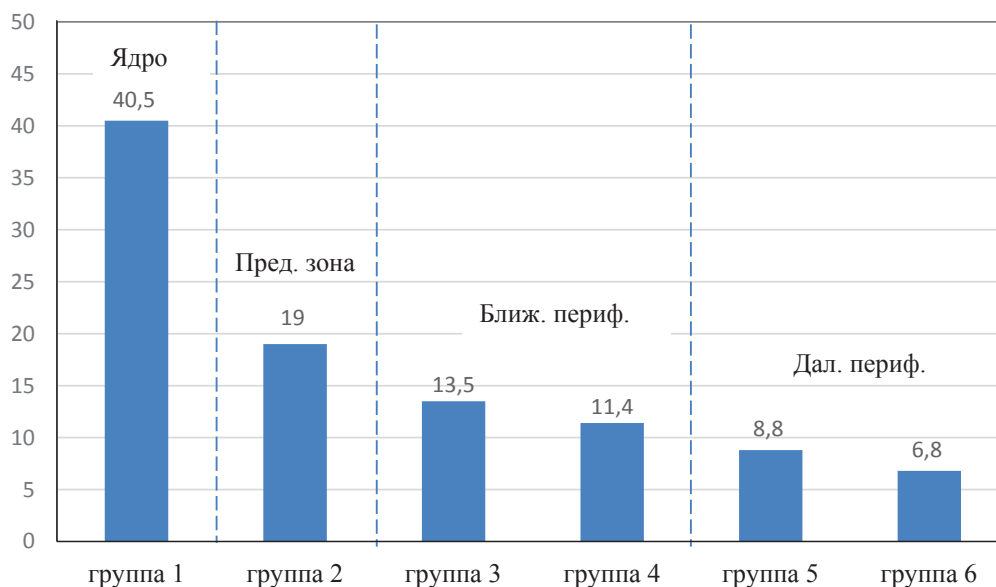

Рис. 2. Семантическое поле образа женщины в китайских фразеологизмах (%)

зоной; группы 3 и 4 соответственно — 13,5 % и 11,4 % — являются ближней периферийной зоной. Последние две группы занимают 8,8 % и 6,8 % — это дальняя периферийная зона.

В целом семантические поля образа женщины в китайском и русском языках различаются. Ядерная зона в процентном отношении немного больше в китайском языке, чем в русском. Предъядерная зона характеризуется компактным положением единиц в китайском языке и представлена только одной группой (19 %); в русском языке эта зона содержит две группы с большим количеством единиц — 27,3 %. Ближняя периферия представлена двумя группами (и в китайском, и в русском языках) с большим количеством единиц в китайском языке (соответственно 24,9 % и 21,1 %). Дальняя периферия не имеет значительной разницы в обоих языках.

Рассмотрим сходства и различия образа женщины, отраженные во фразеологизмах русского и китайского языков.

Во-первых, как в русских фразеологизмах, так и в китайских замужество занимает главное место и составляет, как мы видим на рисунках, ядро образа женщины. В этих богатых содержательных пословицах показаны критерии при выборе второй половины, роль свахи в замужестве, отношения в браке и так далее. Можно разделить эту группу на следующие подгруппы:

а) критерии при выборе второй половины. Китайцы обращают особое внимание на возрастную разницу во время выбора супруга или супруги. Обычно принято, что муж старше жены: например, «男大女小团圆到老» (прям. перевод: Счастливы до конца, чтобы муж был старше жены); «娶妻要小, 嫁汉要老» (прям. перевод: Женишься на младшей, а выйдешь замуж за старшего). Если жена старше мужа, то лучше на два-три года: «女大两, 黄金长, 女大三, 抱金砖» (прям. перевод: Когда жена старше мужа на 2 года, то дома золота становится больше; если на 3 года, то золотой кирпич будет);

б) образ свахи ярко отражен во фразеологизмах. В Китае молодые люди раньше не имели права свободно выбрать свою половину, даже в настоящее время часто можно услышать эту пословицу: «父母之命媒妁之言» (прям. перевод: Вступить в брак по приказанию родителей и уговорам свахи). Поэтому роль свахи очень важна в замужестве, но оценки женщины-свахи в пословицах довольно противоречивы. С одной стороны, сваха играет важную роль в замужестве:

«士羞自献, 女愧无媒» (прям. перевод: Советнику стыдно рекомендовать самого себя, девушке стыдно без рекомендации свахи), а с другой стороны, часто бывают отрицательные оценки, характеризующие женщину-сваху: «无谎不成媒» (прям. перевод: Сваха всегда обманывает), «媒婆口, 没量斗» (прям. перевод: Слова свахи часто преувеличены). А. Р. Дадаева заметила, что «с положительной и отрицательной стороны одновременно женщина рассматривается в образе свахи в русских паремиях, так как сватовство — это исконно русское искусство сведения женихов и невест» [3]. В словаре И. В. Даля приведены такого рода пословицы: «Без нашей свахи и девка не заневестится», «Под добрую сваху комар нос не подточит», «Сваха ходит собачьей тропой». Образ женщины-свахи совпадает в китайских и русских пословицах.

с) Отношение в браке. Под влиянием традиционного конфуцианства в Китае доминирует мнение «男尊女卑 (превосходство мужчины над женщиной)» не только в обществе, но и в семье. Например, китайцы часто говорят «夫唱妇随» (прям. перевод: Муж запекает — жена подпекает) «在家从父, 既嫁从夫, 有子从子» (прям. перевод: До замужества девушка должна следовать наставлениям отца, после замужества — мужа, после смерти мужа — сына).

Во-вторых, в классификации А. В. Кириловой пословицы о любви, привязанности (35) и материнстве, деторождении, воспитании (31) составляют предъядерную зону. Пословицы о любви и привязанности в китайском языке имеются, но очень мало. По нашему мнению, это связано с характером скромного выражения любви у китайцев. Однако материнство, деторождение и воспитание — также важное качество для женщин в Китае (32). «妇人弱也, 而为母则强» (прям. перевод: Будучи женщиной — слабая, а матерью — сильная). «孩子是娘的心头肉» (прям. перевод: Дети — плоть и кровь матери). Деторождение является важным и высоким долгом женщин, поэтому бесплодная женщина часто подвергается большому стрессу и осуждению и часто называется «不会下蛋的母鸡 (не умеющей нестись курицей)». К тому же деторождение тесно связано с положением женщины в семье и обществе, поскольку «母凭子贵» (прям. перевод: Высокое положение матери зависит от рождения сына). В представлениях китайцев мать всегда ассоциируется с положительными качествами женщины, и наоборот, мачеха всегда плохая. Образ мачехи

совпадает в русских и китайских пословицах — это злой и жестокий человек: «晚娘的拳头, 云里的日头» (прям. перевод: У мачехи кулак и солнце за облаками), «有后娘必有后爹» (прям. перевод: Из-за мачехи отец будет отчимом). В русских фразеологизмах образ мачехи также представлен негативно, например, «В лесу медведь, а в дому мачеха»; «Сыр калача белее, а мать мачехи милее»; «Достаток — мать, убожество — мачеха».

В китайских фразеологизмах, как и в русских, предьядерная зона образа женщины включает пословицы и поговорки, отражающие типичные характеры и положение женщины: в обеих культурах представлен образ болтливой женщины. Таких пословиц немало и в китайских, и в русских фразеологизмах: «三个女人一台戏» (прям. перевод: Трех женщины достаточно для драмы), «拙妇巧舌头» (прям. перевод: У неловкой женщины ловкий язык); русские пословицы: «Одна женщина — баба, две бабы — базар, а три — ярмарка», «Волос долог, а язык длинней (у бабы)». Положение женщины прежде всего связано с семейной ролью. Китайское традиционное мнение считает, что «男主外女主内» (прям. перевод: Мужчина заботится о внешних делах, женщина заботится о внутренних делах); 女人总是围着锅台转 (прям. перевод: Женщина крутится всегда в кухне). В русских пословицах также отмечена роль женщины в семье: «Бабе дорога — от печи до порога», «Мужик да собака всегда на дворе, а баба да кошка завсегда в избе». На это указывала Е. С. Прудникова: «Все паремии, описывающие социально-семейные стереотипы при общинном укладе жизни, единодушны: права женщины определены домостроем, ее социальная роль состоит в создании семьи, рождении и воспитании детей, ее удел — ведение хозяйства» [6. С. 105].

В-третьих, число пословиц и поговорок, связанных с родственными отношениями (25) и типичной деятельностью, самоощущением (26) в классификации А. В. Кирилиной почти одинаково. Они составляют ближнюю периферийную зону образа женщины в русских фразеологизмах. В китайских пословицах и поговорках родственные отношения (27) также принадлежат ближней периферийной зоне. Как признает А. В. Кирилина, в пословицах, относящихся к родственным отношениям, женщины имеют много ролей: мать, сестра, дочь, золовка, свекровь, теща, бабка/бабушка, кума [5]. В словаре Даля отмечены такого рода пословицы: «У лихой свекрови и сзади глаза. Невестке на отместку», «Свекор кропотлив,

свекровь журлива, деверь пересмешник, золовка смутлива, ладушко (муж) ревнив», «Свекор журлив, свекровь хлопотница, золовка смутьянка, деверь насмешник» «Сноха свекрови — битая полоса». В китайском языке также существуют пословицы, описывающие сложные отношения в семье и мультиплексные роли женщины, как «妯娌多了是非多, 小姑多了麻烦多» (прям. перевод: Между женами братьев часто ссоры, вокруг золовок всегда хлопоты), «起晚了得罪公婆, 起早了得罪丈夫» (прям. перевод: Вставать поздно — свекор и свекровь не рады, вставать рано — муж не рад), «多年的媳妇熬成婆» (прям. перевод: Через столько лет сноха наконец стала свекровью. Сейчас часто означает, что вслед за горем приходит радость), «婆媳亲, 全家和» (прям. перевод: Если наладятся отношения между снохой и свекровью, то гармония будет в семье). Поэтому неудивительно, что и в русском, и в китайском языках существуют такие пословицы, которые воспевают жизнь до замужества: «Как наденут венец — всему конец», «做一日姑娘做一日仙» (прям. перевод: На самом деле жизнь до замужества — беззаботная и беспечная).

В-четвертых, в дальнюю периферийную зону входят русские фразеологизмы о «проявлении воли женщины» (26) (группа, выделенная в классификации А. В. Кирилиной). Сюда же входит группа, включающая отрицательные представления о женщине (18). Обе группы фразеологизмов показывают положение женщины в обществе. Во фразеологизмах сохраняется традиция андроцентризма, есть рассуждения и отрицание женщины, например, «бабы сказки» в русском языке и в китайском языке «妇人之见» (прямой перевод: женская логика). В китайских пословицах отражается принижение женского ума, с одной стороны, а с другой, имеются пословицы и поговорки о положительной роли женщины: «Мужик без бабы пуще малых деток сирота» и «妇女能顶半边天» (прямой перевод: половина неба — означает, что женщины играют одинаковую роль в семье и обществе наряду с мужчинами). Таких фразеологизмов существует немало в китайском языке.

Выше рассмотрен образ женщины в русских и китайских фразеологизмах. В соответствии с разным историческим опытом и культурными традициями, в каждом этносе отражаются ценные и осуждаемые качества женщины. Рассмотрим следующие.

Во-первых, в предьядерной зоне семантического поля образа женщины в китайском языке

18 пословиц содержат указание на униженное положение девочки. В Китае долгое время доминировало мнение «男尊女卑» (превосходство мужчины над женщиной). Это привело к появлению мнения, что необходимо ценить мужчину и презирать женщину. В этом мы видим причину унижения девочки. Другая причина связана с состоянием содержания пожилых людей в деревне. До 2009 г. пожилые крестьяне не имели пенсии, только после проведения новой политики по отношению к старым людям в 2009 г. в деревне крестьяне могут получать 55 юаней пенсии, в 2017 г. эта цифра повышается до 70 юаней (по курсу 1:8 примерно 560 руб.) [URL: http://www.gov.cn/zwgk/2009-09/04/content_1409216.htm]. Такой суммы недостаточно для существования, поэтому пожилые люди живут обычно на содержании сына: «养儿防老» (прям. перевод: Вырастить сына, чтобы обеспечить себе старость). В Китае, особенно в деревне, считается, что дочь в меньшей мере ответственна за родителей. В китайских фразеологизмах наблюдается явное униженное положение девочки: «嫁出去的姑娘泼出去的水» (прям. перевод: Вышедшая за муж дочь — выплеснутая вода), «一个姑娘顶半个儿子» (прям. перевод: Девочка равняется только половине сына).

Во-вторых, во фразеологизмах дальней периферийной зоны встречаются пословицы и поговорки, отражающие такие качества женщины, как красавица и некрасивая женщина — всего 21 пословица. Образ красавицы часто ассоциируется со злостью и бедой, например: «美色从来是祸胎» (прям. перевод: Красота всегда беда), «红颜祸水» (прям. перевод: роковая женщина) «蛇蝎美女» (прям. перевод: злая женщина как змея и скорпи-

он). Наоборот, некрасивая жена считается кладом в семье: «家有三件宝, 丑妻薄田破棉袄» (прям. перевод: Дома есть три клада — некрасивая жена, тощее поле и рваное ватное пальто), «娶个老婆丑活到九十九» (прям. перевод: Женишься на некрасивой жене, доживешь до 99 лет).

В-третьих, в китайских фразеологизмах пословицы о целомудрии женщины составляют 16 единиц. Целомудрие женщины считается в китайской традиционной культуре более важным, чем жизнь, поэтому раньше в Китае женщинам запрещено выходить замуж вторично, о чем говорят следующие пословицы: «饿死事小失节事大» (прямой перевод: По сравнению с переменой мужа, смерть от голода — мелочь), «好马不备二鞍, 好女不嫁二夫» (прямой перевод: Хороший конь не нуждается в двух седлах, хорошая женщина не выйдет замуж вторично).

Таким образом, образ женщины, отраженный во фразеологизмах русского и китайского языков, в значительной степени совпадает. В группах «Замужество», «Родственные отношения», «Материнство, деторождение, воспитание», «Типичные характеры», «Проявление своей воли» и «Отрицательные представления» мы нашли немало похожих пословиц в русском и китайском языках. Различие состоит в том, что только в китайских фразеологизмах присутствует образ некрасивой женщины; отражено униженное положение женщины и требование ее целомудрия, что не встречается во фразеологизмах, исследуемых А. В. Кириловой. Кроме того, в китайской культуре образ женщины показан на фоне доминирующего положения мужчины в обществе.

Список литературы

1. Волошина, К. С. Фразеологизм как средство концептуализации понятия «гендер»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. С. Волошина. — Нальчик, 2010. — 25 с.
2. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. — М., 2000. — 400 с.
3. Дадаева, А. Р. Женская картина мира в паремологии (на материале русского, немецкого и чеченского языков) / А. Р. Дадаева // *Соврем. тенденции развития науки и технологий*. — 2015. — № 8–5. — С. 19–23.
4. Даль, В. И. Пословицы и поговорки русского народа / В. И. Даль. — М., 2000. — 468 с.
5. Кирилова, А. В. Гендерные аспекты языка и коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук / А. В. Кирилова. — М., 2000. — 369 с.
6. Прудникова, Е. С. Образ женщины в сознании носителей русского языка (на материале паремий) / Е. С. Прудникова // *Вестн. Нижегород. гос. лингвист. ун-та им. Н. А. Добролюбова*. — 2011. — № 15. — С. 100–107.
7. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — М., 1996. — 288 с.
8. *常用谚语辞典/主编温端政.上海辞书出版社, 2014. — 542页.*

Сведения об авторе

Ван Минь — аспирант кафедры теоретического и прикладного языкознания, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия; доцент кафедры русского языка, Шаньдунский женский университет, Цзинань, Китай. wmrussia@163.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 4 (414). *Philology Sciences. Iss. 112. Pp. 44—49.*

THE IMAGE OF WOMEN IN THE PHRASEOLOGICAL UNITS OF RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

Min Wang

Perm State University, Perm, Russia.

Shandong Women's University, Jinan, China. wmrussia@163.com

Language and culture have a close relationship, and their attitude is a major and important subject of study of linguo-culturology. Phraseological units are a rich stock of ideas of the people about the world around, about everyday life of the person, of course, and about the person itself, arguments of the man and the woman. So, phraseological units serve as tools for the study of popular culture. The phraseological units preserve the accumulated experience of people for several centuries. Thus, through the analysis of phraseological units, we have an understanding and perception of Chinese and Russian about the image of women. This article studies the image of women in the phraseological units of Russian and Chinese languages. By selecting and classifying proverbs and sayings with the female lexeme, we obtain four zones of semantic field about the image of women: the nucleus, the pre-nuclear zone, the near peripheral zone and the far peripheral zone, describe similarities and differences in the image of women expressed in phraseological units of two cultures.

Keywords: *image of woman, phraseology, semantic field, linguoculturological approach, Russian language, Chinese language.*

References

1. Voloshina K.S. *Frazeologizm kak sredstvo konceptualizacii ponjatija «gender»* [Phraseology as a means of conceptualization of the concept «gender»]. Nalchik, 2010. 25 p. (In Russ.).
2. Gumbol'dt V. *Izbrannye trudy po jazykoznaniju* [Selected works on linguistics]. Moscow, 2000. 400 p. (In Russ.).
3. Dadaeva A.R. Zhenskaja kartina mira v paremiologii (na materiale russkogo, nemeckogo i chechenskogo jazykov) [Women's picture of the world in paremiology (based on Russian, German and Chechen languages)]. *Sovremennye tendencii razvitija nauki i tehnologii* [Modern trends in the development of science and technology], 2015, no. 8–5, pp. 19–23. (In Russ.).
4. Dal' V.I. *Posloviцы i pogovorki russkogo naroda* [Proverbs and sayings of the Russian nation]. Moscow, 2000. 468 p. (In Russ.).
5. Kirilina A.V. *Gendernye aspekty jazyka i kommunikacii* [Gender aspects of language and communication]. Moscow, 2000. 369 p. (In Russ.).
6. Prudnikova E.S. *Obraz zhenshiny v soznanii nositelei russkogo jazyka (na materiale paremii)* [The image of women in the minds of native speakers of Russian (on the material of Proverbs)]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova* [Bulletin of Nizhny Novgorod Linguistics University], 2011, no. 15, pp. 100–107. (In Russ.).
7. Telija V.N. *Russkaja frazeologija. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow, 1996. 288 p. (In Russ.).
8. Vyен Duan'chzhyen (ed.). *Slovar' chasto upotrebljaemyh posloviц* [Dictionary of frequently used Proverbs]. Shanghai, 2014. 542 p. (In Chinese.).

УДК 81'25
ББК 81.2

ДИНАМИКА ОСВОЕНИЯ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ К УСТНОМУ ПЕРЕВОДУ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Т. А. Волкова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

И. Д. Сивуха

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания МОиН РФ по проекту № 34.6111.2017/БЧ (тема «Медиаперевод в современных информационных условиях»)

В статье описаны содержание и результаты опроса и экспериментального исследования, направленных на изучение способов освоения предметной области при подготовке к устному переводу. Проанализированы трудности, возникающие при последовательном переводе на разных этапах освоения предметной области. Уровень освоения переводчиком предметной области в той или иной мере влияет на полноту перевода, качество передачи терминологии и специфических сегментов исходного текста, переводческое поведение.

Ключевые слова: *предметная область, устный перевод, последовательный перевод, подготовка к переводу, освоение предметной области, эксперимент, качество устного перевода, переводческое поведение.*

Положение о том, что переводчику необходимо заранее готовиться к устному переводу, уметь пользоваться терминологическими глоссариями, параллельными текстами, справочными интернет-ресурсами, использовать в профессиональных целях блоги, форумы, социальные сети, обращаться за консультациями к более опытным переводчикам или специалистам в осваиваемой предметной области и так далее, не вызывает дискуссий в профессиональном сообществе. Однако изучению способов освоения предметной области при подготовке к устному переводу посвящено, на наш взгляд, не так много исследований. В настоящей статье проанализированы рекомендации по освоению предметной области при подготовке к устному переводу и результаты проведенного нами опроса, посвященного способам освоения предметной области, представлены результаты многоэтапного эксперимента с участием студентов-переводчиков, направленного на исследование способов освоения переводчиком новой предметной области при подготовке к устному переводу.

Отметим, что подготовку к переводу и освоение предметной области мы соотносим как общее и частное и считаем освоение предметной области одним из элементов процесса подготов-

ки. Вопросы о самостоятельной информационной подготовке к устному переводу, освоении тематики перевода и освоении предметной области рассматривались одним из соавторов ранее [2; 3; 4]. В частности, «переводчику необходимо выяснить, с деятельностью какой организации (организаций, структур) связан предстоящий устный перевод. Переводчик анализирует материалы официального интернет-сайта организации или компании; как правило, необходимо изучить структуру сайта, выяснить, на каком языке представлена основная информация, на какие языки переведен сайт, насколько полными являются иноязычные версии <...> Определив разделы, содержащие необходимую информацию по тематике перевода, переводчик <...> подбирает из материалов основного сайта и иных источников тексты по тематике перевода на исходном языке и языке перевода, составляет двуязычный глоссарий по тематике перевода, определяет корпус основных понятий и используемых специальных терминов <...>, составляет собственную подборку интернет-ресурсов и иных источников по заявленной тематике, обращая <...> особое внимание на степень их достоверности» [3. С. 100–101]. Аналогичные рекомендации по освоению предметной области формулирует И. М. Хавкин:

«Обязательное требование — предварительное ознакомление с предметом <...> Изучить <...> тему по энциклопедиям, специальным справочникам, на соответствующих веб-сайтах <...>, [найти материал], посвященный именно исследуемому узкому вопросу, и [использовать] термины и стиль, принятые в документе на языке перевода. [Использовать] разнообразные источники информации; чем больше справочных материалов переводчик использует (с учетом имеющихся объективных возможностей), тем выше гарантия получения удовлетворительного результата» [5. С. 16]. Е. В. Бартов предлагает ряд «приемов тематического самообразования», в частности, рекомендации по изучению терминологии: «Для того, чтобы быть уверенным, что [переводчик] знает термин, [он] должен знать по возможности: его определение; из чего состоит [соответствующий объект]; как работает; какие задачи решает; какое место в системе занимает; от чего зависит; какие у него плюсы и минусы. Несомненно, при такой постановке задача освоения тематики сильно усложняется, но зато термин заседает в мозгу очень прочно, а переводчик получает возможность защитить свое переводческое решение осознанно, с техническим обоснованием, а не по наитию» [1].

Мы предприняли попытку определить «минимальный набор» способов, которые используют начинающие переводчики для освоения предметной области при подготовке к устному переводу, и с этой целью провели анкетирование и поэтапное экспериментальное исследование, содержание и результаты которых подробнее рассмотрим далее.

1. Освоение предметной области при подготовке к устному переводу: анкетирование

В первом блоке анкеты мы собрали общую информацию о респондентах (возраст, образование, переводческий стаж и так далее). Анкетирование проводилось преимущественно среди обучающихся английского отделения факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета: студенты третьего курса, специальность «Перевод и переводоведение», которые принимали участие в последующих этапах экспериментального исследования, обучаясь на четвертом и пятом курсах; студенты четвертого и пятого курсов, специальность «Перевод и переводоведение»; студенты третьего курса бакалавриата, профиль «Лингвистика»; студенты первого курса магистратуры. Возраст анкетирова-

емых — от 20 до 26 лет, переводческий стаж преимущественно составил от одного года до трех лет.

Второй блок анкеты состоял из вопросов профессионального характера, которые позволили установить примерную схему подготовки к устному переводу, используемую респондентами: как переводчики представляют себе процесс освоения предметной области и какие способы освоения предметной области используют при подготовке к устному переводу. Цитируем несколько вопросов:

- «Считаете ли вы необходимым осваивать новую предметную область при подготовке к устному переводу, следуя определенной схеме?»;
- «Какие критерии важны для вас при отборе текстов для освоения новой предметной области при подготовке к устному переводу?»;
- «В процессе освоения новой предметной области при подготовке к устному переводу используете ли вы параллельные тексты?»;
- «Насколько важны для вас материалы, полученные от заказчика, в процессе освоения новой предметной области?» и так далее.

По результатам опроса главными критериями при отборе текстов для освоения предметной области являются аутентичность (100 %), надежность источника (90 %) и актуальность материала (85 %). Большинство (95 %) респондентов указали, что используют параллельные тексты при освоении предметной области в ходе подготовки к устному переводу; 90 % опрошенных считают материалы, которые предоставляют заказчики, важным элементом в процессе освоения новой предметной области при подготовке к устному переводу. Все респонденты (100 %) используют глоссарии при подготовке к устному переводу (составляют самостоятельно либо дополняют найденные в сети).

Большинство опрошенных (80 %) указали, что при освоении предметной области в ходе подготовки к устному переводу используют справочную литературу: энциклопедии, словари, учебники для школ, высших и средних учебных заведений, нормативную документацию и так далее.

Респонденты указали, что в процессе освоения предметной области регулярно пользуются интернет-источниками, среди которых:

- сайты компаний, связанных с предстоящим устным переводом (90 %);
- учебные видеоматериалы, аудиоматериалы (85 %);
- переводческие форумы (75 %);

электронные версии учебников и справочников, которые снабжены гиперссылками (70 %);

сайты отраслевых мероприятий для специалистов данной предметной области (60 %);

справочные онлайн-системы, отраслевые порталы, соответствующие данной предметной области (55 %);

отраслевые блоги (50 %).

При освоении предметной области большинство опрошенных нами переводчиков (90 %) обращаются к иллюстрациям, чтобы понять, как выглядит, например, оборудование, о котором пойдет речь на предстоящем мероприятии.

Кроме того, в анкетах мы попросили респондентов описать свои способы подготовки к устному переводу. Ниже приведем некоторые из полученных ответов (в авторской редакции):

«Составление глоссария, при необходимости просмотр видео- и аудиоматериалов, изображений, заучивание (полное / частичное) глоссария».

«Поверхностно ознакомиться с широкой предметной областью (например, станки с ЧПУ) — детально ознакомиться с узкой предметной областью (например, станки с ЧПУ для изготовления металлоконструкций) — набор глоссария — уточнение терминологии у заказчика по возможности».

«1) Языковая подготовка; 2) определение специализации, области; 3) формирование базовой подготовленности к переводу; 4) подготовка глоссария; 5) формирование переводческого поведения».

«Изучаю необходимые материалы, информацию по новой предметной области, составляю глоссарии, обращаюсь к учебным пособиям, справочникам. При необходимости к заказчику» и так далее.

В анкету, заполняемую испытуемыми после выполнения последовательного перевода, мы включили третий блок вопросов, которые касались именно перевода предложенной в ходе эксперимента видеозаписи:

«С какими трудностями вы столкнулись при переводе?»;

«Если у вас возникали трудности во время устного перевода, как вы их преодолевали?»;

«Оцените свой перевод по шкале от 1 до 6 баллов»;

«Объясните выбор оценки собственного перевода».

Ответы испытуемых на вопросы третьего блока анкеты мы использовали при анализе выполненного ими последовательного перевода.

В основу составленных нами анкет легли базовые рекомендации по освоению предметной области: составление глоссариев, изучение тематической литературы, освоение предметной области на родном языке, визуализация конкретных терминов (просмотр иллюстраций, графиков, схем, чертежей и так далее), консультации со специалистом в конкретной предметной области, чтение отраслевых блогов, сайтов, форумов и так далее. Систематизированная на основе результатов опроса примерная схема освоения новой предметной области выглядит следующим образом: составление (дополнение) глоссария; поиск параллельных текстов в рамках заданной тематики, поиск текстов в рамках смежных тематик; поиск по картинкам (для наглядности и понимания устройства оборудования); чтение справочной литературы; консультации с опытными переводчиками и отраслевыми специалистами; посещение переводческих сайтов, чтение форумов и блогов.

Далее подробнее остановимся на результатах проведенного экспериментального исследования.

2. Освоение предметной области при подготовке к устному переводу: экспериментальное исследование

Экспериментальное исследование состояло из трех этапов, каждый из этапов предполагал выполнение устного последовательного перевода с английского языка на русский, в эксперименте на всех этапах участвовала одна и та же академическая группа английского отделения факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета. В первом этапе эксперимента принимали участие обучающиеся четвертого курса, предметная область — неорганическая химия; испытуемые приступали к переводу без специальной подготовки. Спустя несколько недель студенты принимали участие во втором этапе эксперимента, предметная область — неорганическая химия; в отличие от первого этапа, студенты осуществляли последовательный перевод с предварительной подготовкой, материалы для подготовки были высланы испытуемым за две недели до проведения эксперимента. На пятом курсе студенты принимали участие в третьем этапе эксперимента, предметная область — генетика; испытуемые имели возможность подготовиться к устному переводу, но, в отличие от второго этапа, осуществляли подготовку самостоятельно.

Общая схема этапов эксперимента

Этап эксперимента	Информация об участниках	Условия освоения предметной области
Первый этап	Обучающиеся четвертого курса факультета лингвистики и перевода ЧелГУ, английское отделение	Глоссарий (50 единиц). Участникам известна только предметная область — неорганическая химия. Без подготовки
Второй этап	Обучающиеся четвертого курса факультета лингвистики и перевода ЧелГУ, английское отделение	Глоссарий (100 единиц), список ресурсов для подготовки*. Предметная область — неорганическая химия. Участникам известна конкретная тема лекции (химическое равновесие). Время на подготовку: две недели
Третий этап	Обучающиеся пятого курса факультета лингвистики и перевода ЧелГУ, английское отделение	Без глоссария. Предметная область — генетика. Участникам известна только предметная область — генетика. Время на подготовку: две недели

* Мы также были открыты для связи — участники эксперимента могли задавать нам любые вопросы, просить дополнительные материалы и т. п.

Для первого и второго этапов экспериментального исследования (4 курс) в качестве общей предметной области мы выбрали неорганическую химию, исходные тексты — видеозаписи лекций. В лекции, отобранной для первого этапа, преподаватель активно использует слайды — мы предположили, что видеоряд может помочь участникам эксперимента заполнить пробелы, возникающие в процессе выполнения устного последовательного перевода. Для третьего этапа экспериментального исследования (5 курс) в качестве предметной области была выбрана генетика. На всех этапах после выполнения устного последовательного перевода мы просили испытуемых заполнить анкету (третий блок вопросов).

Обратимся подробнее к первому этапу экспериментального исследования. Переводчикам была заранее известна только предметная область — неорганическая химия. Мы исходили из того, что уровень освоения предметной области участниками при таких условиях заведомо невысок, единственным ориентиром, помимо обозначенной предметной области, для них был англо-русский глоссарий, который мы составили исключительно по предложенной впоследствии лекции¹. В экспериментальном исследовании на первом

этапе приняло участие семь испытуемых, с помощью жеребьевки мы определили их очередность. Общая продолжительность фрагмента, предложенного каждому переводчику, составила шесть минут (три отрывка по две минуты).

Мы проводили видеосъемку участников и дополнительно оценивали их переводческое поведение в процессе последовательного перевода; мы исходили из того, что переводчик должен держаться значительно увереннее, когда он готов к переводу². В ряде случаев переводчики признали, что их переводческое поведение было непрофессиональным, поскольку они не владели предметной областью и потому были напряжены, искали помощи у коллег и так далее, что в определенной степени подтверждает наше предположение. Кроме того, мы письменно фиксировали переводческие трудности и то, как участники эксперимента справлялись с ними. По завершении каждого этапа эксперимента все записи анализировались.

Обратимся к характеристике одного из участников первого этапа экспериментального исследования. Заполняя анкету, переводчик указал, что в процессе освоения предметной области

¹ Можно также предположить, что в определенной степени переводчики могли опираться на остаточные знания по неорганической химии из курса средней школы, однако этот фактор едва ли может быть решающим.

² Мы ориентировались на стандартные установки, используемые в процессе обучения переводчиков и известные участникам эксперимента: переводчику важно оставаться собранным, голос должен звучать четко и внятно; переводчик не должен показывать сомнений, переживаний или страха перед аудиторией.

при подготовке к устному переводу использует: электронные версии учебников и справочников, снабженные поиском, гиперссылками, сайты компаний, связанных и не связанных с предстоящим устным переводом, сайты отраслевых мероприятий (конференций, форумов) для специалистов в данной предметной области, сайты мероприятий (конференций, форумов) для переводчиков, справочные онлайн-системы, отраслевые порталы, соответствующие данной предметной области, учебные видеоматериалы, аудиоматериалы, социальные сети, поиск по картинкам. Переводчик предпочитает использовать глоссарии, составленные самостоятельно, поскольку считает, что глоссарии, составленные другими переводчиками, «не являются полными, каждый переводчик должен “подгонять” глоссарий под себя».

Заполняя анкету после выполнения перевода на первом этапе, свой перевод участник оценил на три балла, объясняя это абсолютно новой для себя тематикой, а также тем, что у него, по его собственным словам, мало остаточных знаний из школьного курса химии. Сложными для переводчика в предложенном для последовательного перевода видеофрагменте оказались «терминология, химические уравнения, названия элементов таблицы Менделеева»:

Оригинал: “...Design a reaction using acetic acid and sodium bicarbonate that will evolve the largest amount of CO₂ gas to inflate a plastic bag...”

Перевод: «...Составьте химическую реакцию с уксусной кислотой и бикарбонатом натрия / пищевой содой, которая позволит получить максимальное количество углекислого газа для того, чтобы надуть пакет...».

Вариант переводчика: «... Составьте химическую реакцию с одним химическим элементом и с другим химическим элементом...».

Из-за незнания русскоязычных эквивалентов названий химических элементов переводчик не указывает, что именно нужно использовать для реакции.

Проблемы, которые возникали во время устного перевода, переводчик, по его собственным словам, решал «с помощью перифразы и генерализации».

Следующий испытуемый на первом этапе экспериментального исследования выбрал не очень удачную позицию для перевода: переводчик стоял спиной к реципиентам, аудитория не всегда слышала, что он говорит. Переводчик держался

неуверенно, не всегда понимал, о чем идет речь в исходной лекции, пытался опираться на свои фоновые знания в предложенной предметной области, что не всегда обеспечивало верный перевод. О недостаточном владении предметной областью свидетельствуют ошибки при передаче терминов и антропонимов, неточности и нарушения узуса, например:

Оригинал: “...The question is now...it’s easy to do it with gases, because this guy Avogadro said ‘gases that have the same volume have the same number of molecules or particles’...”

Перевод: «...С газами это сделать легко, поскольку однажды некий Авогадро выявил, что в равных объемах различных газов содержится одно и то же число молекул...».

Вариант переводчика: «...Это легко делать вместе с газами, потому что один парень, которого звали Авогардо, сказал, что в разных газах содержится одинаковое число молекул...».

В другом примере переводчику не удается в полной мере осмыслить связи между разделами науки:

Оригинал: “...We can describe chemistry by the difference in energy state; this is called thermodynamics. How we got there has nothing to do with chemistry, or rather nothing to do with the chemistry that we are interested in; this is called kinetics...”

Перевод: «...Мы можем описать химию через разницу энергетических состояний; это называется термодинамика. То, как мы пришли к результату реакции, не имеет ничего общего с химией, точнее, с той химией, которая нас интересует; то, как мы пришли к результату, называется кинетикой...».

Вариант переводчика: «...Мы можем описать химию через разницу энергетических состояний; это называется термодинамика, а в свою очередь противоположное явление термодинамики — кинетика...».

Сложности и неточности при передаче терминологии возникали и на втором этапе эксперимента. Так, при переводе следующего фрагмента переводчик опустил типы химических реакций:

Оригинал: “...just by looking at this, just by counting the molecules on the left side and on the right side, is there anyone who could tell me if it’s exothermic or endothermic...”

Перевод: «...кто из вас, посчитав количество молекул с левой и с правой стороны, может сказать, какая это реакция — эндотермическая или экзотермическая?...».

Вариант переводчика: «...Смотря с какой стороны находятся молекулы, можно сказать, какая это реакция...».

Кроме того, переводчик выбрал неправильное положение, стоя спиной к аудитории, говорил очень тихо, несколько раз повторял перевод понятых им фрагментов, чтобы заполнить паузы в переводе; часто комментировал собственный перевод во время работы, пытался обращаться за помощью к аудитории. Анализ ответов переводчика на вопросы анкеты после выполнения перевода на втором этапе эксперимента показал, что ему было сложно читать химические формулы и понимать терминологию. По словам испытуемого, в данном фрагменте он не смог выстроить для себя логическую цепочку, поскольку не понимал, о чем идет речь, не уделив должного внимания освоению предметной области.

Опущение при переводе следующего сегмента также связано с уровнем освоения переводчиком предметной области: необходимо прочесть уравнение на слайде, которое комментирует оратор.

Оригинал: "...so we have a concentration of N_2O_4 and a concentration of NO_2 ; we know that the volume is doubled; and with this, the Q now is a half, that is, one half times $P N_2O_4$ divided by one half times $P NO_2$ squared; so K is twice as large now..."

Перевод: «...итак, у нас есть какая-то концентрация N_2O_4 и NO_2 , и мы знаем, что объем увеличен в два раза. Таким образом, коэффициент реакции равняется половине парциального давления N_2O_4 , деленной на квадрат половины парциального давления NO_2 ; таким образом, K теперь в два раза больше...».

Вариант переводчика: «...у нас есть N_2O_4 и NO_2 , которые увеличены в два раза, поэтому реакция произошла...».

Сложности, безусловно, вызывает и высокая плотность информации, и словесное описание уравнения, но прежде всего переводчику необходимо понимать, что именно записано. Интересно, что испытуемый в последующей беседе связал опущение при переводе сегмента с выбором между «кью» и «ку» для передачи Q в уравнении при устном описании: не сумев сделать выбор, переводчик опустил заключительную часть предложения, чтобы минимизировать, по его собственным словам, потери времени.

Основная цель третьего этапа экспериментального исследования заключалась в том, чтобы предоставить испытуемым полную свободу при подготовке к переводу и оценить используемые ими

способы освоения предметной области, сравнивая результаты текущего и предыдущих этапов¹.

Мы не можем, безусловно, говорить об эталонном переводе на третьем этапе эксперимента. Так, сохраняются трудности перевода терминологии в сегментах с высокой плотностью информации:

Оригинал: "...and these three publications in 2005 had all noted that in many cases you could match these spacer sequences to the DNA sequences that occur in bacteriophages or plasmids..."

Перевод: «...и во всех трех работах, опубликованных в 2005 году, было указано, что в большинстве случаев можно совместить эти спейсерные области с последовательностями ДНК, наблюдаемыми у бактериофагов или плазмид...».

Вариант переводчика: «...в трех публикациях, опубликованных в 2005 году, было сказано, что часто можно совместить пробелы в последовательностях с последовательностями ДНК...».

В следующем примере испытуемый в целом демонстрирует владение предметной областью, однако переносит в текст перевода аббревиатуру, не учитывая характер (широкой) целевой аудитории:

Оригинал: "...There were two very important things they figured out about how this actually works; one was that the sites that are cleaved in the DNA have to be adjacent to the motif called PAM..."

Перевод: «...они выявили два очень важных момента в этом процессе; первый заключался в том, что расщепляемые участки ДНК должны располагаться рядом с мотивом, прилегающим к протоспейсеру...».

Вариант переводчика: «...они нашли два очень важных момента в этом процессе: во-первых, расщепляемые участки ДНК должны располагаться рядом с ПАМ...».

В ряде случаев ошибки были вызваны не столько трудностями, связанными с освоением предметной области, сколько другими экстралингвистическими факторами, например, потерей концентрации:

Оригинал: "...what Joel showed me was that a lot of the bacteria that they were acquiring sequences for had very conspicuous one or more loci

¹ Дополнительно отметим, что ранее обучающиеся в рамках курса по устному последовательному переводу работали с научно-популярными материалами по основам генетики (4 курс, 8 семестр), поэтому в определенной степени могли опираться на остаточные знания.

in the genome that consisted of a repetitive sequence, typically about 40 base pairs in length...”.

Перевод: «...Джоэл показала мне, что значительное число бактерий, для которых их лаборатория пыталась получить нуклеотидную последовательность генов, имели в своем геноме один или несколько участков, состоящих из повторяющейся последовательности длиной в среднем в 40 пар оснований...».

Вариант переводчика: «... тогда она показала мне, что много бактерий имеют несколько участков, а именно где-то 40...».

В процессе устного перевода испытуемый заметно отвлекался; в ходе последующей беседы с переводчиком мы выяснили, что он «не успел сосредоточиться на переводе», поэтому выпустил значительный фрагмент исходного предложения и потерял логическую связь.

Мы осознаем, что к моменту проведения третьего этапа экспериментального исследования переводчики накопили определенный опыт (учебного) перевода в целом, однако можно и говорить и об определенном опыте в освоении предметной области. Приведем фрагмент, в котором переводчик демонстрирует понимание процесса и верно передает комментарий лектора к уравнению (форму текста перевода пока, безусловно, нельзя назвать оптимальной):

Оригинал: “...so we have this equation here; if we increase the amount of products, what will happen? I am getting out of equilibrium, so in order to get back into equilibrium, I have to increase the partial pressure here [of oxygen], and it goes to this side. With this, I will drive oxygen out of the hem...”.

Перевод: «...Итак, у нас имеется данное уравнение. Что произойдет, если мы увеличим количество продуктов реакции? Равновесия больше не наблюдается, поэтому чтобы вернуться к нему, необходимо увеличить парциальное давление кислорода, чтобы он переместился влево. Таким образом, я удалю кислород из гемоглобина...».

Вариант переводчика: «...У нас есть уравнение. Что произойдет, если мы увеличим продукты реакции? Поэтому, чтобы вернуть равновесие, надо сдвинуть кислород влево, и у меня получится убрать кислород из гемоглобина...».

Будучи ограничены объемом статьи, обратимся к ключевым положениям исследования. Мы сравнили результаты всех этапов эксперимента с целью проследить, насколько полными являются тексты перевода, как переводчики владеют терминологией, как описывают при переводе гра-

фики и читают химические уравнения на слайдах, как меняется переводческое поведение.

В части полноты информации отметим, что на первом этапе эксперимента мы зафиксировали значительное количество пауз в переводе, переводчики часто опускали фактическую информацию, теряли смысловые и логические связи. Безусловно, не всегда это было связано с недостаточным освоением предметной области. Так, участники нередко переводили все, что успели зафиксировать в блокноте, не пытаясь передать главную мысль отрывка, и логика повествования периодически нарушалась; повторяли одну и ту же фразу несколько раз подряд, чтобы заполнить паузы, что могло быть обусловлено недостаточным словарным запасом переводчиков, особенностями подачи материала лектором, незначительными посторонними шумами и так далее. На втором этапе переводчики делали меньше пауз и пытались передать суть отрывка. Мы связываем это с тем, что участники эксперимента четче понимали свою задачу и более ответственно подошли к переводу; в определенной степени этому способствовала подготовка к устному переводу и предварительная работа с предложенной терминологией. Третий этап эксперимента, на наш взгляд, можно считать наиболее успешным: необоснованных пауз в переводе стало меньше, в основном они зафиксированы во фрагментах с высокой плотностью информации либо обусловлены нечеткими логическими связями в отдельных сегментах оригинала.

Безусловно, на полноту перевода на разных этапах эксперимента влияла степень владения переводчиками специальной терминологией в области химии и генетики. В первой лекции концентрация терминов была невысокой (для последовательного перевода мы предложили вводную лекцию курса). Трудности, возникшие при передаче базовой терминологии, свидетельствуют о недостатке специальных знаний в выбранной предметной области. Предварительно подготовившись, переводчики закономерно более успешно справились со специальной терминологией, которой в предложенной на втором этапе лекции было значительно больше. В третьей лекции (предметная область — генетика) специальные термины также встречались достаточно часто, и переводчики в целом справились с передачей терминологии, при этом предметную область на третьем этапе эксперимента они осваивали самостоятельно. Положительную дина-

мику мы можем связать с наличием упомянутых выше остаточных знаний, накоплением профессионального опыта в целом и более эффективным использованием различных способов освоения предметной области.

Кроме того, на первых двух этапах эксперимента сложность представляла передача при переводе описаний уравнений и графиков. В ходе лекции преподаватель активно использовал слайды, на которых были приведены химические уравнения. Переводчики не всегда успевали зафиксировать необходимый объем информации, иногда не знали, как правильно прочитать уравнение, не помнили, как читаются отдельные элементы таблицы Менделеева, пытались передать написанное и по-латыни, и по-английски. В результате в большинстве случаев текстовые (устные) описания химических реакций участники первого этапа эксперимента при переводе опускали. Ко второму этапу эксперимента переводчики были более подготовлены, поэтому трудностей с чтением химических уравнений было меньше. В ходе видеолекции по генетике на третьем этапе эксперимента лектор также обращался к химическим уравнениям, но в лекции по генетике они встречались значительно реже и представляли меньшую трудность, нежели в лекциях по химии; при ведении записей переводчики успевали фиксировать большинство уравнений и могли верно их передать.

Передача устных описаний графиков вызвала особую сложность у переводчиков на первом и втором этапах эксперимента, когда лекторы активно использовали слайды с графиками. С одной стороны, переводчики не всегда могли зафиксировать необходимый для перевода объем информации, с другой стороны, часто забывали, что видеоряд меняется и в момент звучания перевода реципиенты уже не видят график на экране (на третьем этапе эксперимента переводчики в большинстве случаев учли эту особенность). Полагаем, что сложности на начальных этапах связаны не с конкретной предметной областью, а с недостаточно развитым умением испытуемых работать с видеорядом и значительным объемом информации в процессе последовательного перевода, положительная динамика на заключительном этапе эксперимента — с более четким представлением участников о ходе испытания.

Отдельно коротко остановимся на передаче примеров и в определенной степени профессионального юмора. Смысл шуток в первых двух лекциях переводчики понимали с трудом: от-

части это связано с тем, что шутки носили профессиональный характер и требовали высокого уровня владения предметной областью, отчасти с тем, что шутки оказывались «локальными», т. е. их могли понять только лектор и его студенты¹. Передача примеров на первом и втором этапах эксперимента также вызвала трудности. Лекторы стремились объяснить своим студентам сложные формулы на примере бытовых вещей, но переводчикам далеко не всегда удавалось быстро сориентироваться и понять, почему, например, лектор сравнивает атомы с зефиром. В результате такие фрагменты оказались при переводе опущены.

Отметим, что трудности при переводе примеров в третьей лекции не были обусловлены только предметной областью. Так, в оригинале мы находим множество отсылок к экспериментам Грегора Менделя с горохом, к которым лектор обращается в качестве примера. То, что эти эксперименты будут упомянуты в лекции, переводчики могли только предполагать, однако после выполнения перевода испытуемые указали в анкетах, что при подготовке практически сразу вспомнили этот пример из школьной программы и целенаправленно обратились к его более подробному описанию, что при выполнении последующего устного перевода оказалось эффективным. Однако на фоне этого примера лектор также обращается к собственному раннему опыту (аналогичные самостоятельные эксперименты на уроках биологии в школе), и в этом случае логическую связь между экспериментами Менделя вообще и опытом лектора в частности большинству переводчиков распознать не удается.

Эмпирические данные позволяют сделать ряд выводов. Так, чтобы составить для себя первое представление об изучаемой предметной области, начинающие переводчики преимущественно используют онлайн-ресурсы и находят иллюстрации, позволяющие понять, как выглядят те или иные объекты, о которых будет идти речь в процессе перевода. Примерный «минимум» способов освоения новой предметной области при подготовке к устному переводу, таким образом, может быть сведен к пяти основным компонентам: составление глоссариев; поиск и отбор параллельных текстов; консультация

¹ Безусловно, мы учитываем и сложности передачи юмора при устном переводе в принципе, связанные с недостатком времени, культурными факторами и так далее.

с более опытными переводчиками и отраслевыми специалистами; изучение справочной литературы; просмотр иллюстраций.

Взаимосвязь между трудностями перевода и возможными способами освоения предметной области может быть обусловлена конкретной предметной областью, прогнозируемой или конкретной темой исходного (устного) текста и индивидуальными предпочтениями переводчика в выборе способов освоения предметной области. Уровень освоения переводчиком предметной области в той или иной мере влияет на полноту перевода, качество передачи терминологии и специфических сегментов исходного текста (примеры, словесное описание уравнений, графиков, профессиональный юмор), переводческое поведение. Трудности устного перевода, сохраняющиеся на разных этапах освоения предметной области, могут быть обусловлены недостаточным освоением предметной области, незначительным опытом реальной переводческой деятельности, другими экстралингвистическими факторами.

Полученные результаты ограничены объемом выборки и составом испытуемых. Несмотря

на то, что в ходе эксперимента мы создавали для переводчиков разные условия и стремились проследить, как совершенствуется алгоритм освоения предметной области, мы осознаем, что на качество перевода могли повлиять динамика профессионального роста в целом (от третьего курса обучения к пятому), психологические факторы, специфика моделируемой ситуации (привычное окружение, более четкое понимание испытуемыми собственных задач по мере развертывания экспериментального исследования). Однако это лишь подтверждает, на наш взгляд, актуальность избранного направления исследований и необходимость дальнейшего изучения вопроса. Являясь неотъемлемой частью процесса подготовки к устному переводу, освоение новой предметной области может быть рассмотрено с разных позиций в рамках теории, практики и дидактики перевода: этапы освоения предметной области переводчиком, критерии эффективности, профессиональные подязыки, универсальные и индивидуальные способы освоения предметной области, соответствующие методики обучения.

Список литературы

1. Бартов, Е. В. Приемы тематического самообразования / Е. В. Бартов // Альянс ПРО Школа отраслевых переводчиков. — URL: <http://school.tran.su/self-education>.
2. Волкова, Т. А. Дискурсивно-коммуникативная модель перевода в подготовке к переводу конференций / Т. А. Волкова // Индустрия перевода и информационное обеспечение инновационной научной и образовательной деятельности : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Пермь, 4–5 февраля 2010 г.). — Пермь, 2010. — С. 119–126.
3. Волкова, Т. А. Дискурсивно-коммуникативная модель перевода в профессиональной подготовке переводчиков / Т. А. Волкова // Вестн. Нижегород. гос. лингвист. ун-та им. Н. А. Добролюбова. — 2012. — Вып. 20. — С. 96–105.
4. Волкова, Т. А. Экстралингвистические параметры в модели перевода / Т. А. Волкова // Профессионально-ориентированный перевод: реальность и перспективы : сб. науч. тр. 11-й Междунар. науч.-метод. интернет-конф. (Москва, 4–8 апреля 2016 г.) / под ред. Н. Н. Гавриленко. — М., 2016. — С. 72–81.
5. Хавкин, И. М. Занимательный специальный перевод: пособие для начинающих переводчиков с примерами типичных ошибок (на материале английского и некоторых романских языков) / И. М. Хавкин. — 2015.

Сведения об авторах

Волкова Татьяна Александровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода факультета лингвистики и перевода, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. tatia.volkova@gmail.com

Сивуха Ирина Дмитриевна — выпускница, факультет лингвистики и перевода, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. iriskas103@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2018. No. 4 (414). Philology Sciences. Iss. 112. Pp. 50—59.

DEVELOPING DOMAIN EXPERTISE PREPARING FOR AN INTERPRETING ASSIGNMENT: AN EXPERIMENTAL STUDY

T. A. Volkova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. tatia.volkova@gmail.com

I. D. Sivukha

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. iriskas103@mail.ru

The paper focuses on developing domain expertise when preparing for an interpreting assignment and describes the results of a survey and an experimental study that outline interpreters' methods for developing domain expertise. We analyze difficulties that consecutive interpreters face when developing domain expertise at various stages. Empirical data for a group of trainee interpreters show that the level of domain expertise influences, to a certain extent, the completeness of information in the target text, the quality of interpreting with regard to terminology and specific source text segments, an interpreter's delivery, etc. We suggest a correlation between interpreting difficulties and methods used for developing domain expertise basing on a given subject domain, a particular source text subject, or interpreters' individual preferences for selecting methods to develop domain expertise. Interpreting difficulties that reoccur at various stages of developing domain expertise may be caused by an insufficient level of domain expertise, limited professional experience and other extralinguistic factors.

Keywords: *subject domain, interpreting, consecutive interpreting, preparing for an interpreting assignment, domain expertise, experiment, interpreting quality, interpreter's delivery.*

References

1. Bartov E.V. Priemy tematicheskogo samoobrazovaniya [Domain-specific knowledge: a self-teaching guide]. *Al'yans PRO Shkola otraslevykh perevodchikov* [Alliance PRO School of Specialist Translators]. Available at: <http://school.tran.su/self-education>, accessed 26.02.2018. (In Russ.).
2. Volkova T.A. Diskursivno-kommunikativnaya model' perevoda v podgotovke k perevodu konferentsiy [Discourse and communication translation model in preparing to interpret a conference]. *Industriya perevoda i informatsionnoe obespechenie innovatsionnoi nauchnoi i obrazovatel'noi deyatel'nosti* [Translation industry and information services for innovative science and education]. Perm, 2010. Pp. 119–126. (In Russ.).
3. Volkova T.A. Diskursivno-kommunikativnaya model' perevoda v professional'noj podgotovke perevodchikov [Discourse and communication translation model in professional interpreter and translator training]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova* [Bulletin of Nizhny Novgorod State Linguistics University], 2012, no. 20, pp. 96–105. (In Russ.).
4. Volkova T.A. Jekstralingvisticheskie parametry v modeli perevoda [Extralinguistic parameters in translation modeling]. *Professional'no-orientirovanniy perevod: real'nost' i perspektivy* [Professionally oriented translation: reality and prospects]. Moscow, 2016. Pp. 72–81. (In Russ.).
5. Khavkin I.M. *Zanimatel'nyi spetsial'nyi perevod: posobie dlya nachinayushchikh perevodchikov s primerami tipichnykh oshibok (na materiale angliiskogo i nekotorykh romanskikh yazykov)* [Specialized translation made interesting: a handbook for novice translators with examples of common mistakes (English and some Romanic languages)], 2015. (In Russ.).

УДК 81'42

ОБРАЗНЫЙ КОМПОНЕНТ АБСТРАКТНОГО КОНЦЕПТА (на примере концепта «консерватизм»)

Н. Б. Даниленко

Челябинский государственный университет (филиал в г. Миассе), Миасс, Россия

Статья посвящена особенностям выявления и описания образной составляющей абстрактного концепта (на примере концепта «консерватизм»). Анализ сочетаемости основного имени (ключевого слова) исследуемого нами абстрактного концепта «консерватизм» с предикатами физического действия и дескриптивными прилагательными позволяет выявить гештальты — имплицитные образы, составляющие образный компонент абстрактного концепта. В работе также проанализировано употребление производного от ключевого слова прилагательного «консервативный». Все выявленные признаки включаются в структуру описываемого нами концепта. Проведенный анализ позволяет описать ассоциативный образ абстрактного концепта «консерватизм», свойственный русскому языковому сознанию.

Ключевые слова: образный компонент, концепт, абстрактное имя, анализ сочетаемости, глагольная метафора, гештальт, имплицитный образ, русское языковое сознание.

Образ является важнейшей составляющей концептов разных типов, что делает изучение его места и роли в концепте весьма актуальной научной задачей. Целью данной статьи является исследование образного компонента абстрактного концепта «консерватизм» посредством анализа контекстуального употребления его основного имени (ключевого слова), поскольку именно семантическое поле с именем концепта признается основной единицей анализа концепта. В дальнейшем в нашей статье мы будем называть основное имя абстрактного концепта «консерватизм» абстрактным именем *консерватизм*.

Выявление образа как компонента значения слова возможно посредством анализа словарных дефиниций, включающих указания на чувственные образы, которые могут быть отражены непосредственно в толковании значения, в примерах, сопровождающих это толкование; либо в определении толкового словаря, содержащего лакуну, «отводимую» под описание чувственного образа, а также психолингвистического перцептивного эксперимента.

Вслед за И. А. Стерниным мы полагаем, что вне зависимости от характера семантики лексемы (абстрактной — конкретной) образный компонент является неотъемлемым элементом семантической структуры слова, его существенной чертой [9].

Рассуждая о способах выявления чувственно-образного, И. А. Стернин указывает на тот факт, что в связи с особенностями лексического зна-

чения существительных конкретной семантики, информация о чувственном образе последних содержится непосредственно в дефиниции значения слова, тогда как информация о чувственных представлениях, связанных с абстрактными именами, преимущественно отражена либо в толковании нескольких значений многозначного абстрактного существительного, либо в примерах, сопровождающих словарную статью.

Исследуемый нами концепт «консерватизм» принадлежит к категории базовых социальных концептов. М. В. Пименова указывает на то, что концепты такого типа составляют фундамент языка и всей картины мира. Актуальность исследования таких концептов отмечает и Н. В. Григоренко, обосновывая это тем, что их содержание определяется нормами бытования социума, таким образом, они представляют знания о внутреннем мире человека.

Концепт «консерватизм» обладает высокой степенью абстракции, соответственно, в словарные дефиниции основного имени данного концепта не включены указания на чувственные образы, указания на таковые обнаруживаются в единичных примерах, приведенных в некоторых словарных статьях: «Муж по обыкновению спорил для того, чтобы *щегольнуть* перед гостями своим *консерватизмом*». Чехов (Толковый словарь Ушакова). «*Необузданный консерватизм патриархального быта, — вот чем отличается наше общественное мнение*». Писарев. Стоячая вода (Словарь галлицизмов русского языка).

Поскольку анализируемый нами концепт «консерватизм» относится к категории абстрактных концептов, следовательно, возникает вопрос об особенностях концептуального анализа образной составляющей абстрактных имен. Объектом концептуального анализа культурно значимых абстрактных имен является свободная и метафорическая сочетаемость имени, репрезентирующая так называемое «языковое знание». Базовым принципом существования абстрактного субстантива в континууме сознания и речи называют диалектику конкретного и абстрактного [11].

Образ абстрактного понятия может быть выявлен только через конкретные понятия и их образы, на основе метафор, метонимии или конкретизирующих связей с этими абстрактными понятиями. Анализ соединения абстрактного имени с разными предикатами физического действия, дескриптивными прилагательными, конкретными вещными существительными позволяет сформировать ассоциативный образ абстрактного концепта.

Как правило, «вещными коннотациями» абстрактные сущности наделяются через предикат (авторитет завоевывают, теряют, он может лопнуть). Предикативную глагольную метафору Н. Д. Арутюнова называет когнитивной [1]. В глагольной метафоре предикат эксплицирован и обозначает то свойство по действию, которое представляется общим двум явлениям: конкретному и абстрактному. Буквальное прочтение глагола позволяет вывести имплицитный вспомогательный субъект метафоры. Такой имплицитный образ принято называть гештальтом.

Здесь целесообразно будет пояснить различие между образом и гештальтом. Характеризуя особенности гештальта, Л. О. Чернейко указывает на тот факт, что последний является имплицитной глагольной (или именной) сочетаемостью имени, в то время как образ всегда эксплицирован. Языковой образ возникает при одновременном видении двух явлений. В случае, когда при соединении субстантива и глагола одновременное видение двух явлений опосредуется предикатом, абстрактное имя становится коннотативно зависимым от глагола (метафоризатора). Из сочетания основного эксплицитного субъекта метафоры и глагола в его прямом значении возможно вывести дополнительный имплицитный образ абстрактного имени — гештальт. Мы полагаем, что именно такие скрытые образы (гештальты) составляют образный компонент абстрактного концепта.

По мнению многих исследователей, в частности Н. Н. Болдырева, для выявления структуры и содержания различных концептов необходимо исследовать не только значения языковых единиц, репрезентирующих данный концепт, и их словарные толкования, но и речевые контексты. К тому же, как отмечает К. С. Добрынина, представленные в словаре определения и границы сочетаемости слова в общем смысле отличаются от его текстового употребления. Текст выступает как непосредственная действительность мысли, выражаемой через язык.

Анализируемые далее сочетания взяты из культурно значимых текстов различных жанров (современная художественная проза, мемуарно-биографическая литература, журнальная и газетная публицистика, новости, научные и научно-популярные тексты, религиозно-философские тексты), представленных в Национальном корпусе русского языка. В текстах данного типа обнаруживаются как обыденные представления носителей языка об исследуемом нами явлении, так и научные. Именно обыденные представления носителей языка должны послужить основой моделирования концепта.

Для выявления когнитивных признаков в ходе исследования были отобраны в большинстве часто повторяющиеся общеизвестные контексты, представляющие гештальт «консерватизм».

Рассмотрим сочетания абстрактного имени *консерватизм* с глаголами, обозначающими эмпирически воспринимаемое действие. Предикат в данном случае эксплицирован и позволяет раскрыть гештальт (скрытый образ) исследуемого нами абстрактного концепта.

Прежде всего, интересны скрытые в вербализации концепта «консерватизм» глубинные антропоморфные метафоры. Посредством метафор данного типа консерватизм овеществляется и персонифицируется. Смысл анализируемых метафорических сочетаний выводится из гештальта основного субъекта метафоры — абстрактного имени *консерватизм*, которое предстает в качестве метафоризируемого, и глагола — метафоризатора. Консерватизм представляется как нечто **живое (растение)**, которое имеет свои корни и развивается, нуждается в пище (*консерватизм зародился, консерватизм возникает на почве удобств, консерватизм живет, вырвать с корнем консерватизм* (возможно, это сорняк, так как именно такой вид растений вырывают с корнем), *консерватизм не прижился, обрядовечерский*

консерватизм питается языческими корнями). Консерватизм может быть **партнером** (*консерватизм помогает, консерватизм способствует*), **другом** (*консерватизм идет рука об руку*) или **врагом** (*побороть консерватизм, бичевать консерватизм, обмануть консерватизм, сломить консерватизм*), порой мнимым (*реабилитировать консерватизм, консерватизм может быть оправдан* — реабилитируют, как правило, незаконно обвиняемого), **слугой** (*консерватизм служит*), защищая от нежелательных потрясений, **героем, уважаемым лицом** (*консерватизм в почете, восхвалять консерватизм, воспевать консерватизм*), **вредителем** (*консерватизм может сыграть плохую службу*). Как мы видим, глубинные антропоморфные образы концепта «консерватизм» могут быть кардинально противоположными: **друг** — **враг**, **помощник** — **вредитель**. Такие отличия объясняются тем, что образы и символы, заключенные в слова, могут быть истолкованы разными наблюдателями по-разному [3].

Кроме антропоморфных метафор, образный аспект изучаемого понятия вербализуется и в вещных контекстах. Сочетание *цеглять консерватизмом* раскрывает гештальт КОНСЕРВАТИЗМ — НАРЯД, некая внешняя оболочка, представляющая собой предмет гордости, по которой можно распознать индивидуума (сообщество). Сочетание *консерватизм работает* представляет консерватизм как **механизм**, у которого, как у любого механизма, могут происходить сбои (*консерватизм не вполне работает*). Сочетания *преодолеть консерватизм, консерватизм не позволяет, консерватизм стал помехой, консерватизм встал на пути* демонстрируют видение консерватизма как **преграды (препятствия)**, которую необходимо преодолеть. Очевиден скрытый характер выявленных в процессе анализа гештальтов, являющихся импликатурой глагольной сочетаемости указанного абстрактного имени.

Наконец, выявлено несколько концептуальных метафор, метафоризатором в которых выступает природное явление. Сочетание абстрактного имени *консерватизм* с дескриптивным прилагательными *дремучий* имплицитно сему **лес**, поскольку именно эта сущность является денотатом прилагательного *дремучий*. Подобно тому, как лес представляет собой неокультуренную стихийно разросшуюся среду, в которой главной жизненной формой являются деревья, консерватизм —

это также **стихия** неокультуренная, темная, живущая по определенным законам. Иногда эту стихию трудно сдержать (*необузданный консерватизм*). И для того, чтобы существовать в этой системе, необходимо понимать, как она устроена (*понять консерватизм, трактовать консерватизм*).

Ключевое слово (основное имя) является основным средством объективации, вербализации концепта в коммуникативном процессе и, соответственно, анализ когнитивного содержания концепта через сочетаемость ключевого слова — номинанта концепта является важным этапом в процессе описания концептов. Однако внимания заслуживает не только ключевое слово, но и его производные [9]. Таким образом, нам представляется необходимым проанализировать употребление производного от ключевого слова прилагательного «консервативный». В примерах такого рода прилагательное «консервативный» употребляется в переносных значениях, выступая в качестве метафоризатора для номинации других концептов. Вместе с тем эти значения, как мы полагаем, отражают сигнификативные признаки самого концепта «консерватизм».

В словосочетаниях *консервативный стиль (одежды), дизайн (мебели, интерьера, автомобиля)* слово *консервативный* имеет значение «классический», отличающийся высоким качеством, отсутствием остромодных деталей, который всегда будет актуален: *Клубная парковая культура традиционна и стара, как сама культура. Ей присущи определенный консерватизм, свои ритуалы. Это уровень платный и потому предполагает ландшафтное качество высшего класса* (Алла Смирнова. Инесе Грундуле: «Ландшафтный архитектор — это миссия и... порыв!» (2002) // «Ландшафтный дизайн», 2002.01.15).

Значение «надежный» отражено в словосочетании *консервативный портфель*. Такой портфель ценных бумаг характеризуется низким уровнем риска: *«Если он выбирает консервативный портфель инвестиций, полностью составленный из госбумаг, то может рассчитывать на государственные гарантии»* (Лиза Голикова. Вы старейте — вам зачтется // «Коммерсантъ-Власть», 2002). *Консервативный бюджет, прогноз, сценарий* предполагают планирование с минимальным риском: *«Пока выбран консервативный сценарий. События будут развиваться эволюционно, постепенно, — рассуждает глава политической экспертной группы Константин*

Калачев» (Наталья Башлыкова, Петр Козлов. Удмуртию доверили 63-летнему сенатору Александру Соловьеву // Известия, 2014.02.19).

Консервативный метод лечения — это лечение без проведения операции, соответственно, такой метод является менее травматичным, щадящим для пациента. *Консервативный человек* — это человек, отстаивающий неизменность прошлого, выступающий против новизны (и, имплицитно, прогресса), однако такие люди в большинстве своем надежны и дисциплинированы: «*Мама, в сущности, очень консервативный человек: любит, чтобы во всем был раз и навсегда заведенный порядок*» (Владимир Жаботинский. Пятёро (1936)).

Становится очевидным, что в русскоязычном сознании слово консервативный ассоциируется с чем-то **не только устаревшим и несовременным, противодействующим прогрессу, но и классическим, качественным, надежным**. Более того, обнаружены словосочетания, в которых прилагательное консервативный характеризует концепты «модернизм» и «прогресс» как преобразовательные процессы, происходящие постепенно, без разрушения того, без чего невозможно естественное существование: **Консервативный модернизм** *включал в себя сторонников малых преобразований эволюционного типа* (Александр Яковлев. Омут памяти. Т. 2 (2001)). *Между тем необходимо, как писал перед смертью своей Достоевский, возвращаться к корням. Это единственный консервативный способ прогресса. Поглядите на живую природу* (М. О. Меньшиков. Заветы веков (1913.02.21)). Таким образом, развитие в определенной степени включает в себе консервативный элемент.

Анализ выявленных нами ранее гештальтов позволяет описать ассоциативный образ абстракт-

ного концепта «консерватизм», свойственный русскому языковому сознанию. Как показывает наш анализ, консерватизм метафоризируется с помощью антропоморфных, вещных, элементарных и качественных образов: КОНСЕРВАТИЗМ ЕСТЬ ДРУГ — ВРАГ, ПОМОЩНИК — ВРЕДИТЕЛЬ, ГЕРОЙ, СЛУГА, ПАРТНЕР; КОНСЕРВАТИЗМ ЕСТЬ РАСТЕНИЕ, НАРЯД, МЕХАНИЗМ, ПРЕПЯТСТВИЕ, СТИХИЯ.

Образный компонент концепта «консерватизм» может быть представлен более абстрактно. Итак, консерватизм — это некая живая, постоянно развивающаяся сила (*старый добрый консерватизм, новый консерватизм*), призванная сохранять заведенный порядок, сопротивляющаяся резким переменам, за что ее порой критикуют (*критиковать за консерватизм*), с которой необходимо считаться (*учитывать консерватизм*). Данная сила в состоянии защитить и поэтому она — нечто ценное (*консерватизм ценят, воспевают консерватизм, да здравствует консерватизм*). Однако, оценивается такая сила не всегда положительно, чаще представляя собой препятствие, которое нужно преодолеть.

Кроме того, мы полагаем, что признаки других концептов, актуализированные производным от основы “conservare” прилагательным «консервативный», выступающим в качестве метафоризатора, в то же время соответствуют когнитивным (сигнификативным) признакам самого концепта «консерватизм». Консерватизм — это нечто *устаревшее, но надежное, качественное, связанное с разумным эволюционным развитием и движением вперед*. Все указанные признаки включаются в структуру описываемого нами концепта «консерватизм», являясь метафорически-образным расширением структуры содержания последнего.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры / Н. Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. Сер. Лит. и язык. — 1978. — Т. 37, № 4. — С. 333–343.
2. Болдырев, Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н. Н. Болдырев // Вопр. когнитив. лингвистики. — 2004. — № 1. — С. 18–37.
3. Васильев, А. Д. Вербализация концепта «власть» в языковом сознании красноярцев / А. Д. Васильев // Вестн. Краснояр. гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева. — 2015. — № 2 (32). — С. 206–213.
4. Григоренко, Н. В. Исследование механизма формирования абстрактного концепта / Н. В. Григоренко, Е. А. Камышанченко // Науч. результат. Сер. «Вопр. приклад. и теорет. лингвистики». — 2016. — Т. 2, № 1 (7). — С. 10–14.
5. Добрынина, К. С. Манифестация концепта в словарях и тексте (на примере концепта JEALOUSY / К. С. Добрынина // Вестн. Краснояр. гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева. — 2012. — № 1 (19). — С. 258–262.

6. Епишкин, Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка / Н. И. Епишкин. — М., 2010. — URL: <http://gallicismes.academic.ru/19818/Консерватизм>.
7. Национальный корпус русского языка. — URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html>.
8. Пименова, М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования / М. В. Пименова // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. — 2013. — № 2 (54), т. 2. — С. 127–131.
9. Стернин, И. А. Слово и образ : монография / И. А. Стернин, М. Я. Розенфельд. — Воронеж, 2008. — 243 с.
10. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1935–1940. — URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/839030/Консерватизм>.
11. Чернейко, Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени / Л. О. Чернейко. — М., 1997. — 349 с.

Сведения об авторе

Даниленко Наталья Борисовна — старший преподаватель кафедры филологии, Челябинский государственный университет (филиал в г. Миассе). Миасс, Россия. nbdanilenko@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 4 (414). *Philology Sciences. Iss. 112. Pp. 60–65.*

FIGURATIVE COMPONENT OF AN ABSTRACT CONCEPT (using the example of the concept “conservatism”)

N. B. Danilenko

Chelyabinsk State University (Branch) in Miass. nbdanilenko@gmail.com

The article is aimed to highlight the peculiarities of identification and description of a figurative component of an abstract concept. The analysis of compatibility of the primary name (key word) of the concept «conservatism» with predicates of physical action and descriptive adjectives allows to disclose gestalts — the implicit images of an abstract concept. The use of the derivative of the keyword adjective conservative is also analyzed in the article. All the exposed features are included in the structure of the concept described. The carried-out analysis allows to describe an associative peculiar to the Russian language perception image of the abstract concept «conservatism».

Keywords: *figurative component, concept, abstract name, the analysis of compatibility, verbal metaphor, gestalt, implicit image, the Russian language perception.*

References

1. Arutjunova N.D. Funkcional'nye tipy jazykovoj metafory [Functional types of language metaphor]. *Izvestia. AN SSSR* [Proceedings. The Academy of Sciences], 1978, vol. 37, no. 4, pp. 333–343. (In Russ.).
2. Boldyrev N.N. Konceptual'noe prostranstvo kognitivnoj lingvistiki [Conceptual sphere of cognitive linguistics]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [The Issues of Cognitive Linguistics], 2004, no. 1, pp. 18–37. (In Russ.).
3. Vasil'ev A.D. Verbalizacija koncepta «vlast'» v jazykovom soznanii krasnojarccev [The verbalization of the concept “power” in the language perception of people living in Krasnoyarsk]. *Vestnik Krasnojarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva* [The bulletin of KSPU named after V. P. Astafev], 2015, no. 2 (32), pp. 206–213. (In Russ.).
4. Grigorenko N.V., Kamyshanchenko E.A. Issledovanie mehanizma formirovaniya abstraktnogo koncepta [The study of the methods of creation of abstract concept]. *Setevoj zhurnal «Nauchnyj rezul'tat». Serija «Voprosy prikladnoj i teoreticheskoj lingvistiki»* [Network periodical “Scientific Journal”. Series “The Issues of Applied and Theoretical Linguistics”], 2016, vol. 2, no. 1 (7), pp. 10–14. (In Russ.).
5. Dobrynina K.S. Manifestacija koncepta v slovarjah i tekste (na primere koncepta JEALOSY [Manifestation du concept dans les dictionnaires et le texte (en utilisant l'exemple du concept JEALOSY)]. *Vestnik Krasnojarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva* [The bulletin of KSPU named after V.P. Astafev], 2012, no. 1 (19), pp. 258–262. (In Russ.).

6. Epishkin N.I. Istoricheskij slovar' gallicizmov russkogo jazyka [Historical Vocabulary of Russian Gallicisms]. *Slovarnoe izdatel'stvo JeTS* [Lexicographic Publishing House ETS]. Moscow, 2010. Available at: <http://gallicismes.academic.ru/19818/Conservatism>, accessed 14.12.2017. (In Russ.).

7. *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html>, accessed 14.12.2017. (In Russ.).

8. Pimenova M.V. Tipy konceptov i jetapy konceptual'nogo issledovanija [The types of concepts and the stages of conceptual analysis]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [The bulletin of KemSU], 2013, no. 2 (54), vol. 2, pp. 127–131. (In Russ.).

9. Sternin I.A., Rozenfel'd M.Ja. *Slovo i obraz* [Word and Image]. Voronezh, 2008. 243 p. (In Russ.).

10. Ushakov D.N. (ed.). *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Russian Explanatory Dictionary]. Moscow, 1935–1940. Available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/839030/Conservatism>, accessed 14.12.2017. (In Russ.).

11. Chernejko L.O. *Lingvo-filosofskij analiz abstraktnogo imeni* [Lingvo-philosophical analysis of abstract name]. Moscow, 1997. 349 p. (In Russ.).

УДК 81(09)+392.51
ББК 82.3(2)5-40

ВАРИАТИВНОСТЬ СВАДЕБНОГО КОМПЛЕКСА (ПОЭЗИЯ И ОБРЯД) В ШАДРИНСКОМ УЕЗДЕ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА (по записям зауральского фольклориста А. Н. Зырянова)

О. С. Драгунова

Курганский государственный университет, Курган, Россия

На основе записей фольклориста А. Н. Зырянова в статье рассматриваются различные проявления вариативности (поэзии и драматургии) в зауральском свадебном обряде середины XIX в. Материалы А. Н. Зырянова позволяют по-новому оценить локальную специфику зауральского свадебного обряда, расширяют представления региональной и общероссийской фольклористики о важнейшем в жизненном цикле человека семейном обряде.

Ключевые слова: *вариативность, традиционный обряд, свадьба, поэзия и драматургия свадебного обряда.*

Обращение зауральского фольклориста Александра Никифоровича Зырянова к исследованию локального варианта свадьбы не случайно, потому что он относился к этому обряду как к истоку зарождения семьи, «союза, примерно в любви, согласии четы»¹ [8]. Обряды «простонародных» свадеб зауральских поселян в его представлении — это значимый структурный компонент культуры края, «что-то отличительное, свойственное отдаленным предкам, одним словом, странное, забавное, восхитительное и причудливое» [8]. По его мнению, традиционный зауральский свадебный обряд вобрал в себя представления «простолюдинов» об основании межродовых отношений, чести, справедливости, нормах семейной жизни и духовных ценностей, основанных на началах «неразрывных уз брака».

А. Н. Зырянов дважды обращался к осмыслению традиционного зауральского свадебного обряда. Документальное свидетельство тому — ранняя рукопись «Свадьбы Пермской губернии» (1850 г.), хранящаяся в научном архиве Русского географического общества (Санкт-Петербург) [8] и более поздняя серия статей «Свадебные обряды в Шадринском уезде Пермской губернии», опубликованная на страницах периодического издания «Пермские губернские ведомости» (1863–1864 гг.) [2; 3; 4; 5; 6; 7]. Анализ как опубликованного, так и неопубликованного наследия провинциального фольклориста А. Н. Зырянова позволя-

ет манифестировать его как новатора, избравшего комплексный подход к изучению специфики зауральской свадьбы, который обнаруживается, в частности, в понимании им свадьбы как единства поэзии и драматургии: «Там исторгается весь запас античных понятий, верований и предрассудков; там питается вся изобретательность ума в выговоре и определении периодов свадебных, там все соединяется: и поэзия, и характеристика, и местность народа» [2. С. 234]. В его трудах нашли отражение главные аспекты региональной свадебной обрядности: типы зауральской свадьбы, ее хронология, драматургия и поэзия.

А. Н. Зырянов первым в региональной фольклористике отметил различные проявления вариативности в свадебной обрядности Приисетья в середине XIX в. Для современной фольклористики вариативность как одна из концептуальных характеристик устного народного творчества является аксиоматичной. Согласимся с Б. Н. Путиловым, который относился к вариативности как к отражению природы фольклорного творчества. Он полагал, что «типология вариантов связана с внутренними закономерностями развития фольклора» [10. С. 201]. Варианты, по утверждению исследователя, реализуют «заложенную в фольклоре тенденцию к возможно более полному, глубокому и объемному воплощению замысла, к охвату его многоаспектной природы» [10. С. 205].

Фольклорист А. Н. Зырянов проявил внимание к вариативности конкретных проявлений как обрядовой, так и поэтической составляющей свадь-

¹ В данной статье мы будем ссылаться на архивный источник без указания страниц, так как в нем отсутствует внутренняя нумерация.

бы. Отметим интерес А. Н. Зырянова к некоторым разночтениям в рамках сюжета зауральской свадьбы. Им зафиксирована типология сельских свадеб на территории Шадринского уезда Пермской губернии в середине XIX в.: в ранней рукописи указано два типа совершаемых свадеб: «бегляя» (убегом) и «действительные», в более поздней серии статей значатся свадьбы «тroyакого рода: «добрыя (в полном блеске и почете), бегляя (тайные, скрытные и спешные) и сводные» [3. С. 246]. Последние, по свидетельству А. Н. Зырянова, совершались только между раскольниками, отвергающими священство и богослужение.

Собиратель А. Н. Зырянов указал и на разночтения в номенклатуре и наименованиях свадебных чинов, встречающихся на территории Пермской губернии: «В волостях же Мехонской, Каргапольской, Маслянской, Смолинской и частию Иванищевской бояр не знают. Места их занимают дружка с подружьями. Знахарь, в западном краю Шадринского округа называемый дружкой, здесь известен под именем сторожа, вежливец, наговорщика и опасного и приглашается тоже неизбежно к присутствованию на свадьбе для охранения ее» [6. С. 17]. Однако, пишет А. Н. Зырянов, исключение из этого составляют обитатели села Иванищевского, которые «вовсе незнакомы со знахарями» [2. С. 235]. Исчисляя количество пользующихся известностью в зауральском крае знахарей, «великих знатоков, ведущихся ныне изредка где-то», собиратель определил соотношение их к народонаселению как 3 на 1000 человек [2. С. 235].

На роль дружки в зауральском варианте свадьбы возлагались ролевые задачи другого традиционного для общерусской традиции свадебного «чина» — колдуна, знахаря. Не случайно отмечается наложение номинаций: «Знахарь, помещному дружка, в свадьбе лицо первенствующее» [8]. О подобной диффузии «чинов» как о тенденции, вообще свойственной свадебной обрядности XIX в., писал П. С. Богословский: «Различные названия чинов, при совпадении и даже тождественности функций, говорят о пережитой ими эволюции. Пример такого совпадения в некоторых местах можно видеть у таких основных чинов, как дружка и тысяцкий, или дружка и вежливец (знахарь), или же тысяцкий и большой боярин» [1. С. 52].

Владение А. Н. Зыряновым принципами собирательской работы проявилось в фиксации и ряда

других свадебных чинов. Так, перечисляя основной состав участвующих в свадьбе, «сродных свадьбам многих местностей других уездов», начало которых изошло из одного корня — древней Руси», А. Н. Зырянов отметил еще один чин со стороны невесты — ее родного или двоюродного брата, так называемого «посленика», который принимал участие в конце свадьбы или даже после нее, доставляя приданое и постель невесты в дом мужа. Аналогичный чин «посляне», зафиксированный А. Н. Зыряновым, обнаружен нами в списке П. С. Богословского под номером 175 в труде «К номенклатуре, топографии и хронологии свадебных чинов» [1. С. 28]. Имевший распространение на территории Пермской губернии «особый» чин «посляне» имел различные названия в других уголках России: «коробейные сваты, коробейщики, коробейники, дерюжники, вечеровые, пировые, постельники, постельные свахи, приданки, возники» и так далее [1. С. 28–31]. В своих комментариях А. Н. Зырянов указал на разночтения в наименовании свадебного чина «посляна», которого в Мехонской и некоторых других волостях не посылали с приданым и постелью, но эту функцию выполняла постельная сваха, которая избиралась из родственников невесты и была обязана до возвращения из церкви четы поместить постель на место и убрать ее занавескою в доме жениха [2]. Отметим отсутствие данного свадебного чина в ранней рукописи зауральского исследователя.

Глубокий интерес А. Н. Зырянова к свадьбе проявился в его внимании к деталям. Комментируя численный состав участников зауральской свадьбы, А. Н. Зырянов указал на то, что «подразделения и изменения допущены в местностях разъединенных, раздробленных, отличительных, что ясно раскрывают наблюдения по этнографии» [2. С. 235].

Как исследователь региональной свадебной традиции А. Н. Зырянов отметил некоторые локальные черты, свойственные отдельным зауральским селам. Так, он уточняет различия в праздничном снаряжении свадебного поезда: «Экипажей на этот раз готовится до шести; у дуг навязываются всегда по два или три колокольца; сверх того множество лент и платков разноцветных и разнородных. Так ездят по волости Долматовской, Петропавловской, Уксянской, Белоярской, Батуринской и частию Иванищевской [6]. В Мехонской, Каргапольской, Маслянской, Смолинской волостях и в некоторых селениях

Иванищевской волости поезд членов свадьбы отличается особая «роскошь и изысканность в платье, в упряжи и вообще во всех наружных украшениях» [6. С. 17]. По свидетельству А. Н. Зырянова, в Верхтеченской и Бродоколматской волостях такого изобилия украшений не знали, там свадебный поезд выглядел скромнее.

Зафиксированные А. Н. Зыряновым различные виды ритуальных преград для входа поезжан после венчания в церкви в дом жениха также свидетельствуют о вариативности свадебного обряда: «За столом насажены малолетние ребята, не выпускающие без платы новоприбывших, вооружены кочергами, хлыстами и палками» [8]; «Стол гостиной обсаживается малолетними детьми, вооруженными палками, лучиной, ухватами, имеющими целью заградить места гостям <...>. В Мехонской волости этого не делается, и дети не участвуют в свадебных обрядах. Напротив, там перед входом в дом жениха прикалывается к столу иглою или булавкою алая лента, которая не может быть снята никем, кроме родителей невесты. Этим самым жених бывает вынужден платить деньги, чтобы сняли ленту и дали место ему за столом» [7. С. 43].

Еще один аспект, свидетельствующий о стереотипности взгляда фольклориста на проблему, — включение в ракурс исследования предметного кода свадьбы, рассмотрение духовной и материальной культур ритуала как взаимозависимых категорий. А. Н. Зырянов отметил уникальность местного обычая, известного под названием «ломать калинку» (бить посуду в знак «чистоты» невесты), который выражался «в изломе разной черепной, деревянной и фарфоровой посуды, то есть корчаг, кринок, горшков, ложек, чашек и тарелок» [8]; «На свадебных весельях и пиршествах у люда сельского и городского, менее достаточного, умильно радуют груди ломи и черепьев посуды, доказывающие целомудрие молодух» [9. С. 9]. В ранней рукописи А. Н. Зыряновым засвидетельствовано локальное разрушение в ряде волостей Шадринского уезда данного традиционного ритуала: «У других же такого обычая нет, кроме молвы» [8].

Наконец, внимателен фольклорист к проявлению вариативности в свадебной поэзии Зауралья. Поясняя поэтическое сопровождение ряда свадебных обрядовых действий, он приводит варианты текстов «зорных» песен, которые исполняла невеста на открытом крыльце. Первый вариант приведен А. Н. Зыряновым в его ранней рукописи:

Слава, слава, ты Боже Господи,
 Меня выпустил сударь-батюшка
 На широкую большую улицу,
 На проезду на дороженьку.
 Посмотрю же я, молода жена,
 На все четыре сторонушки,
 Оно все же стоит по-старому,
 Оно все же стоит по-прежнему.
 Теремы при с теремками,
 Города с пригородками,
 Церкви божественски с крестами животворя-
 щими.

Стоит матушкин высок терем,
 Батюшкин нов дом и широкий двор,
 Сестрицын новой садик
 Со яблонью да со кудрявою.
 Только у нас не по-старому,
 Только у нас не по-прежнему.
 Уже красна девица (имя, отчество невесты)
 Отказал ей сударь-батюшка
 От его да хлеба от соли,
 От премногой большой милости.
 Засадил ее сударь-батюшка
 В темной куть да за занавеску
 Со кумушками, со подружками.
 Наделил сударь-батюшка
 Все тоской да все кручиною [8].

Второй вариант «зорной песни» в записи А. Н. Зырянова опубликован на страницах газеты «Пермские губернские ведомости»:

Зоря ты моя, зорюшка,
 Все по-старому, все по-прежнему!
 Уж вы часты звездочки,
 Все по-старому, все по-прежнему!
 Уж ты млад светел месяц,
 Все по-старому, все по-прежнему!
 Все пути-дороженьки,
 Все по-старому, все по-прежнему!
 Все кусточки ракищевы,
 Все по-старому, все по-прежнему!
 Как стоит нов, высок терем
 Он по-старому, все по-прежнему!
 Как в том новом тереме
 Не по-старому, не по-прежнему!
 Как душа красна-девица, Палагея Степановна,
 Не по-старому, не по-прежнему! [4. С. 251].

Сопоставляя тексты «зорных песен» в записи А. Н. Зырянова, можно сделать вывод о том, что это не разные произведения, а варианты одной песни. Общими для обоих текстов являются рефрены («Все по-старому, все по-прежнему!», «Не по-старому, не по-прежнему!»), сюжетная

коллизия и художественная функциональность обеих песен (лирическая героиня оплакивает решение батюшки отдать ее на «чужую» сторону и провозглашает свое нежелание выходить замуж). Схожа структура развития сюжета: сначала перечисляются объекты, попадающие в поле зрения героини, сохранившие свой традиционный облик, а далее им противопоставляется насильственно измененная судьба девушки.

Вместе с тем реализация единого для «зорных» песен замысла в каждой из них различна. Отметим несовпадение способа повествования: в первом тексте о судьбе лирической героини повествуется от первого лица, во втором — от лица подруг невесты, когда невеста выходит на крыльцо или в сени и «делает причеты», выговаривая при этом те же самые слова песни. По свидетельству А. Н. Зырянова, окончание песни «довершается» самой невестой иначе, а именно:

Я-то, горька, бедная,
 Не по-старому, не по-прежнему!
 Красила дивью красоту.
 Уж я вечером, по месяцу,
 Днем-то, да я по солнышку
 Краше да краше я красного солнышка!
 [4. С. 251].

А. Н. Зырянов отметил вариативность свадебного обряда, создаваемую и рядом других

элементов драматургии. Характерно различие в перечне объектов, демонстрирующих традиционность мироздания в противовес переходному статусу лирической героини в зауральской свадьбе: в первом варианте «зорной» песни речь идет о предметах земного космоса, во втором — об астральных светилах («красное солнышко», «млад, светел месяц», «часты звездочки»). Приведенные А. Н. Зыряновым варианты песни различаются и по композиционно-сюжетному составу: некоторые мотивы являются индивидуальными для конкретного варианта (мотив путидороженьки, обращение к заре, суровое решение «сударя-батюшки» изолировать дочь от окружающего мира и так далее).

Итак, в рассмотрении локальной специфики зауральского свадебного обряда фольклорист А. Н. Зырянов стремился запечатлеть все проявления вариативности поэзии и драматургии обряда, бытовавшие в середине XIX в. на территории Шадринского уезда Пермской губернии. Материалы новатора А. Н. Зырянова, избравшего комплексный подход к изучению свадьбы, позволяют по-новому оценить локальную специфику зауральского свадебного обряда, расширяют представления региональной и общероссийской фольклористики о важнейшем в жизненном цикле человека семейном обряде.

Список литературы

1. Богословский, П. С. К номенклатуре, топографии и хронологии свадебных чинов / П. С. Богословский // Пермский краеведческий сборник. — Пермь. 1927. — Вып. 3. — С. 1–63.
2. Зырянов, А. Н. Свадебные обряды в Шадринском уезде Пермской губернии / А. Н. Зырянов // Перм. губерн. вед. — 1863. — 22 нояб. — № 47. — С. 234–235.
3. Зырянов, А. Н. Свадебные обряды в Шадринском уезде Пермской губернии / А. Н. Зырянов // Перм. губерн. вед. — 1863. — 13 дек. — № 50. — С. 246–247.
4. Зырянов, А. Н. Свадебные обряды в Шадринском уезде Пермской губернии / А. Н. Зырянов // Перм. губерн. вед. — 1863. — 20 дек. — № 51. — С. 250–251.
5. Зырянов, А. Н. Свадебные обряды в Шадринском уезде Пермской губернии / А. Н. Зырянов // Перм. губерн. вед. — 1863. — 27 дек. — № 52. — С. 256–257.
6. Зырянов, А. Н. Свадебные обряды в Шадринском уезде Пермской губернии / А. Н. Зырянов // Перм. губерн. вед. — 1864. — 17 янв. — № 3. — С. 15–17.
7. Зырянов, А. Н. Свадебные обряды в Шадринском уезде Пермской губернии / А. Н. Зырянов // Перм. губерн. вед. — 1864. — 14 февр. — № 17. — С. 42–44.
8. Зырянов, А. Н. Промыслы в Шадринском уезде / А. Н. Зырянов. — Шадринск, 1997. — Ч. 2. — 32 с.
9. НА РГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 32 б. Зырянов А. Н. Свадьбы Пермской губернии. — 1850.
10. Путилов, Б. Н. Фольклор и народная культура. In memoriam. — СПб., 2003. — 464 с.

Сведения об авторе

Драгунова Ольга Сергеевна — старший преподаватель кафедры романо-германской филологии филологического факультета, Курганский государственный университет. Курган, Россия. osdragunova@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2018. No. 4 (414). Philology Sciences. Iss. 112. Pp. 66—70.

**VARIABILITY OF THE WEDDING COMPLEX (POETRY AND CEREMONY)
IN THE SHADRINSK COUNTY OF THE PERM PROVINCE
IN THE MIDDLE OF THE 19TH CENTURY
(on records of the trans-ural specialist
in folklore A. N. Zyrjanov)**

O. S. Dragunova

Kurgan State University, Kurgan, Russia. osdragunova@mail.ru

On the basis of works of the specialist in folklore A. N. Zyrjanov various manifestations of variability in the trans-Ural wedding ceremony in the middle of the 19th century are considered in this article. The analysis of published and unpublished heritage of the provincial specialist in folklore A. N. Zyrjanov allows to demonstrate him as the innovator who has chosen an integrated approach in studying of specifics in the trans-Ural wedding which is found, in particular, in understanding him wedding as unity of poetry and dramatic art. The variability in wedding typology, the nomenclature and names of the wedding ranks, in a material code of a wedding in the Trans-Ural region is considered in this article. The version of the «dawn» song (written by A. N. Zyrjanov in the Perm province) is analysed by the author of this article. A. N. Zyrjanov's materials allow to estimate in a new way the local specifics of the trans-Ural wedding ceremony, expand ideas of regional and all-Russian folklore studies of the most important family ceremony in life cycle of the person.

Keywords: *variability, traditional ceremony, wedding, poetry and dramatic art of a wedding ceremony.*

References

1. Bogoslovskij P.S. K nomenklature, topografii i hronologii svadebnyh činov [To the nomenclature, topography and chronology of wedding ranks]. *Permskij kraevedcheskij sbornik* [Perm collection of local lore]. Perm, 1927. Iss. 3. Pp. 1–63. (In Russ.).
2. Zyrjanov A.N. Svadebnye obrjady v Shadrinskom uezde Permskoj gubernii [Wedding ceremonies in the Shadrinsk County of the Perm province]. *Permskie gubernskie vedomosti* [Perm provincial sheets], 1863, November 22, no. 47, pp. 234–235. (In Russ.).
3. Zyrjanov A.N. Svadebnye obrjady v Shadrinskom uezde Permskoj gubernii [Wedding ceremonies in the Shadrinsk County of the Perm province]. *Permskie gubernskie vedomosti* [Perm provincial sheets], 1863, December 13, no. 50, pp. 246–247. (In Russ.).
4. Zyrjanov A.N. Svadebnye obrjady v Shadrinskom uezde Permskoj gubernii [Wedding ceremonies in the Shadrinsk County of the Perm province]. *Permskie gubernskie vedomosti* [Perm provincial sheets], 1863, December 20, no. 51, pp. 250–251. (In Russ.).
5. Zyrjanov A.N. Svadebnye obrjady v Shadrinskom uezde Permskoj gubernii [Wedding ceremonies in the Shadrinsk County of the Perm province]. *Permskie gubernskie vedomosti* [Perm provincial sheets], 1863, December 27, no. 52, pp. 256–257. (In Russ.).
6. Zyrjanov A.N. Svadebnye obrjady v Shadrinskom uezde Permskoj gubernii [Wedding ceremonies in the Shadrinsk County of the Perm province]. *Permskie gubernskie vedomosti* [Perm provincial sheets], 1864, January 17, no. 3, pp. 15–17. (In Russ.).
7. Zyrjanov A.N. Svadebnye obrjady v Shadrinskom uezde Permskoj gubernii [Wedding ceremonies in the Shadrinsk County of the Perm province]. *Permskie gubernskie vedomosti* [Perm provincial sheets], 1864, February 14, no. 17, pp. 42–44. (In Russ.).
8. Zyrjanov A.N. *Promysly v Shadrinskom uezde* [The crafts in the Shadrinsk County]. Shadrinsk, 1997. Part 2. 32 p. (In Russ.).
9. NA RGO [scientific archive of the Russian geographical society]. R. 29. Op. 1. D. 32 b. Zyrjanov A. N. *Svad'by Permskoj gubernii* [Weddings of the Perm province]. 1850. (In Russ.).
10. Putilov B.N. *Fol'klor i narodnaja kul'tura* [Folklore and national culture]. St. Petersburg, 2003. 464 p. (In Russ.).

УДК 81'271.14
ББК 81.1

ВЛИЯНИЕ ПАТОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА РЕЧЬ ГОВОРЯЩЕГО В УСЛОВИЯХ ХРОНИЧЕСКОГО СТРЕССА (на примере эндокринной патологии)

Д. В. Жабин

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

В статье представлены результаты экспериментального исследования звучащей речи в условиях патофизиологических факторов хронического стресса у пациентов с эндокринной патологией. Системное выявление характерных особенностей речи говорящего возможно только в рамках психологической типологизации личности. Психолингвистический анализ позволяет оценить не только эмоциональное и психофизиологическое состояние пациентов, но и служить основой для проведения психокоррекционной работы с пациентами находящимися в состоянии патофизиологического стресса и планирования лечения с учетом их психического статуса.

Ключевые слова: *психолингвистический анализ, звучащая речь, эмоциональная напряженность, психофизиологический хронический стресс, психическая акцентуация личности, эндокринная патология.*

Современный этап развития лингвистики определяется тенденцией к детальному пониманию сущности звучащей речи. Данные неврологии о патологии речи, информация о речевом онтогенезе и наблюдения за речью в чрезвычайных ситуациях (стресс, воздействие эмоций) являются источниками сведений об интересующих нас процессах.

Звучащая речь является на сегодняшний день объектом комплексного изучения не только с позиции лингвистики, но и физиологии, неврологии и психологии, поэтому особое значение приобретает междисциплинарный подход, основанный на экспериментальных методиках.

В науках речь рассматривается с разных точек зрения. Физиология изучает речь как высшую нервную деятельность [7]. В психологии речь представляется одним из видов психической деятельности или как язык, функционирующий в контексте индивидуального сознания [10]. Психолингвистика исследует комплексный механизм производства и восприятия речи (язык в данном случае рассматривается как психический феномен) [3]. В лингвистике речь выступает как система реализации языка и рассматривается в единстве и противопоставлении «язык — речь» [13].

Проблеме выхода исследований за рамки лингвистики и разработки интегративного, междисциплинарного подхода к анализу речевых процессов посвящены работы отечественных и зарубежных ученых И. Н. Горелова, К. Ф. Седова,

Э. Л. Носенко, Р. К. Потаповой, Л. В. Величковой, Я. Рейковского, А. Дамазио, П. Ауера, К. Бринкера, С. Загера, Э. Штока и др. [2; 3; 6; 8; 9; 14; 15; 16; 17].

Интерес ученых к исследованиям языка вне языковой нормы объясняется необходимостью получения более подробной информации о процессе порождения речи. Л. В. Величкова считает, что выделение единиц языка происходит не столько на лингвистическом уровне, сколько на психолингвистическом, в рамках существующих моделей речепорождения, данных неврологии и речевого онтогенеза [2]. Поэтому становится очевидной сложность анализа звучащей речи. В большей степени это касается исследований параметров речи в ситуациях эмоциональной напряженности. На наш взгляд, одним из главных направлений современных психолингвистических экспериментальных исследований является разработка определенных механизмов, позволяющих проследить и выявить особенности и закономерности порождения «спокойной» и «эмоциональной» речи.

Проведенные ранее психолингвистические исследования доказывают особую наглядность изменения формальных признаков речи на уровне темпа и ритма именно в условиях эмоциональной напряженности говорящего или стрессе [4; 6].

По мнению Г. Селье, стресс (от англ. — давление, нажим, напряжение) — это неспецифический ответ организма на любое предъявленное ему требование. Этот термин часто используется для обозначения круга состояний человека,

возникающих в ответ на разнообразные экстремальные воздействия (стрессоры). Кроме специфического эффекта любое воздействие на психофизиологическую сферу человека вызывает также и неспецифическую потребность приспособиться к новым условиям и тем самым восстановить нормальное состояние. С точки зрения стрессовой реакции значение имеет не только ситуация, в которой человек пребывает, а также интенсивность и степень потребности в перестройке или адаптации. Стресс — это не просто психоэмоциональное или физиологическое напряжение. Любая нормальная деятельность может вызвать стресс, не причинив никакого вреда организму. Это явление Г. Селье называет эустресс — положительный фактор эмоционального возбуждения. Вредоносный стресс автор определяет как дистресс (от англ. — горе, несчастье, истощение, нужда) [11]. В современной психологии дистресс рассматривается как результат чрезмерного стресса, вызванного негативными факторами, который наступает при исчерпании адаптационных резервов, оказывая деструктивное действие на организм [12].

В обиходной речи под стрессом чаще всего понимается внешнее воздействие на субъект, которое вызывает целый ряд отрицательных эмоций и ведет к сокращению оперативных возможностей [1]. Внешние признаки состояния стресса обычно характеризуются общим возбуждением, беспокойством, тревогой, дезорганизацией поведения и речи (хаотичная активность или аномальная бездеятельность). Стоит отметить, что у людей с разными типами нервной системы и психической акцентуации стресс может проявляться по-разному.

Основой развития стресса, как правило, является длительное воздействие травмирующего фактора, связанного с отрицательными эмоциями, которое впоследствии приводит к фрустрации личности. Причинами могут являться напряженные взаимоотношения в семье и рабочем коллективе, конфликт с друзьями, однообразная, малопривлекательная работа, длительное отсутствие полноценных выходных и продолжительного отпуска, недостаток общения. Склонность к развитию стресса усиливает наличие ряда личностных особенностей человека: пессимизм и негативизм, лень, отсутствие к сублимации деятельности, чрезмерная самокритика и заниженная самооценка. Перечисленные критерии возникновения эмоционально-напряженных со-

стояний при их длительной стабилизации неизменно приводят к возникновению хронического стресса. Хронический стресс часто определяется патофизиологическим фактором. Регуляцию всех жизненно важных функций в организме обеспечивают эндокринная и нервная системы, которые неразрывно связаны между собой, поэтому при нарушении их функций происходят выраженные расстройства в организме. Хронический стресс является результатом нарушения функций, повреждения и разрушения клеток, снижения активности иммунитета, сбоев в работе внутренних органов и систем человеческого организма.

Индикаторами эмоционально-напряженных состояний говорящего служат собственные средства для передачи напряженности на каждом уровне языка (лексическом, грамматическом, фонетическом).

В 70-х гг. прошлого столетия Э. Л. Носенко проводились исследования изменения речи в состоянии эмоциональной напряженности, которые наблюдались в естественных условиях: перед экзаменом, перед хирургической операцией у больных, у военнослужащих при выполнении профессиональной деятельности, связанной с большой личной ответственностью. В результате этих исследований было установлено, что для состояния стресса характерны затруднения в формулировании мыслей, которые проявлялись в увеличении количества и длительности пауз, поисковых слов, семантически нерелевантных повторений и описывающих жестов. Кроме того, наблюдалось снижение словарного разнообразия речи. Наблюдалась сложность в осуществлении речевых операций, требующих сознательного контроля за качеством их реализации. В частности, это выражалось в увеличении количества синтаксически и логически незавершенных фраз и возрастании количества некорректируемых ошибок. В состоянии эмоциональной напряженности активизировались спонтанные речевые проявления. «Слова-паразиты» и клише сопровождалась некоммуникативными жестами, факт появления которых не осознавался говорящим. Наличие затруднений в выборе слов, с одной стороны, и активизация спонтанных проявлений, с другой стороны, приводили к резким колебаниям общего темпа речи на отдельных участках речевой цепи, с чем в известной степени связаны и колебания частоты основного тона [6].

На фонетическом уровне в состоянии эмоционального возбуждения изменяются сила, вы-

сота и тембр голоса, которые свидетельствуют не только о территориальной и социальной принадлежности говорящего, но и о его эмоциональном состоянии, отношении к собеседнику, высказыванию и ситуации в целом, о его физиологических, психических, психологических и интеллектуальных особенностях [8]. Важно заметить, что констатировать личность говорящего по голосу с большей степенью вероятности достаточно трудно. Модели речевого поведения, как правило, зависят от широкого ряда не совсем изученных факторов. Усталость, болезнь, измененные в психоэмоциональном плане состояния могут воздействовать на речевой сигнал на сегментном и просодическом уровнях. В связи с влиянием эмоционального состояния говорящего на просодические и спектральные характеристики речи заметную роль в психолингвистических исследованиях приобретают вопросы, связанные с супraseгментными (просодическими) характеристиками [8]. Так, Я. Рейковский подчеркивает, что «при усилении эмоционального возбуждения возрастает количество функциональных единиц, актуализированных к действию, что оказывает влияние на усиление активации мышц, участвующих в голосовых реакциях» [9. С. 392]. Поэтому, говоря о возможностях определения переживаемых эмоций по голосу, тембру и интонации, необходимо учитывать (как и в ситуации с мимикой и поведением) индивидуальные особенности испытуемого. Об объективности такого определения можно говорить, только если мы хорошо знаем особенности речи данного человека при переживании им различных эмоций. Однако результаты проведенных исследований доказывают, что аудиторы, не имеющие специального образования в области психолингвистики, речеведения и психологии, достаточно успешно идентифицируют в звучащей речи говорящего так называемые индикаторы эмоциональной напряженности на уровне темпа, ритма, ошибок и оговорок [4].

В настоящем исследовании мы постарались проследить влияние патофизиологических факторов хронического стресса на речь говорящего. В качестве индикаторов эмоциональной напряженности речи нами рассматривались ритм, темп, ошибки/оговорки. При этом особое значение приобретают психофизиологические характеристики личности, а также условия, в которых эта личность находится, степень стресса и характер эмоционального напряжения.

Предметом исследования явились формальные признаки звучащей речи говорящих под влиянием патофизиологических факторов хронического стресса у пациентов с эндокринной патологией. Патофизиологический стресс интересен нам своим механизмом воздействия на организм. Заболевания органов эндокринной системы, как правило, носят хронический характер, нуждаются в постоянной лекарственной коррекции или заместительной гормональной терапии. Эндокринная патология приводит к развитию необратимых изменений в организме человека, что сказывается на общем состоянии человека, а следовательно, и на его речи.

Выявление изменений формальных признаков речи говорящих в условиях патофизиологического хронического стресса стало возможным в результате проведенного психолингвистического эксперимента, организованного нами на базе эндокринологического отделения БУЗ «Воронежской городской клинической больницы скорой медицинской помощи № 10». В рамках экспериментального исследования нам удалось произвести аудиозаписи бесед врача-эндокринолога с пациентами во время консультативного приема. Чистота эксперимента заключалась в получении разрешения от руководства учреждением проведения аудиозаписи, добровольности участия пациентов, наличии естественных условий проведения приема (время, место, обстоятельства).

Объектом нашего исследования послужили аудиозаписи речи пациентов, имеющих эндокринную патологию (сахарный диабет, дисфункция щитовидной железы) на протяжении длительного периода времени (более 3-х лет). Всего сделана 31 аудиозапись (11 мужчин, 20 женщин; возрастная группа: от 18 до 68 лет; общее время звучания — 472 мин.).

В качестве сравнительного исследования нами был проведен дополнительный эксперимент, в результате которого удалось произвести анализ речи наивного носителя немецкого языка, также находящегося в состоянии патофизиологического хронического стресса. Запись представляла собой интервью, в котором юноша рассказывает о собственном заболевании сахарным диабетом первого типа на протяжении семи лет, начиная с постановки диагноза до момента интервью.

По нашему мнению, системное выявление характерных особенностей речи говорящего возможно только в рамках психологической типологизации личности. Выбор психической

классификации К. Леонгарда был продиктован не только общепринятым в психологической практике подходом, но и механизмом анализа психических доминант личности, а также целью более подробного психолингвистического анализа речи [4]. К. Леонгард выделяет 12 типов акцентуаций характера. Его классификация основана на оценке стиля общения человека с окружающими людьми. Типы акцентуаций характера делятся на две группы по принципу акцентуации свойств характера или темперамента. К акцентуации свойств характера К. Леонгард относит демонстративный, педантичный, застревающий и возбудимый типы. Остальные варианты акцентуаций (гипертимный, дистимный, циклоидный, тревожный, эмогивный, экзальтированный, экстравертированный и интровертированный) относятся к акцентуациям темперамента [5].

Исходя из экспериментального материала, врачами психиатрами были определены типы акцентуации личности всех испытуемых (демонстративный тип — 5 человек, тревожный тип — 4 человека; эмотивный тип — 9 человек; экзальтированный тип — 2 человека, педантичный тип — 2 человека, возбудимый тип — 5 человек; гипертимный тип — 2 человека; дистимный тип — 1 человек; циклоидный тип — 1 человек).

Основным методом исследования явился аудиотивный анализ звучащей речи испытуемых, который позволяет оценить эмоциональное состояние (отклонение от нормы, тревожность, напряженность, наличие и тип эмоций), психофизиологическое состояние говорящего (наличие/отсутствие патологии); установить пограничные критерии для описания стрессового расстройства, наконец, скорректировать лечение пациентов находящихся в состоянии патофизиологического стресса.

Анализ формальных признаков речи всех испытуемых проводился для каждого отдельного типа психической акцентуаций личности. Нами был произведен темпо-ритмический анализ текста и подготовлены транскрипты аудиозаписей речи пациентов. Ритмические параметры речи фиксировались в конфигурации частотных ритмических групп — протяженность ритмической группы в слогах и место ударного слога в ней. Кроме того, были зарегистрированы оговорки (ошибки): фальш-старты, фальш-повторы, паузы хезитации с вокальным и консонантным наполнением.

Анализ объема речевого материала, полученного в ходе эксперимента, позволяет выявить некоторые тенденции в изменении формальных при-

знаков звучащей речи в состоянии эмоциональной напряженности, обусловленные патофизиологическими факторами хронического стресса.

Для всех представленных типов акцентуаций носителей русского языка, находящихся в состоянии хронического патофизиологического стресса, характерны ошибки/оговорки, вокальные и консонантные паузы хезитации.

Средний темп речи составляет 89–102 слога/мин. Наиболее низкие показатели наблюдаются у представителей эмотивного типа акцентуации личности (40–66 слогов/мин), наиболее высокие — у представителей тревожной акцентуации личности (102 слога/мин).

Для большинства представленных типов акцентуаций носителей русского языка с увеличением степени эмоциональной напряженности в ходе беседы прослеживается значительное уменьшение протяженности частотных ритмических групп (РГ) и в среднем составляет 4–5 слогов. Наиболее частотными РГ являются 1:1; 2:2; 3:2; 3:3; 4:3 4:4; 5:3; 6:5 (где первая цифра означает протяженность РГ в слогах, вторая цифра — ударный слог в РГ). Ударный слог у представителей большинства типов акцентуаций занимает последнюю или предпоследнюю позиции (3:2; 4:4; 5:4; 6:5; 7:5).

Пример транскрипта речи испытуемой с демонстративным типом акцентуации:

я ж каждый г О д эээ	5:4
на гр У ппу ходила	6:2
и т А к вот	3:2
то п Я ть	2:2
то ш Е сть	2:2
то с Е мь	2:2
то в О семь	3:2
с А хар был	3:1
ну в принципе и щ А с	7:7
семь в О семь	3:2
д Е сять	2:1
ну может быть четырнадцать иногда	11:11
но эт О уже	4:2
если я чт О -нибудь	6:4
по Е м	2:2
од И н раз	3:2
арб У зы ела	5:3

У представителей всех типов акцентуаций в речи фиксируются ошибки и оговорки. Наибольшее количество ошибок наблюдалось у пациентов эмотивного типа акцентуации лич-

ности (фальш-стартов (FP) — 4, фальш-повторов (FR) — 3, вокальных пауз хезитации (v) — 12, консонантных пауз хезитации (k) — 4).

Пример транскрипта речи испытуемого с эмотивным типом акцентуации:

Принимаете таблетку?

д А	1:1
ну они там так И е	7:6
пол О ... э-э-э	3:2 FP v
короче гвр Я	4:4
мне его выписали в больн И це	10:9
и там их надо пить п А ... па...	8:7 FR
по ц Е лой	3:2
а Э т...	2:2 FP
это не Диабет О н	7:7
а какой-то его замен И тель	10:9
я н Е	2:2 FP
я не зн А ю	4:3

Примечательно, что наименьшее количество ошибок и оговорок наблюдалось у испытуемых с тревожной акцентуацией (фальш-стартов (FP) — 3, фальш-повторов (FR) — 5, вокальных пауз хезитации (v) — 2, консонантных пауз хезитации (k) — 1).

Пример транскрипта речи испытуемого с тревожной акцентуацией:

с утра шот и с А хар вроде	
нормально 1	1:5
и давл Е ние нормально	8:3
В ызвали на работу	7:1
при Е хал	3:2
а там с пол О ... пол...	4:3 FR
с полчаса А	3:3
поб Ы л	2:2
у меня п О ш...	3:3 FP
разнем О г	3:3
шот меня кач А ет	6:5
ну начал спуск А ться	6:5
и у меня сначала рук А онемела	13:9
держался за ст Е нку	6:5
чувствую что она А	6:6
стенку не ч У ствую	6:1
а пот О м	3:3
нога начала подк А шиваться	10:7
ну посто Я л	4:4
вроде немножко отпуст И ло	9:8

Чаще всего у представителей всех типов акцентуаций встречались вокальные паузы хезитации.

Сравнив полученные данные с показателями речи в состоянии эмоциональной напряженности у носителя немецкого языка, становится возможным сделать вывод о схожих тенденциях в изменениях некоторых формальных признаков. Так, средняя протяженность частотных ритмических групп совпадает с показателями русскоговорящих испытуемых. У носителей языков прослеживается тенденция к расположению ударного слога в конце ритмической группы (6:6; 7:4). Ошибки и оговорки также фиксировались в речи носителя немецкого языка, но сравнительно меньше (фальш-стартов (FP) — 6, фальш-повторов (FR) — 0, вокальных пауз хезитации (v) — 2, консонантных пауз хезитации (k) — 1). Однако стоит обратить внимание на существенную разницу в показателях темпа. Средние показатели темпа речи у носителя немецкого языка (ср: 255 слогов/мин) значительно превышают темп речи русскоговорящих испытуемых (ср: 89–102 слога/мин).

Пример транскрипта речи испытуемого-носителя немецкого языка, имеющего эндокринную патологию:

also	2:1
hab ich Diabetes mit zw Ö lf bekommen	11: 8
und das war A nfang großer Scho C hock	8:4
Sch O ck	1:1 FR
also	2:1
es war n I ch...	3:3 FP
es war zwei Wochen vor den S ommerferien	12:9
wir worden U rlaub fahren	7:5
u nd	1:1
das A bendskrankhaus ist	6:2
für Zw ö lfjährigen nicht gerade E infach denn	13:11

Проведенный анализ формальных признаков звучащей речи говорящих в условиях патофизиологического хронического стресса в целом доказывает возможность идентификации психоэмоционального состояния пациентов. Описанный механизм анализа звучащей речи и полученные результаты могут служить основой для проведения психокоррекционной работы с пациентами и дальнейшего планирования лечения с учетом их психоэмоционального состояния. Кроме того, настоящее исследование представляет выводы по анализу экспрессивных средств речи, не противоречит существующим на сегодняшний день данным исследования параметров звучащей речи, расширяя наше представление об экспрессивных функциях на супrasegmentном уровне.

Список литературы

1. Бабахан, Ю. С. Оперативная устойчивость и эмоциональный стресс / Ю. С. Бабахан // *Вопр. психологии*. — 1970. — № 3. — С. 158.
2. Величкова, Л. В. Лингвистика и психоллингвистика: проблемы определения единиц / Л. В. Величкова // *Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. 1. Гуманит. науки*. — 1996. — Вып. 2. — С. 31–45.
3. Горелов, И. Н. Основы психоллингвистики / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. — М., 2005. — 320 с.
4. Жабин, Д. В. Речевая характеристика состояния стресса / Д. В. Жабин. — Воронеж, 2013. — 155 с.
5. Леонгард, К. Акцентуированные личности / К. Леонгард. — М., 1989. — 358 с.
6. Носенко, Э. Л. Эмоциональное состояние и речь / Э. Л. Носенко. — Киев, 1981. — 195 с.
7. Павлов, И. П. Рефлекс свободы / И. П. Павлов. — СПб., 2001. — 424 с.
8. Потапова, Р. К. Язык, речь, личность / Р. К. Потапова, В. В. Потапов. — М., 2006. — 496 с.
9. Рейковский, Я. Экспериментальная психология эмоций / Я. Рейковский. — М., 1979. — 392 с.
10. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — СПб., 2002. — 720 с.
11. Селье, Г. Стресс без дистресса / Г. Селье. — М., 1979. — 126 с.
12. Сидоров, П. И. Введение в клиническую психологию / П. И. Сидоров, А. В. Парняков. — М.; Екатеринбург, 2000. — Т. 2 — 381 с.
13. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. — Екатеринбург, 1999. — 432 с.
14. Auer, P. Language in Time: The Rhythm and Tempo of Spoken Interaktion / P. Auer, E. Couper-Kuhlen, F. Müller. — New York, 1999. — 249 p.
15. Brinker, K. Linguistische Gesprächsanalyse: eine Einführung / K. Brinker, S. F. Sager. — Berlin, 2001. — 215 s.
16. Damasio, A. Concepts in the brain / A. Damasio // *Mind and Language*. — 1989. — Vol. 4. — P. 24–28.
17. Stock, E. Sprechrhythmus im Russischen und Deutschen / E. Stock, L. Veličkova // *Hallische Schriften zur Sprachwissenschaft und Phonetik*. — Frankfurt am Main, 2002. — 260 s.

Сведения об авторе

Жабин Дмитрий Владимирович — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкой филологии, Воронежский государственный университет. Воронеж, Россия. dmitry.zhabin@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 4 (414). *Philology Sciences. Iss. 112. Pp. 71–77.*

PATHOPHYSIOLOGICAL FACTORS AND THEIR INFLUENCE ON SPEECH IN CONDITIONS OF CHRONIC STRESS: THE CASE OF ENDOCRINE PATHOLOGY

D. V. Zhabin

*Candidate of Philology, associate Professor at the German Philology department, Voronezh State University,
dmitry.zhabin@mail.ru*

The article presents the results of an experimental study of oral speech in the conditions of chronic pathophysiological stress in patients with endocrine disorders. Today sounding speech is treated as a complex object of study in different spheres of knowledge including not only linguistics, but also physiology, neurology and psychology. Such interdisciplinary approach, based on experimental techniques is particularly important. The research methods developed by the authors prove the special clarity of the change in the speech formal features at the level of tempo and rhythm under the conditions of the speaker's emotional tension or stress. It is argued that systematic identification of speech characteristics is only possible within the framework of the personality's psychological typology. In author's view, psycholinguistic analysis allows not only to evaluate the emotional and psychophysiological state of patients, but also to serve as the basis for psychocorrective work with patients in a state of pathophysiological stress. Thus, the treatment based on their mental status could be provided.

Keywords: *psycholinguistic analysis, sounding speech, emotional stress, chronic psycho-physiological stress, psychological accentuation of the personality, endocrine pathology.*

References

1. Babahan Ju.S. Operativnaja ustojchivost' i jemocional'nyj stress [Operational stability and emotional stress]. *Voprosy psihologii* [The Issues of Psychology], 1970, no. 3, p. 158. (In Russ.).
2. Veličkova L.V. Lingvistika i psiholingvistika: problemy opredelenija edinic [Linguistics and Psycholinguistics: Problems of Identifying Units]. *Vestnik Voronezhskogo gosuniversiteta. Ser. 1. Gumanit. nauki* [Bulletin of Voronezh State University. Series 1. Humanities], 1996, no. 2, pp. 31–45. (In Russ.).
3. Gorelov I.N., Sedov K.F. *Osnovy psiholingvistiki* [Basics of psycholinguistics]. Moscow, 2005. 320 p. (In Russ.).
4. Zhabin D.V. *Rechevaja karakteristika sostojanija stressa* [Speech characteristic of the state of stress]. Voronezh, 2013. 155 p. (In Russ.).
5. Leongard K. *Akcentuirovannye lichnosti* [Accentuated personality]. Moscow, 1989. 358 p. (In Russ.).
6. Nosenko Je.L. *Jemocional'noe sostojanie i rech'* [Emotional state and speech]. Kiev, 1981. 195 p. (In Russ.).
7. Pavlov I.P. *Refleks svobody* [The reflex of freedom]. St. Petersburg, 2001. 424 p. (In Russ.).
8. Potapova R.K. *Jazyk, rech', lichnost'* [Language, speech, personality]. Moscow, 2006. 496 p. (In Russ.).
9. Rejkovskij Ja. *Jeksperimental'naja psihologija jemocij* [The experimental psychology of emotions]. Moscow, 1979. 392 p. (In Russ.).
10. Rubinshtejn S.L. *Osnovy obshhej psihologii* [Basics of general psychology]. St. Petersburg, 2002. 720 p. (In Russ.).
11. Sel'e G. *Stress bez distressa* [Stress without distress]. Moscow, 1979. 126 p. (In Russ.).
12. Sidorov P.I., Parnjakov A.V. *Vvedenie v klinicheskiju psihologiju* [The introduction to Clinical Psychology]. Moscow, Ekaterinburg, 2000. Vol 2. 381 p. (In Russ.).
13. Sossjur F.de. *Kurs obshhej lingvistiki* [The Course of General Linguistics]. Ekaterinburg, 1999. 432 p. (In Russ.).
14. Auer P., Couper-Kuhlen E., Müller F. *Language in Time: The Rhythm and Tempo of Spoken Interaktion*. New York, 1999. 249 p.
15. Brinker K., Sager S.F. *Linguistische Gesprächsanalyse: eine Einführung*. Berlin, 2001. 215 s. (In German).
16. Damasio A. Concepts in the brain. *Mind and Language*, 1989, vol. 4, pp. 24–28.
17. Stock E., Veličkova L. Sprechrhythmus im Russischen und Deutschen. *Hallische Schriften zur Sprachwissenschaft und Phonetik*. Frankfurt am Main, 2002. 260 s. (In German).

УДК 81-23
ББК 81.2

К ВОПРОСУ ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ТРЕХЪЯЗЫЧИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС ВУЗОВ В КАЗАХСТАНЕ

М. Г. Зима

Костанайский социально-технический университет имени академика З. Алдамжар, Костанай, Казахстан

Данная статья посвящена исследованию попытки организации трилингвального образования в образовательном пространстве республики Казахстан на примере Костанайского социально-технического университета имени академика Зулхарнай Алдамжар. В целях осуществления пилотного проекта по проведению исследования мы использовали основные приемы социолингвистического исследования: «фокус — интервью», анкетирование, опросы.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, межнациональное общение, межэтнические отношения, образовательные технологии, полиязычное образование, трилингвальное образование, этнические группы, языковая личность, языковая политика.

Под трилингвальным образованием понимается такая организация обучения студентов, когда требуется использование трех языков как средства преподавания, в соответствии с законодательством Республики Казахстан. При этом использование всех языков применимо как для регулярного предметного обучения, так и для их длительного и непрерывного использования в рамках всей системы образования [17].

Трилингвизм призван сохранить и упрочить баланс межэтнических отношений в стране, где 40 % населения являются представителями 135 национальностей.

Русский язык в современном Казахстане используется как средство межнационального общения, и его изучение так же важно, как для общения казахстанцев с населением соседних государств, так и для коммуникации внутри страны. Знание английского языка позволит казахстанцам интегрироваться в глобальный мир и получить преимущества и в плане обучения, и в плане карьерного роста.

Президент отметил, что государство помогает развитию языков всех национальностей казахстанцев и наращивает темпы внедрения трехязычия, поскольку это является необходимостью. Нурсултан Назарбаев проводит политику, направленную на то, чтобы будущие выпускники вузов Казахстана имели возможность работать во всем мире.

В своей работе «Полилингвальное обучение и глобальная информатизация» В. Н. Галеев и З. Г. Нигматов обосновывают актуальность трилингвального обучения, которая определена

на мировой тенденцией к интеграции в экономическую, культурную и политическую сферы. Учитывая эти тенденции оно обеспечивает гражданину широкий доступ к информации в разных предметных сферах, получение современной информации в соответствии с личностными потребностями, возможности непрерывного образования, что создает дополнительные шансы для конкурентоспособности на общеевропейском и мировом рынке специалистов [13].

Трилингвизм в нашей стране получает все более широкое распространение в связи с целью Казахстана войти в число 30-ти самых развитых государств мира.

Е. А. Хасенов в своей работе «Социолингвистические проблемы урбанизации» отмечает, что языковая политика Казахстана стала неотъемлемой частью внутри- и внешнеполитического курса государства. В политической истории любой страны обязательно существует «лингвополитическая составляющая, формирующаяся как продукт: а) собственно языковой политики; б) комбинированной языковой политики (например, национально-языковой, культурно-языковой, образовательно-языковой, информационно-языковой и так далее), где языковой аспект имеет второстепенный и подчиненный характер и относится как часть к целому; в) совокупной политики» [9. С. 107]. Даже если языковая политика не оформляется в виде законов, актов, государственных программ, концепций, она существует в скрытом, имплицитном виде, то есть без декларируемых документов, акций и формального воплощения.

Языковая идеология, языковое планирование и языковая политика в Республике Казахстан тесным и неразрывным образом связаны с личностью и деятельностью Первого Президента Н. А. Назарбаева как одного из протагонистов, теоретиков и практиков нового лингвополитического курса, развернувшегося в Казахстане с обретением независимости на рубеже 80–90-х гг. XX столетия.

Министерство образования и науки сделало конкретные шаги по внедрению полиязычного образования в вузах страны: например, увеличен объем кредитов на изучение казахского, русского и английского языков в Государственных стандартах по всем направлениям, что позволяет студентам на 3 курсе обучения в объеме 2-х кредитов изучить дисциплины «Профессиональный казахский/русский» и «Профессионально ориентированный иностранный язык».

С 1 сентября 2016 г. в тридцати двух вузах Казахстана велась подготовка учителей для преподавания ряда дисциплин на английском языке. Поставлена цель — создавать развитые системы обучения с применением дистанционных и онлайн-технологий, активно развивать и продвигать государственный язык и трехязычие — переход на трехязычие во всех школах Казахстана.

Социолог Зарема Шаукенова в своем труде «Социальное взаимодействие этносов: мониторинг межэтнических отношений в Республике Казахстан» выявила интересную зависимость и закономерность. Она отмечает, что знание государственного языка наряду с овладением другими культурными инструментами нации (традиции и обычаи) является одним из значимых факторов социального комфорта и успешной адаптации всех этнических групп к социальным процессам. Так, данные социологических опросов, проведенных социологом, показали, что в более выгодном положении находятся те граждане, которые знают казахский язык, казахский и русский языки, и они выражают более оптимистичные взгляды касательно текущего развития страны и ее перспектив. Уровень удовлетворенности жизнью среди казахоязычных составляет 73,2 %, владеющими двумя языками (билингвалов) — 71,9 %, русскоязычных — 53,9 % [10].

Авторы статьи «Обучение на билингвальной основе как компонент углубленного языкового образования» Н. Д. Гальскова, Н. Ф. Коряковцева, Е. В. Мусницкая, Н. Н. Нечаев выводят следующее понятие: «трилингвальное языковое образо-

вание» предполагает «взаимосвязанное и равнозначное овладение студентами тремя языками (государственным, русским и английским), освоение родной и неродной/иноязычной культуры, развитие студента как трехязычной и поликультурной личности и осознание им своей трилингвальной и поликультурной принадлежности» [1. С. 14–15].

В связи с этим практические цели трилингвального языкового образования могут быть определены как:

- овладение предметными знаниями, использование трех языков;
- развитие коммуникативной компетенции студентов в государственном, русском и английском языках;
- развитие у студентов способности получать дополнительную предметную (внеязыковую) информацию из разных сфер функционирования иностранного языка.

Реализовывать эти цели — значит формировать языковую личность студента, то есть личность, способную порождать и понимать речевые высказывания.

Трилингвальное языковое образование является наилучшим средством для познания родного языка.

Л. В. Щерба в своем труде «Языковая система и речевая деятельность» говорит: «Студенты всем ходом занятий приучаются не скользить по привычным им явлениям родного языка, а подмечать разные оттенки мысли, до сих пор не замеченные ими в родном языке. Это можно назвать преодолением родного языка, выходом из его магического круга» [11. С. 339].

По мнению многих специалистов, овладеть родным языком в достаточном объеме — то есть оценить все его возможности, — можно, только изучая другой (иностранной) язык. Все познается в сравнении, а единство языка и мышления не дает нам возможности отделять мысль от способов ее выражения. Трилингвальное языковое образование дает нам эту возможность, помогая раскрывать разнообразные средства выражения как в иностранных, так и в родном языках.

Согласно решению Ученого Совета университета протокол № 10 от 27 мая 2016 г. в университете внедрено трехлингвальное образование. Согласно данному решению на всех двадцати специальностях бакалавриата учебный процесс осуществляется в рамках трехязычия. Количество студентов, обучающихся на бакалавриате

составляет 2494 человека, которые являются представителями 23 национальностей.

В целях осуществления проекта по проведению исследования мы использовали основные приемы социолингвистического исследования: «фокус — интервью», анкетирование, опросы.

В анкетировании участвовало 2494 студента. При проведении анкетирования на поставленный вопрос «Как Вы оцениваете межнациональные отношения в г. Костанай?» с пятью вариантами ответов («положительно», «отрицательно», «не интересуюсь», «не знаю», «все равно») мы получили следующие результаты: 95 % анкетированных оценивают межкультурные отношения «положительно», 2,3 % — «отрицательно» и 2,7 % «индифферентно».

При проведении «фокус-интервью» [12] было опрошено 2494 студента двадцати специальностей казахского и русского языкового отделения. Мы узнавали, приходилось ли студентам встречаться со случаями межнациональной неприязни в г. Костанай. Предложены были два варианта ответов, то есть «да» (положительно) или «нет» (отрицательно). Обобщая ответы на второй вопрос, получаем следующие результаты: среди опрошенных со случаями межнациональной неприязни приходилось встречаться 28 % опрошенных мужчин и 29 % опрошенных женщин, оставшиеся 72 % и 71 % соответственно с такими случаями не сталкивались.

Считаем, что межнациональные отношения в КСТУ сложились благоприятно, наблюдается толерантность и позитивные перспективы сосуществования.

На следующем этапе эксперимента была поставлена задача выяснить — возникают ли у студентов трудности в связи с переходом на трехлингвальное обучение. Мы провели опрос 2494 студентов 1–4 курсов, 20 специальностей бакалавриата и выяснили, что студенты не часто сталкиваются с различной терминологией по отраслям знаний на трех языках, так как реализация данной политики проходит в пилотном проекте. В словаре Publish_RUP дается следующее определение: пилотный проект — это временный проект, предназначенный для проверки жизнеспособности уникального предложенного решения. Проект называется временным потому, что для него установлена дата завершения, а решение уникальным — потому, что результаты выполнения проекта должны быть отличны от всех других предложенных реше-

ний. Пилотные проекты применяются для проверки новых идей. В контексте внедрения процесса и инструментов это означает апробирование новых процессов и новых инструментов. Выполнение пилотного проекта может потребовать выделения незапланированных ресурсов, вовлечения ключевых сотрудников и коррекции планов и бюджета. Кроме того, пилотные проекты требуют особого внимания, поскольку сама цель пилотного проекта — подготовиться к применению новых процессов и новых инструментов в реальных проектах [18].

Однако у них часто возникают трудности, связанные с изучением своего академического плана, каталога элективных дисциплин и прочей учебной документации. Перевод термина накладывает определенные трудности на понимание и описание его семантики. Возникает вопрос, как обеспечить адекватное взаимопонимание в аспекте межкультурной профессиональной коммуникации посредством терминологии.

Обращаясь к терминологическому или толковому словарю, студенты часто не получают необходимой помощи в расшифровке профессиональной лексики, встречающейся в сфере образования, и вынуждены решать эту задачу эмпирическим методом. Это приводит к малопродуктивной работе и большому количеству ошибок. Следовательно, при подготовке будущих специалистов необходим трехязычный терминологический словарь, который реализует в своей основе основные положения терминологического и учебного терминологического словарей.

Основываясь на анализе современных подходов к составлению терминологического словаря и учитывая результаты лингводидактического анализа терминологии, можно сделать вывод, что с позиции гуманитарных наук современный терминологический словарь должен:

- 1) характеризоваться личностной направленностью, которая сводится к учету практических потребностей пользователя данным словарем в лингвистических и экстралингвистических сведениях о термине;

- 2) характеризоваться межкультурной направленностью как в плане учета социокультурных особенностей пользователя данным словарем, так и самой гуманитарной терминологии;

- 3) отражать специфику гуманитарной (лингводидактической) терминологии, реализующуюся в концептуально-понятийных характеристиках и маркированную социокультурными особен-

ностями в своем развитии, обуславливающими трудности и особенности межкультурного профессионального взаимодействия;

4) характеризоваться научной правильностью описания входных терминологических единиц с учетом определенных требований к построению дефиниции и к общей композиции лексикографического произведения;

5) характеризоваться системностью как внешней организации, так и в описании терминологических единиц, что обусловлено спецификой гуманитарной терминологии определенной профессиональной области.

Для решения этих проблем нами был составлен учебный словарь академических терминов в рамках кредитной системы обучения, что способствовало бы более доступному восприятию различных понятий студентами нашего вуза.

Так как большая часть студентов Костанайского социально-технического университета обучается на русском отделении, то первым языком в словаре был определен русский, далее следует государственный язык и затем английский язык.

На основании полученных результатов приводим наиболее оптимальный вариант глоссария для студентов всех специальностей (табл. 1).

Таблица 1

Оптимальный вариант глоссария для студентов всех специальностей

Русский	Казахский	Английский
Бакалавр — специалист с высшим образованием, освоивший образовательную программу по конкретной специальности	Бакалавр — нақты мамандығы бойынша білім бағдарламасын игерген жоғары білімі бар маман	Bachelor is a specialist with a higher education who has mastered the educational program for a particular specialty
Государственный общеобразовательный стандарт образования (ГОСО) — нормативный документ, устанавливающий содержание образовательной программы высшего образования по специальности	Білімнің жалпы міндетті мемлекеттік стандарты — мамандық бойынша жоғары білімнің білімдік бағдарламасының мазмұнын тағайындайтын нормативті құжат	The State Compulsory Education Standard (SCES) is a normative document that establishes the content of the higher education education program in the specialty
Кредитная технология обучения — технология обучения, позволяющая студенту самостоятельно планировать образовательную программу обучения	Оқытудың кредиттік технологиясы — оқыту технологиясы, студентке оқудың білім бағдарламасын өз бетімен жоспарлауына мүмкіншілік беретін жүйе	Credit training technology is a learning technology that allows a student to plan an educational training program independently
Кредит — единица измерения объема учебной работы студента, равная 1 академическому (контактному) часу (50 минут) аудиторной работы в неделю на протяжении академического периода (семестра), поддержанному 2 часами самостоятельной работы студента	Кредит — студенттің 2 сағаттық өздік жұмысымен қолданған, семестр ұзақтығындағы аудиториялық жұмыстың 1 академиялық (қатыстық) сағатына (50 минут) тең, студенттің оқу жұмысының көлемін өлшеу бірлігі	Credit is a measure of the amount of student's academic work, equal to 1 academic hour (50 minutes) of classroom work per week during the academic period (semester), supported by 2 hours of independent work of the student
Рабочий учебный план — документ, разрабатываемый на основе типового учебного плана ГОСО специальности, содержащий перечень обязательных дисциплин и дисциплин компонента по выбору	Оқу жұмыс жоспары — таңдау бойынша міндетті пәндер мен пәндер компонентінің тізбесінен тұратын мамандықтың БЖМС типтік оқу жоспарының негізінде жасалатын құжат	The working curriculum is a document developed on the basis of the standard curriculum of the SCES specialty, containing a list of obligatory disciplines and elective disciplines
Обязательный компонент — перечень учебных дисциплин, установленных ГОСО специальности и изучаемых студентами в обязательном порядке	Міндетті компонент — мамандықтың БЖМС тағайындаған және міндетті түрде студенттер оқитын оқу пәндерінің тізбесі	The obligatory component is a list of the academic disciplines established by the SCES specialty and studied by students without fail
Элективные дисциплины — учебные дисциплины из компонента по выбору, предлагаемые студентам для изучения по их выбору	Элективті пәндер — таңдау бойынша оқыту үшін студенттерге ұсынылатын компоненттің оқу пәндері	Elective disciplines are disciplines from a component of choice offered to students for study at their choice

Продолжение табл. 1

Русский	Казахский	Английский
Препреквизиты — дисциплины, содержащие знания, умения и навыки, необходимые для освоения изучаемых дисциплин	Препреквизиттер — оқылатын пәндерді игеру үшін қажетті білім, білік және дағдылардан тұратын пәндер	Prerequisites are disciplines that contain the knowledge, skills and knowledge necessary to master the disciplines studied
Программа дисциплины (Syllabus) — учебная программа для студентов, которая включает в себя: описание изучаемого курса; краткое содержание курса; цели и задачи курса; темы и продолжительность их изучения; задания на СРС; требования преподавателя; критерии и правила оценки; расписание текущего и рубежного контроля и список литературы	Пән бағдарламасы (Syllabus) — студенттер үшін оқу бағдарламасы, ол: оқылатын курс жазбасынан; курстың қысқа мазмұнынан; курстың мақсаты мен міндетінен; тақырыптан және оны оқу ұзақтығынан; СӨЖ тапсырмасынан; оқытушы талаптарынан; баға өлшемдері мен ережелерінен; ағымдағы және шектік бақылау кестесінен және әдебиет тізімінен тұрады	The program of discipline (Syllabus) is a study program for students, which includes: a description of the course being studied; a summary of the course; goals and objectives of the course; themes and duration of their study; tasks on the CDS; teacher requirements; evaluation criteria and rules; a timetable for current and boundary control and a list of literature
Академический календарь (график учебного процесса) — календарь проведения учебных и контрольных мероприятий в течение учебного года	Академиялық күнтізбе (оқу үдерісі кестесі) — оқу жылы барысында оқу және бақылау шараларын өткізу күнтізбесі	Academic calendar (schedule of the educational process) is a calendar of educational and control activities during the academic year
Академический период — период теоретического обучения, реализуемый в форме семестра продолжительностью 15 недель	Академиялық кезең — 15 апта ұзақтығындағы семестр түрінде іске асатын теориялық оқыту кезеңі	The academical period is a period of theoretical training, realized in the form of a semester lasting 15 weeks
Контроль учебных достижений студентов (текущий, рубежный и промежуточная аттестация) — проверка достижений обучающихся по изучению конкретной дисциплины	Студенттердің оқу жетістіктерін бақылау (ағымдағы, шектік және аралық аттестаттау) — оқушылардың нақты пән бойынша жетістіктерін тексеру	Control of students' academic achievements (current, boundary and intermediate certification) is a test of students' achievements in studying a particular discipline
Текущий контроль успеваемости — систематическая проверка учебных достижений обучающихся, проводимая преподавателем на текущих занятиях	Ағымдағы оқу үлгерімін бақылау — оқытушының ағымдағы сабақтарда оқушылармен жүргізілетін оқу жетістіктерін жүйелі тексеру	Current monitoring of progress is a systematic check of the educational achievements of the students, conducted by the teacher at the current sessions
Рубежный контроль успеваемости — периодическая проверка учебных достижений обучающихся на основе контрольных заданий различного вида (письменных работ, тестов, устных опросов и др.), проводимая согласно утвержденному академическому календарю	Шектік оқу үлгерімін бақылау — бекітілген академиялық күнтізбеге сәйкес өткізілетін әр түрлі бақылау тапсырмалары (жазба жұмыстар, тестілер, ауызша сұраулар және б.) негізінде оқушылардың оқу жетістіктерін кезеңдік тексеру	Boundary control of academic performance is a periodic verification of educational achievements of students on the basis of control tasks of various kinds (written works, tests, oral interviews, etc.), conducted in accordance with the approved academic calendar
Промежуточная аттестация студентов — проверка учебных достижений обучающихся по дисциплинам, проводимая в виде экзаменов по завершению академического периода. Период проведения промежуточной аттестации называется экзаменационной сессией	Студенттердің аралық аттестаттауы — академиялық кезеңнің аяқталуы бойынша емтихан түрінде өткізілетін пәндер бойынша оқушылардың оқу жетістіктерін тексеру. Аралық аттестаттау өткізу кезеңі емтихандық сессия деп аталады	Intermediate certification of students is a check of the educational achievements of students in disciplines, conducted in the form of examinations at the end of the academic period. The period of the intermediate certification is called the examination session

Окончание табл. 1

Русский	Казахский	Английский
<i>Зимняя и летняя сессии</i> — экзаменационные сессии после осеннего и весеннего семестров, соответственно	<i>Қысқы және жазғы сессия</i> — күзгі және көктемгі семестрлерден кейінгі сәйкесті емтихандық сессия	<i>Winter and summer sessions</i> are exam sessions after the fall and spring semesters, respectively
<i>Итоговая оценка знаний</i> — оценка учебных достижений студента по дисциплине, учитывающая оценку рейтинга допуска и оценку промежуточной аттестации (экзамена по дисциплине)	<i>Білімнің қорытынды бағасы</i> — студенттің пән бойынша оқу жетістіктерінің емтиханға жіберу рейтингісінің бағасын және аралық аттестаттау бағасын (пән бойынша қорытынды емтихан) ескеретін бағасы	<i>The final assessment of knowledge</i> is the evaluation of the student's academic achievements in the discipline, which takes into account the assessment of the admission rating and the evaluation of the intermediate qualification (the examination in the discipline)
<i>Оценка рейтинга допуска</i> — оценка, проставляемая по результатам текущего контроля и рубежной аттестации	<i>Емтиханға жіберу рейтингісінің бағасы</i> — ағымдағы бақылау мен шектік аттестаттау нәтижелері бойынша қойылатын баға	<i>The evaluation of the access rating</i> is an estimate, which is given by the results of the current control and boundary certification
<i>Экзаменационная оценка</i> — оценка уровня знаний студента по дисциплине, выявляемая в период промежуточной аттестации	<i>Емтихандық баға</i> — аралық аттестаттау кезеңінде анықталатын студенттің пән бойынша білім деңгейін бағалау	<i>Examination assessment</i> is an assessment of the student's knowledge of the discipline, revealed during the period of intermediate certification
<i>Итоговая государственная аттестация студентов</i> — определение степени усвоения ими государственного общеобязательного стандарта соответствующего уровня образования, по результатам которой выдается документ об образовании (диплом)	<i>Студенттерді қорытынды мемлекеттік аттестаттау</i> — нәтижелері бойынша білім туралы құжат (диплом) берілетін, білімнің сәйкес деңгейінің мемлекеттік жалпыға міндетті стандарттарын игеру дәрежесін анықтау	<i>Final state attestation of students</i> is the determination of the degree of mastering by them of the state compulsory standard of the corresponding level of education, which results in the issuance of a document on education (diploma)
<i>Транскрипт</i> — документ установленной формы, содержащий перечень пройденных дисциплин за соответствующий период обучения с указанием кредитов и оценок в буквенном и цифровом выражении	<i>Транскрипт</i> — әріптік және сандық түрде кредиттер мен бағаларды көрсететін оқыту кезеңіне сәйкес өткен пәндер тізімінен тұратын бекітілген формадағы құжат	<i>Transcript</i> is a document of the established form, containing a list of passed disciplines for the relevant period of study, indicating credits and ratings in alphabetic and numeric terms
Европейская система зачетного перевода	Еуропалық кредиттер жинақтау аударым жүйесі	ECTS — European Credit Transfer System
USCS — американская система кредитов	USCS — Американың кредиттік жүйесі	USCS (United States Credit System)
CATS — британская система кредитов накопления и перевода	CATS — кредиттер жинақтау және аудару британдық жүйесі	CATS — the British system of credits of accumulation and transfer
UCTS — система передачи университетских кредитов в странах Азии и бассейна Тихого океана	UCTS — Азия және Тынық мұхит университет кредиттер беру жүйесі	UCTS — the system of transfer of university loans in the countries of Asia and the Pacific

Также в ходе проведения блиц-опроса мы выяснили, что многие студенты не знают перевод названия своей специальности, факультета и основ-

ных понятий, используемых в учебном процессе, поэтому нами также был составлен трехлингвальный словарь в помощь студентам (табл. 2).

Таблица 2

Трехлингвальный словарь

Русский	Казахский	Английский
Бакалавр	Бакалавр	Bachelor
Магистр	Магистр	Master
Докторская степень	Доктарантураға	PhD
Технический факультет	Техникалық факультеті	Technical faculty
5B070300 Информационные системы	5B070300 Ақпараттық жүйелер	5B070300 Information Systems
5B011000 Физика	5B011000 Физика	5B011000 Physics
5B012000 Профессиональное обучение	5B012000 Кәсіптік даярлау	5B012000 Professional education
6M070400 Вычислительная техника и программное обеспечение	6M070400 Компьютерлер және бағдарламалық камтамасыз ету	6M070400 Computing and software
6M070400 Физика	6M070400 Физика	6M070400 Physics
5B071800 Электроэнергетика	5B071800 Электрэнергетикасы	5B071800 Power engineering
5B071300 Транспорт, транспортная техника и технологии	5B071300 Көлік, көліктік техника және технологиялар	5B071300 Transport, transport equipment and technologies
5B073200 Стандартизация, метрология и сертификация	5B073200 Стандарттау, метрология және сертификаттау	5B073200 Standardization, metrology and certification
Педагогический факультет	Педагогикалық факультеті	Pedagogical faculty
5B011700 Казахский язык и литература	5B011700 Казак тілі мен әдебиеті	5B011700 Kazakh language and literature
5B011400 История	5B011400 Тарих	5B011400 History
5B010200 Педагогика и методика начального обучения	5B010200 Бастауыш оқытудың педагогикасы мен әдістемесі	5B010200 Pedagogy and methodology of primary education
5B010300 Педагогика и психология	5B010300 Педагогика және психология	5B010300 Pedagogy and Psychology
5B020700 Переводческое дело	5B020700 Аударма ісі	5B020700 Translation studies
5B021000 Иностранная филология	5B021000 Шетел филологиясы	5B021000 Foreign philology
5B090200 Туризм	5B090200 Туризм	5B090200 Tourism
5B060800 Экология	5B060800 Экология	5B060800 Ecology
5B010800 Физическая культура и спорт	5B010800 Дене шынықтыру және спорт	5B010800 Physical education and sports
5B011600 География	5B011600 Жағрапия	5B011600 Geography
Факультет экономики, права и управления	Экономика, құқық және менеджмент факультеті	Faculty of Economics, Law and Management
5B051000 Государственное и местное управление	5B051000 Мемлекеттік және жергілікті басқару	5B051000 State and local administration
5B050900 Финансы	5B050900 Қаржы	5B050900 Finances
5B050800 Учет и аудит	5B050800 Есеп және аудит	5B050800 Accounting and audit
5B050900 Юриспруденция	5B050900 Құқықтану	5B050900 Jurisprudence
Факультет	Факультеті	Faculty

Окончание табл. 2

Русский	Казахский	Английский
Кафедра	Кафедра	Department
Специальность	Мамандығы	Speciality
Год поступления	Түскен жылы	Entering year
Язык обучения	Оқу тілі	Language of studying
Наименование дисциплины	Пәндердің аталуы	Courses
Количество кредитов	Кредит саны	Credit hours
Оценка	Баға	Grade
в процентах	пайызбен	in percent
буквенная	Әріптік	alphabetic
в баллах	Балмен	in points
традиционная	Дәстүрлі жүйемен	Traditional
Профессиональная практика	Кәсіптік практикасы	Professional practice
Виды профессиональных практик	Кәсіптік практикаларды түрлері	The form of professional practices
Средний балл успеваемости	Орташа өнімділігі балл	GPA (<i>Grade Point Average</i>)
РЕКТОР	РЕКТОР	RECTOR
ДЕКАН	ДЕКАН	DEAN
СЕКРЕТАРЬ	ХАТШЫ	SECRETARY
подпись	қолы	signature

Результаты анализа данных первой опытной проверки, проходившей в условиях «конфликтной ситуации», построенной на основе оппозиции между Интернет-ресурсами как «термином для сравнения» и разработанным фрагментом учебного трехязычного словаря-гlossария академических терминов, показывают, что студенты часто сталкиваются с определенными трудностями понимания профессиональной и терминологической информации. Также они обладают недостаточно сформированными умениями распознавать термины и их концептуальное наполнение. Обращение к содержанию учебного трехязычного словаря позволило обеспечить более адекватное понимание академической терминологии.

Поэтому, как подтвердили результаты опытной проверки, учебный трехязычный словарь академических терминов, является эффективным дополнительным, вспомогательным средством, который способствует более точному пониманию смыслов и обеспечивает условия для формирования профессионального тезауруса студентов в академической жизни.

Таким образом, смеем предположить, что разработанный фрагмент учебного трехязычного glossария и словаря академических терминов сможет обеспечить эффективную работу студентов с профессиональной документацией, более глубокое понимание терминологии и понятийных различий в аспекте межкультурного сопоставления.

Список литературы

1. Гальскова, Н. Д. Обучение на билингвальной основе как компонент углубленного языкового образования / Н. Д. Гальскова, Н. Ф. Коряковцева, Е. В. Мусницкая, Н. Н. Нечаев // Иностр. яз. в шк. — 2003. — № 2. — С. 12–16.
2. Ешимбетова, З. Б., Демеуова, А. М. Казахстанское «трехязычие» — уникальная формула языковой политики / З. Б. Ешимбетова, А. М. Демеуова // Инновации в науке : сб. ст. по матер. XI междунар. науч.-практ. конф. Ч. II. — Новосибирск, 2012.

3. Левинсон, А. Фокус-группы и открытые групповые дискуссии как методы, используемые в прикладных исследованиях / А. Левинсон // Качественные методы. Полевые социологические исследования / под ред. И. Штейнберг. — СПб., 2009.
4. Послание Главы государства Н. А. Назарбаева народу Казахстана «Казахстанский путь — 2050: Единая цель, единые интересы, единое будущее» // Наш Костанай. — 2014. — 21 янв.
5. Послание Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева народу Казахстана «Построим будущее вместе!» // Казахстан. правда. — 2011. — 29 янв.
6. Послание Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева народу «Новый Казахстан в новом мире» (28 февраля 2007 года) // Послания лидера нации к народу / сост. Г. Т. Танибергенова, К. Т. Калилаханова, Р. Ж. Алимбеков. — Астана, 2008. — С. 237–280.
7. Смагулова, К. Н. Языковая ситуация в Казахстане и функционирование русского языка / К. Н. Смагулова // Русский язык как государственный язык Российской Федерации и как язык межнационального общения в ближнем зарубежье : сб. мат. междунар. науч.-практ. конф. / сост.-ред. О. В. Гневэк. — Магнитогорск, 2008. — С. 15–20.
8. Сулейменова, Э. Д. Словарь социолингвистических терминов / Э. Д. Сулейменова, Н. Ж. Шаймерденова. — Алматы, 2002. — 170 с.
9. Хасенов, Е. А. Социолингвистические проблемы урбанизации / Е. А. Хасенов. — Алматы, 2002. — 256 с.
10. Шаукенова, З. К. Социальное взаимодействие этносов: мониторинг межэтнических отношений в Республике Казахстан / З. К. Шаукенова. — Алматы, 2013. — 200 с.
11. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. — Л., 1974. — 428 с.

Электронный ресурс

12. Белановский, С. А. Метод фокус-групп / С. А. Белановский. — URL: http://polbu.ru/belanovsky_focusgroup/.
13. Галеев, В. Н. Полилингвальное обучение и глобальная информатизация // В. Н. Галеев, З. Г. Нигматов. — URL: <http://ito.edu.ru/2005/Moscow/III/2/III-2-5429.html>.
14. Жикеева, А. Р. Трехязычие как основа развития современного казахстанского общества на примере изучения речи жителей Костанайской области / А. Р. Жикеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 5 (35), ч. I. — С. 73–75. — URL: www.gramota.net/materials/2/2014/5-1/20.html.
15. Назарбаев, Н. А. Послание Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева народу Казахстана от 27.01.2012 г. — URL: www.akorda.kz/...president...kazakhstan/poslanie_prezidenta.
16. Назарбаев, Н. А. Указ Президента Республики Казахстан от 29 июня 2011 года № 110 «О Государственной программе функционирования и развития языков на 2011–2020 годы». — URL: www.kz/rus/bm/gosudarstvennii_yazik/programma_ru.
17. О Государственной программе развития и функционирования языков в Республике Казахстан на 2011–2020 годы (Указ Президента Республики Казахстан от 29 июня 2011 года № 110). — URL: <http://ru.government.kz/docs/u110000011020110629.htm>.
18. Словарь Publish_RUP. — URL: http://dit.isuct.ru/Publish_RUP/core.base_rup/guidances/concepts/pilot_project_AE852816.html.
19. Чем опасно двух- и трехязычие в Казахстане? // Караван. — URL: <http://boursak.info/?p=31780>.

Сведения об авторе

Зима Марина Григорьевна — старший преподаватель кафедры гуманитарных наук педагогического факультета, Костанайский социально-технический университет имени академика З. Алдамжар. Костанай, Казахстан. m-zima@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 4 (414). *Philology Sciences. Iss. 112. Pp. 78—88.*

TO THE PROBLEM OF IMPLEMENTATION OF TRILINGUALISM IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF UNIVERSITIES IN KAZAKHSTAN

M. G. Zima

*Kostanai social and technical university named after academician Z. Aldamzhar, Kostanay, Kazakhstan.
m-zima@mail.ru*

This article is devoted to the study of the attempt to organize a trilingual education in the educational space of the Republic of Kazakhstan on the example of the KSTU named after academician Z. Aldamzhar. In order to implement the pilot project for the study, we used the basic techniques of sociolinguistic research: “focus-interviews”, questionnaires, surveys.

The results of the analysis of the data of the first pilot test conducted in the context of a “conflict situation” based on the opposition between Internet resources as a “comparison term” and a developed fragment of the academic trilingual glossary of academic terms show that students often face certain difficulties in understanding the professional and terminological information. They also have insufficiently developed skills to recognize terms and their conceptual content. The appeal to the content of the educational trilingual vocabulary allowed to provide a more adequate understanding of academic terminology.

Keywords: *communicative competence, international communication, interethnic relations, educational technologies, multilingual education, trilingual education, ethnic groups, language personality, language policy.*

References

1. Gal'skova N.D., Koryakovtseva N.F., Musnitskaya E.V., Nechaev N.N. Obuchenie na bilingval'noy osnove kak komponent uglublennogo yazykovogo obrazovaniya [Training on bilingual basis as a component of in-depth language education]. *Inostrannyye yazyki v shkole* [Foreign languages in school], 2003, no. 2, pp. 12–16. (In Russ.).
2. Eshimbetova Z.B., Demeuova A.M. Kazakhstanskoe «trekh'yazychie» — unikal'naya formula yazykovoy politiki [Kazakh “trilingual” — a unique formula of language policy]. *Innovatsii v nauke* [Innovations in Science]. Novosibirsk, 2012. (In Russ.).
3. Levinson A. Fokus-gruppy i otkrytye gruppovye diskussii kak metody, ispol'zuemye v prikladnykh issledovaniyakh [Focus groups and open group discussions as methods used in applied research]. Shteynberg I. (ed.). *Kachestvennye metody. Polevyye sotsiologicheskie issledovaniya* [Qualitative methods. Field sociological research]. St. Petersburg, 2009. (In Russ.).
4. Poslanie Glavy gosudarstva N. A. Nazarbaeva narodu Kazakhstana «Kazakhstanskiy put' — 2050: Edinaya tsel', edinye interesy, edinoe budushchee» [Message of the Head of State N.A. Nazarbaev to the people of Kazakhstan “Kazakhstan way — 2050: Unified goal, common interests, common future»]. *Nash Kostanay* [Our Kostanay], 2014, January 21. (In Russ.).
5. Poslanie Prezidenta Respubliki Kazakhstan N. A. Nazarbaeva narodu Kazakhstana «Postroim budushchee vmeste!» [Message of the President of the Republic of Kazakhstan N.A. Nazarbayev to the people of Kazakhstan “Let's build the future together!”]. *Kazakhstanskaya Pravda* [Kostanay truth], 2011, January 29. (In Russ.).
6. Poslanie Prezidenta Respubliki Kazakhstan N. A. Nazarbaeva narodu «Novyy Kazakhstan v novom mire» (28 fevralya 2007 goda) [Message of the President of the Republic of Kazakhstan N. Nazarbayev to the people “New Kazakhstan in the New World” (February 28, 2007)]. *Poslaniya lidera natsii k narodu* [Messages of the leader of the nation to the people]. Astana, 2008. Pp. 237–280. (In Russ.).
7. Smagulova K.N. Yazykovaya situatsiya v Kazakhstane i funktsionirovanie russkogo yazyka [Language situation in Kazakhstan and the functioning of the Russian language]. *Russkiy yazyk kak gosudarstvennyy yazyk Rossiyskoy Federatsii i kak yazyk mezhnatsional'nogo obshcheniya v blizhnem zarubezh'e* [Russian as

a state language of the Russian Federation and as a language of interethnic communication in the near abroad]. Magnitogorsk, 2008. Pp. 15–20. (In Russ.).

8. Suleymenova E.D., Shaymerdenova N.Zh. *Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov* [Dictionary of sociolinguistic terms]. Almaty, 2002. 170 p. (In Russ.).

9. Khasenov E.A. *Sotsiolingvisticheskie problemy urbanizatsii* [Sociolinguistic problems of urbanization]. Almaty, 2002. 256 p. (In Russ.).

10. Shaukenova Z.K. *Sotsial'noe vzaimodeystvie etnosov: monitoring mezhetnicheskikh otnosheniy v Respublike Kazakhstan* [Social interaction of ethnic groups: monitoring of interethnic relations in the Republic of Kazakhstan]. Almaty, 2013. 200 p. (In Russ.).

11. Shcherba L.V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad, 1974. 428 p. (In Russ.).

Electronic resources

12. Belanovskiy S.A. *Metod fokus-grupp* [The method of focus groups]. Available at: http://polbu.ru/belanovsky_focusgroup. (In Russ.).

13. Galeev V.N., Nigmatov Z.G. *Polilingval'noe obuchenie i global'naya informatizatsiya* [Polylinguistic Training and Global Informatization]. Available at: <http://ito.edu.ru/2005/Moscow/III/2/III-2-5429.html>. (In Russ.).

14. Zhikeeva A.R. Trekh'yazychie kak osnova razvitiya sovremennogo kazakhstanskogo obshchestva na primere izucheniya rechi zhiteley Kostanayskoy oblasti [Trilingual as the basis of the development of the modern kazakhstan society on the example of studying the speech of the residents of the residents of the Kostanaya region]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of theory and practice], 2014, no. 5 (35), part I, pp. 73–75. Available at: www.gramota.net/materials/2/2014/5-1/20.html. (In Russ.).

15. Nazarbaev N.A. *Poslanie Prezidenta Respubliki Kazakhstan N.A. Nazarbaeva narodu Kazakhstana* [The Address of the President of the Republic of Kazakhstan N.A. Nazarbayev to the people of Kazakhstan], 27.01.2012. Available at: www.akorda.kz/...president...kazakhstan/poslanie_prezidenta. (In Russ.).

16. Nazarbaev N.A. *Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 29 iyunya 2011 goda № 110 «O Gosudarstvennoy programme funktsionirovaniya i razvitiya yazykov na 2011–2020 gody»* [Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated June 29 2011 № 110 «On the State Program for the Functioning and Development of Languages for 2011–2020»]. Available at: www.kz/rus/bm/gosudarstvennii_yazik/programma_ry. (In Russ.).

17. *O Gosudarstvennoy programme razvitiya i funktsionirovaniya yazykov v Respublike Kazakhstan na 2011–2020 gody (Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 29 iyunya 2011 goda № 110)* [On the State Program for the Development and Functioning of Languages in the Republic of Kazakhstan for 2011–2020 (Decree of the President of the Republic of Kazakhstan No. 110 of June 29, 2011)]. Available at: <http://ru.government.kz/docs/u110000011020110629.htm>. (In Russ.).

18. *Slovar'* [Dictionary]. Available at: http://dit.isuct.ru/Publish_RUP/core.base_rup/guidances/concepts/pilot_project_AE852816.html. (In Russ.).

19. Chem opasno dvukh- i trekh'yazychie v Kazakhstane? [What is the danger of double and trilingualism in Kazakhstan?]. *Karavan*. Available at: <http://boursak.info/?p=31780>. (In Russ.).

УДК 82-32
ББК 83.3(2)

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РАССКАЗА А. Г. МАЛЫШКИНА «ПОСЛЕДНИЙ БАРЫКОВ»

А. С. Иванов

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Статья посвящена анализу раннего рассказа советского писателя А. Г. Малышкина «Последний Барыков» (1913). Произведение недостаточно полно исследовано в советском литературоведении, хотя позволяет шире увидеть идейно-художественное своеобразие творчества автора. Рассказ рассматривается как особое сочетание художественных методов критического реализма и символизма. Основной проблемой произведения названа проблема поиска счастья.

Ключевые слова: *Малышкин, критический реализм, символизм, натурализм, Серебряный век, философская проблема.*

Писатель Александр Георгиевич Малышкин (1892–1938) считается одним из основоположников молодой советской литературы и классиком социалистического реализма. Его имя стало известно в связи с публикацией в 1923 г. повести «**Падение Даира**», которая наряду с такими произведениями, как «Железный поток» А. С. Серафимовича, «Чапаев» Д. А. Фурманова, «Бронепоезд 14-69» Всеволода Иванова и др., обратилась к важнейшей теме того времени — Гражданской войне [3]. Начиная с «Падения Даира», А. Г. Малышкин заявлял о себе как автор, в творчестве которого ключевой проблемой стала **проблема счастья** народа, добываемого в ходе тяжелого труда.

Это дало основание советским литературоведам и критикам считать, что под этим трудом подразумевается исключительно классовая борьба, а творчество самого А. Г. Малышкина, ввиду отсутствия открытой оппозиции или иного взгляда на советскую действительность, расценивалось как поддержка существующего строя. Таким образом, произведения Александра Георгиевича, написанные в 1920–1930 гг. (в особенности рассказ «Поезд на юг», повести «Падение Даира» и «Севастополь», роман «Люди из захолустья»), расцениваются как одни из лучших образцов социалистического реализма и считаются высшим творческим достижением писателя.

При этом советское литературоведение традиционно мало уделяло внимания ранним (1913–1915 гг.) рассказам А. Г. Малышкина. Исследователи творчества писателя справедливо отмечали художественные недостатки, такие как недостаток обобщенности, отсутствие

стилевой четкости, чрезмерный натурализм [6]. Один из ведущих исследователей творчества А. Г. Малышкина Лев Михайлович Вольпе так обобщал эти недостатки: «Раннее творчество Малышкина еще во многом противоречиво: налицо стремление писателя к передаче жизненной правды, к реализму. В то же время буржуазная литература — литература натурализма и декадентства, несомненно, оказывала на Малышкина некоторое влияние; в художественную ткань его ранних рассказов проникали отдельные натуралистические штрихи и импрессионистские образы. Это мешало его развитию, снижало качество его произведений» [1. С. 170].

При этом главным изъяном дореволюционных рассказов считалось отсутствие классовой борьбы. А. Г. Малышкин, в отличие от, например, Максима Горького, обозначил в своих произведениях революционную ситуацию, однако не решал конфликт в своих ранних произведениях революцией, а напротив, оставлял нерешенными поднятые проблемы. Так, Н. А. Никонова отмечала следующее: «Малышкин пытается понять уезд изнутри, найти решение в нем самом. Отсюда стремление автора увидеть в людях внутренние силы, способные изменить человека. Горький же ищет разрешения конфликта и разрешает его извне, со стороны» [7. С. 57]. Она же замечает, что герои ранних произведений Малышкина слишком подвержены влиянию стихийного, природного начала, а социальные условия жизни воспринимают как неестественные [7]. С. Гехт считает, что писатель передал в рассказах революционное настроение, желание переиначить действительность [2].

Вместе с тем следует заметить, что советские исследователи обращали внимание на подчеркнутый лиризм ранних рассказов А. Г. Малышкина. Так, Исаак Наумович Крамов, анализируя пейзажные зарисовки в ранних рассказах, отметил, что они передают авторскую патетику «живого духа, протестующего во имя прав подавленной и униженной личности, во имя жизни, достойной человека» [4. С. 34]. Контраст негативной действительности и «торжественной и высокой красоты» [Там же. С. 35] лирически окрашен и перекликается с мотивами поэзии поэта-символиста А. А. Блока [3].

Однако анализ ранних рассказов А. Г. Малышкина позволит нам **не только по-новому оценить послереволюционное творчество писателя, но и увидеть в ином свете личность автора и его литературный талант**. Среди произведений, написанных им в 1913–1915 гг., особенно выделяется рассказ «Последний Барыков», ярко продемонстрировавший стилистическую и идейную пестроту раннего творчества А. Г. Малышкина, а также некоторые тенденции современной ему литературы.

Приведем некоторые биографические сведения, которые помогут в анализе рассказа. А. Г. Малышкин — выходец из крепкой крестьянской семьи, прошедший детские годы в уездном городке Мокшан Пензенской области. Уже с десяти лет он получал весьма неплохое для простого крестьянского сына образование, обучаясь в Первой мужской гимназии в Пензе с 1902 по 1910 гг. Однако на проживание он, живущий в доме своего дяди, был вынужден зарабатывать сам.

В 1910–1916 гг. юный будущий писатель обучался в Петербургском университете. Студент историко-филологического факультета Александр Малышкин контактирует с демократически и революционно настроенной молодежью и начинает печататься в полулегальном университетском журнале «Студенческие годы», куда помещает стихи, исполненные революционного пафоса.

С 1913 по 1915 гг. молодой автор пишет и публикует исключительно прозу, правда, попадая только в небольшие петербургские журналы («Весь мир», «Наша заря», «Новый журнал для всех», «Свободный журнал»). Ранняя малышкинская проза особенно интересна для современных читателей как еще одно своего рода свидетельство эпохи **Серебряного века**, поскольку она представляет собой причудливый синтез критического реализма, символизма и натурализма.

Рассказ «**Последний Барыков**» — хронологически второе прозаическое произведение писателя, напечатанное в «Новом журнале для всех» № 12 за 1913 г. (примерно за месяц до выхода в свет «Последнего Барыкова» был опубликован рассказ «В осенние дни», см.: «За семь дней», 1913, № 41). Кроме того, «Последний Барыков» — самая ранняя работа А. Г. Малышкина, вошедшая впоследствии во все собрания сочинений и крупные сборники писателя. Это произведение совмещает в себе элементы **сказа, натуралистического рассказа**, а также исполнено **религиозных мотивов**, которые крайне редко встречаются в прозе А. Г. Малышкина и еще реже не имеют отрицательной окраски.

Советское литературоведение рассматривало рассказ сугубо социологически. Если следовать этой трактовке, рассказ следует понимать так: главный герой, Афонька Барыков, последний представитель своего вымирающего рода, является типичной жертвой крепостнического уклада жизни и сложившихся на его почве социальных, экономических и психологических отношений. Отрицательные герои — Зоя, богатеи местного городка Окшана, обитатели притона на улице Планской — являются морально разложившимися выразителями морали «эксплуататорского класса», заинтересованными только в личном обогащении и иждивенчестве. Связавшись с ними, Афонька заведомо обрекает себя на гибель.

Безнаказанность царящего в Окшане зла лишь подчеркивается его отдаленностью от политики. В этом плане показателен эпизод на вокзале в главе III: телеграфист, якобы распространяющий «нелегальные листки» партии, оказывается подставным лицом, призванным выявлять в окшанском обществе смутьянов [4].

Мы считаем подобный подход к оценке рассказа крайне неверным. Основная тема произведения — **нравственная**: это столкновение «маленького человека» и дикого мира уездного городка. Отметим, что такая проблематика характерна для произведений **критического реализма**, нежели **социалистического**. Раскрывая эту тему, автор прибегает к вышеупомянутому лирическому контрасту, выраженному с помощью **символических, абстрактных**, порой **мистических образов**, которые никак не соотносятся с социологической подосновой рассказа.

Главный герой Афонька Барыков всеми силами ищет для себя счастья. Мечта о нем выдержана

в чисто блоковском духе и исполнена трагического лиризма:

«Под мерзлыми окнами толпился народ, а в залах танцевали кавалеры и девушки, сбиваясь в пышный цветник и смеясь. Отголоски вальса падали, как капли, рядом с Афонькой и сочились будто в душу, трогая темные ее наболевшие недра. И каждая певучая капля была как сон о счастье и печалила до слез...» [5. С. 32].

Счастье для Барыкова приравнивается к обретению спутницы жизни. Однако, по мысли автора, выход из Окшана для таких, как Барыков, невозможен, и в итоге герою вынужден лишь с горечью осознавать: *«Эх, жизнь моя, любоваться на тебя только! Один, как полевой кустик... ни любви, ни ласки, так сиротой сдохнешь где... под забором...»* [5. С. 25].

Что подразумевает автор под Окшаном? Разумеется, мы легко можем увидеть созвучие с родным городком писателя — Мокшаном. Более того, в рассказе встречаются микротопонимы, реально существовавшие (и существующие) в Мокшане и в Мокшанском районе: улицы Планская и Блудовка, село Воронье. Малая родина А. Г. Малышкина послужила основой для создания образа уездного городка Окшана — условного, символического образа.

На протяжении всего произведения писатель описывает разные уголки Окшана, которые видит Афонька, и все картины представляют собой весьма безрадостное зрелище. Это мир русской провинции, бесхитростный, но нелепый, дикий. Рассказ начинается с единственной обобщающей сцены — экспозиции, которая написана **в сказовой манере** и является показательной с точки зрения умения автора передавать народный говор (в этом мы видим традицию **Н. С. Лескова** [5]):

«Если парень бежит в баню с венником, значит — жених. Таким у нас в Окшане на маслолицу главная гульба: только и дела тогда, что метать орлянку у трактира или околачиваться подле кирпичных лабазов. Там и невесты гуляют, любую выбирай: одна к одной девки, все форсистые, набеленные, юбки с отлетом» [5. С. 15].

В этом описании явно чувствуется авторская ирония и скептическое отношение к быту Окшана, что прослеживается в использовании разговорных синтаксических конструкций и просторечных с негативной окраской: «гульба», «околачиваться» и пр. Данный фрагмент выписан с большим знанием психологии уездного чело-

века, однако писатель не принимает нравов захолустья, в чем также прослеживаются элементы критического реализма, проявленные и в других подобных эпизодах рассказа.

А. Г. Малышкин проводит героя последовательно через несколько кругов окшанского «ада». Действие рассказа начинается с трагической истории любви Барыкова. Он влюблен в «статную девушку» [5. С. 15] с синими глазами, Зою, однако она не отвечает ему взаимностью, поскольку тот слишком беден для нее, и грубо отказывает ему: *«Знаем мы вас: сейчас турусы на колесах, а там ваше дело телячье, поел да в хлев!»* [Там же. С. 17].

После неудачного сватовства Афонька попадает в теплушку Моргача на карточную игру в двадцать одно, где тот сперва выигрывает большую сумму, чем, казалось, приближает женитьбу с Зоей, но вскоре проигрывает всё, даже счета на заложенный у Моргача товар. Затем отчаявшийся Барыков заходит в притон на улице Планской, где напивается и оскорбляет местную распутную девицу. Пьяного Афоньку выгоняют из притона, и он в бредовом состоянии попадает в дом к Моргачу, убивает купца безменом и забирает у него деньги.

На следующий день Барыков пытается забыться, отвлечься, но у него не получается справиться с мыслями о вчерашнем преступлении. С приходом вечера он впадает в безумие, испытывает муки раскаяния, однако, не в силах одолеть злой рок, вешается, прервав некогда славный род Барыковых.

В этом рассказе героями тоже управляет неведомая сила. В поступках Афоньки ощущается покорение этой силе, влекущей в самые грязные места Окшана и приводящей сперва к убийству, а затем к самоубийству. Показателен в данном отношении следующий эпизод, произошедший утром последнего в жизни Афоньки дня и предваряющий его предсмертные психологические страдания:

«Засучив ногами, он потянулся, уж слабея, к окну, чтоб раздышаться, но толкнуло опять, и он начал падать лицом в половики...»

«Началось», — подумал он, очнувшись, но что — и сам не знал» [5. С. 28].

Можно предположить, что это **судьба**, поскольку на это указывает сам автор, когда описывает историю рода Барыковых. Выясняется, что некогда предки Афоньки *«в Окшане поставили маслобойню с мельницей и кирпичный лабаз,*

где ютятся теперь мелкие бакалейщики, а кругом рассадили бахчи и огороды» [Там же. С. 17]. Казалось бы, что дела рода будут успешны, однако дед Афоньки, Устин, нарушил клятву никогда не жениться, данную первой жене, когда та была при смерти: Устин встретился с роковой молдаванкой на юге, и после этого, «словно от неведомого послания или лихого навета, пошатнулся купеческий род» [Там же. С. 18]. О беде, настигшей Барыковых, А. Г. Малышкин пишет следующее: «В один год перемерли все дети Устина, кроме старшего Васяни, на лошадей напал сар» [Там же]. Васяня же попал в долги к другому крупному купцу, повздорил с тем и, когда тот немедленно потребовал оплату, отравился крысиным мором.

Таким образом, и Афонька был обречен, но злой рок не был случаен — он стал следствием грехов его деда. В этом раскрывается **христианская философия**, логике которой А. Г. Малышкин следует на протяжении рассказа. О. Ю. Пузрина, анализируя рассказ «Последний Барыков» с точки зрения христианских ценностей, отметила: «Воспитанный в парадигме христианской морали русского православия, Малышкин не лишает своего героя чувства ответственности перед Богом» [8. С. 25]. Иными словами, Афонька сам вверг себя в ад еще на земле, совершив страшный грех убийства.

Христианские мотивы нередко встречаются на страницах рассказа. Так, уже Устин пытается замолить перед Богом свой грех: «Неожиданно для всех, облачившись в рубище, вышел босым из города, сказавшись на богомолье» [5. С. 18]. Впоследствии он умирает «покаянной смертью — от голода» [Там же].

Интересен и следующий момент: уже находясь в предсмертном бреду, Афонька вспоминает, как в бане окатывал себя кипятком, пытаясь представить себе адские мучения и осознать, что они будут вечно, в то время как здесь он может перестать причинять себе боль. «И, обезумев словно, лил он на горячее тело вар, испытывая себя, и чем мучительнее были корчи, тем больше падало сердце от ужаса и яснее становилось: всегда, всегда...» [5. С. 31]. Афонька молится, пытаясь оправдаться перед Богом, рвет украденные у покойника кредитки, однако успокоение не приходит, и в итоге он ставит страшную и нелепую точку в своей жизни. Игровой азарт Барыкова, его безумное преступление и воровство денег, муки совести и раскаяние — это мотивы, пришедшие в произведение из творчества

Ф. М. Достоевского [5]. Агония Афоньки напоминает страдания Раскольниковца.

О. Ю. Пузрина считает, что в рассказе «Последний Барыков» отражено разрушительное воздействие капиталистической тяги к деньгам, разрушившей традиционные русские ценности. Кроме того, по мнению исследователя, главный виновник в смерти Афоньки — он сам, поскольку тот поддался сребролюбию, попытавшись достать денег ради семейного счастья с Зоей [8]. О. Ю. Пузрина лишь вскользь замечает, что А. Г. Малышкин выносит обвинительный приговор обществу, породившему свою жертву [8]. Мы же полагаем, что в «Последнем Барыкове», как и во многих других рассказах «мшанского цикла», А. Г. Малышкин декларирует невозможность выхода из материального и духовного захолустья, а символический образ злого рока и христианские мотивы лишь служат средствами раскрытия этой идеи. Неслучаен тот факт, что в произведении, по сути, нет положительных героев, и даже Афонька, к которому читатель изначально испытывает сочувствие, в итоге оказывается убийцей.

Рассказ насыщен **символическими образами**. В них чувствуется влияние **декадентской поэтики**: «сонные сумерки колебались в голубом стекле, рисуя тонкий силуэт девушки» [5. С. 16]; «и туманно колебались стены... а из угла светился колдовской взгляд черного столяра» [Там же. С. 25]. Отдельное место среди этих образов отводится пейзажу и улице Планской. Пейзаж в произведении помогает осмыслить злое присутствие рока, он ассоциируется с потусторонними, «небесными» силами, которые и предрекают смерть Афоньки: «Вещий, исчерна-красный закат тлел за полями в набегающих сумерках. То омраченные, то окровавленные снега строились далекой хрупкой зыбью. <...> И ясно отозвался в сердце горестный и страшный голос, словно предрекая Афонькину погибель...» [Там же. С. 19–20].

Улица Планская — это не просто основное место действия в рассказе. Автор описывает ее как обитель нечистой силы, место, где проносятся «крылатая вереница бесов» [5. С. 15], под которыми А. Г. Малышкин понимает «отчаянных, купеческих» рысаков [Там же]. Бешено носящиеся кони, поднимаемая ими поземка, чернота и тишина зимней ночи — вот что видит Афонька, несколько раз попадая на Планскую, которая ведет его то к Зое, то в притон к Петухану. Бесы, чудящиеся герою на этой улице, отсылают нас к бесам

из одноименного стихотворения А. С. Пушкина, однако А. Г. Малышкин придает этому образу дополнительный смысл: это лихая, дикая сила окшанского захолустья, губительная мощь самых отвратительных проявлений человеческой природы.

Поэтому в произведении символические образы соседствуют с **натуралистическими**. А. Г. Малышкин выписывает их тщательно, не стесняясь в выражениях, когда изображает грязные места Окшана или бесчеловечные нравы его обитателей. Так, например, он описывает притон, куда завела Барыкова Танька, девушка легкого поведения: «*В тесной избе, где сумерки, как паутина, опутали все до потолка и плавал над коптилкой махорочный дым, плясала девка в расстегнутой кофте*» [5. С. 24].

Получившаяся в итоге «смесь» натурализма и символизма производит тяжелое впечатление на читателя. А. Г. Малышкин прибегает к блоковскому противостоянию мечты и действительности, усилив контраст фатализмом, преследующим главного героя. Вместе с тем рассказу не хватает обобщенности, глубины, масштабности повествования. Хотя в целом обстановка Окшана описана верно, поведение героев не мотивировано жизненной логикой. Автор пытается решить проблему личного счастья Афоньки, однако не выявляет реальных причин, приведших к трагедии. Всё упирается в непреодолимую силу рока.

Таким образом, рассказ «Последний Барыков» является уникальным произведением. Оно осо-

бенно ярко продемонстрировало два начала, присущих его дореволюционному творчеству: обращение к жизни простого народа, испытывающего на себе тяжелый гнет (критический реализм, нередко переходящий в натурализм) и тяга к использованию изоощренных, «книжных образов», овеванных декадентской поэтикой (символизм). Первое происходило из детства писателя, проведенного в уездном Мокшане, а вторым А. Г. Малышкин обязан годам учебы в Петербургском университете. Благодаря этому в простую, хоть и трагичную бытовую картину автор вложил глубокое теолого-философское содержание.

Молодой писатель сочувствовал «маленькому человеку», со всей остротой ощущал разрушительную силу русского захолустья, однако не видел революционной ситуации, не предвосхитил события 1917 г., хотя в студенческие годы был близок радикально настроенной молодежи. **Нравственные вопросы А. Г. Малышкина интересовали больше, чем классовые**, — в этом мы видим ключ к пониманию личности автора и его произведений в период 1913–1915 гг. Кроме того, раскрывая эти вопросы, писатель обратился к художественным приемам и средствам, традиционно не присущим социалистическому реализму и испытавшим на себе влияние модернистской поэтики. Такое понимание художественного своеобразия рассказа значительно отличается от советской трактовки и предлагает новое прочтение раннего рассказа А. Г. Малышкина.

Список литературы

1. Вольпе, Л. Первые рассказы Александра Малышкина / Л. М. Вольпе // Земля родная : альманах. — Пенза, 1953. — Кн. 10. — С. 159–171.
2. Гехт, С. Ранние рассказы А. Малышкина / С. Гехт // Литератур. обозрение. — 1940. — № 24. — С. 24–26.
3. Ермилов, В. Творческий путь Александра Малышкина / В. В. Ермилов // Малышкин, А. Г. Сочинения в двух томах. — М., 1956. — Т. 1. — С. 5–42.
4. Крамов, И. Н. Александр Малышкин : очерк творчества / И. Н. Крамов. — М., 1965. — 228 с.
5. Малышкин, А. Г. Рассказы; Падение Дaira; Севастополь / А. Г. Малышкин. — М., 1985. — 446 с.
6. Меньшутин, А. Н. Александр Малышкин / А. Н. Меньшутин // История русской советской литературы : в 3 т. — М., 1960. — Т. 2. — С. 265–283.
7. Никонова, Т. А. Горький и Малышкин («Окуровский» цикл и «Уездная любовь») / Т. А. Никонова // Ученые зап. Урал. гос. ун-та. — 1968. — № 84, вып. 9. — С. 54–60.
8. Пузрина, О. Ю. Система нравственных ценностей персонажей рассказа А. Г. Малышкина «Последний Барыков» / О. Ю. Пузрина // А. Г. Малышкин и XX век : материалы конф. — Пенза, 2002. — С. 23–28.

Сведения об авторе

Иванов Алексей Сергеевич — аспирант кафедры литературы и методики преподавания литературы, Педагогический институт им. В. Г. Беллинского, Пензенский государственный университет. Пенза, Россия. aliv_mokshan@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 4 (414). *Philology Sciences. Iss. 112. Pp. 89—94.*

THE ARTISTIC FEATURES OF ALEXANDER MALYSHKIN'S SHORT STORY "THE LAST BARYKOV" ("POSLEDNIJ BARYKOV")

A. S. Ivanov

Penza State University, Penza, Russia, aliv_mokshan@mail.ru

Alexander Georgievich Malyshkin (1892–1938), a Soviet writer, is one of the founders of early Soviet literature and a classic of socialist realism. The short story "The Last Barykov" is chronologically his second prose work published in "Novyj Zhurnal Dlja Vseh", No. 12 of 1913. This work combines elements of democratic realism, naturalism, and symbolism, it is also filled with religious motifs and philosophy problems.

Soviet literature assessed this short story purely sociologically: the main character, poor Afon'ka Barykov, the last of his dying clan, is a typical victim of the serfdom way of life and the basis of social, economic and psychological relations which were established due to serfdom. We believe that such an approach to the assessing of the story is quite wrong. The main theme of the work is **moral**: it is a collision of the 'little man' Afon'ka Barykov and the wild world of an uyezd. The main character is looking for happiness. However, according to the author, it is impossible to get out of Okshan because the heroes are driven by some unknown force in this story.

Keywords: *Malyshkin, democratic realism, symbolism, naturalism, Silver Age, philosophy problem.*

References

1. Vol'pe L. Pervye rasskazy Aleksandra Malyshkina [The first short novels of Alexander Malyshkin]. *Zemlja rodnaja : al'manakh. Kn. 10* [Homeland: The almanac. Vol. 10]. Penza, 1953. Pp. 159–171. (In Russ.).
2. Geht S. Rannie rasskazy Aleksandra Malyshkina [The early short stories of Alexander Malyshkin]. *Literaturnoe obozrenie* [Literary Review], 1940, no. 24, pp. 24–26. (In Russ.).
3. Ermilov V. Tvorcheskij put' Aleksandra Malyshkina [The artistic path of Alexander Malyshkin]. Malyshkin A.G. *Sochinenija v dvuh tomah. T. 1* [Malyshkin A.G. The collection of works in 2 vol. Vol. 1]. Moscow, 1956. Pp. 5–42. (In Russ.).
4. Kramov I.N. *Alexandr Malyshkin: ocherk tvorchestva* [Alexander Malyshkin: The essay on oeuvre]. Moscow, 1965. 228 p. (In Russ.).
5. Men'shutina A.N. Alexandr Malyshkin [Alexander Malyshkin]. *Istorija russkoj sovetskoj literatury. V tryoh tomah. Tom 2: 1929–1941* [The history of Russian soviet literature in 3 vol. Vol. 2: 1929–1941]. Moscow, 1965. Pp. 265–283. (In Russ.).
6. Malyshkin A.G. *Rasskazy; Padenie Daira; Sevastopol'* [The short stories. The Fall of the Dair. Sevastopol]. Moscow, 1985. 446 p. (In Russ.).
7. Nikonova T.A. Gorkij i Malyshkin ("Okurovskij" cikl i "Uezdnaja ljubov'") [Gorky and Malyshkin ("The Okurov" series and "Uyezd love")]. *Uchjonye zapiski Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [The scientific notes of Ural State University], 1968, no. 84, vol. 9, pp. 54–60. (In Russ.).
8. Puzrina O.J. Sistema npravstvennyh cennostej personazhej rasskaza A.G. Malyshkina "Poslednij Barykov" [The system of moral values of characters in A.G. Malyshkin's short story "The Last Barykov"]. *A.G. Malyshkin i XX vek: materialy konferencii* [A.G. Malyshkin and XX century: the materials of the conference]. Penza, 2002. Pp. 23–28. (In Russ.).

УДК 811.432.211.1
ББК 81.2

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОСЛОВИЦ ЯЗЫКА БАМБАРА И ПОСЛОВИЦ РУССКОГО ЯЗЫКА

Л. Р. Исаева, В. С. Захаров

*Филиал Военного учебно-научного центра военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия» в г. Челябинске,
Челябинск, Россия.*

Данная статья посвящена сопоставительному анализу наиболее употребительных в живой речи пословиц русского языка и языка бамбара, собранных, переведенных и прокомментированных с помощью его носителей. В ходе анализа выявляется общее значение пословиц, а также наличие или отсутствие эквивалента в русскоязычной народной культуре. Этот признак является основой создаваемой типологии. В процессе анализа также предпринимается попытка комментирования значения пословиц с позиций лингвокультурологии.

Ключевые слова: бамбара, пословицы, семантика, сопоставительный анализ, ментальность, лингвокультурология.

Бамбара (бамана) — это язык одноименного народа, один из самых распространенных на территории республики Мали. Относится к языковой семье манде, нигеро-конголезской макросемье. На данный момент этот язык является первым у четырех миллионов человек и языком общения — у десяти миллионов, имеет статус национального языка республики Мали.

По типологической характеристике бамбара — это язык аналитический, изолирующий, тоновый. С 1967 г. основу письменности составляет латинский алфавит с некоторыми диакритическими знаками и диграфом *ɲ*, обозначающим мягкий назальный полугласный. После орфографической реформы 1892 г. используются дополнительные фонетические символы *ɛ*, *ɔ*, *ɲ*, акценты используются для обозначения тона, изменение которого изменяет значение слова: *bá* — *мама* / *bǎ* — *коза*.

Бамбара активно изучается как зарубежными, так и российскими учеными: В. Ф. Выдриным, А. Давыдовым, А. Эрман, К. Маслинским и другими. Внимание исследователей в большей степени сосредоточено на грамматическом, синтаксическом, фонологическом и других аспектах, то есть на описании самого языка. Объектом анализа в данной статье являются пословицы как жанр устного народного творчества в языке бамбара. Предметом анализа — семантика пословиц.

Под пословицами понимаем «краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа; имеет форму законченного предло-

жения (простого или сложного). Пословица выражает суждение <...>, обладает буквальным и переносным смыслом («Близок локоть, да не укусишь») или только переносным («Горбатого могила исправит») и легко противопоставляется свободному предложению такого же лексического состава» [5].

В работе были использованы описательный и сопоставительный методы, приемы наблюдения, количественного подсчета, установления основания сопоставления, сопоставительная интерпретация и типологическая характеристика.

Из общего количества собранного материала наиболее частотные единицы языка бамбара представлены в таблице. Носители языка — курсанты с уровнем владения русским языком, соответствующим первому сертификационному, — привели примеры наиболее употребительных пословиц языка бамбара. Необходимо отметить, что определение семантики пословиц было затруднено языковым барьером — существенной разницей на всех уровнях языка, поэтому процесс квалификации значения пословиц осуществлялся в несколько этапов.

На первом этапе пословицы были переведены с языка бамбара напрямую на русский язык. На следующем этапе — для еще более точного перевода пословиц — дополнительно использовался французский язык (один из государственных языков Мали). Носители языка выполнили перевод пословиц с языка бамбара на французский. Затем французский и русский вариант перевода были сопоставлены на предмет лексического

соответствия с целью выявления возможных расхождений, которые могли повлиять на понимание общего значения пословиц.

Получив максимально возможный точный буквальный перевод на русский язык, авторы статьи сформулировали предположительное значение пословиц. Однако, в некоторых случаях встречались различные интерпретации значения пословицы.

Например, к пословице *когда гром грохочет, каждый человек кладёт руку на свою голову* было выдвинуто два варианта толкования значения. В первом случае смысловой акцент был смещен в сторону единообразия ответной реакции на какое-либо действие, событие, поэтому денотат пословицы заключался во второй ее части. В другом варианте внимание акцентируется на лексеме *каждый*, что свидетельствует о превалировании индивидуального, частного по отношению к общему. Носителями языка были приведены примеры речевых ситуаций, которые иллюстрируются данной пословицей, с целью выбора наиболее точного толкования. В результате им оказался второй вариант. При возникновении аналогичных спорных случаев решающим фактором являлось комментирование значения пословиц, а также приведение примеров соответствующих коммуникативных ситуаций носителями языка.

После формулировки значения пословиц языка бамбара заключительным этапом стал поиск эквивалента данных языковых единиц в русском языке.

Условно представленные пословицы можно определить в одну из следующих типологических групп: имеющие эквивалент в русском языке и безэквивалентные. В рамках первой группы выделяются две подгруппы: эквивалентность на лексическом и семантическом уровне и — только на семантическом. Вторая типологическая группа включает пословицы со схожим денотатом, но противоположным общим значением в рамках двух культур.

Первая типологическая группа превалирует по количеству собранных единиц. Это связано, вероятно, с тем, что концепты, репрезентированные пословицами, носят традиционный для многих культур характер, а также с самим жанром устного народного творчества с ярко выраженной дидактической составляющей.

Подгруппа лексико-семантических эквивалентов представлена следующими единицами: *глаза бояться, а руки делают; долог день до вечера, если делать нечего; руки работают — в душе*

праздник; труд человека кормит, а лень портит и некоторыми другими. В большинстве данных пословиц превалирует семантика трудовой деятельности, эти языковые единицы не являются исключительными для языков русского и бамбара, а носят интернациональный характер, например, *chaque chose a son temps* (фр.), *all in its good time* (англ.), *alles zu seiner Zeit* (нем.).

Более частотной (по собранному материалу) является **подгруппа семантически эквивалентных пословиц**: *нельзя сказать, что лошадь прыгает, а ее ребенок будет ползать; клюв курицы слишком мал, чтобы играть на трубе; когда гром грохочет, каждый человек кладёт руку на свою голову; женщина как плод манго: пока ты ждешь, чтобы сорвать его, другие приходят и едят*.

«Анималистический» характер пословиц обусловлен, вероятно, широким распространением различных форм анимизма народов нигеро-конголезской макросемьи. Нередко в пословицах языка бамбара используется лексема «крокодил»: *пребывание ствола дерева в воде никогда не превратит его в крокодила; только рыбка может сказать, что крокодил имеет большие глаза*. Важно отметить, что данная лексема не имеет негативной коннотации ввиду того что это тотемное животное, само название столицы Мали — Бамако — в переводе означает «крокодил».

При анализе пословиц языка бамбара нередко проявляются особенности коннотации некоторых явлений или объектов, отличные от оценки в русскоязычной культуре. Например, в пословице *плохой секрет как свежее мясо: если оно гниет — его запах выйдет* лексема *свежее мясо* носит ярко выраженную негативную коннотацию. Это связано с определенными климатическими условиями, в которых невозможно хранить скоропортящиеся продукты. В русской ментальности лексемы *свежий* и *мясо* имеют позитивную оценку.

Пословица *мясо льва можно есть, если оно горячее* с той же лексемой имеет семантический эквивалент в русском языке *куй железо, пока горячо*. При схожей синтаксической структуре лексика русского варианта носит более «индустриальный» характер.

Вторая группа пословиц состоит из единиц, не имеющих эквивалента в русском языке, что связано с отличиями в языке и культуре двух народов. В результате анализа собранного материала отмечаем, что денотат некоторых пословиц имеет место и в пословицах русского языка, но

при этом общее значение данных единиц оппозиционно. Например, рассмотрим пословицу *страдания объединяют большие, чем радость*. В русском национальном сознании концепт *страдания* репрезентирован пословицами: *одно сердце страдает, а другое не знает, чужое горе не болит*. Их объединяет то, что страдание тесно связано с мотивом одиночества человека, а также является неизбежной данностью. В пословице народа бамбара страдание выступает объединяющим началом.

В пословице *лучше умереть лежа на кровати, чем быть съеденным львом* выражено несколько концептов: труд / лень; храбрость; жизнь; опасность. Носители языка прокомментировали значение данной пословицы как стремление избежать опасности, что не характерно для русской ментальности. В русском языке данные концепты представлены следующими пословицами: *труд человека кормит, а лень портит; под лежащий камень вода не течет; страцать храбреца смер-*

тью, что страцать утку рекой; храбрость бережет бойца; опасности нет там, где ее не боятся. Их объединяет готовность к самопожертвованию и активному труду.

Традиционные мотивы любви и бедности отражены в национальном сознании пословицами, значение которых противоположно. В языке бамбара эти мотивы являются взаимоисключающими, например, *когда бедность входит в дверь, любовь выходит в окно*. В русской ментальности любовь и бедность тесно взаимосвязаны: *с милым рай и в шалаше*.

В массовом сознании русскоязычной аудитории концепт *риск* выражается, в первую очередь, пословицами *риск — дело благородное; кто не рискует, тот не пьет шампанское*. В языке бамбара данный концепт представлен пословицей *сладость меда не утешает жало пчелы*, значение которой прямо противоположно. Носители языка прокомментировали его как «не стоит рисковать напрасно».

Сопоставление пословиц языка бамбара и русского языка

№	Оригинал	Русский перевод	Русский эквивалент
1	So tèh pan kaa den ka fofo	Нельзя сказать, что лошадь прыгает, а ее ребенок будет ползать	Яблоко от яблони недалеко падает
2	Zozan bon bai fali fè n'kan den tèh	Кролик похож на осла, но это не его ребенок	Яблоко от яблони недалеко падает
3	Ni n'tinèni ye min fo m'bamba n'yen kili ko lah a don baka a ya fo	Только рыбка может сказать, что крокодил имеет большие глаза	Мудрено тому учить, чего не знаем сами
4	Chè dah ka dogon bourou fiyè man	Клюв курицы слишком мал, чтобы играть на трубе	Всяк сверчок знай свой шесток
5	Ni kabaa perènan beh bi bolo dah i kouna	Когда гром грохочет, каждый человек кладёт руку на свою голову	Своя рубашка ближе к телу
6	Chè chi ban to magotèh ladili kan nah	Погибшей птице не нужны советы	После драки кулаками не машут
7	Touyan beh n'yen blen n'ka a te mah fagaa	Правда делает красными глаза, но не убивает	—
8	Li mandi mah kelen da kono	Мед никогда не вкусен в один рот	—
9	So don, yiri don, yere don de n'gnogon teh	Знать зверей, знать растения... знать себя — лучше, чем всё	—
10	Ali ni n'yen ma sou yé a beh kassi	Глаза еще не видели мертвого, который плачет	Надежда умирает последней
11	Kono be a kaa n'gnaga da doni doni deh	По чуть-чуть птица делает гнездо	Москва не сразу строилась

Продолжение табл.

№	Оригинал	Русский перевод	Русский эквивалент
12	Goundo kolon beh ina fo sogo kènè nah tolila a kasaa beh bo	Плохой секрет как свежее мясо: если оно гниет — его запах выйдёт	Ты ему — по секрету, а он — по всему свету
13	Singuè be mogo oh daladjè ni hère yé	Страдания объединяют больше, чем радость	—
14	Charbon tèh siran tassouman n'gnè	Уголь не боится огня	Страшать храбреца смертью, что страшать утку рекой
15	Tèkè den ngonni teh so tchi n'kan mogo ba tchi a bo yira	Палец не сносит дома, но он показывает на тех, кто их разрушает	—
16	Musso beh i na fo mangoro, ni ya a moni kono, mogo worè be nah a doun	Женщина — как плод манго: пока ты ждешь, чтобы сорвать его, другие приходят и едят	Промедление смерти подобно
17	Tiekoro ba sou yéh faraafina donni so djèni ne de yéh	Умиравший старик в Африке подобен горящей библиотеке	—
18	Wari te kouma ko mogo ka kouma	Деньги и человек не могут говорить одновременно	Деньги глаза слепят
19	Musso be ina fo tassouman, a be i faari kalaya waliman a be i djèni	Женщина как огонь: она согревает вас или сжигает	—
20	Ka saa i chi glan kan, ka fissa wara ka i doun	Лучше умереть лежа на кровати, чем быть съеденным львом	—
21	N'yen be siraan baraa n'gnain n'ga bolo ba keh	Глаза боятся, а руки делают	Глаза боятся, а руки делают
22	Singuè ko yéh yère yéh	После работы — счастье	Кончил дело — гуляй смело
23	Kilé koun tagaa ka djan ni te fein nah	Долог день до вечера, если делать нечего	Долог день до вечера, если делать нечего
24	Bolo ba kéh nin m'ba tonon doun	Руки работают — в душе праздник	Руки работают — в душе праздник
25	Baraa beh tche la balo, salaya beh a la konkon	Труд человека кормит, а лень портит	Труд человека кормит, а лень портит
26	Mah teh i sein koro fein blaa i bolo koro fein n'yen	Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня	Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня
27	Yiri meh yo meh dji la a te kèh m'bamba yé	Пребывание ствола дерева в воде никогда не превратит его в крокодила	Рожденный ползать летать не может
28	Ni yé koulo gueren ye boli la koungo kono, i boli a no fè	Если вы видите глухого человека, бегущего по лесу, следите за ним	—
29	Manan manan fèin be te sanou yé	Все, что блестит — не золото	Не все то золото, что блестит
30	Sen nani be woulou fè n'kan a te tah yoro fila n'gnogonfè	Несмотря на то, что у собаки 4 ноги, она не может ходить двумя дорогами одновременно	За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь
31	Koun te di koun tiguï ko	Голова не подстригается без своего обладателя	—
32	Sa kounkolo tan be nan foh djourou kissè	Змея без головы — это веревка	Голова без ума, что фонарь без свечи

Окончание табл.

№	Оригинал	Русский перевод	Русский эквивалент
33	Ni chi ban sera chè mah a be do mourou djago lah	Курица — могильщик продает нож на рынке	—
34	Tono fila té soro chè fan kelen nah	Не бывает двух доходов с одного яйца	Два раза в одну реку не войти
35	Mogo min beh n'gnogomè yini o té bakoro ni yé	Кто ищет верблюда, не смотрит на козла	Далеко глядит, а под носом не видит
36	Mah té woulou bila wo tchi la ,ka fanaa bila n'galon tiguè lah	Нельзя отвлечь собаку от лая, а лжеца — от лжи	Горбатого могила исправит
37	Ni fantaya do nan da fè, kanou be bo finètri fè	Когда бедность входит в дверь, любовь выходит в окно	—
38	Li timiya téh diden kin dah souman	Сладость мёда не утешает жало пчелы	—
39	Ko bèh nah kouma do	Всё должно быть сделано в нужное время	Дорога ложка к обеду
40	Waraa sogo kalamam deh kadi	Мясо льва можно есть, если оно горячее	Куй железо, пока горячо

Сопоставление семантики пословиц русского языка и языка бамбара показывает, что в рамках собранного материала — наиболее распространенных в ситуации живого общения — количественно преобладающей оказалась подгруппа семантически эквивалентных пословиц. Полученный результат подтверждает, что пословицы как жанр устного народного творчества суть явление интернациональное, отражающее не только специфику менталитета конкретной народности, но и такие общечеловеческие понятия, как *жизнь и смерть, труд, семья, любовь*.

Пословицы, наиболее ярко отражающие реалии быта и культуры народов, использующих

бамбара в качестве средства общения, специфичны точки зрения лексического наполнения для русскоязычной аудитории. Определение семантики данных пословиц вызывает затруднение в связи с высоким уровнем метафоризации анализируемых единиц. Для интерпретации значения пословиц языка бамбара необходим, таким образом, комментарий его носителя.

Примечателен оппозиционный характер некоторых биоэквивалентных пословиц, в которых наиболее ярко проявляются особенности менталитета народов, использующих язык бамбара.

Список литературы

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — М., 2007. — 576 с.
2. Большой толковый словарь по культурологии. — URL: http://enc-dic.com/enc_culture/Poslovica-808.html.
3. Выдрин, В. Ф. Язык бамана : учеб. пособие / В. Ф. Выдрин. — СПб., 2008. — 204 с.
4. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. — М., 2000. — 544 с.
5. Захаров, В. С. Изучение русского языка как иностранного португалоговорящими курсантами: грамматический аспект / В. С. Захаров, Л. Р. Исаева // LINGUA MOBILIS. — 2016. — № 1 (54). — С. 27–33.
6. Караулов, Ю. Н. Русский семантический словарь. Опыт автоматического построения тезауруса: от понятия к слову / Ю. Н. Караулов, В. И. Молчанов, В. А. Афанасьев, Н. В. Михалев. — М., 1983. — 564 с.
7. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. — М., 2010. — 1026 с.
8. Рожанский, Ф. И. Редупликация: опыт типологического исследования / Ф. И. Рожанский. — М., 2011. — 256 с.

9. Шкатова, Л. А. Принцип и методика лингвокультурологического анализа / Л. А. Шкатова // Слово, высказывание, текст в когнитивном и культурологическом аспектах. — Челябинск, 2001. — С. 276–281.

10. Ярцев, В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь / В. Н. Ярцев. — URL: <http://tapemark.narod.ru/les/>.

Сведения об авторах

Лилия Расиховна Исаева — кандидат филологических наук, доцент 5 кафедры иностранных языков филиала ВУНЦ ВВС «ВВА» в г. Челябинске. Челябинск, Россия. fatt86@rambler.ru

Владимир Сергеевич Захаров — преподаватель 5 кафедры иностранных языков филиала ВУНЦ ВВС «ВВА» в г. Челябинске. Челябинск, Россия. zlodimir.vaharov@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 4 (414). *Philology Sciences. Iss. 112. Pp. 95–101.*

COMPARATIVE ANALYSES OF RUSSIAN AND BAMBARA PROVERBS

L. R. Isaeva

Federal State Official Military Educational Institution of Higher Professional Education Military Educational–Research Centre of Air Force «Air Force Academy named after professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin» (Voronezh) of the Ministry of Defence of the Russian Federation (branch, Chelyabinsk). Chelyabinsk, Russia. fatt86@rambler.ru

V. S. Zakharov

Federal State Official Military Educational Institution of Higher Professional Education Military Educational–Research Centre of Air Force «Air Force Academy named after professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin» (Voronezh) of the Ministry of Defence of the Russian Federation (branch, Chelyabinsk). Chelyabinsk, Russia. zlodimir.vaharov@gmail.com

This article deals with a comparative analysis of the most generally used proverbs and sayings in Bambara and Russian languages. The proverbs and sayings were collected, translated and commented by the native speakers of these languages. In the course of the analysis their common meaning and the presence or absence of equivalents represented in the linguistic units from Russian folklore were ascertained. On this basis within the boundaries of the given typology the proverbs in Bambara language that have lexico-semantic and semantic equivalents in Russian language were marked out. The second group consists of the proverbs which have not got semantic equivalents among Russian proverbs in general use. Also linguistic units which have got almost similar denotes but which have got opposite common meaning within the limits of these cultures were examined. The quantitative comparison of the proverbs which are put into different typological groups was made. From the position of linguoculturology in the course of the comparative analysis an attempt to comment the meaning of all represented types of proverbs and sayings was undertaken.

Keywords: *Bambara, proverbs, semantics, comparative analysis, mentality, linguoculturology.*

References

1. Akhmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [A Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, 2007. 576 p. (In Russ.).
2. *Bol'shoy tolkovyi slovar' po kulturologii* [Big Thesaurus on Culturology]. Available at: http://enc-dic.com/enc_culture/Poslovica-808.html. (In Russ.).
3. Vydrin V.F. *Yazyk bamana* [Bamana Language]. St. Petersburg, 2008. 204 p. (In Russ.).
4. Zhukov V.P. *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok* [A Dictionary of Russian Proverbs and Sayings]. Moscow, 2000. 544 p. (In Russ.).
5. Isayeva L.R., Zakharov V.S. Izucheniye russkogo yazyka kak inostrannogo portugalogovoryaschimi kur-santami: grammaticheskiy aspekt [Learning of Russian As A Foreign Language by Portuguese-speaking students: grammar aspect]. *LINGUA MOBILIS*, 2016, no. 1, pp. 27–33. (In Russ.).
6. Karaulov Y.N., Molchanov V.I. *Russkiy semanticheskiy slovar'. Opyt avtomaticheskogo postroyeniya tezaurusa: ot ponyatiya k slovu* [Russian Semantic Dictionary. An Attempt of Thesaurus Automatic Construction: From Notion to Word]. Moscow, 1983. 564 p. (In Russ.).

7. Mokiyeenko V.M., Nikitina T.G. *Bol'shoy slovar' russkikh poslovits. Okolo 70 000 poslovits* [A Big Dictionary of Russian Proverbs. Approximately 70 000 units]. Moscow, 2010. 1026 p. (In Russ.).
8. Rozhanskiy F.I. *Reduplikatsiya: opyt tipologicheskogo issledovaniya* [Reduplication: An Attempt of Typological Study]. Moscow, 2011. 256 p. (In Russ.).
9. Shkatova L.A. Printsyp I metodika lingvokulturologicheskogo analiza [Principle and Methodics of linguoculturological analysis]. *Slovo, vyskazyvaniye, t'ekst v kognitivnom i kulturologicheskom aspekt'e* [Word, Utterance, text in cognitive and culturological aspect]. Chelyabinsk, 2001. Pp. 276–281. (In Russ.).
10. Yartsev V.N. *Lingvisticheskiy encyclopedicheskiy slovar'* [A Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Available at: <http://tapemark.narod.ru/les/>. (In Russ.).

УДК 821.161.1 (092)
ББК 74.00+88

ПОЭТИКА РОМАНА В НОВЕЛЛАХ С. П. БОРОДИНА «ПОСЛЕДНЯЯ БУХАРА» В НЕОМИФОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Е. М. Каминская

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан

В статье рассмотрен ряд вопросов теоретического и практического характера, позволяющих составить представление о поэтике С. П. Бородина. Как одна из возможных нарративных стратегий рассматривается неомифологическая ситуация, что дает возможность охарактеризовать творческую лабораторию писателя как открытую систему, где миф представляет собой эмерджентное свойство этой системы, способствующее процессу смыслопорождения. На материале малоизученного образца русской ориентальной прозы 30-х гг. показаны возможности контекстуально-герменевтического анализа в процессе исследования проблем поэтики текста (структура повествования) с выходом на поэтику экфрасиса и метапоэтику.

Ключевые слова: поэтика, творческая лаборатория, миф, неомиф, повествование, текст, контекст, метатекст, полифонизм, ансамблевость, экфрасис.

Роман в новеллах «Последняя Бухара» С. П. Бородина был впервые опубликован в 30-е гг. XX в. По своим художественным особенностям он вполне созвучен произведениям А. Платонова («Джан») или С. Кржижановского («Салыр-Гюль»), особенно когда речь идет о мифопоэтике. Говоря о поэтике романа в новеллах «Последняя Бухара», в первую очередь, следует обратиться к повествовательному плану произведения, представляющему многоуровневую систему. Тенденция к «многоуровневости» связана с жанром «Последней Бухары». Автор дал обозначение — роман в новеллах, предполагая, что каждая глава может прочитываться как отдельное, законченное произведение или новелла. Четыре главы романа — четыре семантических пласта произведения, четыре повествовательных вектора. Используемый писателем прием монтажа служит подтверждением мысли о прерывности (дискретности) изображения, «фрагментаризации» мира. Это, в свою очередь, дает представление о художественной концепции на уровне построения индивидуально-авторской картины мира. По мнению В. Е. Хализева, монтаж «раскрывает перед художником слова широкие перспективы». В исследуемой четырехуровневой структуре романа внимание привлекает степень связи, существующая между ними. Таким образом, предмет исследования колеблется между вопросом о специфике структуры повествования каждого уровня и вопросом о логике структурирования повествования в романе. Т. е. о том,

каким путем автор приходит к целостности. Действительно, роман С. П. Бородина подобно мозаичному панно складывается из отдельных сегментов, но при этом остается ощущение целостности, неделимости. Считаем теоретически целесообразным вводить несколько понятий. Речь идет об «ансамблевости» (Д. С. Лихачев), «многоуровневости» (Ю. М. Лотман), «полифонизме» (М. М. Бахтин).

В свете проблемы нарративных стратегий в романе особый интерес представляет вторая глава, где сосуществуют несколько повествовательных планов: мифологический, фольклорный (сказка), литературный («Бахчисарайский фонтан» А. С. Пушкина). Исходя из вышесказанного, мы в первую очередь назовем ключевое звено кода (который впоследствии определит специфику индивидуально-авторской мифологии, неомифа), тот мифологический материал, который послужит отправной точкой для дальнейшего исследования. Речь идет об образе Афродиты, появляющемся во второй главе романа «Последняя Бухара». Вторая глава начинается в буквальном смысле с птичьего гомона. Птицы возвещают приход весны: «Сладчайшие из песен Хафиза пишутся на бумажках; треугольничком зашивают их в шелк и подвешивают к соловьиным клеткам: пусть в эти дни ранней весны сладость страстных слов перейдет с бумажек в соловьиное горло» [1. С. 24]. В пении птицы — слово и мысль человеческая: «Птицы раскачивают клетки, набухая песней. Весна». Начало второй главы — подлинный

гимн любви и весне, а значит и образу, символически соединяющему в себе эти черты, — образу Афродиты. Она незримо присутствует в каждой частичке мира, который окружает героя. Она растекается незримым шелком восточных мелодий-ароматов, насыщая цветом и звуком даже самые обыденные вещи. Герой идет, ощущая незримое присутствие Афродиты: «Распрямляются ветки, набухая соком <...>. И в медном тазу, в прохладной воде, редиска продается рядом с желтыми розами» [1. С. 24]. Всё в преддверии весны и любви: «С потемневшими глазами жмут друг другу руки влюбленные и смотрят на горы: туда бы!». Афродита «обладала космическими функциями мощной, пронизывающей весь мир любви», часто в окружении цветов или других природных образов, не случайно и название «священносадовая». Фраза «смотрят на горы» также наводит на мысль об Афродите, которая «прославлялась как дарующая земное изобилие, вершинная («богиня гор»)» [3. С. 74]. Путь героя лежит мимо перепелов и куропаток. Птичьи бои в караван-сараях, «похотливый рокот» перепелов в чайханах: кажется, что весь город гудит и приветствует любовь, молодость, силу и красоту. Победитель боя «оборачивается в сторону гор <...> и смотрит задумчивыми глазами: туда бы» [1. С. 25]. Но цель героя далеко за пределами этого буйства. Шум спадает, только «маленькие птички нежно свистят за дувалами». Цель героя — Чупан-Атинские высоты. Шум города и людская суeta оставляют его. Он — один на один с природой и Афродитой. Здесь еще одна ипостась мифологического образа: «Я иду высоко по колючим и рыжим холмам <...>. Вдалеке, как пена, с холмов медленно-медленно стекают овечьи стада. А глубоко внизу, в долине, по бледно-голубым камням кипит зеленая струя Заравшана» [1. С. 25]. По одной из более ранних версий Афродита была рождена из морской пены, «отсюда так называемая народная этимология ее имени «пенорожденная» (от греческого «*aphros*», «пена») и одного из ее прозвищ — Анадиомена — «появившаяся на поверхности моря» [3. С. 74]. Восхождение героя на гору заканчивается встречей с любовью, облеченной в вечность.

На пути героя — «истрескавшийся от древности одинокий мазар» и легенда о святом пастухе-мечтателе. Единственное, что умел этот человек, от которого не осталось даже имени, — «размышлять о детях и о родителях, о женах и о любви». В память о мыслителе «искусный мастер по-

ставил над могилой мазар, покрытый лазурным фаянсовым верхом». Примечательно, что лазурит — «камень темно-синего цвета, символ божественных небесных сил», в Древней Греции был эмблемой любви и атрибутом богини Афродиты [7. С. 186]. Он связан и с одним из видов искусства — живописью, так как его использовали для изготовления природной синей краски — ультрамарина. Сам мазар — прибежище вечности, его купол-небо по-отечески дает надежду и прибежище всем странствующим философам, несущим в мир слово-мечту, любовь и надежду. Посредством этого образа раскрывается в полной мере и смысл эпиграфа к роману — «Сии могильные столбы / Венчаны мраморной чалмою. Пушкин» [1. С. 11]. Продолжив пушкинские строки, мы видим сходство с мыслями и чувствами бородинского героя: «Сии надгробные столбы, / Венчанны мраморной чалмою, / Казалось мне завет судьбы / Гласили внятную молвою» [5. С. 157].

Приметы поэтического мира пушкинской поэмы растворяются и в той части третьей главы, где помещено «сказочное» повествование Бози-Рафта. Причем нарочитая сказочность здесь тоже пушкинская. Граница между реальностью и сказкой сама есть призрачность и иллюзия. Несколько раз в «Бахчисарайском фонтане» звучит слово «волшебный». Но сказка и волшебство это лишь для тех, кто хочет в него верить. Для других оно — замкнутое пространство безвыходности, горя, тоски и слез. И тем, и другим оно несет гибель. Сказочность бородинского текста также связана с иллюзорностью. В форму сказочного повествования заключена быль. В романе в новеллах с героями происходят удивительные превращения. Они в свою очередь продолжают мифологическую цепочку. Вторая и третья части второй главы «Птицы» рассказываются Бози-Рафтом, одной из самых живописных и противоречивых фигур романа в новеллах. В контексте пушкинской поэмы Бози-Рафт близок к образу всевидящего и всеслышающего евнуха, охраняющего покой и незыблемость границ гарема.

Отметим, что в самом образе Бози-Рафта соединение фольклорного и мифологического планов получает интересную реализацию не только с теоретической, но и с художественной точки зрения. Данный герой появляется на первых страницах романа в образе старого ювелира, молодая жена которого хочет совершить побег. Героиня подобна птице, томящейся в клетке. Мотив свободного полета созвучен мотиву бунта

и побега: «Сломав клетку, птице дано улететь к югу и к северу. Но птицы, привыкшие в жердкам клетки, долго не смеют взлететь. Они выбирают дерево и прыгают там с ветки на ветку, не взлетая. Их нужно вспугнуть, их, может быть, нужно обидеть, и только тогда они вдруг понимают, что небо доступно, что жизнь просторна, что полет — самое большое счастье. Они летят еще неуверенным, еще косым и слабым полетом, но все выше, все выше. И вот замечают, что и на лету можно петь» [1. С. 11].

Ювелир Бози-Рафт представлен в сказочном образе дива, существа близкого к природному началу. Мастер-див, в соответствии со сказочной функцией (это, прежде всего, функция антагониста), держит в своих чертогах юную деву. Покинуть чертоги дива возможно только в преобразенном виде, например, обратившись в птицу. «Он чеканит и отливает в маленьком тигле твердые серебряные кружева серег; древний тюркский узор на браслетах. Смотрит, как крутятся просветы и тени на проезжих арбах, на крупах коней. Он слушает, как ползет зной по деревьям, не шелохнув листвы...» [1. С. 12]. Как видно из приведенного отрывка, герой одновременно и сказочное, и мифологическое существо, наделенное способностью видеть и слышать то, что обычному человеку не под силу. Одновременно он — обладатель несметных сокровищ (сказочные существа, наделенные силой, часто являются обладателями сокровищ, либо выполняют функцию их охраны). Но сказка у С. П. Бородина всегда граничит с былью, особенно, если речь идет об образе мастера-творца, способного создать подлинное произведение искусства. При постановке вопроса об образе творца как особого типа героя в прозе писателя (данный тип может быть условно назван «человек созидающий») важную роль играет фольклорный элемент, а также момент перехода через фольклорный уровень на уровень мифологический.

Отметим, что образ Бози-Рафта формируется под влиянием мифологического дискурса, приобретая ярко выраженные черты данного типа (образ-миф, герой-миф). Встреча с Бози-Рафтом героя-путешественника происходит в караван-сараях и связана с мотивом чаепития: «Он является в караван-сарай неизменно в тот самый час, когда зной загоняет всех в тень, когда ставятся на коврики чайники чая, а люди расположены слушать и откровенничать» [1. С. 29]. Данному образу в романе отведена особая (если не сказать

больше — главная) роль, о чем свидетельствует его многофункциональность на сюжетно-композиционном уровне (в частности, при его непосредственном участии осуществляется ввод приема «роман в романе»). Яркость и противоречивость характера свидетельствуют о его многогранности. Описание героя представлено следующим образом: «Искусство сплетни в совершенстве дано Бози-Рафту: его пунцовый глаз, выпуклый, как нос, суется во все городские щели, его перламутровое ухо, открытое, как рот, сторожит возле каждой толпы; его настороженные брови похожи на приподнятые ястребиные крылья, готовые ринуться на жертву раньше, чем она вылетит из гнезда...» [1. С. 29].

Уже в первых строках автором сделан акцент на герметичности текста и необходимости его «пошагового прочтения», а также на идее семантической многоплановости. Обратимся к сочетанию «искусство сплетни». Сама лексема «сплетни» имеет значение отрицательное, когда некто дезинформирует окружающих, обманывает посредством неверной информации: «Сплетня-слух о ком-либо, чем-либо, основанный на неточных или заведомо неверных сведениях» [4. С. 673]. В своем третьем значении лексема «слух» означает «молва, известие о ком-либо, чем-либо, обычно еще ничем не подтвержденное. Например, пустить ложный слух, не всякому слуху верь, ни слуху, ни духу» [4. С. 651]. Третье значение лексем «слух» поворачивает ситуацию с образом сплетника несколько иным образом: то, что произносится «еще... не подтверждено» — введен фактор времени, который способен внести кардинальные изменения, когда произойдет переход от сплетника к провидцу, предсказателю, который в отличие от сплетника не искажает факты, а, напротив, представляет все в истинном свете. Лексема «искусство» характеризует Бози-Рафта как истинного мастера слова.

Общий вид Бози-Рафта подводит к мысли о существе мифологического происхождения: глаз выпуклый, как нос, ухо перламутровое и открыто, как рот, брови, как крылья птицы. Все вместе дает представление о древнем божестве, соединяющим в себе представление о стихиях. Птицы (ястреб) — это полет и небо. Перламутровое ухо — вода. Нос (если рассматривать его в соответствии с формой, похожей на гору) — земля. Рот — огонь. В сочетании «перламутровое ухо» соединены образы морской раковины и ушной раковины (ухо). Перламутр — ценное вещество

с переливчатой окраской, составляющее твердый внутренний слой некоторых раковин» [4. С. 453]. От лексемы «перламутровый» мы переходим к лексеме «перл». Перл — «1. Жемчуг, жемчужина (стар); 2. перен. О чем-нибудь замечательном, прекрасном, выдающемся (высок. и иронич.)» [4. С. 453]. Возвращаясь к портретной характеристике, отметим, что в ней значима каждая деталь. Писатель создает лик творца и даже процесс творения слова, но действия эти являются подтекстом, глубоко скрытым и требующим разгерметизации. В таком подходе к созданию портрета героя есть нечто от техники иконописания, где буквально каждая даже самая мелкая деталь имеет значение и глубокое символическое звучание, а вся символика образов в целом помещена автором в повествовательный каркас, важную роль в котором играет пространственная организация. Причем, как видно из описания, функцию носа выполняет глаз, принимая его форму, а функцию рта выполняет ухо. Такой синтез не случаен. «Выпуклость» носа, переданная глазу дает ему возможность всеобъемлющего зрения. Это образ всевидящего ока, недремлющего ока. Вместе с тем у него есть возможность, благодаря крыльям-бровям взмывать ввысь и оттуда с заоблачной высоты обозревать происходящее. Этот принцип отражения действительности как бы «с высоты птичьего полета» был характерен для средневековых летописцев и реализовывался в рамках стиля монументального историзма. Морские раковины также обладают уникальной способностью к передаче звуков — шума волн, даже когда находятся вне воды и вне временного отрезка, когда были найдены.

Сам процесс рождения Слова идет снизу вверх. Слово рождается-исторгается. Например, рождается в огне (который находится глубоко под землей). В данном случае С. П. Бородин следует пушкинской традиции, выраженной в словах «глаголом жги сердца людей...». Рот ассоциируется с процессом рождения по своим физиологическим параметрам. Ситуация имеет двоякое разрешение — рождение, как было отмечено, в огне и рождение в воде. В любом случае этот уровень соотносим с древнейшими представлениями и многочисленными легендарными свидетельствами о подземной жизни. Речь идет о соединении в одно целое двух стихий, двух противоположностей, которые противостоят друг другу, подобно пушкинским образам льда и пламени. Ситуация противоречивости, двуликости, дву-

полости создает представление о многогранности и неоднозначности того, что должно «появиться на свет» в результате рождения (Слово как Добро и как Зло).

Далее начинается процесс движения-совершенствования Слова от огненной энергии к высшему небесному свету. Это движение интересно с точки зрения графического изображения носогоры и уха-раковины. И гора, и раковина имеют форму спирали. Образ выстроен в соответствии с ансамблевым принципом: Первый уровень — рот. Рот по своему символическому значению часто связывается с процессом рождения. Рот исторгает звук, еще не оформившийся, либо слово, с еще очень зыбкой, безконтекстуальной оболочкой. Второй уровень — земля, а в случае с предложенными обстоятельствами (нос-гора). Это уровень переходный. Восхождение на гору (гору ума) есть процесс самосовершенствования, обретения некоей высшей мудрости. Третий уровень — глаз, некое «всевидящее око», как реализация принципа зеркальности. Четвертый уровень — ухо, которое слышит, то есть воспринимает информацию и одновременно творчески преобразовывает ее (ухо как раковина-спираль). Скажем также о том, что неомифологические черты в структуре образа Бози-Рафта способствуют активизации полифонической ситуации: 1) Бози-Рафт как сплетник; 2) Бози-Рафт как очевидец; 3) Бози-Рафт как сказочник; 4) Бози-Рафт как сказитель былин; 5) Бози-Рафт как мифологическое существо; 6) Бози-Рафт как Боян.

Обратимся к повествовательной линии, где Бози-Рафт выступает в роли сказочника, причем «птичий» код остается все также актуальным. Первая сказочная быль о юноше-воине, который наделен чертами характера исключительно по-сказочному — с помощью смекалки одерживает победу над врагом, силы которого были огромны. Вторая встреча с Усто-Беком стала для юноши последней, но сказочным образом он остался жив: «На саблях его спутников перебили, а сам курбаши пожелал порубиться с отчаянным молодцом, рассек ему грудь и, когда увидел, как молодые глаза закатились, уехал. Ну, воины прискакали, видят — герой без чувств. Они его на седло — и в госпиталь. Обмыли, обвязали, и ожил юноша» [1. С. 32]. В третий раз юноше хитростью удалось всех коней Усто-Бека увести. За голову отважного воина было назначено вознаграждение — три тысячи афганских рупий. Смелый юноша просит своего заклятого врага отослать

деньги бедному отцу и сам приходит, обрекая себя на верную гибель. Это еще один сказочный виток. Враг наказан за жестокость, уличен в глупости и недалекости. Героя запирают «на четыре замка, ставят у дверей стражей сорок человек», но он чудесным образом исчезает из темницы: «А пленник смотрит в узкое окошко на звезды и ждет, когда пройдет мимо окна луна и закатится. Окно узкое — едва возможно просунуть голову. Видны звезды в окно, но не видно созвездий. Келью отперли на рассвете. И увидели, что она пуста. Были целы замки в кольцах, камни в стенах, стражи на постах, а пленника не было» [1. С. 34]. Образ луны свидетельствует о незримом присутствии женского начала. И хотя Бози-Рафт в конце повествования находит реальное объяснение столь искусному побегу: «Немножко сноровки и столько же сообразительности» — заключает он, тем не менее, есть и сказочно-мифологическое объяснение: герой смотрит на звезды, словно желая подняться к ним. Он словно птица улетает и исчезает в звездной ночи. Первая история это одна из вариаций мотива «кавказского пленника». Вторая история Бози-Рафта характеризует Усто-Бека. Это история его жизни и любви. Здесь он, скорее, сказочный див, обладающий силой и не ведающий страха. Для него нет ничего невозможного. Но сила эта подчиняет себе, делает героя жестоким. Он, также как и герой-юноша, обладает силой волшебного перевоплощения. Похищая свою возлюбленную, он «превращается» в женщину. Сила не приносит Усто-Беку счастья, лишая его любви и обрекая на одиночество. Сказочной былью в этой истории кажется и то, что Усто-Бек одним из первых принимает решение начать мирную жизнь, сложив оружие. Из круга отрицательных персонажей герой переходит в круг положительных. Это начало новой судьбы наблюдает уже сам автор-повествователь. Усто-Бек превращается в искусного мастера Усто-Юдгора. Но волшебный мир продолжает творить превращения и вместе с мастером появляется подмастерье — Усто-Фатто — молодой юноша. Поскольку вновь появляется автор-повествователь, то вместе с ним продолжает разворачиваться миф о птице. Как и Машед-Али, Усто-Фатто поет и в этой песне сосредоточен весь мир: «Глухо, грустно напевает он песню за песней» [1. С. 35]. Песня как граница сказочного и реального мира. Автору-повествователю вдруг открываются одновременно два образа юного мастера: «Бледный Фатто на своем широком ков-

ре, неподвижный и тихий, чувствует весь мир. Легко, инстинктом угадывая, куда отклонить острокрылые ножницы, Фатто кроит. Это один Фатто. Он кроит безошибочно, чувства его не заняты кройкой. Он занимает их песнями. Глухо, грустно напевает он песню за песней. Это второй Фатто. Но эти песни знакомы ему с детства, они струятся по его жилам легко, сами собой, не напрягая памяти» [1. С. 38]. Принцип двоимирия сохраняется на протяжении всего пятичастного повествования в главе «Халаты». Первая часть — вводная, автор-повествователь знакомится с повествователем Бози-Рафтом. Вторая и третья части рассказываются самим Бози-Рафтом и знакомят с историей борьбы сказочного всемогущего дива Усто-Бека и умного, отважного безымянного героя — юноши. Юноше-воину удалось выстоять перед всеми испытаниями, которые ему устраивал «див» Усто-Бек и в награду получает жизнь. Усто-Бек заложник своей силы. Любовь отворачивается от него. Он отчаянно борется за свою любимую женщину, преодолевает множество препятствий, но терпит поражение. Основа этого героя — разрушение. Он с одинаковым неистовством разрушает и свою, и чужую судьбу. Четвертая и пятая истории рассказываются автором-повествователем: «Так несколько лет подряд, обратившись лицом друг к другу, один среди комнаты, на полу, на широком ковре, другой на высоком стуле за ножной машиной, сидят мастер и подмастерье. И, кажется, что не только труд, но и вся жизнь их связана одним намерением и окрылена одним восторгом, затаенным восторгом удачливого труда» [1. С. 39]. В этой небольшой комнате они словно два бога — две части одного целого — добро и зло, жизнь и смерть, любовь и ненависть — слиты воедино и не существуют друг без друга. В истории автора-повествователя Усто-Юдгор — искусный мастер, которому подвластны секреты изготовления халатов и человеческие судьбы. Небольшая комната портных, словно целый мир: «<...> как лепестки сада, рассыпаются вокруг него [Усто-Фатто. — Е. К.] обрезки плотного шелка и легкие ситцевые лоскуты». В ней сотни халатов, узоров, линий — и все это узоры и линии жизни, память о прошлом, настоящем и будущем. В его словах, с которыми он обращается к подмастерью, звучит подлинная восточная мудрость: «Учти рисунок. Как бы ни был запутан узор, сочетай его с покроем. Прямым швом стяни его, как букет цветов, но так, чтобы цветы не увяли. Заказчик стар,

он стеснен воспоминаниями. Делай просторней его одежды...» [1. С. 38]. Традицию носить халат Усто-Юдгор связывает с традицией устройства восточного дома: «Помни, как строится азиатский дом. Он снаружи обмазывается безличной глиной. Изнутри искусно расписывается, любовно украшается...» [1. С. 38]. Автор-повествователь оставляет в образе героя такие черты, как силу и могущество. Так же как и Усто-Фатто он остается смелым, ловким, готовым на самый отчаянный поступок ради спасения чьей-то жизни и восстановления справедливости. В пятой истории о юной девушке-невесте вновь появляются птицы. Еще в детстве она видит в небе аиста и дедушка загадывает ей загадку: «Кто бел, как снег, / А черен, как ночь / Быстр, как стрела, / А медлен, как князь?». В загадке весь сюжет данной части повествования. Девушка выросла, стала невестой и даже безымянной сказочной героиней. Кажется, что сказочный мотив вот-вот снова начнет свое развитие или даже получит логическое завершение, ведь безымянный герой создан для юной безымянной героини. Вот только быстрый на поле брани, как явствует из загадки, он медлит в завоевании сердца героини.

Но сказка не может завершиться, пока продолжается на свете борьба Добра и Зла. Усто-Юдгор мастер-див собирается жениться. Кто-то невидимый и безымянный освобождает невесту от неминуемой гибели, промелькнув, словно неведомая птица в ночи. Загадка, которую слышит безымянная героиня в детстве от своего дедушки, на самом деле оказывается пророчеством из ее будущего. Душа юноши бела как снег и помыслы его чисты. Но есть причины, заставляющие его оставаться неузнанным и невидимым, совершая свои благородные поступки под покровом ночи. Он быстр, словно стрела, его удары точны. Не успевает юноша только за своей птицей счастья, хотя делает это тоже ради спасения безымянной героини. Ведь будущее девушки «юной, тонкоголосой, как флейта» исполнено трагизма, идущего от лексемы «водоем»: «У нее был дедушка, который часто прогуливался с ней мимо нашего водоема и любил со мной заговаривать <...> Дед ее очень любил; он умер, этот старик...» [1. С. 41]. Юноша-аист, берет на себя функции дедушки и оберегает внучку.

У данного безымянного героя юноши, уподобляемого аисту, есть свое место в системе мифологической истории, разворачивающейся на страницах романа. На Востоке аист является

символом долголетия, олицетворяет «дочернюю и сыновнюю преданность из-за поверья, что аисты кормят своих родителей, как и своих детей» [6. С. 9]. Действительно, один из смыслов уровней второй главы — это проблема «отцов и детей». Отец безымянного героя Усто-Фатто — Бози-Рафт. Дедушка заботится о своей внучке. После его смерти безымянный герой принимает на себя его функции. В структуре данного образа есть и еще один менее явный смысловой уровень, который тем не менее связывает части второй главы в одно целое. Дело в том, что в искусстве «аисты часто изображаются запряженными в колесницу бога Гермеса» [7. С. 9]. Если дать более точное описание, то в колесницу бога Гермеса могут быть запряжены «петухи или аисты» [7. С. 154]. Таким образом, появляющийся в первой части «незримый» (скрытый в подтексте) образ Афродиты соединяется с образом (аналогичного «подтекстного качества») Гермеса во второй части. Лексема «петухи» отсылает нас к одному из сегментов первой части, описывающей птичьей бои. Это свидетельство незримого присутствия здесь помимо Афродиты и Гермеса, а во второй части через лексему «аист» мы наблюдаем продолжение отношений между мифологическими героями. Как и Афродита, Гермес имеет догреческое, малоазийское происхождение. На древность данного образа указывает имя Гермеса, «понимаемое как производное от греч. «герма» — гряда камней или каменный столб, которыми отмечались в древности места погребений. Это вновь отсылает нас к первой части второй главы «Птицы» к моменту появления мазара на холме. Помимо многих функций, которыми наделен данный бог, он является еще и покровителем пастушества, умножающего приплод в стадах («одинокий мазар святого пастуха»).

Сравнивая Гермеса с образом безымянного юноши, отметим, что первому также присущи хитрость и ловкость. Известно, в частности, несколько сюжетов, связанных с мотивом кражи: от детской забавной шалости — кража коров у Аполлона, до героического поступка — освобождение Ио от чудовищного великана Аргоса, тело которого было испещрено бесчисленным множеством глаз [в общем ансамбле бахчисарайского фонтана также присутствует образ глаза. — *Е. К.*]. Примечательно, что усыпил Аргоса Гермес тем, что играл на свирели [голос у девушки-невесты в романе был как флейта. — *Е. К.*] и рассказом о любви. Возвращаясь к роману, отметим,

что во второй части безымянный герой — Усто-Фатто освобождает невинную девушку, подобно тому как Гермес освобождает Ио. Бдительность Усто-Юдгора он усыпляет словами. А на его лице блуждает «лукавая улыбка». Две части второй главы — это гимн любви.

Из трех частей второй главы: «Птицы» ↔ «Халаты» ↔ «Водоемы», для развития пушкинской темы и придания целостности мифу в структуре повествования романа особую значимость приобретает последняя часть. Последовательное появление в структуре повествования сначала образа Афродиты, а затем образа Гермеса предполагает наличие еще одного образа, который, совершенно закономерно завершает главу: Афродита ↔ Гермес ↔ Гермафродит. В отличие от первых двух образов, третий «лежит на поверхности». Отталкиваясь от него, как бы «исходя от обратного» [в романе действует так называемый принцип «обратного хода». — Е. К.], расшифровываются два «исходных» образа. Данный художественный принцип (подтекст как «подводное течение»), реализуемый С. П. Бородиным в романе в отношении главной героини Азизы-Афродиты, созвучен идеям его друга-современника А. Платонова, которые были воплощены им в 1920 г. в статье «Душа Мира». Статья открывается словами: «Женщина и мужчина — два лица одного существа — человека; ребенок же является их общей вечной надеждой...» [6. С. 15]. Миф о Гермафродите — это еще одна ипостась любовных отношений. Гермафродит — сын Гермеса и Афродиты, «юноша необычайной красоты, воспитанный наядами на горе Ида во Фригии» [3. С. 151]. Многие из истории о Гермафродите мы находим в истории героев С. П. Бородина (Исо и Азизы): это и путешествие по Азии, и подаренные восточной землей мотивы любви и воды в их нерасторжимом единстве.

В данной части романа в новеллах получает свое завершение пушкинская история о бахчисарайском фонтане. Не случайно и то, что именно в этой части впервые появляется название города — Бухара, так созвучное с названием Бахчисарай. Первое до некоторой степени даже ближе к пушкинской идее Прекрасной Дамы. Бухара — это подлинное воплощение Женщины-Вселенной, выраженной вновь по-платоновски: «Женщина перегоняет через свою кровь безобразия и ужас земли. Своей пламенной любовью, которой она и сама никогда не понимала и не ценила, своим никогда не утихающим сердцем, она

в вечном труде творчества тайной идущей жизни, в вечном рождении, в вечной страсти материнства — и в этом ее высшее сознание, сознание всеобщности своей жизни, сознание необходимости делать то, что уже делает, сознание ценности себя и окружающего — любовь» [6. С. 16]. В последней части второй главы — «Водоемы» в качестве героини появляется сама Бухара: «Среди безводной пустыни поставлена Бухара. В воде ее богатство, ее сила. Арыки — ее артерии, вода — ее кровь. И, неся на своей спине и щедро раздавая эту кровь, это богатство, водоносы бескровны, слабы и нищи» [1. С. 43]. Бухара — город легенда, город-миф. Если следовать логике исследуемой нами нарративной стратегии, то в самом образе города (исходя из авторской концепции) соединены два начала — за женским образом Бухары скрыт еще один образ — город Самарканд. Этот принцип, основанный на поэтике экфрасиса, условно может быть обозначен «город в городе». Он соотносится и с общим композиционным принципом произведения — «роман в романе» (герой романа Исо пишет повесть о восточной девушке Азизе, проводя параллель с птицей). Принцип «город в городе» соотносится с проблемой взаимосвязи и взаимовлияния таких категорий онтологического порядка, как «мужское» и «женское», о чем свидетельствует, в частности, мифологический план (миф о гермафродите), а также литературная параллель «Бухара-Бахчисарай». Тема любви — ключевая для романа в новеллах С. П. Бородина реализуется, в том числе, на мифологической основе в форме одного из любовных треугольников: Бози-Рафт ↔ Азиза ↔ Исо. Бози-Рафт — народный сказитель, поэт, философ, ювелир и часовых дел мастер, обладатель непривлекательной внешности является мужем молодой девушки Азизы, подобно тому, как прекрасная Афродита была женой Гефеста — одного из самых искуснейших мастеров, который был «хром и безобразен» и считался «самым некрасивым среди богов». В качестве молодого героя-любownika в романе в новеллах выступает учитель и писатель Исо — параллель с образом Гермеса (который среди прочих функций был связан с «герметическими», тайными, закрытыми текстами). Отметим, что в качестве одной из параллелей для образа Исо актуальным является образ Иисуса (или божества в трех ликах), в связи с чем назовем один из ликов Гермеса — это Гермес Трисмегист («трижды величайший»). «Троичность» свойственна художественной кон-

цепции С. П. Бородина и выражается в образе «Троицы» (роман «Андрей Рублев» сохранился в виде черновых материалов в архиве писателя, творческий путь к данному роману проходил, в том числе, и через «Последнюю Бухару»).

В заключении отметим, что многоуровневая структура романа функционирует в рамках полифонической повествовательной ситуации. Мифологический план, сосуществуя с фольклорным (жанр сказки) и литературным (в нашем случае это «Бахчисарайский фонтан» А. С. Пушкина) планами, выводит текст С. П. Бородина на метауровень. На метауровне (схема литературной коммуникации имеет вид: текст-контекст-метатекст) происходит достраивание индивидуально-авторской концепции с опорой на уже сложившийся (в процессе контекстуального взаимодействия) неомиф как вариант метаязыка. Это, в свою очередь, способствует выработке особого типа героя, условно обозначенного нами, как «человек созидатель» («*homo creavitens*»). Для терминологического обоснования данного героя мы используем теорию «двойного героя», разработанную Ю. М. Лотманом. «Двойной герой» является результатом «раздвоения единого персонажа-оборотня» [2. С. 334]. Посредством развития данной исследовательской линии появляется возможность выхода на проблему наследования С. П. Бородиным традиций русского романа XIX в.

Тип героя «человек созидатель» является проводником концептуально значимой для С. П. Бородина темы — темы искусства, имеющей выход на метауровень и связанной с поэтикой экфрасиса. Топонимический экфрасис «город» в романе также подчинен принципу троичности. К упомянутым выше городам в третьей главе романа присоединится

еще один — Иерусалим. Если между городами Бухара и Самарканд связь осуществляется на уровне понятий «женское/мужское», то между Иерусалимом и Самаркандом — на уровне понятий «земное/небесное». Совершенно по-особому поэтика экфрасиса город проявляет себя в аспекте понятий «проза/поэзия» (данная исследовательская линия соотносится с вопросом об использовании приемов «роман в романе» и «вводная новелла»). В любом случае указанные нами схематические варианты основываются на категории пространства. В соответствии с теорией Ю. М. Лотмана, при содержательной интерпретации конструкций пространства следует учитывать два фактора: во-первых, «иерархия пространств образует некую модель мира, в рамках которой она имеет бесспорное содержательное значение, во-вторых, «пространственная схема имеет тенденцию к превращению в абстрактный язык, способный выражать разные содержательные понятия» [2. С. 278].

Полифоническая ситуация на повествовательном уровне соотносится с ансамблевым принципом на уровне композиционном. Сама идея построения текста подобно архитектурной форме является для писателя концептуально значимой. Отсюда и вариант решения вопроса о жанровом своеобразии: «Последняя Бухара» может быть охарактеризована как «роман-ансамбль». Поскольку в качестве предмета исследования нами были выбраны черты неомифологизма в прозе С. П. Бородина, то в данном теоретическом ракурсе к упомянутым выше полифонизму и ансамблевости может быть добавлено понятие палимпсест, акцентирующее внимание на «послойном» надстраивании семантических (контекстуальных пластов) в процессе формирования неомифа.

Список литературы

1. Бородин, С. П. Египтянин. Романы, повести, новеллы, очерки / С. П. Бородин. — Ташкент, 1969. — 400 с.
2. Лотман, Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь / Ю. М. Лотман. — М., 1988. — 352 с.
3. Мифологический словарь / под ред. Е. М. Мелетинского. — М., 1991. — 736 с.
4. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. — М., 1983. — 816 с.
5. Пушкин, А. С. Бахчисарайский фонтан / А. С. Пушкин // Пушкин, А. С. Собрание сочинений в десяти томах. Том третий. Поэмы. Сказки / А. С. Пушкин. — М., 1960. — 598 с.
6. Платонов, А. Душа Мира / Возвращение / А. Платонов. — М., 1989. — 204 с.
7. Тресиддер, Д. Словарь символов / Д. Тресиддер. — М., 1999. — 448 с.

Сведения об авторе

Каминская Елена Михайловна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник-соискатель кафедры мировой литературы, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека. Ташкент, Узбекистан. kaminskaya-nuuz@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 4 (414). *Philology Sciences. Iss. 112. Pp. 102—110.*

POETICS OF THE NOVEL BY S. P. BORODIN «THE LAST BUKHARA» IN NEO-METHOLOGICAL ASPECT

E. M. Kaminskaya

National university of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek. Tashkent, Uzbekistan. kaminskaya-nuuz@mail.ru

In this article were examined some questions of theoretical and practical character, which allowed to form notion about poetics of S.P.Borodin. Neo-mythological situation is considered as one of the possible narrative strategies, it gives the opportunity to define «creative laboratory» of the writer as the opened system where myth is absolutely new property of it, promoting the process of semantic activity. On the material of less-explored model of Russian oriental prose of 1930s are showed the opportunities of contextual-hermeneftical analysis in the process of the research of the problems of poetics of the text (the structure of narration) with the going to poetics of ekphrasis. For the understanding of the specificity of art conception of the writer the most fruitful is using poetics of ekphrasis. Solving the question about functioning of ekphrasis in the structure of narration helps opening the idea of art in the creative work of the writer and also definition genre-originality of the work («novel-ensemble»).

Keywords: *poetics, creative laboratory, myth, neo-myth, narration, text, context, methatext, polyphony, ensemble, ekphrasis.*

References

1. Borodin S.P. *Egiptyanin. Romani, povesti, novella, ocherki* [Egyptian. Novels, narratives, novellas, essays]. Tashkent, 1969. 400 p. (In Russ.).
2. Lotman U.M. *V shkolye poeticheskogo slova: Pushkin, Lermontov, Gogol* [In the school of poetic word: Pushkin, Lermontov, Gogol]. Moscow, 1988. 352 p. (In Russ.).
3. Meletinskiy E.M. *Mifologicheskiy slovar* [Mythical dictionary]. Moscow, 1991. 736 p. (In Russ.).
4. Ojegov S.I. *Slovar russkogo yazika* [Dictionary of Russian language]. Moscow, 1983. 816 p. (In Russ.).
5. Pushkin A.S. *Bahchisaraiskiy fontan/Sobraniye sochineniy v 10 tomah. Tom 3. Poemi. Skazki* [Bahchisaray fountain/Collected orks in 10 vol. Vol. 3. Poems. Tales]. Moscow, 1960. 598 p. (In Russ.).
6. Platonov A. *Dusha Mira / Vozvrashenie* [The Soul of the World / Returning]. Moscow, 1989. 204 p. (In Russ.).
7. Tresidder D. *Slovar simvolov* [Dictionary of symbols]. Moscow, 1990. 448 p. (In Russ.).

УДК 800
ББК 81.2

ИНТЕРНЕТ-СЛЕНГ: СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ (на материале английского и русского языков)

Е. В. Лимарова, Л. П. Сон

Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

В статье исследуются процессы словообразования в интернет-сленге лексико-пиктографического уровня языка интернет-коммуникации. Выделяются три основных способа: заимствование; придание нового значения слову, которое уже существует в литературном языке; создание нового слова при помощи словообразовательных средств, которыми располагает данный язык.

Ключевые слова: язык интернет-коммуникации, интернет-сленг, процесс словообразования.

На современном этапе развития социума, когда компьютер и Интернет становятся неотъемлемой частью нашей жизни, в виртуальном пространстве в результате активной коммуникации сформировался язык интернет-общения, который «представляет собой вторичную семиотическую систему, которой присущи три уровня: фонологический; лексико-пиктографический и морфолого-синтаксический» [5. С. 98].

В рамках данной статьи мы остановимся на описании проблемы словообразования в интернет-сленге лексико-пиктографического уровня языка интернет-коммуникации как явления, которое неизбежно в новых условиях межъязыковых контактов.

В процессе словообразования в интернет-сленге можно выделить три наиболее важных способа: **заимствование; придание нового значения слову, которое уже существует в литературном языке; создание нового слова при помощи словообразовательных средств, которыми располагает данный язык.**

Остановимся более подробно на каждом из предлагаемых способов словообразования в интернет-сленге.

Большинство **заимствований в английский интернет-сленг** пришли из японского языка, так называемые «аниме». Это объясняется тем обстоятельством, что начиная с первой половины 90-х гг. XX в. в американских кинотеатрах все чаще демонстрируется японская анимация, снискавшая огромную популярность среди подростков США.

Анализируя японские заимствования в английском языке, мы выделяем несколько групп, при этом основополагающим для этих групп является транслитерация как способ образования японизмов.

К первой группе относятся названия жанров анимации (*Kodomotike* — мультфильмы для детей дошкольного возраста; *Judai Geki* — исторические драмы, посвященные, как правило, Японии средних веков; *Shoujo* — романтические комедии для девочек-подростков и так далее).

Вторая группа — это *архетипы персонажей* (*Dandere* — скромный, тихий и застенчивый персонаж; *bishoujo* — красивая, привлекательная девушка; *bishounen* — красивый, привлекательный юноша; *genki* — очень энергичный и жизнерадостный персонаж и так далее).

К третьей группе относятся *междометия и эмоционально окрашенные имена существительные и прилагательные* (*Nyah* и *desu* — выражение радости, умиления или удовольствия; *kuua* — выражение самого широкого спектра эмоций, от смущения до радости; *kso* — выражение досады, недовольства, раздражения и так далее; *kawaii* — милый; *baka* — дурак и так далее).

И четвертая группа — это *понятия, связанные с аниме-культурой* (*Otaku* — фанат аниме (следует отметить, что в японском языке слово *Otaku* считается оскорбительным, тогда как в английском сленге оно не несет пейоративной коннотации); *doujinshi* — творчество фанатов, связанное с их любимыми произведениями и так далее).

Особую категорию японизмов в английском интернет-сленге представляют так называемые «*обратные заимствования*». Это слова, заимствованные японским языком из английского, претерпевшие изменения фонетического, орфографического и/или семантического характера и затем уже в трансформированном виде вернувшиеся в английский язык посредством японской поп-культуры.

Ярким примером обратного заимствования служит само слово *anime*, которое является сокращением японского жаргонизма *animeeshon* и который в свою очередь представляет собой искажение английского слова *animation*.

Одним из наиболее известных примеров обратного заимствования служит слово *waiifu* — искажение английского слова *wife* — *жена* (русск.). Еще со времен окончания Второй Мировой войны данное слово использовалось в отдельных регионах Японии в качестве коллоквиализма, означающего *жена*, однако англоязычное *аниме-сообщество* узнало о нем только в 2005 г., благодаря эпизоду из *аниме* «*Azumanga Dialoh*», в котором один из персонажей на вопрос, кто изображен на фотографии, лежащей в его бумажнике, отвечает: «*Mai waiifu*» (искаженное английское *my wife*). Позднее клип, в который вошел этот эпизод, обрел большую популярность на сайте *4chan*, и вскоре пользователи этого сайта стали называть своих любимых женских персонажей *аниме* «*mai waiifu*». Позднее это слово сократилось до *waiifu*, а начиная с 2007 г. стало активно использоваться фанатами *аниме* за пределами сайта *4chan*. Примерно в это же время значение слова *waiifu* расширилось: использовалось при номинации женских персонажей не только из *аниме*, но и из художественных произведений.

Интересен пример обратного заимствования слова *mecha*, которое является сокращением английского *mechanism*, однако имеет довольно узкое значение, а именно *боевой робот, использующий приспособления, похожие на конечности человека или какого-либо животного*. В английский интернет-сленг этот термин вошел благодаря обилию научно-фантастических *аниме*, но, в отличие от вышеупомянутого *waiifu*, не получил распространения за пределами *аниме-сообщества* и не расширил свое значение.

Таким образом, большинство заимствований из японского языка в английский являются исключительно частью жаргона поклонников *аниме*, однако некоторые из них, как, например, *nyañ*, *kawaii* и *waiifu*, получили распространение за пределами *аниме-сайтов* и форумов и используются людьми, которые не являются поклонниками японской анимации.

В английском интернет-сленге в среде любителей сетевых игр также наблюдается использование ряда заимствований из *русского языка*. Характерной особенностью данных заимствований является то, что практически все русские

заимствования — это исключительно бранные выражения. Их появление в английском интернет-сленге объясняется тем обстоятельством, что русскоговорящие игроки, плохо знающие или совсем не знающие английский язык, но, присоединившись к англоязычным серверам и немного поиграв, выражали свое недовольство тем, что их никто не понимает, при помощи русской ненормативной лексики, написанной латиницей, поскольку на большинстве англоязычных серверов кириллица не предусмотрена. Несмотря на то, что большинство англоязычных любителей онлайн-игр не знают значения этих слов, тем не менее они используются англоязычными игроками исключительно в качестве ругательств, понимая при этом, что эти выражения несут в себе негативную коннотацию.

Существует также единичный случай заимствования в английский интернет-сленг из *французского языка* — это определенный артикль единственного числа мужского рода “*le*”, который для не-франкоговорящих является стереотипным признаком французского языка. Следует отметить, что еще до изобретения Интернета артикль “*le*” использовался авторами художественных произведений в речи персонажей-французов, при этом правила французской грамматики не соблюдались. Прием осознанного аграмматизма был направлен на то, чтобы обозначить национальную принадлежность литературных героев или чтобы создать комический эффект. С этой же целью “*le*” используется в Сети, однако в большей степени получило распространение в качестве притяжательного местоимения или артикля, как определенного, так и неопределенного.

Использование “*le*” с такой целью берет начало в 2009 г., когда один из пользователей сайта Reddit выложил *rage-комикс*, в котором высмеивал сложившийся стереотип француза как культурного и утонченного человека. В этом комиксе привычное для комиксов данного типа буквосочетание “*FUUUU-*” было заменено на “*le fu-*”. Комикс приобрел известность, и вскоре слово “*le*” стало использоваться во многих других *rage-комиксах*, даже в том случае, когда они не имели отношение к людям французской национальности. Например, на подписи перед изображением девушки чаще всего можно было увидеть “*le girlfriend*”, вместо “*the/my girlfriend*”.

В течение последующих нескольких лет использование слова “*le*” в *rage-комиксах* приобрело невероятную популярность: его исполь-

зовали даже там, где постановка артикля или притяжательного местоимения не имела смысла. Например, “*le me*”, “*le going out*” и так далее. Кроме того, это слово вышло за пределы *rage-комиксов* и стало частью обычного лексикона пользователей некоторых юмористических сайтов, таких как, например, *9gag*. Однако начиная с 2011 г. чрезмерное употребление “*le*” стало подвергаться критике со стороны пользователей большинства юмористических сайтов и постепенно утратило свою популярность. Поэтому сейчас использование этого слова расценивается как признак дурного вкуса и старомодности.

Говоря о **заимствованиях в русском интернет-сленге**, важно подчеркнуть, что большинство из них взяты из английского и японского языков.

Внушительное количество заимствований из *английского* сетевого жаргона связано с тем обстоятельством, что интернет-технологии и интернет-сообщество на Западе появились гораздо раньше, чем в России, поэтому, в то время как в англоязычных странах Интернет уже был доступен для значительного количества пользователей, в России и странах СНГ Интернет еще не получил достаточного распространения. По этой причине у первых русскоязычных интернет-пользователей практически отсутствовала возможность общаться с соотечественниками, и им приходилось вливаться в англоязычные интернет-сообщества и перенимать их лексикон. С распространением Интернета в России пользователи перенесли уже знакомые им английские жаргонизмы в русскоязычную среду, поскольку у многих понятий либо отсутствовали аналоги в русском языке, либо они были не удобны для применения.

Из *английского языка* в русский интернет-сленг вошло огромное количество слов и выражений: начиная от общеупотребимых терминов, получивших распространение за пределами Сети, и заканчивая малоизвестными жаргонизмами небольших интернет-субкультур. Важно заметить, что в силу объективных причин даже самые элементарные понятия, связанные с Интернетом, например, такие как *браузер*, *провайдер* (*поставщик интернет-услуг*), *веб* (*имеющий отношение к Всемирной паутине*), *пост*, *тред*, *юзер* (*пользователь*), *хост*, *сервер* и так далее заимствованы из английского сетевого жаргона.

В русском интернет-сленге заимствований из английского языка настолько много, что ино-

гда их использование доходит до абсурда. В качестве примера можно привести юмористическое стихотворение, когда-то весьма популярное среди русскоязычных пользователей *FidoNet*:

«*Фрякал нода с хабы кряку. Видит хаба ноды фряк. ЗэЭмХа — подумал хаба и комплейн на ноду — бряк!*» (URL: <http://proza.ru/rec.html?2010/11/04/850>).

Как мы видим, данное стихотворение состоит из 17 слов, из которых только 6 слов — не заимствованные, причем половина из них — это служебные части речи. Примерный смысл стихотворения заключается в следующем: «Узел связи пытается получить файл в час, когда обмен файлами между узлами запрещен администрацией сети; раздающий узел подумал и отправил официальную жалобу на узел связи». Иными словами без знания русского интернет-сленга достаточно сложно понять, о чем идет речь в том или ином текстовом материале.

Ситуация с *заимствованиями из японского языка* в русском интернет-сленге практически идентична английскому интернет-сленгу: подавляющее большинство японизмов вошло в русский интернет-сленг благодаря *аниме* и используется в основном только поклонниками данной мультипликации. Кроме того, в русском *аниме-сленге* мы можем наблюдать наличие одних и тех же слов, что и в английском, например: *ня*, *десу*, *кавай*, *отаку* и так далее.

Отличительной особенностью японизмов в русском интернет-сленге является то, что некоторые общеупотребимые слова подверглись транспозиции, в частности, адъективации. Так, междометие *ня* стало основой прилагательного *няиный* (*милый*) и существительных *няша/няшка* (*милый человек*) и *няиность* (*очаровательность/привлекательность*). Слово *кавай*, которое как в японском языке, так и в английском сленге является прилагательным, в русский сленг вошло как имя существительное, от которого было образовано прилагательное *кавайный* (*милый*).

Не менее важным способом словообразования в интернет-сленге является **способ присвоения нового значения слову, уже имевшемуся в литературном языке**.

В большей степени данный способ словообразования распространен в английском языке. Он может применяться при создании новых слов, касающихся как интернет-технологий, так социально-культурной жизни Интернета. Многие предметы и явления, связанные с работой

Интернета, были названы уже существующими словами, например: *host* (хозяин ведущий), *provider* (поставщик), *forum* (форум), *chat* (чат).

Кроме того, уже существующими словами были номинированы явления, ставшие возможными только благодаря Интернету, например: *troll* (троллинг), *flood* (поток), *flame* (флейм) и так далее.

Однако в русском интернет-сленге такой тип словообразования не получил столь значительного распространения, поскольку, как это уже было отмечено выше, русскоязычные пользователи чаще всего предпочитают заимствовать слова, обозначающие различные предметы и явления, связанные с Интернетом, из английского языка.

Тем не менее случаи присвоения нового значения слову, существующему в литературном языке, все же иногда встречаются в отечественном сетевом жаргоне. Очень показателен пример слова «баян», которое в интернет-сленге означает «шутку» (а в более широком смысле — любую информацию), давно известную большинству посетителей интернет-ресурса, но которая преподносится каким-либо пользователем как самая последняя новость. По одной из версий, идея называть баяном уже известную информацию исходит от знака -//-, используемого при письме для обозначения повторяющегося фрагмента текста.

Также существует особый вид присвоения нового значения какому-либо слову, характерный в большей степени для молодежной культуры, чем для интернет-культуры в целом, однако, благодаря огромному количеству молодых людей, пользующихся Интернетом, применение слова в его неправильном значении в конечном итоге быстро распространяется по всему Интернету. Однако присвоение нового значения уже известному слову или явлению с его последующим закреплением в языке можно рассматривать как неизбежную данность только в том случае, когда достаточно большое количество не только активных интернет-пользователей, но и обычных людей, принадлежащих к разным социальным слоям и с разным уровнем образования, осознанно и многократно совершают подобную «ошибку». Яркими примерами таких слов в английском языке могут служить наречие “*literally*” и прилагательное “*epic*”. Слово “*literally*” означает «буквально», однако, в последнее время часто используется в качестве фигурального выражения, с целью усиления экспрессии высказывания. Слово “*epic*” имеет

несколько значений: *относящийся к эпосу* или *обладающий свойством эпоса, героический и величественный* (по размеру или по содержанию). В литературном языке это слово главным образом встречается в художественном произведении, однако в интернет-сленге оно используется в значении «впечатляющий». Например: *epic fail* — *большая неудача*; *epic win* — *большая удача*; *epic comeback* — *исключительно остроумный ответ* и так далее. Использование этих двух слов в данных значениях настолько широко, что этот факт послужил причиной включения новых значения слов “*literally*” и “*epic*” в Большой Оксфордский словарь английского языка.

Способ создания нового слова при помощи словообразовательных средств, которыми располагает данный язык, также очень распространен в интернет-сленге. Рассмотрим более подробно использование словообразовательных средств, которые чаще всего встречаются в английском и русском интернет-сленге.

Одним из наиболее продуктивных способов словообразования является **аббревиация**. Поскольку обмен данными в Интернете происходит практически мгновенно, у пользователей возникает необходимость передавать большой объем информации очень быстро и в компактной форме, при этом содержание сообщения не должно страдать.

Наибольшее распространение в интернет-сленге получили буквенные аббревиатуры, которые могут обозначать словосочетания, вводные слова, или даже целые предложения, как распространенные, так и нераспространенные.

Аббревиатуры, используемые в интернет-сленге, можно разделить на две большие категории: *общеупотребимые* и *специфичные*, присутствующие только определенному типу интернет-сообществ. Ко второй категории можно отнести такие аббревиатуры, как ASL (*age, sex, location* — *возраст, пол и место жительства собеседника*), используемый на сайтах знакомств; GG (*git gud*, искаженное *get good*, что в свою очередь — грамматически неверное словосочетание *get better* — *стань лучше*), которое употребляется в качестве презрительного замечания старожилков по отношению к новичкам в сетевых играх и так далее.

Общеупотребимые аббревиатуры очень распространены в английском интернет-сленге, например: IDK (*I don't know* — *я не знаю*); IMHO (*in my humble/honest opinion* — *по моему скромному мнению*); LOL (*laughing out loud* — *умирать*

со смеху); OMG (*Oh my God!* — *Боже мой!*); TY (*thank you* — *благодарю*) и так далее.

Интересен факт, что, несмотря на то, что вышперечисленные аббревиатуры вызывают стойкие ассоциации с Интернетом как у юзеров, так и у людей, малознакомых с Интернетом, некоторые из них использовались в ограниченных кругах задолго до появления сетевых технологий. Например, аббревиатура OMG использовалась в начале XX в., причем в том же значении, что и в настоящее время. Аббревиатура LOL появилась в 60-е гг., хотя в то время она была сокращением от *little old lady*.

Кроме того, несмотря на то обстоятельство, что большинство аббревиатур в интернет-сленге однозначны, следует особо отметить, что существуют и многозначные аббревиатуры, причем их значение варьируется от контекста сообщения. Например, BB может означать либо *baby* — *ребенок*, либо *bye-bye* — *до свидания, пока*; а OP, помимо общеупотребимого значения *original poster* — тот, кто создал тему, задал первоначальный вопрос (например, в чате или социальной сети, синоним — *topic starter*), также имеет значение, характерное для любителей видеоигр — *overpowered* (*OverPowered*) — превосходная характеристика или качество героя.

При написании аббревиатур используются как заглавные, так и строчные буквы, хотя в последнее время появилась тенденция приоритета строчных букв с целью экономии речевых усилий и времени при создании сообщения в Сети.

В английском интернет-сленге существует большое количество аббревиатур, что привело к тому, что появились аббревиатуры, призванные пародировать их чрезмерное употребление. Например, существует аббревиатура OMGWTFBBQ, которая не несет в себе никакой смысловой нагрузки. Это сложная аббревиатура, состоящая из двух интернет-аббревиатур OMG и WTF и аббревиатуры BBQ, которая является всего лишь сокращением слова *barbecue* — *барбекю*.

В русском интернет-сленге аббревиация часто используется вместе с заимствованием, при этом для заимствования англоязычных аббревиатур наиболее характерна транслитерация. Так, при трансляции в русскоязычную интернет-среду IMHO становится IMXO, LOL становится ЛОЛ, OMG становится ОМГ, WTF становится ВТФ и так далее. Несмотря на то, что в русском языке эти аббревиатуры не обладают своим собственным значением, смысл, изначально заклю-

ченный в них в английском языке, сохраняется. Для написания наиболее общеупотребимых аббревиатур, в частности, LOL или OMG может использоваться латиница. Кроме того, большинство англоязычных аббревиатур (вне зависимости от вариантов их произношения) существующих в английском языке, становятся акронимами при переходе в русский язык.

Гораздо реже наблюдается калькирование англоязычной аббревиатуры. Например, на некоторых сайтах Рунета раздел, где размещаются ответы на часто задаваемые вопросы пользователей, называется не FAQ — *Frequently Asked Questions*, а ЧАВО — Часто задаваемые Вопросы.

Кроме того, в русском интернет-сленге не все аббревиатуры заимствованы из английского интернет-сленга. Существуют аббревиатуры, используемые исключительно в русскоязычном интернет-сообществе, однако их количество существенно уступает заимствованным аббревиатурам. В качестве примеров русских аббревиатур можно привести следующие: ЕМНИП — *если мне не изменяет память*; ППКС — *подпишусь под каждым словом*; ЧЕЗ — *черт его знает* и так далее.

Кроме буквенных аббревиатур в сетевом жаргоне встречаются и слоговые аббревиатуры. Например: *sysadmin/cusадмин* — сокр. от *system administrator/cuстемный администратор*; *sysop/cuicon* — сокр. от *system operator/cuстемный оператор*; *vlog/влог* — сокр. от *video-blog/видеоблог*. Однако их распространение в Интернете не столь значительно в отличие от буквенных аббревиатур.

Весьма популярным способом словообразования в Интернете является **какография или эрратив**. Какография (от греч. *kakos* — *дурной* + *grapho* — *пишу*) — слово или выражение, подвергнутое нарочитому искажению носителем того или иного языка, владеющего его литературной нормой, с целью придания ему особого эффекта, как правило, комического.

Для русского интернет-сообщества характерен особый вид какографии — это дословный перевод выражений из английского интернет-сленга, но при этом наблюдается пренебрежение правилами русской грамматики. Данный тип какографии используется для достижения комического эффекта в среде людей, хорошо знающих английский язык. Например: *сделайте меня развидеть это* — *take me unsee this*; *лицоладонь* — *facepalm*. Также в качестве шуток могут дословно переводиться названия фирм,

связанных с работой Интернета: Лицокнига — Facebook; Мелкомягкие — Microsoft.

В отличие от какографии **совершение неумышленной ошибки в правописании слов** в интернет-сленге — также весьма распространенный способ словообразования. Это произошло в результате повторения однажды неверно написанного слова разными пользователями Сети, при этом слово, написанное с ошибкой, становилось синонимичным правильно написанному слову, а в некоторых случаях даже обрело новое значение.

Например, в английском интернет-сленге это слова: *teh* — артикль *the*; *wat* — *what*; *pwn* — искажение *own* и так далее. Возникновение подобных ошибок можно объяснить особенностями расположения буквенных знаков на клавиатуре компьютера: с целью экономии речевых усилий и увеличения скорости создания письменных сообщений в Интернете, пользователь ошибочно нажимал на клавиши, расположенные рядом или находящиеся как можно ближе друг к другу

В русскоязычном интернет-сообществе также существует ряд слов, образованных в результате невнимательности пользователей, которые просто забывали переключать раскладку клавиатуры с русской на английскую или наоборот. При этом, благодаря контексту, значение слова, написанного с ошибкой, собеседнику было понятно: слово *Ghbdtn* в начале сообщения означает *Привет*; следующий за ним вопрос *Rfr ltkf&* — *Как дела?*; буквосочетание *3.BI* в конце сообщения — *P.S.*

Интересен пример слова, написанного с ошибкой, но которое, «благодаря» этой ошибке, приобрело самостоятельное значение: *лытдыбр* — *дневник*, для ведения записей личного характера в блогах. Слово *лытдыбр* — это транскрипция «слова» *lytdybr*, т. е. набора букв, когда набирается слово *дневник* в английской раскладке.

Одним из важнейших способов словообразования в интернет-сленге является **приставочный** способ.

Приставки, используемые в английском интернет-сленге, подразделяются на две основные группы:

1) приставки, связанные с компьютерными технологиями, которые обозначают виртуальные версии предметов и явлений, существующих в реальном мире;

2) приставки, используемые в литературном языке, выполняющие в интернет-сленге ту же функцию, что и в литературном языке.

К первой группе относятся приставки: **cyber-**, с которой пишутся слова, связанные с номинациями или действиями, происходящими в компьютерной сети (*cyberspace*, *cyberterrorism*, *cyberbullying*); **e-** для образования слов, связанных со словом «электронный» (*e-mail*, *e-book*, *e-shop*); **web-** для номинации явлений, связанных со Всемирной Паутиной (*website*, *web-browser*, *webmaster*). Следует отметить, что приставка **web-** пишется слитно за исключением случаев, когда корень слова начинается на букву **b**, тогда после приставки **web-** ставится дефис.

Ко второй группе относятся все приставки, существующие в литературном английском языке. Наибольшая частотность в образовании новых интернет-жаргонизмов принадлежит следующим приставкам: **de-** (*debug*, *delink*, *despawn* — *устранение*); **re-** (*respawn*, *reboot*, *repost* — *повторение действия*); **un-** (*unfriend*, *undeleat* — *устранение, противоположность, отмена*).

Что касается данного способа словообразования для русского интернет-сленга, следует заметить, что практически все приставки были заимствованы русским интернет-сленгом, при этом они сохранили свое оригинальное значение.

Не менее важным способом словообразования в интернет-сленге является **суффиксальный** способ.

Наиболее эффективный суффикс в английском интернет-сленге — это суффикс **-er**. Главным образом это объясняется тем, что при появлении множества новых устройств и технологий потребовалось много новых слов для номинации людей, с ними работающих, соответственно, с каждым новым витком прогресса в области интернет-технологий частота использования этого суффикса только возрастает. Кроме того, суффикс **-er** может быть применен не только для номинации людей, но и новых программ или устройств, например: *router* — компьютер, пересылающий данные между *двумя сегментами сети*; *mailer* — *программа по массовой рассылке электронной почты* и так далее.

Английский суффикс **-er** перешел в русский интернет-сленг при заимствовании из английского интернет-сленга названий новых профессий хобби и так далее, появившихся в результате развития компьютерных технологий, например: *программер*, *геймер*, *спаммер* и так далее.

Другим суффиксом, который используется в русском интернет-сленге для обозначения представителей каких-либо профессий или хобби, яв-

ляется суффикс **-ик** для названия существительных мужского рода и суффикс **-ица** для номинации существительных женского рода: *айтишник*, *анимешник*, *сеошник* и так далее.

Иногда значение суффикса в интернет-сленге может отличаться от его значения в литературном языке. Например, в русском литературном языке суффикс **-от** обозначает совокупность лиц, объединенных по какому-либо признаку, и не несет в себе эмоциональной окраски. В Рунете, напротив, он применяется для выражения недовольства говорящего относительно какой-либо группы лиц или явления: *политота* — спор на повышенных тонах на политические темы, целью которого является не обмен мнениями, а склонение оппонента к своей точке зрения; *школота* — школьник с плохими манерами и завышенной самооценкой; *студентота* — студент, гордящийся своим пренебрежительным отношением к учебе и нездоровым образом жизни.

В английском литературном языке суффикс **-dom** обозначает состояние или сферу влияния, тогда как в английском интернет-сленге суффикс **-dom** используется в основном для обозначения группы людей, объединенных общими интересами: *fandom* — сообщество фанатов чего-либо; *hatedom* — сообщество ненавистников чего-либо; *bandom* — сообщество поклонников какой-либо музыкальной группы и так далее.

Следует также рассмотреть **транспозицию** как способ словообразования в интернет-сленге.

Для транспозиции в интернет-сленге наиболее характерен способ вербализации, причем в большинстве случаев способ **вербализации** имен собственных. Чаще всего как в русском, так и в английском интернет-сленге глаголы образуются от названий программ, сайтов и т. п. и означают *совершать какие-либо действия с помощью данного сайта, программы* и так далее. Например, *to google/гуглить* — использовать поисковую систему Google; *to instagram/инстаграмить* — выкладывать фотографии на сайт Instagram; *to photoshop/фотошопить* — обрабатывать фотографии с помощью программы Photoshop и так далее.

Названия различных сайтов и программ могут подвергаться **адъективации**. В качестве примеров можно привести имена прилагательные *photo/shopped/отфотошопленный*, что означает *обработанный с помощью программы Photoshop*; *нагугленный* — *найденный с помощью поисковой системы Google*.

Для примеров, приведенных выше, характерна конверсия, поскольку с целью экономии времени и речевых усилий гораздо проще написать фразу *я это погуглю*, чем *я буду искать эту информацию в Гугле*.

В английском интернет-сленге субстантивация наблюдается главным образом в жаргоне любителей видеоигр, в отличие от русского интернет-сленга, которому такой тип транспозиции присущ в меньшей степени.

Следует отметить, что процессу субстантивации чаще всего подвергаются глаголы и имена прилагательные. Приведем несколько примеров: *a heal* (от гл. *to heal*) — в сетевых играх это игрок, в обязанности которого входит лечение товарищей по команде; *a buff* (от прил. *Buff*) — в видеоиграх это процесс, когда разработчики игры наделяют какого-либо персонажа, противника, предмет и т. п. наиболее сильными и эффективными свойствами; *a drop* (от гл. *to drop*) — используется в видеоиграх, когда награда буквально падает на победителя с поверженного противника.

Нельзя не остановиться на таком важном словообразовательном способе в интернет-сленге как **эпонимизация** [1].

У термина «эпоним» существует несколько значений. Согласно одному из них, эпонимом называется имя собственное, ставшее именем нарицательным для всего класса похожих объектов [6]. Согласно другому, эпоним — это любое имя собственное, используемое в качестве имени нарицательного (URL: <http://somoscow.ru/eponime/>).

Самый яркий пример эпонимизации в интернет-сленге — слово «спам» (*spam*). В интернет-сленге это имя существительное, означающее нежелательные сообщения рекламного характера, массово рассылаемые пользователям другим пользователем или специально написанным с данной целью ботом. Кроме того, от имени существительного *спам (spam)* образованы: глагол *to spam/спамить* — *рассылать спам-сообщения*; имя существительное *spammer/спаммер* — *человек, рассылающий спам-сообщения*; имя существительное *spambot/спамбот* — *программа, рассылающая спам сообщения* и имя существительное *spamming* — *процесс рассылки спама*.

Интересна история, связанная с обстоятельствами проникновения слова *спам (spam)* в Интернет. Вне Сети это слово означает название популярного бренда консервированной ветчины. В 1970 г. в Великобритании был снят скетч на комедийное шоу «Летающий цирк Монти Пайтона»

(“Monty Python’s Flying Circus”) про кафе, в котором ветчина *Spram* входила в состав всех блюд, приготавливаемых в кафе. В самом скетче слово “*spram*” было произнесено 132(!) раза. Таким образом, употребление интернет-пользователями названия этого бренда стало применяться для обозначения повторяющейся назойливой информацией.

Кроме того, имена собственные могут становиться частью устойчивых выражений, например: *go full McIntosh* — *выдавать свое предвзятое мнение за неоспоримый факт*. Это выражение образовано от фамилии известного видеогрового критика Джонатана Макинтоша, сникавшего дурную славу благодаря своему непрофессионализму. Или: *Valve time* — *значительное расхождение в обещанных и реальных сроках выполнения поставленной задачи, не в пользу по-*

следнего. Выражение происходит от названия компании-разработчика видеоигр Valve, часто переносящей сроки выхода своих игр и так далее.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что интернет-сленг обладает разнообразными словообразовательными ресурсами, которые могут быть заимствованы из каждого данного языка реальной среды общения; в то же время интернет-сленг располагает собственным потенциалом словообразования, который варьируется как по объективным, так и по субъективным причинам. Затронутая в статье проблема не теряет своей актуальности, поскольку интернет-сленгу свойственна активная динамика, связанная с постоянно возрастающими возможностями интернет-коммуникации и, следовательно, потребностью в образовании и использовании новых слов.

Список литературы

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — М., 2004. — 571 с.
2. Блау, М. Г. Судьба эпонимов: 300 историй происхождения названий / М. Г. Блау. — М., 2010. — 272 с.
3. Виноградов, В. С. Лексикология испанского языка / В. В. Виноградов. — М., 2003. — 246 с.
4. Сепир, Э. Избранные работы по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. — М., 1993. — 556 с.
5. Сон, Л. П. Язык интернет-коммуникации: явления синонимии, омонимии и антонимии / Л. П. Сон // Казан. наука. Сер. Филолог. науки — языкознание. — 2016. — № 3. — С. 98–100.
6. Стариченок, В. Д. Большой лингвистический словарь / В. Д. Стариченок. — Ростов н/Д., 2008. — 811 с.
7. Факов, В. Я. Язык Интернета. Англо-русский словарь / В. Я. Факов. — М., 2009. — 368 с.
8. Minguell, M. E. Interactividad y interacción. Revista Interuniversitaria de Tecnología Educativa / M. E. Minguell. — Oviedo, 2000.
9. Reyzábal Manso, M. I. Lenguaje y nuevas tecnologías: de la gramática generativa a la tecnología del habla / M. I. Reyzábal Manso, V. S. Bermejo. — Madrid, 2006.

Сведения об авторах

Лимарова Елизавета Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и перевода, Российский государственный социальный университет. Москва, Россия. limarovaev@rgsu.net

Сон Людмила Петровна — кандидат экономических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода, Российский государственный социальный университет. Москва, Россия. luciason@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 4 (414). *Philology Sciences. Iss. 112. Pp. 111—119.*

INTERNET SLANG: WORD-FORMATION PROCESSES IN ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

E. V. Limarova

Russian State Social University, Moscow, Russia. limarovaev@rgsu.net

L. P. Son

Russian State Social University, Moscow, Russia. luciason@mail.ru

The processes of word formation in Internet slang at lexical-pictorial level of Internet-communication language are investigated. Three main ways are allocated. There are borrowings; giving a new meaning to the existing literary word; creation of a new word by means of word-formation of the language. Internet slang is characterized by active dynamics associated with the ever-increasing possibilities of Internet-communication and this tendency necessitates word-building processes and the implementation and use of new words.

Keywords: *Internet-communication language, Internet slang, process of word-formation.*

References

1. Ahmanova O.S. *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistics terms]. Moscow, 2004. 571 p. (In Russ.).
2. Blau M.G. *Sudba eponimov: 300 istoriy proishozhdeniya nazvaniy* [The fate of eponym: 300 stories of names' origin]. Moscow, 2007. 272 p. (In Russ.).
3. Vinogradov V.S. *Leksikologiya ispanskogo yazyka* [Lexilogy of Spanish language]. Moscow, 2003. (In Russ.).
4. Sapir E. *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu i kulturologii* [Selected works on linguistics and culturology]. Moscow, 1993. 406 p. (In Russ.).
5. Son L.P. Yazyk internet-kommunikacii: yavleniya sinonimii, omonimii i antonimii [The language of Internet communication: phenomena of synonymy, homonymy and antonymy]. *Kazanskaya nauka* [Kazan Science], 2016, no. 3, pp. 98–100. (In Russ.).
6. Starichenok V.D. *Bolshoi lingvisticheskiy slovar* [The big linguistic dictionary]. Rostov-on-Don, 2008. 811 p. (In Russ.).
7. Fakov V.Y. *Yazyk Interneta. Anglo-russkiy slovar* [The language of Internet. English-Russian dictionary]. Moscow, 2009. 386 p. (In Russ.).
8. Minguell M.E. *Interactividad y interacción. Revista Interuniversitaria de Tecnología Educativa*. Oviedo, 2000. (In Spanish).
9. Reyzábal Manso M.I., Bermejo V.S. *Lenguaje y nuevas tecnologías: de la gramá generativaa la tecnología del habla*. Madrid, 2006. (In Spanish).

УДК 81 + 811.8126
ББК 81.2.03

ДИФТОНГИ В ИСТОРИИ СЛОВАЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

К. В. Лифанов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Характерной особенностью словацкого литературного языка являются четыре восходящих дифтонга, которые не сразу стали принадлежностью его фонологической системы. Процесс закрепления дифтонгов в словацком литературном языке, происходивший неодновременно, и является предметом рассмотрения в данной статье. В ходе изложения также выявляются специфические особенности их функционирования.

Ключевые слова: *словацкий литературный язык, кодификация, восходящие дифтонги, бездифтонговый характер, графика.*

Одной из ярких особенностей фонетической системы словацкого литературного языка является наличие четырех восходящих дифтонгов *ie*, *ia*, *iu* и *uo* (графически *ô*). Указанные дифтонги по-разному представлены в словацких диалектах. Наибольшее распространение имеет дифтонг *ie*, характеризующий среднесловацкий диалект в целом (хотя в отдельных его юго-восточных говорах он отсутствует), а также северные и восточные говоры западнословацкого диалекта. Несколько меньше регион распространения дифтонга *ô*, который также отсутствует в некоторых юго-восточных говорах среднесловацкого диалекта, а также в ряде говоров западнословацкого диалекта, где он не подвергся дифтонгизации. Еще в меньшей степени распространены дифтонги *ia* и *iu*: первый характеризует только среднесловацкий диалект без крайних оравских и гемерских говоров, а второй даже в среднесловацком диалекте в целом конкурирует с долгим *î*. В восточнословацком же диалекте дифтонги не представлены вовсе, так как в нем отсутствует фонологическая долгота. Не удивительно, что различия в распространении дифтонгов в диалектах обусловило их разную историю в словацком литературном языке.

Дифтонги в докодификационный период

Как известно, первые памятники словацкой письменности нелатинского происхождения появляются в XIV в. Эти памятники были написаны на древнечешском языке, который значительно отличался от современного на всех языковых уровнях, в том числе и от интересующего нас фонетического. Период становления современной фонетической системы чешского литературно-

го языка приходится главным образом на XVI в., когда многие фонетические явления — результаты языковых процессов, осуществившихся ранее, — закрепились в языке письменных текстов. В это же время в языке словацкой письменности также происходят важные процессы, прежде всего фонетические и морфологические, которые приводят к появлению нового, отличного от чешского идиома. Суть этих процессов заключалась во взаимодействии древнечешского литературного языка с югозападнословацкими говорами, прежде всего трнавским, что объяснимо тем, что в это время Трнава становится резиденцией венгерского архиепископа, а также центром рекатолизации населения. В XVII в. значение Трнавы еще более возрастает, так как здесь был открыт университет с собственной типографией. Не удивительно, что трнавский и близкий ему загорский регионы становятся центром формирования словацкой письменной традиции. Языковые элементы югозападнословацкого происхождения первоначально проникают в письменные тексты на чешском языке как ошибки. Как отмечал Н. И. Толстой, первоначально такие изменения представляют собой отклонение от нормы, однако в дальнейшем оно само превращается в норму [6], что в итоге приводит к изменению всей шкалы «ценностной ориентации в отношении целого ряда внутривидовых элементов» по признаку «нормативности — ненормативности» [5. С. 29]. Формируясь в Трнавe, возникший идиом, который в словакистике вслед за Э. Паулини традиционно называют «культурным западнословацким языком» [11], хотя он вполне соответствует критериям литературного языка [2], получает распространение на всей территории Словакии. При этом он, однако, мог

приобретать некоторые черты местных говоров, которые, однако, полностью не вытесняли все элементы западнословацкого (трнавского) происхождения, сосуществуя с ними в текстах в разных пропорциях. При этом региональные элементы могли быть представлены в минимальной степени или даже вообще отсутствовать в письменных текстах. В этом случае текст, созданный в разных регионах Словакии, мог по своим характеристикам полностью совпадать с текстами, записанными в Юго-Западной Словакии.

Восходящие дифтонги *ie* и *uo* с высокой частотностью фиксируются уже в древнейших памятниках письменности словацкого происхождения, однако их интерпретация вызывает определенные сложности. Это объясняется тем, что названные памятники были написаны на древнечешском языке в словацкой редакции, в фонетической системе которого дифтонг *ie* был обычным еще в первой половине XVI в. [13], а дифтонг *uo* — до конца XVI в. [12]. Полагаем, что косвенным доказательством чешского происхождения указанных дифтонгов является проникновение в язык словацких памятников письменности чешского нисходящего дифтонга *ou*, отсутствующего в словацком языке. Этот факт, наряду с некоторыми другими, свидетельствует о том, что, несмотря на то, что в Словакии начала формироваться региональная редакция древнечешского литературного языка, связь с пражским центром в первые десятилетия XVI в. продолжала сохраняться.

Дальнейшая судьба трех перечисленных дифтонгов в рассматриваемых идиомах — чешском и словацком, — оказалась разной. В чешском литературном языке происходит монофтонгизация дифтонгов *ie* и *uo*, изменившихся соответственно в *í* и *ú* (графически *ŷ*), а дифтонг *ou* закрепился во всех позициях, кроме абсолютного начала слова. В языке же словацкой письменности происходят сложные процессы, связанные со спецификой характера письменного идиома. Как мы уже отметили раньше, в своем классическом, инвариантном виде этот идиом функционировал в трнавском регионе Юго-Западной Словакии. Характерной особенностью фонетической системы данного идиома становится полное отсутствие дифтонгов [8]. Иными словами, в нем не только утрачиваются дифтонги *ie* и *uo*, как в чешском литературном языке, но и не закрепляется дифтонг *ou*.

Выпускники Трнавского университета направляются во все регионы Словакии, куда попадает

также печатная продукция трнавской типографии, что способствует распространению формирующегося идиома по всей территории Словакии. При этом, как мы уже упомянули выше, допускается проникновение в него элементов местных говоров. Одним из таких элементов являются дифтонги, которые начинают характеризовать прежде всего его среднесловацкий вариант. При этом, однако, они в целом не меняют бездифтонговый характер этого идиома, поскольку их употребление допускается, но не является обязательным. При этом репертуар дифтонгов увеличивается, поскольку наряду с дифтонгами *ie* и *uo* в текстах появляется также дифтонг *ia*. Наличие же элементов инвариантной (трнавской) формы практически во всех письменных текстах XVI–XVIII вв., в том числе и долгих монофтонгов в соответствии со среднесловацкими дифтонгами, сохраняет целостность данного идиома и не позволяет ему распасться. При этом анализ тенденций развития языка письменных текстов, представляющих собой одну канцелярию или один и тот же текст, воспроизводившийся через определенный период времени, показывает, что, несмотря на существенные колебания в реализации этих тенденций, в целом его эволюция имела одно генеральное направление — сближение с инвариантным трнавским вариантом. Об этом, в частности, свидетельствуют языковые изменения в формулах крещения и венчания «Остригомского ритуала» [2], «Елшавской городской книги 1566–1710 гг.» [1] «Левочских формул присяг XVI–XIX вв.» [10].

Итак, в период, непосредственно предшествовавший кодификации словацкого литературного языка, восходящие дифтонги *ie*, *uo* и *ia* были представлены в отдельных текстах, созданных в Средней, а также частично Северо-Западной и Восточной Словакии, но не являлись обязательным элементом фонетической системы этого идиома, а лишь маркером его регионального происхождения. Частотность дифтонгов в этих текстах являлась вариативной от высокой степени насыщенности ими текста до полного отсутствия.

Дифтонги в словацком литературном языке, кодифицированном А. Бернолаком (1787)

Общесловацкий идиом с инвариантом в трнавском регионе Юго-Западной Словакии прошел все необходимые фазы в развитии современного литературного языка. На нем создавалась богатая католическая литература, высокохудожественные произведения поэзии барокко, включая

шедевр словацкой литературы — поэтическое произведение Г. Гавловича «Пастушья школа, нравов житница» (1755), первый словацкий роман Й. И. Байзы «Юноши Рене похождения и приключения» (1783), на него был осуществлен полный перевод Библии (до 1756 г.). В 1787 г. он был кодифицирован католическим священником А. Бернолаком. Кодификация литературного языка, однако, была довольно специфической, поскольку А. Бернолак за ее основу взял не инвариантную форму рассматриваемого диалекта, а региональную, функционировавшую в северной части Средней Словакии [4]. Объяснить этот факт можно тем, что кодификатор был родом из этого региона, а точнее — из д. Сланица на Ораве, где и прожил детские и отроческие годы. Позже он учился в гимназии г. Ружомберок в Липтове, также расположенном на севере Средней Словакии.

Обращение А. Бернолака к рассматриваемому идиому самым существенным образом отразилось на кодификации дифтонгов. В целом его кодификация системы вокализма, как и инвариантная форма этого идиома, характеризуется отсутствием дифтонгов. Вместе с тем на ее периферии отмечается наиболее распространенный в словацких диалектах дифтонг *ie*, допускаемый в северном среднесловацком варианте этого идиома. Этот дифтонг (графически *ge*), однако, в кодификации также выступает главным образом в качестве допустимого в некоторых глагольных формах и отдельных лексемах наряду с основной формой с монофтонгом: *rečŕ gečem (rečgem)*, *hrizŕ hrizem (hrizgem)*, *hušŕ hušem (hušgem)*, *kladŕ kladem (kladgem)*, *měšŕ mešem (mešgem)*, *prašŕ prašem (prašgem)*, *wěšŕ wešem (wešgem)* [7], *d'íŕa / d'ěŕa / d'geŕa*, *d'íwča / d'ěwča / d'gewča*. И только формы настоящего времени глаголов *wedŕeŕ* и *poweŕeŕ* (ср. 1 лицо единственного числа соответственно *wgem* и *powgem*) с дифтонгом считаются А. Бернолаком основными, хотя и у этих глаголов были кодифицированы формы с монофтонгом (ср. *wím* и *powím*).

Приведенные примеры, содержащие дифтонги, как и целый ряд других кодифицированных А. Бернолаком форм, имеющих преимущественно среднесловацкое происхождение, однако, так и не стали достоянием бернолаковского литературного языка. Это показывает анализ произведений разных жанров шестнадцати авторов-бернолаковцев, в которых не было обнаружено ни одной формы с дифтонгом [3]. Ср. примеры, в которых

в соответствии с кодификацией А. Бернолака мог бы быть представлен дифтонг *ie*:

Čo Boh zŕawil, to *wíme* s Částki spisaného (Габел); I rekel k němu Bóh: i ga *wím*, že si uprimním Srdcom to učinil (Палкович); *zwoŕag Ďítki twé* k obecnég Sŕawnosti téŕto (Фиала); A toto Prislubeňi o budúcem Wikupitelowi od Rodičow *Ďétkám* zanechané (Гульяк); *ponewáč oňi Polowicu Srdca zanechawagú*, *gakžto Rodiče Ďétkám* (Газда); *ačkol'wek ktorí múdri Lekár wí* gích pod istú, potrebnu Meru dáwat' Němocnému, môže z gegích Mocú ai uzdrawowat' (Фандли); Čítanj, a uslichánj wás k nemu *privedé* (Байза); w kterég wipisuge wšeckí Bludi, které od Času Krista Pána do Času swého boŕi, a *klad'e* (Мецарош).

Дифтонги в литературном языке, кодифицированном Л. Штуром

В кодификации протестанта Л. Штура (1844–1846 гг.), основанной на базе северных среднесловацких говоров, ситуация в отражении дифтонгов принципиально меняется. Кодификатор вводит в словацкий литературный язык три восходящих дифтонга *ie*, *ia* (графически *je*, *ja*) и *uo*.¹ Примечательно, однако, что объем функционирования дифтонгов в литературном языке, кодифицированном Л. Штуром, по сравнению с современным словацким литературным языком существенно отличался.

Частотность дифтонга *ie* в языке Л. Штура была наиболее близка современной. Пожалуй, самым значительным отклонением, снизившим ее впоследствии, является выделение особого склонения прилагательных, причастий, порядковых числительных и некоторых местоимений твердой разновидности, которое ранее полностью совпа-

¹ Сам Л. Штур считал, как и в чешском языке, дифтонгом сочетание гласных *ou*. Значительно позже было показано, что названное сочетание, представленное только в формах творительного падежа единственного числа имен существительных и прилагательных женского рода и некоторых личных местоимений возникло не в результате дифтонгизации *ú*, как в чешском языке, а в результате неполного осуществления процесса контракции праславянского сочетания *ojo*, так как осуществлялась только его первая фаза — выпадение интервокального *j*, но стяжения гласных не произошло. Поскольку сочетание звуков *ou* в словацком языке не чередуется в родственных словах с кратким гласным, с функциональной точки зрения дифтонгом оно не является. В чешском же языке это полноценный функциональный дифтонг. Ср. примеры: *bouda* 'будка' — *bud* 'будок', *zkoumat* 'исследовать' — *výzkum* 'исследование'.

дало с мягкой. Таким образом, в ряде форм этих частей речи дифтонг *ie* был заменен долгим монофтонгом *é*; ср. примеры непосредственно из штуровских текстов или текстов, которые Л. Штур редактировал: *zbitočnuo bi bolo chcjeť Slovenčinu na reč spisovnú povíšuvať a to čo vlastnjeho* (совр. *vlastného*) *závazku a života nemá na nohi stavať* (NRS); *d'jela nášho velebnjeho Holljeho* (совр. *velebného Hollého*) *vnútrnou svojou cenou odváža peďesjať druhých veršami a veršáčkami visipaních knížjek a knížtičjek?* (NS); *Celje* (совр. *celé*) *stohi rozličných píssem a proseb sa každí deň na zelení stuol doňjesli a zase odňjesli* (SNN); *Často sa zhfknu v slovách hláski, ktorje* (совр. *ktoré*) *sa ňebars znášajú a jedna druhej pri vislovuvaňi zavadzá* (NRS).

Употребление лексем и словоформ с дифтонгами *uo* и *ia* в литературном языке, кодифицированном Л. Штуром, было заметно ниже, чем в современном литературном языке, что имело разные причины. Так, первый, с одной стороны, утратился в формах именительного и винительного падежей единственного числа прилагательных, так как был заменен долгим монофтонгом *é*, а с другой — был реализован в префиксе лексем, заимствованных из чешского языка, где первоначально был представлен *ú* (в чешском языке графически *ů*). Ср. примеры:

Z prídavných mjen vezmime na dokaz odchodnosť ich skloňeňa od nášho prídavnuo meno Českuo jedneho ukončeňa (NS); *Kdo tejto dúveri* (совр. *dôvera*) *k ludu nášmu nemá, ten zúfa nad nami a stratí sa* (NS); *jeho zdarlivosťou a lúbeznými i dúraznými* (совр. *dôrazný*) *slovmi velebnjeho starca... pohnutí boli* (SNN); *Lebo ešte ňikdi sa ňepotrebuvali a ňepriňášali tak vážne a preňikavje dúvodi* (совр. *dôvod*) (SNN); *že táto bezuzdnosť už ¾ roka s hroznou obecných dôležitosťi* (совр. *dôležitosť*) *ujmou a zaňedbaňim trvá* (SNN).

Дифтонг же *ia* непоследовательно реализовался в позиции после консонантов *s* и *dz*, где часто выступал *á*. Это явление было обусловлено индивидуальной интерпретацией Л. Штуром консонантной системы словацкого литературного языка. По мнению кодификатора, согласные *s* и *dz* являлись средними, то есть не твердыми и не мягкими [15]. Вследствие этого в одних грамматических формах после них представлен дифтонг *ia* (графически *ja*), а в других — долгий монофтонг *á*: «Им. падеж мн. числа оканчивается долгим гласным, например *srđcá, vtescá, plescá* (*plese*), однако если предшествует долгий гласный, сокращается; например, *líse* в им. падеже множествен-

ного числа *lísa* и так далее. Так и в других падежах. *Vajse* имеет форму *vajcja*, как и в других падежах: *vajcjam* в дательном, *vajcjach* в предложном... Подобные окончания часто имеют и другие существительные, оканчивающиеся на *se*, например, *plescja, vtescja, plescjach, vtescjach* и так далее» [15. С. 206–207]. Казалось бы, что он все же склоняется к рекомендации употреблять формы с дифтонгом, поскольку пишет, что у некоторых глаголов долгое *a* “растворяется” в *ja*, например, в форме *vtacjam*, тогда как форма *vtacam* “режет словакам слух” [Štúr http://www.juls.savba.sk/ediela/nrs/nauka_reci_slovenskej.html]. Тем не менее он сам употребляет обе названные формы, образованные от одних и тех же слов: *vtacja sa* (NRS); *obracjam* (NRS) — ... *vtacá, sa obracá* (NRS). Ср. другие примеры: *Vo spojeních obcáh sú straňiva vojni s Mexicom pre spojeňje Texasa so spojenými obcami bez starosti* (SNN); *srđcá* (NS); *cudzá* (NRS) — *snadňejšia* (NS); *stojacja* (NRS); *prevracjam* (NRS).

Дальнейшая судьба дифтонгов в словацком литературном языке

Существенные изменения в отражении дифтонгов в словацком литературном языке представлены в анонимно¹ изданной «Краткой словацкой грамматике» [9], положившей конец языковому разделению словаков по конфессиональному признаку. Наряду с кодифицированными Л. Штуром тремя вышеназванными дифтонгами принадлежностью фонетической системы словацкого литературного языка становится также дифтонг *iu*. Изменяется графическое изображение этих дифтонгов: в штуровских диграфах *je* и *ja* графема *j* была заменена на *i*, а вместо диграфа *uo* была введена графема *ô*. Кроме того, вследствие кодификации парадигмы склонения прилагательных и причастий твердой разновидности путем замены дифтонга *ie* долгим гласным *é* во флексиях этот долгий гласный стал полноправным членом фонологической системы словацкого литературного языка, хотя и ограниченно функционирующим. Ранее он таковым не являлся, поскольку

¹ Автором «Краткой словацкой грамматики» был католик М. Гаттала, который учел в кодификации некоторые предложения протестанта М. М. Годжи. Анонимно она была издана для того, чтобы показать, что грамматика имеет общеобязательный характер для всех словаков, а не является точкой зрения одного автора. Этот момент был подчеркнут также тем, что введение к ней подписали три представителя католиков и три представителя протестантов.

был представлен всего лишь в одной лексеме словацкого происхождения (*dcéra* ‘дочь’). Ср. род. пад. ед. ч. *dobrieho* (*krásneho*) = *cudzieho* (*sviežeho*) (Штур); *dobrého* (*krásneho*): *cudzieho* (*sviežeho*)¹ (Гаттала). В остальном кодификация дифтонгов 1852 г. в целом соответствует современной.

На практике, однако, встречались отклонения от кодификации, когда на месте дифтонга находим долгий монофтонг. Ср. примеры из газеты «Католические новости» 1889–1890 гг.:

Keď objaviteľ Ameriky, Kolumbus, vkročil na cudzú (совр. *cudzíu*) *pôdu, vztýčil na nej zástavu sv. kríža; Z tej istej príčiny ďalej je Cirkvi, jakokoľvek ona na vlastné svoje práva žiarlivá je, každé cudzé* (совр. *cudzie*) *právo úctyhodné a sväté; Preto vo svojich vlastných záležitostiach a v medziach* (совр. *mediach*) *svojími obzvláštnymi cieľami vykázaných nie je žiadna podrobená druhej; lež do našej čistej slovenčiny dielka tieto prepracujem a môj jednania spôsob silnými dôkazy odúvodním* (совр. *odôvodnením*).

Впоследствии кодификация дифтонгов оставалась практически без изменений, а в первые десятилетия XX в. стабилизировалось и их употребление на письме. При этом сохраняются некоторые аномальные грамматические формы и огласовки слов, в которых результаты ожидаемой дифтонгизации не отражены². Кроме уже названного аномального отклонения в употреблении дифтонга *ie* в парадигмах склонения прилагательных и причастий с твердым согласным в конце осно-

¹ В скобках даны формы, отражающие ритмическое сокращение долгого гласного.

² В данном случае речь идет о собственно словацких и славянских лексемах, поскольку в лексемах, заимствованных из других языков, результаты процесса дифтонгизации долгих гласных, как правило, не представлены. Ср. примеры: *extrém* ‘крайность’, *portrét* ‘портрет’, *európsky* ‘европейский’, *chlór* ‘хлор’.

вы, а также в лексеме *dcéra*, более многочисленные “сбои” обнаруживаются в отражении дифтонга *ia*, выступающего после функционально мягких согласных. Нарушения затрагивают как морфологические формы, так и словообразовательные модели. Так, долгое *á* фиксируется в отдельных формах родительного падежа множественного числа существительных после функционально мягкого согласного в конце основы: *šach-ta* — *šácht* ‘шахта — шахт’. Отсутствует дифтонг *ia* также в некоторых широко употребляемых в разговорной речи лексемах чешского или венгерского происхождения: *fešák* ‘франт’, *náklad-ďák* ‘грузовик’, *beťár* ‘озорник’; ср.: *vojak* ‘солдат’, *nákladniak* ‘грузовик’.

Итак, дифтонги в словацком литературном языке имеют длительную и довольно сложную историю. Начиная проникать а памятники словацкой письменности уже в древности, они закрепились в нем в полной мере на уровне кодификации только во второй половине XIX в., а на уровне функционирования — в первые десятилетия XX в. Процесс проникновения и дальнейшего закрепления дифтонгов в вокалической системе словацкого литературного языка коррелирует со степенью их распространенности в словацких диалектах. Так, первым был кодифицирован дифтонг *ie*, в наибольшей степени представленный в словацких диалектах, а последним — дифтонг *iu*, представленный в них минимально.

Использованные сокращения

NRS — Štúr Ľ. *Nauka reči slovenskej*. — http://www.juls.savba.sk/ediela/nrs/nauka_reci_slovenskej.html.

NS — Štúr Ľ. *Nárečja Slovenskuo alebo potreba písania v tomto nárečí*. — V Prešporku, 1846. — http://www.juls.savba.sk/ediela/narecja_slovenskuo/.

SNN — *Slovenskije národňje novini*, 1845, č. 12.

Список литературы

1. Лифанов, К. В. Эволюция языка «Елшавской городской книги» 1566–1710 гг. и т. наз. культурный среднесловацкий язык / К. В. Лифанов // *Zeitschrift für slavische Philologie*, Band 58. — 1999. — Heft 2. — С. 151–170.
2. Лифанов, К. В. Генезис словацкого литературного языка. *LINCOM Studies in Slavic Linguistics* 21 / К. В. Лифанов. — Muenchen, 2001. — 234 с.
3. Лифанов, К. В. Метаморфозы кодификации А. Бернолака / К. В. Лифанов // *Zeitschrift für slavische Philologie*, Band 69. — 2012/2013. — Heft 2. — С. 247–280.
4. Лифанов, К. В. Проблема диалектной основы словацкого литературного языка, кодифицированного А. Бернолаком / К. В. Лифанов // *Славяноведение*. — 2013. — № 1. — С. 83–90.

5. Степанов, Г. В. Социально-функциональная дифференциация литературного языка Испании и Латинской Америки / Г. В. Степанов // Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. — М., 1977. — С. 27–40.
6. Толстой, Н. И. Slavia Orthodoxa и Slavia Latina — общее и различное в литературно-языковой ситуации (опыт предварительной оценки) / Н. И. Толстой // Вопр. языкознания. — 1997. — № 2. — С. 16–23.
7. Bernolák, A. Grammatica slavica / A. Bernolák // Gramatické dielo Antona Bernoláka. Na vydanie pripravil a preložil Juraj Pavelek. — Bratislava, 1964. — S. 114–424.
8. Krajčovič, R. K problematike formovania kultúrnej západoslovenčiny / R. Krajčovič // Sborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Philologica, 14. — 1962. — S. 67–101.
9. Krátka mluvnica slovenská. — Prešporok, 1852. — 61 s.
10. Lifanov, K. Vývin jazyka Levočských prísazných formúl zo 16–19. storočia / K. Lifanov // Nová filologická revue. — 2010. — 2. — Č. 3. — S. 120–130.
11. Pauliny, E. Dejiny spisovnej slovenčiny. I. Od začiatkov až po Ľudovíta Štúra / E. Pauliny. — Bratislava, 1971. — 136 s.
12. Porák, J. Humanistická čeština / J. Porák. — Praha, 1979. — 171 s.
13. Porák, J. K jazykovým vztahům češtiny a slovenštiny ve starším období / J. Porák // Acta Universitatis Carolinae. Philologica 4–5, Slavica Pragensia. XXV. — Praha, 1982. — S. 175–186.
14. Štúr, L. Nauka reči slovenskej / L. Štúr. — V Prešporoku, 1846. — URL: www.juls.savba.sk/ediela/nrs/.
15. Štúr, L. Náuka reči slovenskej / L. Štúr // L. Štúr. Dielo v piatich zväzkoch. Zväzok V. Slovenčina naša. — Bratislava, 1957. — S. 153–253.

Сведения об авторе

Лифанов Константин Васильевич — доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Москва, Россия. lifanov@hotmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 4 (414). *Philology Sciences. Iss. 112. Pp. 120–126.*

DIPHTHONGS IN THE HISTORY OF THE SLOVAK LITERARY LANGUAGE

K. V. Lifanov

Moscow State University Lomonosov, Moscow, Russia

A characteristic feature of the Slovak literary language are the four rising diphthongs, which immediately became accessory of his phonological system not at once. The process of their penetration and further stabilization in Slovak literary language took place not at the same time, and just it is the subject of this article. The specific features of their functioning are also focused in this paper.

Keywords: *Slovak literary language, codification, rising diphthongs, undiphthongic character, graphics.*

References

1. Lifanov K.V. Evol'ucija jazyka «Jelshavskoj gorodskoj knigi» 1566–1710 gg. i t. naz. kul'turnyj sredneslovenskij jazyk [Evolution of language of «Yelshava town cronicle» 1566–1710 and so called cultured central Slovakian. *Zeitschrift für slavische Philologie*, Band 58, 1999, Heft 2. Pp. 151–170. (In Russ.).
2. Lifanov K.V. Genezis slovacckogo literaturnogo jazyka [Genezis of the Slovak literary language]. *LINCOM Studies in Slavic Linguistics 21*. Muenchen, 2001. 234 p. (In Russ.).
3. Lifanov K.V. Metamorfozy kodifikacii A. Bernolaka [Metamorphoses of A. Bernolak's codification]. *Zeitschrift für slavische Philologie*, Band 69. — 2012/2013, Heft 2. Pp. 247–280. (In Russ.).
4. Lifanov K.V. Problema dialektnoj osnovy slovacckogo literaturnogo jazyka, kodificirovannogo A. Bernolakom [The problem of dialectal base of the Slovak literary language codified by A. Bernolak]. *Slavjanovedenie* [Slavic studies], 2013, no. 1, pp. 83–90. (In Russ.).

5. Stepanov G.V. Social'no-funkcional'naja differenciacija literaturnogo jazyka Ispanii I Latinskoj Ameriki [Social and functional differentiation of the literary language of Spain and Latin America]. *Social'naja i funkcional'naja differenciacija literaturnyh jazykov* [Social and functional differentiation of literary languages]. Moscow, 1977. Pp. 27–40. (In Russ.).
6. Tolstoj N.I. Slavia Orthodoxa i Slavia Latina — obshchee i razlichnoe v literaturno-jazykovej situacii (opyt predvaritel'noj ocenki) [Slavia Orthodoxa and Slavia Latina — similarities and differences in literary-language situation (preliminary assessment of the experience)]. *Voprosy jazykoznanija* [Questions of linguistics], 1997, no. 2, pp. 16–23. (In Russ.).
7. Bernolák A. Grammatica slavica. *Gramatické dielo Antona Bernoláka*. Na vydanie pripravil a preložil Juraj Pavelek. Bratislava, 1964. Pp. 114–424. (In Slovak).
8. Krajčovič R. K problematike formovania kultúrnej západoslovenčiny. *Sborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Philologica*, 14, 1962. Pp. 67–101. (In Slovak).
9. *Krátká mluvnica slovenská*. Prešporok, 1852. 61 p. (In Slovak).
10. Lifanov K. Vývin jazyka Levočských prisažných formúl zo 16–19. storočia. *Nová filologická revue*, 2, 2010, č. 3. Pp. 120–130. (In Slovak).
11. Pauliny E. *Dejiny spisovnej slovenčiny*. I. Od začiatkov až po Ľudovíta Štúra. Bratislava, 1971. 136 p. (In Slovak).
12. Porák J. *Humanistická čeština*. Praha, 1979. 171 p. (In Czech).
13. Porák J. K jazykovým vztahům češtiny a slovenštiny ve starším období. *Acta Universitatis Carolinae. Philologica* 4–5, Slavica Pragensia. XXV, Praha, 1982. Pp. 175–186. (In Czech).
14. Štúr L. *Nauka reči slovenskej*. V Prešporoku, 1846. Available at: www.juls.savba.sk/ediela/nrs/. (In Slovak).
15. Štúr Ľ. *Náuka reči slovenskej*. Ľ. Štúr. *Dielo v piatich zväzkoch. Zväzok V. Slovenčina naša*. Bratislava, 1957. Pp. 153–253. (In Slovak).

УДК 81
ББК 81

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В МАТЕРИАЛАХ РУБРИКИ «POLITICS» ЖУРНАЛА «TIME»

Т. Ю. Ма, А. Е. Козлова

Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия

В статье представлены результаты исследования, которое было проведено на материале публикаций журнала «Time», рубрика «Politics», датируемых 2015–2016 гг., с целью получения информации об особенностях использования прецедентных феноменов в текстах СМИ политической тематики. Прецедентные феномены рассматриваются как основные составляющие когнитивной базы американского лингвокультурного сообщества и как элементы лингвопрагматического уровня американской языковой личности.

Ключевые слова: *прецедентные феномены, когнитивная база, лингвокультурное сообщество, языковая личность.*

Изучение особенностей использования прецедентных феноменов в разных видах дискурса, текстах разных функциональных стилей, произведениях одного или нескольких авторов на материале русского и иностранных языков ведется сегодня в отечественной науке достаточно активно, позволяя выявлять наиболее значимые элементы когнитивной базы определенного лингвокультурного сообщества, ее ядерные и периферийные зоны, а также специфику лингвопрагматического уровня языковой личности.

Целесообразность проведения исследований такого рода обусловлена необходимостью формирования у потенциальных участников диалога культур соответствующих представлений о когнитивных базах друг друга, их структуре и содержании: ядерной и периферийной зонах, а также формирующем каждую из них корпусе прецедентных феноменов. В первую очередь, вербальных или поддающихся вербализации прецедентных феноменов, которые обладают особым познавательным и эмоциональным потенциалом для языковой личности. Феноменам, апелляции к которым являются предпочтительными в определенной ситуации общения, которые будут правильно восприняты другими участниками коммуникации и могут способствовать повышению ее эффективности.

Исследование, результаты которого представлены в статье, проводилось на материале публикаций журнала «Time» 2015–2016 гг. Прецедентные феномены, выявленные в ходе анализа текстов рубрики «Politics», функционируют как важнейшие элементы когнитивной базы американского

лингвокультурного сообщества — той ее части, которая коррелирует с политической сферой жизни общества, — и определяют специфику лингвопрагматического уровня современной американской языковой личности.

Журнал «Time» — одно из самых авторитетных изданий СМИ США, а также крупнейшего в мире холдинга в области средств массовой информации *Time Warner*, что обуславливает высокую степень достоверности информации о прецедентных феноменах, которая может быть извлечена в ходе анализа материала и экстраполирована на «политический» фрагмент когнитивной базы американского сообщества.

«Time» — это не только первый в мире новостной еженедельник, являющийся одним из самых популярных в стране. Название журнала отражает саму идею компрессии при передаче информации: «Take Time — It's Brief» — слоган, убеждающий читателя, что он сможет узнать максимум новостей за минимально короткий промежуток времени. В этом смысле употребление прецедентных феноменов позволяет автору добиться необходимой экспрессивности сообщения при его максимальной лаконичности.

Авторам медиатекстов в англоязычных странах законодательно запрещено давать какую-либо оценку событиям, освещаемым в новостном материале. Тем не менее подобный запрет не лишает журналистов возможности давать им косвенную характеристику посредством использования стилистических средств, а также имеющих «двойное кодирование» — в языке и культуре — прецедентных феноменов. Персонализация

новостей, их оценочная квалификация достигается во многом благодаря употреблению прецедентных имен, высказываний, упоминанию ситуаций и текстов, выполняющих в сообщении соответствующие функции: воздействия, моделирующая, оценки, эвфемизации, детериоризации.

Апелляция языковой личности к какому-либо прецедентному феномену, как правило, прагматически обусловлена и осуществляется с целью оказания воздействия на читателя за счет усиления оценочной составляющей сообщения, повышения образности речи, ее экспрессивности и доказательности. Одновременно с этим реализуется парольная функция, позволяя адресанту обращаться к «посвященным» лицам, для которых данный прецедент транслирует значимую в эмоциональном и когнитивном плане информацию, к тем, кто имеет общую с автором когнитивную базу.

Материалом проведенного исследования послужили публикации одного из самых известных журналистов, работающих в «Time», — Зики Миллера (Zeke J. Miller). Выбор автора и его публикаций был обусловлен рядом факторов. Во-первых, З. Миллер работает политическим репортером в «Time» с 2013 г. Ранее он являлся первым репортером-представителем Белого Дома в новостной Интернет-медиа компании *BuzzFeed*, на новостном портале *Business Insider*, а также освещал политические события в качестве члена редакции независимой студенческой газеты Йельского университета, который он окончил, — *Yale Daily News*. Во-вторых, в архиве электронной версии журнала «Time» числится более шести тысяч статей З. Миллера на политическую тематику. Около 70 % из них имеют пометы «medium» и «large», что позволяет активно использовать прецедентные феномены благодаря наличию большого текстового пространства (в отличие от коротких новостных сообщений с пометкой «short»). В-третьих, в современных реалиях о популярности определенного автора среди массовой аудитории может свидетельствовать и количество его подписчиков в различных социальных сетях. Так, например, в *Twitter*, одном из самых посещаемых сайтов в мире, число людей, подписанных на страницу Зики Миллера, составляет более 85 тысяч человек. В социальной сети *LinkedIn*, предназначенной для поиска и установления деловых контактов по всему миру, профиль «Зики Миллер» включен в список 25 лучших профилей сотрудников Интернет-журнала «Time Magazine». Таким образом, статьи

З. Миллера могут рассматриваться как образцовые для формирования корпуса прецедентных феноменов в текстах СМИ политической направленности, определения его ядерных и периферийных элементов, экстраполяции полученных данных на лингвопрагматический уровень коллективной языковой личности.

Напомним, что самым освещаемым событием в политической сфере в период с октября 2015 г. по май 2016 г. были президентские выборы в США. Журналисты внимательно следили за ходом политической гонки, уделяя особое внимание Республиканской партии США, в частности, ее главному кандидату — Дональду Трампу.

Выдвижение Д. Трампа на предстоящие президентские выборы в 2016 г. не было принято Великой Старой Партией всерьез. Республиканский национальный комитет не предполагал, что американцы могут поддерживать скандального кандидата и обеспечить ему лидирующие позиции в гонке за место кандидата на пост президента от Республиканцев. Тем не менее, когда стало понятно, что у Д. Трампа значительный перевес голосов избирателей, руководство партии начало принимать все возможные меры, чтобы не допустить его окончательной победы.

В первую очередь республиканцы увеличили финансирование президентской кампании Теда Круза — главного однопартийного конкурента Д. Трампа. Консервативно настроенные республиканцы объединились в движение #NeverTrump в социальных сетях (Stop Trump Movement, anti-Trump Movement). Некоторые даже решились на поддержку кандидата от Демократической партии, которая исторически является главным политическим соперником республиканцев. Таким образом, в Великой Старой Партии произошел раскол, о чем и написал в своей статье Зики Миллер: республиканцы решали, кто из них готов примириться с Д. Трампом в качестве кандидата от партии, кто с двойным усилием продолжает работать над продвижением кампании *Stop Trump Movement*. Подобная несогласованность партийной политики, отражающаяся в хаотичных и лихорадочных попытках решить проблему, была охарактеризована Зики Миллером в заголовке данной статьи как гражданская война: «Civil War»: «Welcome to the GOP Civil War».

Использование прецедентного феномена в заголовке статьи помогает автору выделить ее среди множества других в новостной ленте, прово-

цирует необходимый интерес у адресанта благодаря возникающей в процессе чтения «интриге», усиливает воздействующую функцию сообщения в целом.

Национально-прецедентный феномен — Гражданская война 1861–1865 гг. — использован автором с целью сравнения вооруженного противостояния Севера и Юга США с расколом между членами Республиканской партии, которые не могут договориться о единой линии поведения в отношении Дональда Трампа. Возможно, автор хотел подчеркнуть значимость такого раскола для Республиканцев. Разобщенность однопартийцев могла привести к очень серьезным последствиям: если в результате несогласованности действий Д. Трамп станет следующим президентом США, Республиканская партия столкнется со многими политическими проблемами, созданными таким непоследовательным и непредсказуемым лидером.

В следующей статье автором был использован прецедентный феномен для описания сложившейся в ходе президентской кампании ситуации в рядах Демократической партии. Несмотря на сильное отставание в количестве голосов делегатов от Х. Клинтон, команда Берни Сандерса настаивала на продолжении его участия в гонке, объясняя это тем, что наличие двух кандидатов от демократов поможет Х. Клинтон обогнать лидера Республиканской партии Д. Трампа, а также предоставит избирателям право выбора: «*Sanders' strategists also maintained that the hunt for the Democratic nomination wasn't "a matter of delegate arithmetic", when that's precisely what it is — and he's behind the 8-ball*».

Комментируя утверждение команды Б. Сандерса о том, что гонка за номинацию от Демократической партии никогда не сводилась лишь к вопросу о количестве голосов делегатов, Зики Миллер подчеркивает, что именно в этом заключается суть президентской кампании, и Б. Сандерс потерпел в этой гонке поражение. Для того чтобы образно описать провал политической кампании Б. Сандерса, журналист прибегает к использованию прецедентного высказывания «behind the 8-ball».

Выражение «behind the 8-ball» часто встречается в речи любителей бильярда. В «Пуле-8» игра ведется с помощью пятнадцати шаров, семь из которых «цельные» разноцветные, семь — «полосатые» разноцветные, один черный шар — с номером 8. Цель игры заключается в необходимости

забить сначала все шары своей группы, а затем забить шар № 8, опередив соперника.

Считается, что забить данный шар сложнее, чем все остальные, из-за его цвета. Очертания черного шара не так ясно видны, особенно если шар № 8 находится в тяжело доступной для удара позиции или далеко от шара-битка, с помощью которого игроки бьют по прицельным шарам. Профессиональные игроки стараются избегать подобных раскладов в игре. Поэтому значение данного прецедентного высказывания интерпретируется как «быть в беде», «быть загнанным в угол», «попасть в тупиковую ситуацию».

Данный прецедентный феномен образно характеризует ситуацию, в которой оказался Б. Сандерс, и усиливает отрицательный оценочный смысл сказанного: кандидат попал в невыгодное положение в политической игре, и у него нет возможности набрать необходимое количество голосов делегатов, чтобы победить своего соперника — Хиллари Клинтон.

Помимо функции воздействия, которую выполняет прецедентный феномен, можно говорить и о реализации парольной функции, так как неподготовленный читатель, скорее всего, не сможет декодировать информацию, содержащуюся в высказывании. Широкую популярность «Пул-8» получил в США, но не за их пределами. Недаром эта игра иначе называется «американский пул», создателем которой в конце XIX в. стал американец Майкл Фелан. Вероятно, З. Миллер предполагал, что большинство его читателей имеют хотя бы базовые представления об этой игре и могут понять смысл сказанного и интенцию автора.

В ряде публикаций Зики Миллера можно встретить прецедентные феномены, источником которых является художественная литература. Например, в статье «*Ted Cruz Fights Alongside Donald Trump in Florida to Sink Marco Rubio*» используется название романа американского писателя Уильяма Стайрона «Выбор Софи»: «*But in forcing the party to choose between himself and Trump, Cruz is already seeing signs that his Sophie's choice for the GOP establishment will pay off*».

«*Sophie's choice*» («Выбор Софи») — художественное произведение, в котором повествуется о страшной трагедии, которая произошла в жизни главной героини, польке по происхождению, Софи Завистовской. Многие годы она скрывала от близких тот факт, что в период Второй мировой войны попала в лагерь «Освенцим» вместе со своими детьми, дочерью Евой и сыном Яном.

Когда заключенных распределяли по газовым камерам, нацисты заставили женщину решать, кому из детей сохранить жизнь, а кого отправить умирать. Мольбы не помогли спасти обоих детей, и Софи пришлось сделать выбор: сын остался с матерью, а дочь увели в камеру смертников.

По версии издательства «Modern Library», роман «Выбор Софи» попал в список 100 лучших произведений XX века. В 1982 г. он был экранизирован с одноименным названием, которое стало использоваться для выражения ситуации, когда человек вынужден сделать невероятно сложный выбор, который в любом случае означает выбор «из двух зол».

Тактика борьбы Теда Круза за место кандидата в президенты от республиканцев состояла в период предвыборной кампании в исключении Марко Рубио из гонки, для того чтобы свети количество кандидатов к двум — Т. Круза и Д. Трампа. С помощью данных действий Тед Круз надеялся вынудить руководство Республиканской партии поддержать его кандидатуру и сплотиться вокруг него, чтобы не допустить возможности победы Д. Трампа.

Согласно плану Т. Круза, в случае наличия только двух кандидатов руководству республиканцев ничего не останется, кроме как сделать ставки на него. Высшее руководство Республиканской партии не хотело видеть Т. Круза в качестве своего кандидата, но эксцентричный и неподвластный чужому влиянию Д. Трамп пугал их гораздо сильнее, поэтому им бы пришлось выбрать «меньшее из двух зол».

Данный прецедентный текст является яркой иллюстрацией реализации функций воздействия и детериоризации, то есть усиления отрицательной оценочной составляющей сообщения за счет апелляции к соответствующему образу или стереотипу. Произведение Уильяма Стайрона хорошо знакомо среднему современному образованному человеку, а факт экранизации романа, которой была присуждена премия Оскар, в несколько раз увеличивает количество людей, способных распознать этот прецедентный феномен и правильно интерпретировать авторский замысел.

Для привлечения внимания читателя Зики Миллер иногда использует структурные трансформации известных цитат и устойчивых выражений, благодаря чему они становятся более экспрессивными. Так, например, в двух статьях были найдены примеры модификации знакомого всем американцам выражения «Happy New Year»:

«**Happy Super Tuesday!**» и «**Happy New Hampshire Primary Day**». Данные прецедентные высказывания располагаются под заголовками и выделены полужирным шрифтом, поэтому заметны сразу после перехода на страницу с текстом новостного сообщения.

Сравнение предварительных выборов с новогодним торжеством придает тексту юмористический оттенок, помогает автору расположить к себе адресата сообщения. Тематику новогодних сюрпризов и подарков можно проследить в первых предложениях статей: «The largest chunk of delegates up for grabs in both parties will be *awarded* Tuesday in what will likely be a pivotal day in the race» — кандидаты обеих ведущих партий будут «награждены» шансом заполучить наибольшее количество голосов делегатов. «More than 20 percent of Granite State voters *woke up* Tuesday unsure of whom they would vote for — one of the two *mysteries* of primary day» — Зики Миллер сравнивает избирателей штата Нью-Хэмпшир с детьми, проснувшимися в ожидании чего-то важного, особенного и мистического.

Важно уточнить, что публикации на тему президентской кампании стали появляться в журнале «Time» задолго до ее официального начала. Пристальное внимание журналистов приковывали к себе политики, которые один за другим объявляли о своем намерении участвовать в предвыборной гонке.

Главной победой республиканцев в 2014 г. стали выборы в Сенат США, в которых они заняли более половины мест впервые с 2006 г. обойдя демократов. Однако, по мнению Зики Миллера, данная победа могла в будущем поставить перед Республиканской партией ряд серьезных проблем. На борьбу с демократами республиканцы потратили около миллиарда долларов, но при этом вся их политическая кампания опиралась лишь на привлечение белых избирателей, в то время как другая, не менее многочисленная группа избирателей — испаноязычный электорат и молодые женщины — были привлечены на сторону демократов. «Yet for all this success, the midterms may prove a **pyrrhic victory** for the Republican Party», — так журналист описал успех республиканцев на выборах в Сенат.

По уровню прецедентности высказывание «пиррова победа» является универсальным, и у читателя не возникает проблем с его идентификацией. Такое образное сравнение также мотивирует читателя просмотреть статью до конца,

чтобы уточнить, что именно имел в виду автор, употребляя данное выражение. В этом заключается воздействующая функция прецедентного феномена. Функция детериоризации — усиления негативной оценки с целью усиления экспрессивности высказывания, которую выполняет в тексте прецедентный феномен, позволяет автору почти открыто выразить свое мнение о политике Республиканской партии.

Подводя итог сказанному, уточним, что общее количество найденных прецедентных феноменов составило 366 единиц в 241 статье: 204 денотативно и 162 коннотативно использованных прецедентных феномена. Денотативно использованные прецедентные феномены встретились в 187 статьях (51 % от общего числа), главная их функция — номинативная, без выделения каких-либо дифференциальных признаков, характерных для прецедентного феномена. Почти 90 % денотативно использованных прецедентных феноменов являются национально-прецедентными, значимыми в когнитивном и эмоциональном отношении для американцев как членов одного лингвокультурного сообщества, носителей одного языка и культуры.

Коннотативно использованные прецедентные феномены, которые представляли основной интерес для данного исследования, поскольку обладают особым прагматическим потенциалом, были найдены в 117 статьях — 32 % от общего числа. Прецедентные феномены вводились автором в текст в первую очередь для актуализации оценочного смысла высказывания, преимущественно отрицательного, детериорированного, оказания эмоционального воздействия на адресата, моделирования его представлений о политической ситуации в стране, а также, вероятно, для установления интеллектуального контакта с потребителями текстов СМИ, поиска «своей» читательской аудитории.

В большинстве случаев З. Миллер использовал в своих публикациях прецедентные имена — 67 %. На долю остальных видов прецедентов приходится, соответственно, 33 %. Данный факт обусловлен, с одной стороны, характером материала исследования — политические события всегда ассоциативно связаны с личностью, а во-вторых, имена легче идентифицировать и дешифровать в процессе чтения. Они, как правило, графически выделены по сравнению с другими видами прецедентных феноменов в тексте, обладают яркой образностью и часто статусом символа.

Что касается уровней прецедентности, то универсально-прецедентные феномены преобладают в текстах статей над национально-прецедентными и социумно-прецедентными: 73 % и 27 % соответственно. Журналисты, ориентируясь на массовую аудиторию, стараются использовать в своих статьях те прецеденты, которые могут быть распознаны большим количеством читателей, в том числе из разных стран. В связи с тем, что английский язык является сегодня одним из самых распространенных в мире, а также благодаря широкому доступу к сети Интернет, читательская аудитория электронных версий известных изданий с каждым днем становится все больше, что приходится учитывать журналистам при подготовке публикации.

Тем не менее национально-прецедентные и социумно-прецедентные феномены встречаются в статьях Зики Миллера тоже часто. Во многом это обусловлено фактом освещения событий, происходящих в политической жизни внутри страны, а не за рубежом, и целевой аудиторией издания выступают в первую очередь жители Соединенных Штатов. Автор признает себя членом той же нации, социума, к которым принадлежат читатели, и поэтому обращается к тем прецедентным феноменам, которые входят в общую для них когнитивную базу и формируют общий для всех лингвопрагматический уровень языковой личности.

З. Миллер редко использует структурные трансформации прецедентных феноменов (не более 7 % от общего количества выявленных прецедентов), потому что это затрудняет восприятие и понимание текста. Тем не менее необходимо признать, что структурные трансформации прецедентных феноменов повышают их экспрессивный потенциал, способствуют появлению дополнительных оценочных коннотаций, формируют особенности стиля и специфику языковой личности автора.

Только 6 % прецедентных феноменов, выявленных в ходе исследования, использованы в заголовках к статьям. Несомненно, включить прецедентный феномен в контекст повествования намного легче, чем подобрать подходящий прецедент для заголовка, в котором должна быть отражена главная тема новостного сообщения, и при этом соблюдено такое требование к его созданию, как лаконичность.

На основании проведенного исследования можно также сделать вывод о том, какие прецедентные

феномены входят в ядерную и периферийную части когнитивной базы Зики Миллера как языковой личности и когнитивной базы американского лингвокультурного сообщества как репрезентанта коллективной языковой личности.

Основными сферами-источниками прецедентов в статьях стали «политика» — 31 %, «история» — 29 %, «религия» — 16 %. На долю других сфер-источников в совокупности приходится 24 %.

Все это свидетельствует о том, что для читателей журнала «Time», экстраполируя полученные в ходе исследования статей рубрики «Politics» данные на аудиторию издания в целом, особым познавательным и эмоциональным потенциалом обладают прецедентные феномены, ассоциативно связанные с историей США, событиями, которые оказали непосредственное влияние на становление нации и формирование американской языковой личности. Прецедентные имена, ситуации, тексты, высказывания, источником которых служат названные сферы общественной жизни, подобно образам-стимулам оказывают непосредственное влияние на восприятие действительности носителями языка, ее оценки, интерпретации, моделирования.

Таким образом, к ядру когнитивной базы целесообразно отнести те единицы прецедентного характера, сферами-источниками которых выступают история, политика и религия как сферы общественной жизни. Среди наиболее часто встречающихся в материалах статей прецедентных феноменов можно назвать имена политических деятелей, в первую очередь президентов США — Авраам Линкольн, Рональд Рейган, Ричард Никсон, значимые исторические события — «Civil war», «September 11 attacks», «Cold war», цитаты из Библии. При этом использование в статьях Зики Миллера прецедентов, источником которых выступают различные религиозные учения, доказывает важность этой сферы общественной жизни для американцев независимо от их вероисповедания.

Прецедентные феномены, относящиеся к периферийной зоне когнитивной базы, заимствуются автором из таких сфер-источников как «художественная литература», «мифология», «фольклор», «спорт», «индустрия развлечений», «компьютерные игры». Автор обращается к самым разным событиям, происходящим в жизни звезд кино

и шоу-бизнеса, — на шумевшим историям с их участием, скандалам, которые стали достоянием общественности, — а также к литературным сюжетам, образам персонажей, хорошо знакомых массовому читателю и зрителю.

Очевидно, что выбор материалов рубрики «Politics» для проведения исследования предопределил частотный характер апелляций к прецедентным феноменам сфер-источников «политика», «история», «религия», однако полученные данные подтверждают несомненную значимость такой области общественной жизни для формирования коллективной языковой личности, как национальная история.

Говоря о динамике использования прецедентных феноменов, можно отметить факт увеличения их количества в 2016 г. (42 %) по сравнению с 2015 г. (33 %). С октября 2015 г. в прессе активно начала освещаться президентская кампания 2016 г. Среди публикаций Зики Миллера появилось больше статей аналитического характера, в которых автор использовал прецедентные феномены для имплицитного выражения оценки происходящих событий. Кроме этого, в 2016 г., по сравнению с 2015 г., увеличилось количество статей в рубрике «Politics» других обозревателей, что могло повлиять на желание журналиста сохранить и приумножить читательскую аудиторию посредством коннотативного использования таких экспрессивных языковых средств, как вербальные и поддающиеся вербализации прецедентные феномены.

В заключение важно еще раз подчеркнуть, что в отечественной науке изучение особенностей использования прецедентных феноменов на разнообразном языковом материале ведется достаточно давно, но это ни в коем случае не умаляет значимость исследований подобного рода для развития теории межкультурной коммуникации, теории прецедентности, теории языковой личности. Кроме того, динамический характер состава прецедентных феноменов, который меняется вслед за происходящими в обществе событиями, обуславливает дальнейшее неизбежное обращение к ним в практике преподавания иностранных языков, в процессе формирования межкультурной компетенции обучающихся, их адаптации к коммуникации в условиях глобального мира.

Список литературы

1. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — М., 1987. — 264 с.
2. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. — М., 2003. — 357 с.
3. Ма, Т. Ю. Американская языковая личность в культурно-историческом пространстве США / Т. Ю. Ма. — Благовещенск, 2011. — 204 с.
4. Ма, Т. Ю. Прецедентные феномены в заголовках статей американских и британских СМИ (на материале англоязычных сайтов Интернет) / Т. Ю. Ма, Э. Н. Казанцева // Вестн. Амур. гос. ун-та. — 2012. — Вып. 56. — С. 102–107.
5. Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации : монография / Е. А. Нахимова. — Екатеринбург, 2007. — 207 с.
6. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний / Д. В. Багаева, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. — 1997. — № 4. — С. 106–118.
7. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов / Г. Г. Слышкин. — М., 2000. — URL: http://window.edu.ru/resource/886/66886/files/slyshkin_linguokulturnye_koncepty.pdf.
8. «Time». — URL: <http://time.com/magazine/>.

Сведения об авторах

Ма Татьяна Юрьевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры перевода и межкультурной коммуникации, Амурский государственный университет. Благовещенск, Россия. tdovnar@mail.ru

Козлова Анна Евгеньевна — магистрант кафедры перевода и межкультурной коммуникации, Амурский государственный университет. Благовещенск, Россия. tdovnar@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 4 (414). *Philology Sciences. Iss. 112. Pp. 127–134.*

PRECEDENT PHENOMENA IN THE SECTION “POLITICS” OF “TIME” MAGAZINE

T. Yu. Ma

Amur State University, Blagoveshensk, Russia. tdovnar@mail.ru

A. Y. Kozlova

Amur State University, Blagoveshensk, Russia. tdovnar@mail.ru

The article deals with precedent phenomena mentioned in the “Time” publications, in the section “Politics”, dated back to the years of 2015–2016. Counted is the number of precedent phenomena used by the author in the «medium» and «large» kinds of articles. Analyzed are types, levels, functions and “sphere-sources” of precedent phenomena. Precedent phenomena as main constituents of that part of “cognitive base” which is corresponded to the political life of American society were divided into core and peripheral elements. Precedent phenomena of the base core zone have special emotional and cognitive potential and are considered of utmost importance for the American language personality when speaking about politics and national history.

Keywords: *precedent phenomena, cognitive base, ethnic community, language personality.*

References

1. Karaulov Yu.N. *Russkiy yazik i yazikovaya lichnost* [The Russian language and Russian language personality]. Moscow, 1987. 264 p. (In Russ.).
2. Krasnykh V.V. “*Svoy*” *sredy* “*chuzhykh*” : *mif ili realnost?* [Acquaintance among strangers: myth or reality?]. Moscow, 2003. 357 p. (In Russ.).
3. Ma T.Yu. *Amerikanskaya yazikovaya lichnost v kulturno-istoricheskom prostranstve SShA* [American language personality in the cultural and historic context of the US]. Blagovestchensk, 2011. 204 p. (In Russ.).

4. Ma T.Yu., Kazantseva E.N. Precedentniye fenomeni v zagolovkah statey amerikanskih i britanskih SMI (na materiale angloyazichnikh saytov internet) [Precedent phenomena in the headlines of American and British mass-media publications (based on the web-sites in English)]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Amur State University], 2012, no. 56, pp. 102–107. (In Russ.).
5. Nakhimova Ye.A. *Precedentniye imena v massovoy kommunikacii* [Precedent names in mass communication]. Ekaterinburg, 2007. 207 p. (In Russ.).
6. Bagayeva D.V., Gudkov D.B., Zakharenko I.V., Krasnikh V.V. Nekotoriye osobennosti funkcionirovaniya precedentnykh viskazyvaniy [Some peculiarities of precedent phenomena functioning]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow State University], 1997, no. 4, pp. 106–118. (In Russ.).
7. Slyshkin G.G. *Lingvokulturniye concepti precedentnykh tekstov* [Linguocultural concepts of precedent texts]. Moscow, 2000. Available at: http://window.edu.ru/resource/886/66886/files/slyshkin_linguokulturnye_koncepty.pdf, accessed 01.02.2018. (In Russ.).
8. *Time magazine*. Available at: <http://time.com/magazine/>.

УДК 81
ББК 81.2

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА В СОСТАВЕ РУССКОГО ПЕРЕВОДА «МЕТАМОРФОЗ» НАЧАЛА XVIII ВЕКА

Е. А. Матвеевко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

В статье рассматривается предисловие к русскому переводу «Метаморфоз» Овидия, выполненному с польской комментированной версии В. Отвиновского в начале XVIII в. Устанавливается, что русская версия предисловия, представляющая собой перевод Предисловия переводчика к читателю Отвиновского, намеренно адаптировалась к российским культурным реалиям, исходя из представлений об актуальности поднимаемых в переводимом тексте вопросов.

Ключевые слова: «Метаморфозы» Овидия, переводы с польского в Петровскую эпоху, античная литература в России, переводческие техники.

Русский прозаический перевод «Метаморфоз» Овидия был выполнен с польской стихотворной версии Валериана Отвиновского KSIĘGI METAMORPHOSEON, to ięft, PRZEMIAN, OD PVBLIVSA OWIDYVSZA NASONA Wierzfami opifáne; A PRZEZ WALERYANA OTFINOWSKIEGO Ná Polfkie Przetłumáczone, Y do Druku podáne (wyd. Kraków, 1638)¹ в Москве не позже 1706 г. и сохранился в пяти списках, различающихся по составу [7]. Перевод датируется по примечанию на одном из списков, входившем в библиотеку Дмитрия Ростовского: Книга сіа переплетена аѣс года, априла сі. (ГИМ Син. № 809, л. 1).

В краковское издание 1638 г. помимо собственно стихотворного перевода «Метаморфоз», снабженного обширным научно-критическим аппаратом в виде аргументов к главам и маргиналий, входили также Посвящение королю Владиславу IV, Предисловие переводчика к читателю (*Przemowa do Czytelnika*), Предупреждение о возможных ошибках в тексте (*Przeftrogá Czytelnikowi*), Предисловие поэта (*Przedmowá Poęty*), представляющее собой перевод отрывка из «Метаморфоз», Заключение (*Zámknienie*), три стихотворения на латинском под общим названием *IN TRANSFORMATIONES OVIDIANAS, A Generoso Domino VALERIANO OTPHINOWSKI, Pocillatore Terrae Sandomiriensis, Polonicè tranflatas*, перечень встречающихся в «Метаморфозах» персо-

нажей (*Regestr*) и список допущенных в издании опечаток (*Omyłki w druku*).

Перевод был выполнен Отвиновским в дидактических целях: познакомить читателей, прежде всего, учащихся молодых людей с произведением из сокровищницы мировой литературы и способствовать воспитанию нравов на примерах из него, истолкованных в религиозно-моральном ключе [24].

Предисловие Отвиновского представляло собой обычное для польской литературы XVI–XVII вв. обращение к читателю, предварявшее книгу². В нем переводчик представил произведение, перечислив его художественные и дидактические достоинства, а также высказался по такому актуальному для польской культурно-лингвистической ситуации того времени вопросу, как соотношение латиноязычной литературы с литературой на национальном языке. В частности, решение взяться за перевод с языка классического на новый литературный язык — польский — Отвиновский мотивировал стандартными формулировками о недоступности сочинений античных классиков для многих поляков из-за незнания ими латинского языка. Однако при этом он констатировал, что не имел намерения как-либо принизить статус латыни и признает ее престижность.

Русский перевод «Метаморфоз» был выполнен в переходное для русской культуры время секуляризации культуры, столкновения и смены культурных и политических ценностей, становления нового порядка [8; 2]. В период с середины

¹ Источник цитируется по электронному ресурсу. — URL <https://play.google.com/books/reader?prints=ec=frontcover&output=reader&id=mTpQAAAАсAAJ&pg=GBS.PP4>. — Дата обращения: 13.10.2017.

² О предисловиях в польских старопечатных книгах XVI–XVII вв. см., например, [18. С. 100–128].

XVII в. до середины XVIII в., ставший для России переходным этапом от Средневековья к Новому времени, происходили необратимые изменения, заметное влияние на которые оказали западноевропейская культура вообще и западноевропейская литература в частности. Посредником между восточными славянами и западной культурой в XVII — первой половине XVIII в. стала Польша, имевшая с этой культурой многочисленные связи, а польская литература играла в России роль окна в Европу: «польское» в большой степени замещало и представляло «европейское» [23; 5].

В результате так называемого культурного импорта заимствовались элементы, в культуредонаторе занимавшие исторически сложившееся место в устоявшейся культурной парадигме, обладавшие историей и связанные некоторой традицией [2]. При пересадке же на русскую почву новых для нее форм, не имевших здесь собственных корней, в силу вступал, по выражению В. М. Живова, механизм неадекватного перевода с одного языка культуры на другой, и эти элементы переосмысливались [2]. Мифологические сюжеты были известны на Руси и в России задолго до Петровской эпохи, но именно в этот период античной литературы было переведено больше, чем за всю предыдущую историю русской литературы, причем некоторые произведения, уже вошедшие в русскую культурную традицию, переводились заново [6]. Обновление переводов совпадало с переориентацией с греко-византийских древностей на римские: почти все древнегреческие памятники прошли латинскую обработку [6]. При этом на русскую почву античный материал приходил уже осложненный контекстами и традицией его восприятия в европейских странах эпохи барокко и классицизма.

В конце XVII — начале XVIII вв. предисловия к светским произведениям, не связанные, в отличие от предисловий к литературе духовной, традицией, были разнообразны по содержанию¹ и «фиксируют пульс общественной мысли своей эпохи»² [19. С. 256]. Известно, что иногда сам

¹ Например, в своем обращении к Петру I предисловии к переводу сочинения Диего Сааведры Фахардо Феофан Прокопович объяснял причины слишком медленной работы над переводом, вызвавшей недовольство царя [9].

² Статья Л. А. Чёрной посвящена анализу предисловий к русским старопечатным книгам, но, думается, в рассматриваемом аспекте ее вывод уместно распространить и на предисловия к рукописным текстам.

лично Петр I давал указания снабдить новые переводы или оригинальные сочинения предисловиями, руководствуясь идеей борьбы с невежеством и идеологическими соображениями³.

Предисловие к читателю в русском переводе «Метаморфоз» представляет собой перевод Предисловия Отвиновского к краковскому изданию 1638 г. Из пяти дошедших до нас списков «Метаморфоз» Предисловие содержат два: ГИМ Син. № 809 и БАН П I Б. № 101 (17.14.21)⁴. Перевод Предисловия выполнен в основном очень близко к польскому тексту, однако в ряде фрагментов отступает от оригинала. Некоторые из этих отступлений возникли в результате ошибок переводчика или описок последующих переписчиков. Так, например, в списке ГИМ Син. № 809 в одном из предложений спутаны лексемы **философъ** и **философия**⁵:

*Coż więzszego / y pożyteczniejszego / oni zacni **Philozophowie** / uczniom swoim/ podawać mogli*⁶.

ГИМ Син. № 809: **Что ўбо лүчшее и полезнѣйшее онїи презряднїи философїи ѹченикомъ своимъ преподать могли;** (л. 1 об.).

В то же время во втором содержащем Предисловие списке перевода этой ошибки нет:

БАН П I Б. № 101 (17.14.21): **что ўбо лүчшее и полезнѣйшее онїи презряднїи философи ѹченикомъ своимъ преподать могли;** (л. 26 об.).

Возможны два варианта объяснения несоответствия: переводчиком была неправильно воспринята польская форма множественного числа (тогда в ГИМ Син. № 809 сохранено чтение промежуточного архетипа, к которому восходят оба списка), или же это результат позднейшей ошибки

³ Для Петровской эпохи с ее установкой на просвещение и воспитание нравов вообще характерно снабжение текстов справочным аппаратом. Так, не была оставлена на волю читателей трактовка образов, эмблем и аллегорий из античных произведений: переводы сопровождалась толкованиями, а изображения — пояснениями и надписями, жестко задававшими их определенное восприятие [3]. О личных указаниях Петра, что нужно сообщить в предисловии, см., например, [19].

⁴ За предоставленный текст Предисловия к читателю из списка БАН П I Б. № 101 (17.14.21) выражаю глубокую благодарность Г. А. Молькову.

⁵ Некоторые другие примеры описок и ошибок, вызванных непониманием переводчиком оригинала, приводятся в статье далее при рассмотрении способов редактирования перевода.

⁶ Польский текст передается с соблюдением основных орфографических особенностей старопечатного источника.

ки переписчика, мотивированной предшествующим контекстом (**онїи прензрднїи**) — тогда чтение промежуточного архетипа воспроизводит список БАН П I Б. № 101 (17.14.21). В любом случае очевидно, что искажение возникло случайно.

Иные несоответствия переводного текста оригиналу свидетельствуют о том, что в него вносились и намеренные изменения — то есть, одновременно с переводом текст редактировался. Это ставит следующую задачу: рассмотрев случаи намеренного отступления от оригинала, определить принципы, согласно которым проводилась правка текста Предисловия в русском переводе, и цели этой правки.

Одним из способов внесения изменений в перевод было исключение из него без компенсации некоторых чтений. Так, в ряде случаев были устранены лексемы, указывавшие на принадлежность оригинального текста Предисловия переводчика польской языковой среде — сам этноним и его производные или притяжательное местоимение, соотносившее этноним с обществом, частью которого считал себя Отвиновский:

(1) *Księgi Metamorphoseon, to iest / Przemieniania/ po Polsku są składem / y skárbnicą wŹytkich y ućiefznych powieści/*

ГИМ Син. № 809: книги **Метаморфосеонъ, се есть Превбраженїа и премененїа сѣть саладъ(!), и сокровище всѣхъ. и ѹтѣшныхъ повѣстей.** (л. 1).

БАН П I Б. № 101: книги **метаморфосеонъ, се есть превбражения. илї премененения(!) сѣть складъ, и сокровище всѣхъ, и ѹтѣшныхъ повестен** (лл. 24–24 об.).

(2) *nie może y tego zabawa być daremna/ y bez faworu/ ktory Metamorphosim Nafoná/ po Polsku uczu mowić.*

ГИМ Син. № 809: **не можетъ и сего трудоподятїе быти даровое и беспрїятное; которое метаморфосимъ насона ѹчитъ выговаривать** (л. 1 об.).

БАН П I Б. № 101: **не можетъ и сего трудоподятїе быти даровое(!), и беспрїятно; которое метоморфосимъ насона ѹчитъ выговариватись** (л. 25 об.).

(3) *Nie wspomnię Polakow náfzych / ktorych pismá są w rękách.*

ГИМ Син. № 809: **не поманѣ поляковѣ; которыхъ писма сѣть в' рѣкахъ** (л. 1 об.). То же БАН П I Б. № 101 (л. 23).

Касательно второго примера следует заметить, что русский переводчик, видимо, не понял ори-

гинальной конструкции, в которой придаточным предложением распространяется местоимение *tego* (**сего**) из главной части: 'Не может быть бесполезным и не имеющим поддержки труд **того, кто** «Метаморфозы» Насона учит говорить по-польски'. В результате он ошибся с выбором опорного слова и согласовал придаточную часть с существительным *zabawa* (**трудоподятїе**). Кроме того, к смысловому искажению, отразившемуся в разночтении в списках БАН П I Б. № 101 и ГИМ Син. № 809, привело и исключение без компенсации из перевода лексемы *po Polsku*.

Чтение, представленное в ГИМ Син. № 809: **ѹчитъ выговаривать**, принадлежит, вероятно, промежуточному архетипу, к которому восходят оба списка, поскольку именно оно поддерживается польским оригиналом, где возвратный компонент у глагола отсутствует. Для лексемы **выговаривати** словарями зафиксированы значения 'произносить, высказывать, выражать словами', 'упрекать, делать выговор' и 'ставить условием, оговаривать что-то в свою пользу' [13; 16¹], из которых требованиям контекста наиболее соответствует первое. Чтение, представленное в списке БАН П I Б. № 101: **ѹчитъ выговариватись**, возможно, стало результатом позднейшего переосмысления фрагмента. Глагол **выговариватись** известен в значениях 'произноситься', 'оправдываться' [13. С. 193–194] и 'высказываться, открывать что-то неизвестное', 'вызываться сделать что-то', 'отговариваться' [16²]. Можно предположить, что в списке БАН П I Б. № 101 эта лексема предстала с возвратным компонентом в значении, близком к 'оправдываться', поддерживаемом последующим контекстом:

Ale to więŹza: myliłby się ten bárzo / ktoryby te przemiany / w tych Księgách wyŹstawione / básniámi plonnymi być rozumiał / y w nich nic do prawdy podobnego / nie náfydował;

ГИМ Син. № 809: **но сїе вѣцше ошнелъ бы са тотъ зѣло, которо́ вы тѣ перемѣны в' снхъ книгахъ выставленые баснями недѣльными быти чаллѣ. и в' нихъ ничего правдѣ подобного не верѣталъ** (л. 1 об.). То же БАН П I Б. № 101 (л. 26 об.).

¹ Использовался электронный ресурс. URL <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/>, Дата обращения: 15.10.2017.

² Использовался электронный ресурс. URL <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/>, Дата обращения: 15.10.2017.

Самый крупный пропуск оригинального текста обнаруживается в следующем фрагменте перевода:

Dobry to był stárożytnych Mędrcoŵ przemysł: ktorzy ząbiegáiąc temu / áby mądrość tá/ w ktorey się oni kocháli/ y wielce sobie poważáli / między podłym y pospolitym gminem / nie ztániála / y nie zpowszedniála.

ГИМ Син. № 809: **Добръ то былъ древнихъ мудрецовъ промыслъ, которые предвараа томъ, дабы мудрость та юже они любили сѣтъ. межъ обычною чернѣвою чадью не одѣшевела. и не оповседневела** (л. 2). То же БАН П I Б. № 101 (л. 26 об.).

Можно предположить, что предикат *wielce sobie poważáli* ‘очень высоко ценили’ был исключен как избыточный после *w ktorey się oni kocháli*, переведенного как **юже они любили сѣтъ**, но этому противоречит тот факт, что ни в одном другом фрагменте перевода Предисловия подобной стилистической правки не встречено. Представляется более вероятным, что причиной пропуска этого чтения стала ошибка в промежуточном архетипе, к которому списки ГИМ Син. № 809 и БАН П I Б. № 101, не исправленная ни в одном из них.

Другой способ редактирования переводного текста, примененный в Предисловии к «Метаморфозам», связан с реализацией различных вариантов так называемого адаптирующего перевода, представляющего собой замену неактуальных для переводящего языка лексем актуальными смысловыми соответствиями [10]. Так, замена потенциально непонятного чтения наблюдается во фрагменте с упоминанием горы Геликон, в мифологии считавшейся пристанищем муз:

Nie wspomnię Polakow nąszych / ktorych pismá są w rękách / ázaż y ci / ile ktorzy się wyższy ná Helikon wzbili / tych dowćipnych nie zązywáią gadek:

ГИМ Син. № 809: **не поманѣ поляковъ; которыхъ писма сѣтъ в' рѣкахъ, еда и тѣѣ сколько которые вышше во ѹченіе достигли; тѣѣхъ досѣжихъ не ѹпотребляють ли бесѣдъ**¹ (л. 1 об.). То же БАН П I Б. № 101 (л. 24 об.).

¹ Отметим, что переводчик ошибся, переведя *ile* как ‘сколько’, в то время как для данной лексемы также фиксируется значение ‘особенно, именно’ [21. С. 199], как представляется, более подходящее к контексту: ‘Не упоминаю поляков наших, сочинения которых в руках: разве и эти, особенно [те. — Е. М.], которые повыше на Геликон поднялись, не употребляют этих искусных бесед’.

Вероятно, в период создания перевода «Метаморфоз» вводит в текст лексему *Геликон* путем транслитерации не имело смысла: метафора не была бы понята. В СлРЯЗ XI–XVII вв. эта лексема не зафиксирована вовсе, а СлРЯЗ XVIII в. относит первое ее употребление в основном значении ‘гора в Греции, посвященная Аполлону и музам’ и в переносном ‘место обитания поэтов, мир поэзии’ к 1735 г. (в форме *Еликон* — к 1730-м гг.) [17. С. 99]. Переводчик был вынужден прибегнуть к адаптирующему переводу и заменил название горы лексемой **ѹчение**, выбор которой, видимо, был мотивирован предшествующим фрагментом текста, из которого следовало, что *стихотворство* входит в понятие **ѹчение** как некий составной элемент²:

y wziąłem do zabawy Owidyuszá Náfoná (człowieká w dowćip / rozmaítą náukę / miánowicie w Wierfz ozdobny / głádki / uczony / przedniego).

ГИМ Син. № 809: **и пріахъ на ѹпражненіе овидіа, насона [члѣвка разѹмомъ и разлчнымъ ѹченіемъ, а иманно стихотворствомъ красна гладка ѹчена и перваго]**³ (л. 1). То же БАН П I Б. № 101 (л. 24).

К другой разновидности адаптирующего перевода — введению адаптирующих глосс — русский переводчик Предисловия обратился не единожды и с разными целями.

Так, переводя название поэмы Овидия, в польском тексте приведенное в греческом (в латинской транслитерации) и в польском вариантах, он задействовал различные способы адаптации, выработанные предшествующей традицией — и транслитерировал лексему, и собственно перевел ее:

Księgi Metamorphoseon, to iest / Przemieniania / po Polfku /.

ГИМ Син. № 809: **книги Метаморфосеонъ, се есть Превбраженіа и премененіа** (л. 1).

² Для лексемы *mianowicie* фиксируется также значение ‘в особенности’, возможно, более уместное в данном случае [22].

³ Переводчик не разобрался конструкции оригинала, в которой подчеркнутые лексемы стоят в Р.ед., а выделенные — в В.ед.: *wziąłem do zabawy Owidyusza Nasona (człowieka w dowćip/ rozmaítą naukę/ mianowicie w Wiersz ozdobny/ głádki/ uczony/ przedniego*. ‘И я взял в занятие Овидия Назона, человека первого в разумности, разнообразной учености, а особенно в красивых, прекрасных ученых стихах’. В результате в тексте перевода эпитеты, характеризующие стихотворения Овидия, оказались отнесены к самому поэту.

БАН П I Б. № 101: кнѣги метаморфозеωνъ, се естъ превращенія. илї прѣмененія(!) (лл. 24–24 об.).

Внутритекстовые глоссы неоднократно вводятся русским переводчиком при переводе фрагментов с лексемами *przemiany* и *przemienienia* и далее в тексте «Метаморфоз», например:

(1) *Księgi Pierwsze METAMORPHOSEON, to iest Przemian, od PVBLIVSA OWIDYVSZA NASONA Wierżem opifánych.*

БАН П I Б. № 101: КНИГИ ПЕРВЫЕ МЕТАМОРФОСЕОН^Н се естъ превращеней, или перемѣнъ, пѣвлѣем, овидѣем насоном стихамї описанных (л. 31).

ГИМ Син. № 809: КНИГИ ПЕРВЫЕ МЕТАМОРФОСЕОНЪ се естъ превращеніе, или перемѣнъ. пѣвлѣемъ овидѣемъ насономъ, стихами описаных (л. 5).

(2) *Dawszy tym Księgom Nazwisko PRZEMIANY.*

ГИМ Син. № 809: давъ тѣмъ книгамъ нареченіе перемѣны, или превращенія (л. 5).

БАН П I Б. № 101: давъ тѣмъ книгамъ нареченіе, перемѣны или превращеніе (л. 30 об.).

Лексема **превращеніе** известна по источникам до XVIII в. в нескольких значениях: ‘изменение образа’, ‘название праздника’ и ‘название церкви, монастыря, построенных в честь Преображения Господня’ [12; 15]. При этом исторические словари и картотеки фиксируют ее употребление только в контекстах, актуализирующих религиозные коннотации, независимо от жанровой природы текста и от значения лексемы в каждом конкретном случае. Ср., например, употребление этой лексемы в летописях и грамотах: (1198) <...> и призри на црѣвь стѣю юже създахъ рабъ твои архепс пѣ мартѣрини. въ нма стѣо твоѣго прѣвращенія. (I Новг. лет., л. 59 об. Цит. по Картотеке СДРЯ XI–XIV вв.), и тогда шѣвѣшася Володимеръ поставити црѣвь Василевѣ. ста(г) Превращенъа. вѣ во въ тѣ днь Превращенъе Г(с)не. егда си вы(с) сѣча (Лавр. Лет. 1337, 43 (996). Цит. по Картотеке СДРЯ XI–XIV вв.), а что(с) ни дѣало доголе как есма целовали крс тѣ. Томоу въсему погребѣ. до спсва превращен еа днї. за четыре днї. (Грамм. Докончальн. кн. Дм. Ив. с кн. Ряз., 1382. Цит. по Картотеке СДРЯ XI–XIV вв.); Мерила Праведном: <Бѣ ксть...> но великии хитрецъ. ѿ превращенія претваряа виды. (л. 4. Цит. по [Картотека СДРЯ XI–XIV]); переводной Скрижали Арсения Грека (1656): Ниже Моисей вѣвидецъ, ниже чннїи слова его на горѣ превращения оного, ни инъ кто когда

возможе наго вѣство зрѣти. (Скрижаль, V, 176. Цит. по [15. С. 11] и в канонических текстах: Межѣ святымъ говѣннемъ естъ и святое Преображение господа и бога и спаса нашего Исѣуса Христа (РИБ VI, 139. Цит. по [15. С. 11]), како не измѣнимъса добрымъ измѣненъемъ и образы. и превращенъемъ и гл(с)мъ... елико гавнимса ѿ мира вѣгающе (ФСт XIV/XV, 229 г. Цит. по [12. С. 242]).

Случаи употребления лексемы **превращеніе** без религиозных семантических компонентов фиксируются не ранее первой трети XVIII в. По данным Картотеки СРЯ XI–XVII вв. самым ранним таким источником являются записки графа А. А. Матвеева (не позднее 1728 г.): Ибо та зѣло сомнительная стѣнь невидимо въ сильныя и крѣпкія высокихъ державъ гвардин коварно, метаморфозомъ или превращеніемъ обходя, въ хамелеоновы многоцвѣтныя воображаяся подобія, хитрыми пронырствами дворскими вкрадывается... (Зап. Матвеева. Цит. по Картотеке СРЯ XI–XVII вв.).

В переводе «Метаморфоз» лексема **превращеніе** глоссируется лексемами **премененіе** и **перемѣна**, синонимичными ей в одном из значений — ‘изменение, превращение’. При этом оба глоссирующих варианта могли быть употреблены в этом значении свободно от непосредственно сакральных коннотаций, даже в канонических текстах, например: добрымъ прѣмѣнникимъ. прѣмѣнашася. тако понавляктьсѣа чловѣкъ. (Стих 1156–1163, 99. Цит. по [12. С. 225]), Егда прѣмѣнение бѣдетъ от вѣтѣства на ѹбожство (Пч., 121. Цит. по [14. С. 273]), въ безѹмне ѹбо правдѣнааго трудъ естъ, безъ грѣха же правдѣнааго образъ, въ обоемъ бывѣши прѣмѣнѣ. (Изб. Св. 1073, 38. Цит. по [14. С. 272]). Кроме того, глоссирующие **превращеніе** лексемы имели семантические компоненты, глоссируемо-му слову не свойственные: **премененіе** употреблялось также в значениях ‘смена, перемена, замена’, ‘выкуп, возмещение; искупительная жертва’, ‘сношение, отношение; торговая сделка, договор’, ‘избавление, освобождение’, ‘прекращение, конец’, ‘кончина, смерть’, ‘исчезновение, утрата’ [14. С. 272–273], а **перемѣна** помимо ‘изменение’ имело значения ‘перемена’, ‘торговый обмен, выгодный для обеих сторон’, ‘сношение, отношение, договор’, ‘примирение’, ‘перемещение’, ‘прекращение, конец’ и ‘кончина, смерть, отшествие в мир иной’ [14. С. 272]. Последовательное соотнесение глоссируемой и глоссирующих лексем

в качестве синонимов открывало возможность для семантических сдвигов: в глоссирующем слове подчеркивались семантические компоненты, ранее бывшие в нем второстепенными или вовсе не выделявшимися [1]. За счет такого семантического калькирования в Петровскую эпоху происходила понятийная секуляризация в разных семантических сферах: внутритекстовые глоссы, обучающие читателей новым словам и вместе с тем сталкивающие два дискурса — традиционный и модернизационный — в это время весьма многочисленны [1]. В переводе «Метаморфоз», таким образом, зафиксирован один из этапов секуляризации лексемы *преображение*, в современном русском литературном языке употребляющейся как в сакральном значении, так и вне религиозного дискурса¹.

Формально совпадающая с описанной выше разновидностью адаптирующего перевода правка — ввод внутритекстовой глоссы — представлена и в переводе предложения, которым Отвиновский подвел итог своим рассуждениям о достоинствах «Метаморфоз», объясняя решение взяться за перевод этого произведения:

Lecz nie ten tylko pożytek / który nieomylny w tym się piśmie náyduie / upátroiąc: ále też wielki w nich smák czuiąc / y drugim go tákże życząc / udałem się ná tę pracę.

ГИМ Син. № 809: и не тѣ токмо прибыло(!), котораѣ неложна в томѣ писмѣ обрѣтается ѡсматривая, но великой в нихъ и сладкой ѡкѡстѣ слыша. и инымъ того же желая, вдахъ себѣ на сей трѣдѣ (л. 2).

БАН П I Б. № 101: И не тѣ токмо(!) прибыль, котораѣ неложна в томѣ писмѣ вбрѣтаетца, ѡсматривая, но великой в нихъ и сладкой ѡкѡстѣ слыша, и инымъ тогож желая вдахъ себе на сей трѣдѣ (л. 27).

Однако введение глоссы в данном фрагменте диктовалось не задачами организации новой дискурсивной практики — лексема *великой* явно не нуждалась в толковании — а, вероятно, напротив, желанием переводчика связать свой текст

¹ См. примеры употреблений вроде «преображение природной стихии в духовную силу» (С. Г. Бочаров. Из истории понимания Пушкина (1998 г.), «Преображение первенца советской индустриализации — металлургического комбината в Новокузнецке...» (Александр Попов. Кузнецкая металлургическая революция // «Эксперт», 2014). Примеры цит. по НКРЯ. — URL: <http://www.ruscorgora.ru/>. — Дата обращения: 22.11.2017.

с предшествующей традицией²: семы *сласть*, *сладость* и *слово* сочетались в славянских источниках с древнейшего периода³.

Итак, в текст Предисловия к «Метаморфозам» Овидия одновременно с переводом вносился ряд изменений с целью адаптации инокультурного текста к российской среде. При этом исключение из переводного текста некоторых чтений или их замена были мотивированы, по-видимому, в каждом случае именно их неактуальностью для российской культурно-лингвистической ситуации, а не желанием устранить любые указания на иноязычную среду. Так, без изменений было переведено открывающее Предисловие автобиографичное замечание Отвиновского, что сочинение латинского автора он переводит не в первый раз (ранее, в 1614 г., им был переведен на польский язык Вергилий):

Iz drugi raz iuż Łácińskiego Authorá ná Polski język przekłádác się wazę!

ГИМ Син. № 809: Заеже в дрѣгой радѣ ѡже латинского книгописца на полскоѣмъ языкѣ переложить дерзаяю (л. 1). То же БАН П I Б. № 101 (л. 23)⁴.

Также не подверглись никакой правке полемические заявления польского переводчика о престижности латинского языка и достоинствах сочинений латинских авторов:

niech nikt nie rozumie/ Czytelniku bączny/ ábym go <польский язык. — Е. М.>/ náд Łáciński/ wyzfzym byđź rozumiał; abo Księgi Łácińskie z rąk Narodu

² О различных функциях адаптирующих глосс см., например, [10. С. 26–45].

³ См., например: сътовѣ медѣвни·словеса добра·сластѣ же ихъ ицѣлѣние д<оу>ши (Притч 16,24 Григ.; Зах.), коль сладѣка грѣтани моемоу словеса твоѣ (Пс 118, 103 Син.; Псалт. Пог.; Псалт. Бол.). Цит. по [20. С. 108–109].

⁴ Примеры сохранения в переведенных с польского сочинений указаний на польский оригинал см., например, в [7]. Приведем несколько названий: Альбертѣс Магнѣс ѡ тайнахъ женскихъ, ѡ силахъ трав, камней и животныхъ некихъ. Переведен в Амстердаме, в типографии полстей, под знаком Орла Белаго, 1695; Театрумъ света всего, на которомъ Азия, Европа, Африка и Америка, народов, стран, мест и государствъ нравы, богатства и инныя приметы выставленыя, по-влоску Яномъ Бонесомъ описаныя, а после с влоского на польский языкъ <...> чрезъ велевнаго отца Леонтия законниковъ отцовъ Вернадыновъ верне вытломачены и в печать поданы. А ныне сызнова на светъ в Кракове в печатномъ дворе дедичества Станислава Ленчевскаго Бертѣтовича вторицею 1659-го году выданы.

fwego wytraćić chciał. Niech Łacińska mowa przy swoiey zostawa prerogatywie:

ГИМ Син. № 809: никтоже да разꙋмѣетъ читателю разсꙋднѣй, еже бы его паче латинского вышше быти нещевалъ, или бы книги латинскіе из рꙋкъ народа своего вытолкнѣть хотѣлъ. пѣсть латинская рѣчь при своемъ пребываетъ преимꙋществѣ. (л. 1). То же БАН П I Б. № 101 (л. 23).

Видимо, эти сентенции оказались вполне актуальными для российской полемики о латинском языке, продолжавшейся в петровскую эпоху¹. Примерно в то же время, когда был создан перевод «Метаморфоз», Феодор Поликарпов в своем авторском Предисловии к Лексикону трехязычному (1704 г.) писал²: приложиса же и третій азыкъ латинскій тогѡ ради, такъ нынѣ во крѣпѣ земномꙋ сей діалектꙋ паче иныхъ, во гражданскихъ, и школныхъ дѣлѣхъ вноситсѧ. Такожде и во всѧкихъ навѧхъ и хꙋдожествахъ ко члѣскомꙋ жителствꙋ нꙋждныхъ, книги премнѡги съ иныхъ языковъ преведены, и вновь сочинены на семъ языцѣ обрѣтаютсѧ, вкратцѣ рещи, нѣсть комꙋ лишитсѧ вѣрѣсти; егѡже бы пожелалъ имѣти ко своей потребѣ, такъ хꙋдожникꙋ, такъ и военныхъ дѣлꙋ искꙋный ратоворецꙋ (лл. 6 об.-7).

Вообще переводное Предисловие к переводу «Метаморфоз», оригинал которого был написан Отвиновским примерно за полвека до создания русского перевода, содержательно и формально выглядит вполне актуальным на фоне оригинальных предисловий российских авторов и переводчиков конца XVII — начала XVIII вв. Так, в Петровское время в русской литературе появляются новые формы обращения к читателю, свидетельствующие о положительном восприятии светского знания: «трудолюбивый», «любомудрый», «благоразумный» [19. С. 257] — ср.

¹ Об изменении отношения к латинскому языку в Петровское время см., например, [19; 2; 8].

² Источник цитируется по электронному ресурсу. — URL: <http://search.rsl.ru/ru/record/01004091708>. — Дата обращения: 13.10.2017.

в Предисловии к «Метаморфозам»: читателю разсꙋднѣй (БАН П I Б. 101 (л. 23). То же ГИМ Син. № 809 (л. 1)). Абсолютно уместными в контексте эпохи были и обоснования полезности переводного произведения, причем не только для читателей, но и для отечества:

Aleć y do ozdoby Oyczyzny náfzey należy/ áby iáko nawięcey przybywáło iey tákich piŃm/ iákimi się poŃtronne chlubiá kráie!

ГИМ Син. № 809: но и кꙋ красотѣ отечества нашего належитъ, что бы болши емꙋ прибавлялос такихъ писемъ, какими посторонные хвалатсѧ край (л. 1).

БАН П I Б. 101: но и хꙋкрасотѣ штечества ншѣго належит чтоб болши емꙋ прибавлялось такихъ писем; какимі посторонніе хвалятца краи (л. 23 об.-24).

y ia zá moię pracą/ y zá czás ná nię náložony/ dofyć będę miał/ kiedy się tobie/ rozsądný Czytelniku/ bądż do pożytku/ bądż do úciechy/ iákokolwiek przyda:

ГИМ Син. № 809: и ꙗ за мои трѡды и за время на на ꙋпраженное, довольно бꙋдꙋ нѣмѣти, когда тебѣ разсꙋднѣй Читателю, или вꙋ привиль, или во ꙋтѣшеніе каково ни есть пригодитсѧ³ (л. 2). То же БАН П I Б. 101 (л. 28).

Рассмотренные фрагменты свидетельствуют, что сохранение в русском переводе «Метаморфоз» переводного предисловия было намеренным. Текст Предисловия одновременно с переводом правился по определенным критериям, и в ходе этой правки были задействованы разнообразные выработанные предыдущей переводческой традицией приемы. Характер правки позволяет предполагать, что переводчик руководствовался, прежде всего, представлениями об актуальности переводимого текста. Отсутствие неприемлемых идеологически мотивов и актуальность поднимаемых Отвиновским вопросов для русской культурно-лингвистической ситуации конца XVII — начала XVIII вв. и обусловили включение переводного предисловия в русский текст и близость перевода оригиналу.

³ В списке БАН П I Б.101 пригодитца.

Список литературы

1. Живов, В. М. История понятий, история культуры, история общества / под ред. В. М. Живова // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. — М., 2009. — 432 с.
2. Живов, В. М. История языка русской письменности : в 2 т. / В. М. Живов. — М., 2017. — Т. II. — 480 с.
3. Кнабе, Г. С. Русская античность. Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России: программа-конспект лекционного курса / Г. С. Кнабе. — М., 2000. — 238 с.

4. Кузьмина, Е. А. Пути формирования русского научного дискурса в XVII в. / Е. А. Кузьмина, Т. В. Пентковская // Мир науки, культуры, образования. — 2016. — № 4 (59). — С. 221–229.
5. Мочалова, В. В. Русско-польские литературные связи XVII–XVIII вв. и становление личностного начала в русской литературе / В. В. Мочалова // Литературные связи и литературный процесс. Из опыта славянских литератур / под ред. С. В. Никольского. — М., 1986. — 349 с.
6. Николаев, С. И. Литературная культура Петровской эпохи / С. И. Николаев. — СПб., 1996. — 161 с.
7. Николаев, С. И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв. Библиографические материалы / С. И. Николаев. — СПб., 2008. — 248 с.
8. Панченко, А. М. О смене писательского типа в петровскую эпоху / А. М. Панченко // Русская история и культура: Работы разных лет. — СПб., 1999. — 520 с.
9. Пекарский, П. П. Наука и литература в России при Петре Великом : в 2 т. / П. П. Пекарский. — СПб., 1862. — Т. I. — 578 с.
10. Пентковская, Т. В. Адаптирующие глоссы в поздних церковнославянских переводах с греческого / Т. В. Пентковская // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. — 2016. — № 1. — С. 26–45.
11. Протасьева, Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). Ч. 1–2 / Т. Н. Протасьева. — М., 1973. — Ч. II. — 163 с.
12. Словарь древнерусского языка // Словарь древнерусского языка. Т. I–XI. — М., 1988–2016. — Т. VIII. (продолж.).
13. Словарь русского языка XI–XVII вв. // Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. — М., 1975–2015. — Вып. 3. (продолж.).
14. Словарь русского языка XI–XVII вв. // Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. — М., 1975–2015. — Вып. 18. (продолж.).
15. Словарь русского языка XI–XVII вв. // Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. — М., 1975–2015. — Вып. 19. (продолж.).
16. Словарь русского языка XVIII в. // Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–19. — Л.; СПб., 1984–2011. — Вып. 4. (продолж.).
17. Словарь русского языка XVIII в. // Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–19. — Л.; СПб., 1984–2011. — Вып. 5. (продолж.).
18. Софронова, Л. А. Польские старопечатные предисловия XVI–XVII вв. (литературные и филологические функции) : коллект. моногр. / под ред. А. С. Дёмина // Русская старопечатная литература. Тематика и стилистика предисловий и послесловий. — М., 1981. — С. 100–129.
19. Чёрная, Л. А. Русские книжные предисловия конца XVII — начала XVIII в. (защита «мирских» книг и «гражданских» наук) : коллект. моногр. / под ред. А. С. Дёмина // Русская старопечатная литература. Тематика и стилистика предисловий и послесловий. — М., 1981. — С. 254–272.
20. Slovník jazyka staroslovenskeho (= Lexicon linguae palaeoslovenicae). T. IV // Slovník jazyka staroslovenskeho (= Lexicon linguae palaeoslovenicae). T. I–IV. — Praha, 1958–1997.
21. Linde, S.-B. Słownik języka polskiego. t. II / S.-B. Linde // Słownik języka polskiego. t. I–VI. — Lwów, 1854–1860.
22. Elektroniczny Słownik języka Polskiego XVII i XVIII wieku. — URL: <https://sxvii.pl/>.
23. Małek, E. Narracje staropolskie w Rosji XVII i XVIII wieku / E. Małek. — Łódź, 1988. — 293 s.
24. Wichowa, M. Staropolskie przekłady Metamorfoz Owidiusza / M. Wichowa. — Łódź, 2008. — 271 s.

Сведения об авторе

Екатерина Алексеевна Матвеевко — аспирант кафедры русского языка, филологический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Москва, Россия. ea.matveenko@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 4 (414). *Philology Sciences. Iss. 112. Pp. 135–144.*

TRANSLATOR'S FOREWORD TO THE FIRST RUSSIAN TRANSLATION OF OVID'S METAMORPHOSES AT THE BEGINNING OF THE 18TH CENTURY

E. A. Matveenko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. ea.matveenko@gmail.com

The article discusses the Translator's Foreword to the first full Russian translation of Ovid's *Metamorphoses*. This Russian prosaic translation of Ovid's *Metamorphoses* was made from Polish verse moralized interpretation *Księgi Metamorphoseon. to iest, Przemian, od Pvbliwsa Owidyvsza Nasona wierszami opisane* composed by Walerian Otwinowski (ed. Krakow, 1636) not later than 1706. The Translator's Foreword to the Russian version remains very close to the original Polish Translator's Foreword of Otwinowski.

Analysis of the translation techniques and amendments leads to the conclusion that the Russian version of introduction to the translation was adapted to the cultural values of the target language. It is found that the Russian translator made amendments to the translation in view of the notion about the relevance of the questions discussed in the original Foreword.

Keywords: *Ovid's Metamorphoses, translations from Polish in the epoch of Peter the Great, ancient literature in Russia, translation techniques.*

References

1. Zhivov V.M. (ed.) *Istoriya ponyatij, istoriya kul'tury, istoriya obshchestva* [History of ideas, history of culture, history of society]. *Ocherki istoricheskoy semantiki russkogo yazyka rannego Novogo vremeni* [Essays on the Historical Semantics of the Russian Language of the Early Modern Era]. Moscow, 2009. 432 p. (In Russ.).
2. Zhivov V.M. *Istoriya yazyka russkoy pismennosti : v 2-kh tomakh. T. II* [History of the Russian literary language in 2 vol. Vol. II]. Moscow, 2017. 480 p. (In Russ.).
3. Knabe G.S. *Russkaia antichnosty: Soderzhanie, rol' i sud'ba antichnogo nasledia v kulyture Rossii* [Russian Antiquity: Its Meaning, Role and Destiny in the Culture of Russia]. Moscow, 2000. 238 p. (In Russ.).
4. Kuz'minova E.A., Pentkovskaya T.V. *Puti formirovaniya russkogo nauchnogo diskursa v XVII v.* [Ways of Formation of the Russian scientific discourse in the 17th century]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, Education], 2016, no. 4 (59), pp. 221–229. (In Russ.).
5. Mochalova V.V. *Russko-pol'skie literaturnye svyazi XVII–XVIII vv. i stanovlenie lichnostnogo nachala v russkoy literature* [Russian-Polish Literary Relations of the 17–18th centuries and the detection of Personality in Russian literature]. Nikolskiy S.V. (ed.). *Literaturnye svyazi i literaturny process. Iz opyta slavyanskikh literatur* [Literary Relations and Literary Process. Based on the expertise in Slavic literatures]. Moscow, 1986. 349 p. (In Russ.).
6. Nikolaev S.I. *Literaturnaya kul'tura Petrovskoy epokhi* [The literary culture of the time of Peter the Great]. St. Petersburg, 1996. 161 p. (In Russ.).
7. Nikolaev S.I. *Pol'sko-russkie literaturnye svyazi XVI–XVIII vv. Bibliograficheskie materialy* [Polish-Russian Literary Relations of the 16–17th centuries. Bibliographic Materials]. St. Petersburg, 2008. 248 p. (In Russ.).
8. Panchenko A.M. *O smene pisatel'skogo tipa v petrovskuiu epokhu* [On the Change of the Writer's Type in Peter's Epoch]. *Russkaya istoriya i kul'tura: raboty raznykh let* [Russian history and culture: Essays of different years]. St. Petersburg, 1999. 520 p. (In Russ.).
9. Pekarskiy P.P. *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom : v 2 t. T. II* [Science and literature in Russia of the time of Peter the Great in 2 vol. Vol. II]. St. Petersburg, 1862. 578 p. (In Russ.).
10. Pentkovskaya T.V. *Adaptiruyushhie glossy v pozdnykh cerkovnoslavyanskikh perevodakh s grecheskogo* [Vernacular marginalia in the Later Church Slavonic Translations from Greek]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Series 9, Philology* [Bulletin of the Moscow University], 2016, no. 1, pp. 26–45. (In Russ.).
11. Protaseva T.N. *Opisanie rukopisei Sinodal'nogo sobraniia (ne voshedshikh v opisanie A.V. Gorskogo i K.I. Nevostrueva)* [Description of Manuscripts of Synodal Collection (not Included in Description of A.V. Gorskij and K.N. Nevostruev)]. Moscow, 1970. 163 p. (In Russ.).

12. *Slovar' drevnerusskogo yazyka XI–XIV vv. Iss. VIII* [Dictionary of Russian Language from the 11th to the 14th centuries]. Moscow, Azbukovnik Press, 2008. (In Russ.).
13. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Iss. 3* [Dictionary of Russian Language from the 11th to the 17th centuries]. Moscow, 1976. (In Russ.).
14. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Iss. 18* [Dictionary of Russian Language from the 11th to the 17th centuries]. Moscow, 1992. (In Russ.).
15. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Iss. 19* [Dictionary of Russian Language from the 11th to the 17th centuries]. Moscow, 1994. (In Russ.).
16. *Slovar' russkogo yazyka XVIII v. Iss. 4* [Dictionary of Russian Language of the 18th century]. Leningrad, 1988. (In Russ.).
17. *Slovar' russkogo yazyka XVIII v. Iss. 5* [Dictionary of Russian Language of the 18th century]. Leningrad, 1989. (In Russ.).
18. Sofronova L.A. Polskie staropечатnye predisloviya XVI–XVII вв. (literaturnye i filologicheskie funktsii) [Polish Introductions to old printed Books of the 17–18th centuries (literary and linguistic functions)]. Demin A.S. (ed.). *Russkaya staropечатnaya literatura. Tematika i stilistika predisloviy i poslesloviy* [Russian old printed Literature. Themes and styles of Forewords and Afterwords]. Moscow, 1981. Pp. 100–129. (In Russ.).
19. Chernaya L.A. Russkie knizhnye predisloviya konca XVII — nachala XVIII v. (zashhita 'mirskikh' knig i 'grazhdanskikh' nauk) [Forewords to Russian books of the end of the 17th and beginning of the 18th century. The Protection of 'secular' books and 'civil' science]. Demin A.S. (ed.). *Russkaya staropечатnaya literatura. Tematika i stilistika predisloviy i poslesloviy* [Russian old printed Literature. Themes and styles of Forewords and Afterwords]. Moscow, 1981. Pp. 254–272.
20. Slovník jazyka staroslovenskeho (= Lexicon linguae palaeoslovenicae). Vol. IV. *Slovník jazyka staroslovenskeho (= Lexicon linguae palaeoslovenicae), Vol. I–IV*. Praha, 1958–1997. (In Czech.).
21. Linde S.-B. Słownik języka polskiego. Vol. II. *Słownik języka polskiego*. Lwów, 1854–1860. Vol. I–VI. (In Polish).
22. *Elektroniczny Słownik języka Polskiego XVII i XVIII wieku*. Available at: <https://sxvii.pl/>, accessed 11.11.2017. (In Polish).
23. Małek E. *Narracje staropolskie w Rosji XVII i XVIII wieku*. Łódź, 1988. 293 p. (In Polish).
24. Wichowa M. *Staropolskie przekłady Metamorfoz Owidiusza*. Łódź, 2008. 271 p. (In Polish).

УДК 811.111'276.6:62
ББК 81.2Англ-3

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА СЛОВСОЧЕТАНИЙ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В ТЕХНИЧЕСКОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

С. В. Сботова

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Е. Ю. Куляева

Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Россия

В данной статье проведено исследование английских беспредложных субстантивных словосочетаний регрессивного типа, используемых для номинации в техническом английском. Авторами дано определение лексического состава словосочетаний в зависимости от наличия специальной и общеупотребительной лексики, проведен компонентный анализ для выявления основных характеристик и значений наименований. На основе проведенного исследования авторами выявлены основные способы наименований артефактов, процессов и материалов, описаны основные значения словосочетаний.

Ключевые слова: лексические средства, специальные словосочетания, основные модели, результаты анализа, классификация.

Наименования артефактов, процессов и различных материалов с помощью специальных словосочетаний современных отраслей промышленности включают в себя общеупотребительную лексику, номенклатуру и различные термины. Существуют наименования, в состав которых входят имена собственные, например названия компаний, корпораций, названия изделий и конструкций.

Цель данной статьи — показать результаты проведенного исследования специальных словосочетаний, используемых в современном производстве. Задачи данного исследования — проведение анализа по непосредственно составляющим компонентам специальных словосочетаний для выявления типов лексики, используемых в качестве адьюнктов и ядерных слов.

В статье рассматриваются наименования артефактов, процессов и материалов, используемых в современном производстве. Основная цель данной статьи — компонентный анализ специальных словосочетаний и выявление моделей их построения. Для достижения поставленных целей были решены следующие задачи:

– отбор словосочетаний английского языка, представляющих собой средства номинации в сфере промышленности;

– анализ компонентов словосочетаний для определения типа лексических средств (наличие общеупотребительной или специальной лексики);

– определение функций и назначения препозиционного компонента.

Анализ специальных словосочетаний сферы промышленного производства показывает следующий состав словосочетаний, которые являются наименованиями артефактов:

Общеупотребительная лексика, используемая как адьюнкт специальных словосочетаний	Общеупотребительная лексика, используемая как ядро специальных словосочетаний
flat	source
blind	wall

Другой состав лексики специальных словосочетаний обнаружен в следующих примерах:

Специальная лексика, используемая как адьюнкт специальных словосочетаний	Общеупотребительная лексика, используемая как ядро специальных словосочетаний
valve	head
prefabricated	house

Кроме того, в материале исследования имеются специальные словосочетания, в состав которых входит только специальная лексика:

Адьюнкт специальных словосочетаний, представленный специальной лексикой	Ядро специальных словосочетаний, представленное специальной лексикой
instrument	slab
prestressed	reinforcement

Ядро-существительное, являющееся специальной лексикой, может иметь адьюнкт,

представляющий собой общеупотребительное слово. Например: *power source* — источник энергоснабжения, *portable instrument* — переносной измерительный прибор, *iron core* — металлический стержень. Анализ исследуемых специальных словосочетаний — наименований артефактов показал, что чаще всего специальные словосочетания образуются либо путем сочетания общеупотребительных слов, либо одно из них представляет слой общеупотребительной лексики, а другое — специальной. Многословные специальные словосочетания, как правило, содержат в своем составе и общеупотребительную, и специальную лексику [4].

Если взять в качестве примеров специальные словосочетания, которые используются для обозначения различного рода процессов, то в состав специальных словосочетаний может входить общеупотребительная и специальная лексика. Например, адьюнкт-существительное специальных словосочетаний относится к общеупотребительной лексике, а ядро-существительное представляет собой специальное слово. Например: *back gear* — зубчатый перебор, *soft soldering* — пайка мягким припоем. Специальные словосочетания — наименования процессов, как и наименования артефактов, могут состоять только из терминологической лексики. Например: *in-cut connection* — разъемное соединение, *autogenous welding* — автогенная сварка [1]. Чаще всего специальные словосочетания — наименования процессов образуются из общеупотребительной лексики в сочетании со специальной лексикой или только из специальной.

Для передачи информации о различных материалах используют различные специальные словосочетания. Это номенклатурные наименования, например: *blue steel* — вороненая сталь, *iron alloy* — железный сплав. В состав этих специальных словосочетаний входит как специальная, так и общеупотребительная лексика. В данных словосочетаниях адьюнкты (*steel, alloy*) представляют собой специальную лексику, а ядерные существительные — общеупотребительную [4].

Если рассмотреть другие словосочетания этой же группы, то адьюнкты относятся к общеупотребительной лексике, а ядерные существительные — к специальной. Например: *dry concrete* — бетон жесткой консистенции, *grey cement* — серый цемент. Кроме того, имеются специальные словосочетания, в составе которых только специальная лексика. Например: *high-temperature*

steel — жаропрочная сталь, *heat-resistant steel* — жаростойкая сталь, *wear-resisting steel* — износостойкая сталь, *manganese steel* — марганцевая сталь, *low-carbon steel* — низкоуглеродистая сталь; *auger drilling* — шнековое бурение, *cable drilling* — ударно-канатное бурение, *compressed air drilling* — пневматическое бурение; *discharge hopper* — разгрузочный бункер, *hinged hopper* — откидной разгрузочный бункер, *storage hopper* — складской бункер [1].

Номенклатурные наименования материалов могут состоять только из общеупотребительной лексики: *tool steel* — инструментальная сталь, *mild steel* — мягкая сталь, *strip steel* — полосовая сталь, *basic steel* — основная сталь. Чаще всего для наименования материалов используется номенклатурная лексика в сочетании с общеупотребительной лексикой.

Специальные словосочетания большей длины отличаются разнообразием состава. Эти словосочетания в основном образуются из общеупотребительной и специальной лексики. Например, *glass fiber insulation products* — изоляционные материалы из стекловолокна (*glass* — общеупотребительная лексика, *fiber* — специальная лексика, *insulation* — специальная лексика, *products* — общеупотребительная лексика). В данном специальном словосочетании ядерное существительное является общеупотребительной лексикой. Адьюнкты представляют собой специальную и общеупотребительную лексику.

Лексика, которая входит в состав специальных многокомпонентных словосочетаний, может быть специальной: *prestressed reinforced concrete beam* — железобетонная балка с предварительно напряженной арматурой, *technically pure iron alloy* — сплав технически чистого железа [1].

В словосочетаниях *prestressed reinforced concrete* (напряженно-армированный бетон), *automatic thermostatic radiator valves* (клапаны автоматического, термостатического радиатора) все компоненты также принадлежат к специальной лексике.

В результате проведенного нами исследования выявлены специальные словосочетания, имеющие в своем составе имена собственные. Например, специальное словосочетание *Gerber's girder* имеет несколько общепринятых вариантов перевода: шарнирная балка, балка Гербера или ферма со сжатыми раскосами и растянутыми стойками; а словосочетание *Davy lamp* переводится как лампа Дэви или рудничная лам-

па. Следующие словосочетания имеют по одному значению: *Howe truss* — ферма Гау, *flat Howe truss* — плоская ферма Гау, *flat Pratt truss* — плоская ферма Пратта, *triangular Howe truss* — треугольная ферма системы Гау, *triangular Pratt truss* — треугольная ферма Пратта, *Stirling engine* — двигатель Стирлинга, *Penning engine* — ионный двигатель на разряде Пеннинга; сооружения и конструкции: *Abyssinian well* — абиссинский (трубчатый) колодец, *Pelton wheel* — колесо Пельтона, *Hoffman's device* — аппарат Гофмана, *German mount* — немецкая монтировка [1].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что специальные словосочетания — наименования артефактов имеют в своем составе имена собственные — топонимы и производные от них прилагательные (*Abyssinian, German*), указывающие на место, где впервые применялась данная конструкция и антропонимы (*Gerber, Howe, Pratt, Stirling, Hoffman*), указывающие на специалиста, который впервые применил эту конструкцию или был автором идеи. Специальные словосочетания — наименования артефактов являются в основном бинарными. Выявлено присутствие трехкомпонентных специальных словосочетаний с именами собственными: разновидности ферм Гау (*triangular Howe truss*) и Пратта (*flat Pratt truss*). Именем собственным является первый адьюнкт такого специального словосочетания, а прилагательным — второй адьюнкт, который указывает на форму предмета. Ядерное существительное специального словосочетания представляет собой специальное наименование (*truss*).

В данном материале исследования не присутствуют специальные словосочетания — наименования процессов, в состав которых входят имена собственные. В составе специальных словосочетаний — наименований материалов присутствуют имена собственные, которые являются антропонимами и топонимами или производными от них прилагательными, являющимися первыми препозиционными компонентами ядерных существительных. Имена собственные входят в состав наименований кирпича и цемента. Например: *Accrington brick* — красный твердый кирпич из аккрингтонской глины, содержащей окись железа; *Leeds brick* — глазурованный кирпич (производимый в городе Лидс); *Norman brick* — нормандский кирпич (7x10,5x30,5 см); *Roman brick* — римский кирпич (4x2x12). В данных специальных словосочетаниях, содержащих имена собственные, препозиционный компонент, пред-

ставляющий собой имя собственное — топоним, указывает на место добычи глины для кирпича этого сорта или место изготовления. Кроме того, адьюнкт-топоним может указывать на разницу в размерах кирпича различного типа (*Norman, Roman*) [4].

Имена собственные употребляются как адьюнкты специальных словосочетаний — наименований цемента. Например: *Frost's cement* — цемент Фроста (из мела и глины); *Fleming's cement* — цемент Флеминга (с повышенным содержанием окиси железа); *Scott's cement* — цемент Скотта (из извести и гипса); *Keene's marble cement* — английский цемент, цемент Кина (гипс с раствором кварцов) [3]. Специальные словосочетания — наименования цемента являются преимущественно бинарными.

Анализ исследуемых специальных словосочетаний выявил, что среди них имеются многозначные словосочетания и синонимы. Синонимы применяются для наименования таких артефактов, как *truss piece* — стропильная нога. Однако наряду с этим и в том же самом значении употребляется другое название — *rafter clench*. Адьюнкт — имя собственное указывает на название *agitating truck*. Такие специальные словосочетания — *truck mixer* и *mixer lorry* используются в этом же значении.

Специальные словосочетания — синонимы могут быть применены для наименования арок различной формы и назначения. Интересны названия арок: *Venetian arch / Queen Anne arch* — венецианская арка (др. название — арка времен королевы Анны), *blind arch / blank arch* — глухая арка, *false arch / blind arch* — декоративная арка, *basket thandle arch / camber arch / hance arch* — коробовая арка, *oblique arch / skew arch* — кося арка [1].

При наименовании процессов могут быть также использованы специальные словосочетания — синонимы [3]: *exhaust ventilation / drawing ventilation* — вытяжная вентиляция, *artificial ventilation / mechanical ventilation* — искусственная вентиляция (указание на механические средства, обеспечивающие вентилирование). Воздушное отопление может называться также при помощи различных специальных словосочетаний — *air heating / hot air heating / warm air heating*. Паровое отопление низкого давления именуется двумя специальными словосочетаниями: *low pressures team heating* (указание на низкое давление) и более коротким специальным словосочетанием *steam vapour system*. Во втором специальном словосочетании

используются два компонента, имеющих значение «пар». Компонент *steam* обозначает тип отопления, систему, с помощью которой происходит отопление. Компонент *vapour* — синоним компонента *steam* используется для наименования типа парового отопления низкого давления, так как слово *vapour* означает пар низкого давления.

Синонимичные специальные словосочетания используются для наименования некоторых видов сварки: *autogenous welding* / *autogenous soldering* — автогенная сварка. Ядерными существительными этих специальных словосочетаний являются различные слова со сходным значением. Но специальное слово *welding* обладает более узким значением и употребляется только для названия сварки, а специальное слово *soldering* шире по своему значению и именуется не только сварку, но и пайку.

Конкретизация типа сварки происходит за счет использования препозиционных компонентов. Например, *arc welding* — дуговая сварка. Выявив значение компонентов этого специального словосочетания, легко определить значение всего специального словосочетания. Однако в этом же значении есть и другое специальное словосочетание, которое конкретнее называет тип сварки и указывает на способ осуществления: *electrical arc welding*. Прилагательное *electrical* может конкретизировать тип сварки — дуговая сварка, которая проводится при помощи электричества. Кузнечная сварка также имеет два специальных словосочетания, являющиеся синонимами — наименования: *forge welding* / *hammer welding*. Адьюнкт первого специального словосочетания указывает на место происхождения сварки (*forge* — кузница), а адьюнкт второго указывает на инструмент, с помощью которого осуществляется данный тип сварки (*hammer* — молоток). Таким образом, эти два специальных словосочетания обозначают тип сварки, которая применяется в процессековки.

Другие специальные словосочетания — наименования сварки, используемые как синонимы: *spot welding* / *point welding* — точечная сварка, также указывают на тип сварки. Эти специальные словосочетания имеют адьюнкты с одинаковым значением: «точка приложения сварочного агрегата». Другой способ сварки: *lap welding* (*lap* — нахлестка) / *overlap welding* (*overlap* — нахлестка) — сварка внахлестку. Адьюнкты *lap* и *overlap* имеют общее значение и используются как синоним. Но адьюнкт *overlap* имеет более кон-

кретное значение, акцентируя то, что при данном типе сварки один край свариваемого предмета накладывается на другой. Эти специальные словосочетания используются для обозначения одного и того же типа сварки.

Специальные словосочетания — синонимы используются также для наименования материалов. Так, алый кирпич называется *salmon brick* (по аналогии с рыбой алого, красного цвета — семгой, лососем) / *pale brick* / *light brick*. Препозиционные компоненты данных специальных словосочетаний указывают на светлый оттенок цвета строительного материала — кирпича [4]. Глазурованный кирпич называется *glazed brick* / *vitrified brick* / *enameled brick*. *Vitrified* означает «превращенный в стекло» (от гл. *vitrify* — превращаться в стекло), поверхность кирпича подобна стеклу — глазурована. Другое специальное словосочетание имеет компонент *enameled* (глазурованный, покрытый глазурью). Каждый препозиционный компонент названных выше специальных словосочетаний указывает на способ изготовления кирпича.

Синонимичные специальные словосочетания используются для наименования различных камней: *ashlar stone* / *square stone* — тесаный камень. Адьюнкт *square* (квадратный) определяет форму камня после обработки путем обтесывания. Кроме того, для наименования камня этого типа используется специальное словосочетание *cut stone*, адьюнкт которого указывает на способ обработки, которой подвергнут камень (*cut* — тесать). Чтобы наименовать тесаный камень, могут применяться также и другие специальные словосочетания, препозиционный компонент которых показывает каким способом обработан камень или какую он имеет форму: *chipped stone* (*chip* — тесать) — указывает на способ обработки камня; *block stone* — обозначение формы, полученной после обработки; *work stone* — содержит указание на способ обработки камня, в свою очередь (*work*) — камень, над которым была проведена определенная работа — обработка [1].

Для наименования бетонов также применяются специальные словосочетания — синонимы: *cinder concrete* / *breeze concrete* — шлакобетон, *gypsum concrete* / *plaster concrete* — гипсобетон. Так как шлак называется с помощью специальных слов *cinder* и *breeze*, то соответственно имеются два специальных словосочетания, обозначающие шлакобетон. Такие специальные слова — *gypsum* и *plaster* дают название гипсу. Соответственно

существуют два специальных словосочетания, используемые для обозначения гипсобетона — *gypsum concrete* и *plaster concrete*.

Ячеистый бетон тоже обладает некоторыми синонимичными наименованиями: *cell concrete* / *cellular concrete* / *hollow concrete* / *aerated concrete* (бетон, который во время приготовления подвергается воздействию воздуха, вследствие чего образуются ячейки). Существительное *hollow* имеет значение «полость», а прилагательное *hollow* означает «пустотелый», «полый». Значение всего специального словосочетания: бетон, имеющий пустоты, полости, ячейки внутри. Кроме приведенных примеров, в отрасли производства используются и другие специальные словосочетания — синонимы.

Рассмотрим многозначность слов, входящих в состав специальных словосочетаний, и многозначность исследуемых специальных словосочетаний. Для наименования жилого помещения используется английское слово *house*. Оно может использоваться также для обозначения и других специальных помещений, предназначенных для определенных целей. Мы можем отметить многозначность этого слова при употреблении его значения в ядерном существительном специальном словосочетании. Аджункт специального словосочетания конкретизирует его значение: *dwelling house* — жилой дом, *basement house* — дом с подвалом, *apartment house* — многоквартирный дом. С помощью специальных словосочетаний именуется здания специального назначения: *boiler house* — котельная, здание с котельной; *engine house* — машинное здание, насосная станция; *gas house* — газовый завод; *hot house*, *green house*, *glass house*, *warm house* — теплица, оранжерея; *water house* — резервуар, водоемное здание, *water-pumping house* — водокачка, *water cannon pump house* — насосная пожарного гидромонитора [1].

Многозначные специальные словосочетания встречаются редко: *functional building* — здание с архитектурой, оправданной его назначением, функциональная архитектура, здание в стиле функционализма. Специальные словосочетания: *protective cap* — предохранительный шлем, предохранительная крышка, *brush machine* — специ-

альная машина для нанесения асфальта, машина для подметания улиц, *lining machine* — машина для определения ширины железнодорожной колеи, специальное устройство для внутренней отделки трубопроводов или каналов [5].

Ю. Е. Мурзо при переводе многочленных словосочетаний рекомендует соблюдать следующие правила: переводить определяемое существительное, анализировать смысловые связи между членами словосочетания и разбить их на смысловые группы, переводить словосочетание, начиная с определяемого слова, и затем переводить каждую смысловую группу справа налево [12]. В некоторых словосочетаниях одно из существительных, выступающих в функции определения, может переводиться на русский язык причастием. Атрибутивные словосочетания могут начинаться прилагательным или причастием. Если в начале атрибутивного словосочетания стоит имя собственное, обозначающее географическое название, оно переводится на русский язык прилагательным, существительным в родительном падеже или существительным с предлогом. Если в середине атрибутивного словосочетания стоит прилагательное, оно переводится на русский язык прилагательным [Там же].

Таким образом, номенклатура и термины, являющиеся узкоспециальной лексикой, используемые в качестве ядерных существительных, как правило, способствуют образованию однозначных, специальных наименований. Значение многозначных специальных словосочетаний определяется контекстом. Соотношение специальной и общеупотребительной лексики в разных тематических группах разное.

Следовательно, для наименования артефактов чаще всего применяется общеупотребительная лексика. Вместе с тем один из компонентов может быть представлен общеупотребительной лексикой, а другой — специальной. Наименование процессов происходит с помощью специальной и общеупотребительной лексики или только при использовании специальной. Для наименования материалов употребляется преимущественно номенклатурная лексика в сочетании с общеупотребительной лексикой.

Список литературы

1. Баринов, С. М. Англо-русский политехнический словарь : в 2 т. / С. М. Баринов, А. Б. Борковский, В. А. Владимиров. — М., 2007. — Т. 2. — 720 с.

2. Бережанская, И. Ю. Консубтанциональные термины в лингвистической терминологии английского и русского языков : дис. ... канд. филол. наук / И. Ю. Бережанская. — М., 2005. — С. 1–10.
3. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — М., 2007. — С. 5–18.
4. Горбунова, В. С. Специальные словосочетания английского языка в текстах строительного профиля: номинативно-когнитивный потенциал : дис. ... канд. филол. наук / В. С. Горбунова. — М., 1999. — 214 с.
5. Иностранные языки для всех. Словари онлайн. Англо-русский строительный словарь. — URL: <http://classes.ru/dictionary-english-russian-build-term-27030.htm>.
6. Захарова, Г. Ф. Лексико-стилистические особенности учебных текстов для обучения научно-технической литературы на английском языке / Г. Ф. Захарова // Гуманитар. вестн. (МГТУ им. Н. Э. Баумана). — 2015. — № 1 (27).
7. Захарова, О. А. Перевод атрибутивных словосочетаний с английского языка на русский язык в научно-технических текстах / О. А. Захарова, Д. А. Муртазина. — Махачкала, 2015. — С. 26–28.
8. Коркин, В. Д. Англо-русский и русско-английский словарь технических терминов / В. Д. Коркин, Ю. А. Табунщиков, М. М. Бродач. — М., 2001. — 340 с.
9. Корсун, О. В. Трудности перевода атрибутивных сочетаний с английского языка на русский / О. В. Корсун // Материалы V Всеукраинской научно-практической конференции «Инновационный потенциал украинской науки в XXI веке». — Киев, 2009.
10. Кочергин, В. И. Англо-русский толковый научно-технический словарь по системному анализу, программированию, электронике и электроприводу : в 2 т. / В. И. Кочергин. — Томск, 2008. — Т. 2. — 652 с.
11. Кочергин, В. И. Большой англо-русский толковый научно-технический словарь (компьютерных информационных технологий и радиоэлектроники) : в 5 т. / В. И. Кочергин. — Томск, 2015. — Т. 2. — 796 с.
12. Мурзо, Ю. Е. Особенности и трудности перевода терминов и словосочетаний с профессионального английского языка при подготовке студентов горных специальностей / Ю. Е. Мурзо // Образование и наука в современных условиях : материалы II междунар. науч.-практ. конф. — Чебоксары, 2015. — С. 249–252.
13. Пройдаков, Э. М. Англо-русский толковый словарь по вычислительной технике, интернету и программированию / Э. М. Пройдаков, Л. А. Теплицкий. — М., 2004. — 864 с.
14. Сердобинцева, Е. Н. Профессионализмы в научном стиле / Е. Н. Сердобинцева // Изв. Пензен. гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского, Гуманитар. науки. — 2011. — № 23. — С. 241–244.
15. Ханаху, Д. Р. Атрибутивные словосочетания в русском и английском языках : дис. ... канд. филол. наук / Д. Р. Ханаху. — Майкоп, 2007. — 166 с.

Сведения об авторах

Сботова Светлана Викторовна — кандидат культурологии, доцент кафедры английского языка, Пензенский государственный университет. Пенза, Россия. sbotova-svetlana@rambler.ru

Куляева Елена Юрьевна — кандидат культурологии, доцент кафедры иностранных языков, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства. Пенза, Россия. 020280@bk.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 4 (414). *Philology Sciences. Iss. 112. Pp. 145—152.*

PECULIARITIES OF LEXICS IN WORD COMBINATIONS USED IN TECHNICAL ENGLISH

S. V. Sbotova

Penza State University, Penza, Russia. sbotova-svetlana@rambler.ru

E. Yu. Kulyaeva

Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia. 020280@bk.ru

In the article a research of the English non-prepositional substantive phrases of regressive type used for the nomination in technical English is carried out. The authors define the lexical structure of phrases depending on the presence of specific and common vocabulary, conducted a component analysis to identify the main characteristics and value of the items identified the main ways of names of artifacts, processes, and materials described basic meanings of phrases. As a result of the conducted research it was revealed that the core and the adjunct represent common vocabulary; the core represents common vocabulary, and the adjunct is expressed by special vocabulary; both the core and the adjunct represent special vocabulary. It is revealed that proper names toponyms and antroponyms are their part. However descriptions as a part of which there are toponyms may contain also adjectives, derivative of proper names. The prepositive adjunct-component can indicate a form, structure and a way of production. The descriptions of processes have the distinctive features. Substantive phrases are used in this case for the descriptions of processes of heating, ventilation or processes necessary for performance of these or those works. The component structure of such phrases can point to a way of implementation of process.

Keywords: *lexical means, special word combinations, basic models, the results of analysis, classification.*

References

1. Barinov S.M., Borkovsky A.B., Vladimirov V.A. *Anglo-russkiy politekhnicheskiy slovar v 2 t. T. 2* [English-Russian polytechnic dictionary in 2 vol. Vol. 2]. Tomsk, 2007. 720 p. (In Russ.).
2. Berezhanskaya I.Y. *Konsubstantsionalnyie terminyi v lingvisticheskoy terminologii angliyskogo i russkogo yazykov* [Consubstantially terms in linguistic terminology, English and Russian languages]. Moscow, 2005. Pp. 1–10. (In Russ.).
3. Galperin I.R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, 2007. Pp. 5–18. (In Russ.).
4. Gorbunova V.S. *Spetsialnyie slovosochetaniya angliyskogo yazyika v tekstah stroitel'nogo profilya: nominativno-kognitivnyy potentsial* [Special phrases English texts building profile: nominative and cognitive potential]. Moscow, 1999. (In Russ.).
5. *Foreign languages for all. Dictionaries online. English-Russian building dictionary.* Available at: <http://classes.ru/dictionary-english-russian-build-term-27030.htm>.
6. Zakharova G.F. *Leksiko-stilisticheskie osobennosti uchebnyih tekstov dlya obucheniya nauchno-tehnicheskoy literatury na angliyskom yazyike* [Lexical and stylistic features of academic texts for teaching scientific and technical literature in English]. *Gumanitarnyy vestnik* [Humanitarian Bulletin], 2015, vol. 1 (27). (In Russ.).
7. Zakharova O.A., Murtazina D.A. *Perevod atributivnyih slovosochetaniy s angliyskogo yazyika na russkiy yazyik v nauchno-tehnicheskikh tekstah* [Translation of attributive word-combinations from English into Russian language technical and scientific texts]. Makhachkala, 2015. Pp. 26–28. (In Russ.).
8. Korkin V.D., Tabunschikov Y.A., Brodach M.M. *Anglo-russkiy i russko-angliyskiy slovar tehnikeskikh terminov* [English-Russian and Russian-English dictionary of technical terms]. Moscow, 2001. 340 p. (In Russ.).
9. Korsun O.V. *Trudnosti perevoda atributivnyih sochetaniy s angliyskogo yazyika na russkiy* [Difficulties in the translation of attribute combinations from English into Russian]. *Materialyi V Vseukrainskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Innovatsionnyy potentsial ukrainskoy nauki v XXI veke»* [Materials of V all-Ukrainian scientific-practical conference «Innovative potential of Ukrainian science in the XXI century»]. Kiev, 2009. (In Russ.).

10. Kochergin V.I. *Anglo-russkiy tolkovyy nauchno-tehnicheskiy slovar po sistemnomu analizu, programirovaniyu, elektronike i elektroprivodukst dlya perevoda* [English-Russian explanatory dictionary of computer science in systems analysis, programming, electronics and electric motors]. Tomsk, 2008. 652 p.
11. Kochergin V.I. *Bolshoy anglo-russkiy tolkovyy nauchno-tehnicheskiy slovar (kompyuternykh informatsionnykh tehnologiy i radioelektroniki) : v 3 t. T. 2* [English-Russian explanatory dictionary of computer science (computer information technologies and Radioelectronics) in 5 vol. Vol. 2]. Tomsk, 2015. 796 p. (In Russ.).
12. Murzo Yu.E. Osobennosti i trudnosti perevoda terminov i slovosochetaniy s professionalnogo angliyskogo yazyka pri podgotovke studentov gornykh spetsialnostey [Peculiarities and difficulties of translating terms and phrases with professional English language training of students of mining specialties]. *Obrazovanie i nauka v sovremennykh usloviyakh: materialy II mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii dlya perevoda* [Education and science in modern conditions: materials of the II International scientific and practical Conference]. Cheboksary, 2015. Pp. 249–252. (In Russ.).
13. Projdakov E.M., Teplitsky L.A. *Anglo-russkiy tolkovyy slovar po vyichislitelnoy tehnike, internetu i programmirovaniyu* [English-Russian dictionary of computers, Internet and programming]. Moscow, 2004. 864 p. (In Russ.).
14. Serdobintseva E.N. Professionalizmy v nauchnom stile [The excellences in the scientific style]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo* [Izvestiya Penza State Pedagogical University. V.G. Belinsky. Humanities], 2011, no. 23, pp. 241–244. (In Russ.).
15. Hanahu D.R. *Atributivnye slovosochetaniya v russkom i angliyskom yazykah* [Attributive word combinations in Russian and English languages]. Maykop, 2007. 166 p. (In Russ.).

УДК 811.134.1
ББК 81.2-03

«ГОВОРИ НА ЯЗЫКЕ ИМПЕРИИ»: К ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНИИ КАТАЛАНСКОГО ЯЗЫКА В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ Ф. ФРАНКО (1939–1975)

А. А. Терещук

РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

В данной статье рассматривается языковая политика испанского государства по отношению к каталанскому языку во время диктатуры Ф. Франко. Ставится под вопрос распространенное мнение о «запрете» каталанского языка в данный период. Изучаются языковые предпочтения жителей Барселоны в 60-х гг. XX в.

Ключевые слова: каталанский язык, языковая политика, диктатура Ф. Франко, каталонский сепаратизм.

Сецессионистский процесс в Каталонии является одной из наиболее актуальных проблем испанского государства. Проведение опроса о политическом будущем автономного сообщества в 2014 г., успех коалиции сепаратистских партий *Junts pel Sí* («Вместе за Да») на выборах в парламент региона в 2015 г. и массовые демонстрации сторонников независимости от Испании являются показателями данного феномена. Приверженцы самостоятельной Каталонии говорят об экономических выгодах отделения и о возможности создания полноценного гражданского общества в новом государстве. Не менее важную роль в риторике каталонских националистов играет и языковая проблема. Обсуждение вопроса сохранения каталанского языка перед «натиском» испанского занимает важное место в дискурсе политиков, выступающих за сецессию. Более того, в будущем в гипотетическом независимом каталонском государстве не исключается и вытеснение испанского языка из всех сфер общественной жизни. На развитии такого сценария настаивает П. Видаль, опубликовавший в 2015 г. книгу «Билингвизм убивает» (*El bilingüisme mata*), в которой проводит мысль о необходимости отказа от изучения и употребления испанского языка в Каталонии [32].

Одним из аргументов сепаратистов является идея о том, что правительство в Мадриде всегда пыталось вытеснить каталанский язык испанским. Период правления Ф. Франко (1939–1975) представляется ими как апогей притеснения каталанского языка. Например, Ж. Пужол, президент Женералитат в 1980–2003 гг. и один из идеологов современного каталонского национализма,

писал в своем знаменитом памфлете, обращенном против Ф. Франко, что «в Каталонии гонения на культуру принимают форму самого настоящего вандализма» [30]. А. Мас, президент Женералитат в 2010–2016 гг., заявил, что жертвами правления Ф. Франко «были Каталония и ее язык <...> и многие люди на протяжении долгих лет вынуждены были бороться за то, чтобы наши культура, идентичность и язык были сегодня живы» [7]. Подобная риторика выглядит оправданной в выступлениях политиков, пытающихся привлечь избирателей или сформировать благоприятное для них общественное мнение, но не вполне уместна в научной литературе. Тем не менее в работах ряда современных каталонских исследователей можно встретить оценки данного вопроса, по безапелляционности суждений не соответствующие научному тексту.

Например, Ж. Бенет в своей книге «Каталония при франкистском режиме» (*Catalunya sota el règim franquista*) заявляет, что «франкистское государство ответственно за попытку культурного геноцида» [10. Р. 11]. В качестве примера притеснения каталанского языка автор приводит запрет прессы на каталанском после 1939 г. [10], действия цензоров, разрешавших частную переписку исключительно на испанском языке [10] во время Гражданской войны¹, и замену ряда каталонских топонимов на испанские [10]. При этом сам Ж. Бенет замечает, что никакими документальными доказательствами репрессий

¹ О действиях цензуры по отношению к каталанскому языку писал также воевавший на стороне франкистов каталонский аристократ Х. М. Фонтана, объяснявший ее военной необходимостью [24].

против каталанского языка или людей, использующих его в общении, он не располагает; с его точки зрения, подобные документы существуют в секретных франкистских архивах [10].

Если труд Ж. Бенета является в определенной степени «научно-популярным», а не научным, то работа Ф. Феррера-и-Жирунеса [23] претендует на то, чтобы считаться серьезным исследованием в данной области. Автор связывает само начало Гражданской войны с желанием части испанского общества ограничить автономию Каталонии и уничтожить каталанский язык [23]. Согласно Ф. Ферреру-и-Жирунесу, «можно заметить, что во время диктатуры генерала Франко (1939–1975) каталанский язык запрещался во всех сферах, где он мог бы использоваться <...> Его истребление должно было стать геноцидом» [23. Р. 270]. Подобные эпитеты встречаются также в англоязычной статье Д. Конверси, автор которой характеризует франкистскую политику по отношению к каталанскому языку и культуре как жестокие («ferocious») репрессии [18].

В трудах отечественных исследователей также можно часто столкнуться с резкими оценками касательно данного вопроса. Так, например, Н. С. Авилова пишет, что «одной из основополагающих целей франкизма было исчезновение Каталонии как национального меньшинства Испанского государства, разрушение ее лингвистического и культурного богатства, резкое сокращение сферы использования каталанского языка, а именно, сведение его к наречию» [1. С. 5]. При Ф. Франко был принят «абсолютный запрет» на использование каталанского на всей территории региона [1]. Сходную оценку языковой ситуации в Каталонии можно встретить в статье Е. В. Астаховой, которая утверждает, что после Гражданской войны каталанский «был полностью запрещен к употреблению во всех сферах общественной жизни» [2. С. 2]. Д. В. Разумихина пишет, что каталанский в этот период «потерял свой официальный статус и перестал использоваться в общественных сферах. Письменный язык замыкается в самом себе, а устная речь, исключенная из всех сфер жизни, кроме семейной, попадает под сильное влияние испанского языка, становится жертвой самых разнообразных языковых интерференций, наполняется кальками и все дальше отдалается от своей письменной нормы» [5. С. 11]. Стоит отметить, что некоторые российские исследователи занимают нейтральную позицию по данному вопросу. Б. П. Нарумов пи-

шет, что при Ф. Франко каталанский был изъят из «сферы средств массовой коммуникации», но при этом не было ни одного закона, ограничивающего узус каталанского. В то же время региональный язык был представлен в книгопечатании, радио, телевидении и в системе образования [4]. Тем не менее в настоящее время как в языкознании, так и в исторической науке доминирует точка зрения, согласно которой правительство Испании в 1939–1975 гг. пыталось уничтожить каталанский язык или максимально ограничить его использование.

Данное положение представляется дискуссионным и не совсем точным. Целью настоящей статьи является попытка установить характер отношения испанского правительства в 1939–1975 гг. к каталанскому языку. За нижнюю границу рассматриваемого периода принято окончание Гражданской войны в Испании; верхней границей является год смерти Ф. Франко и начало демократических реформ в испанском обществе.

Прежде всего, отметим, что сам факт того, что значительное число каталонцев выступили на стороне Ф. Франко в конфликте 1936–1939 гг., ставит под вопрос тезис о причине Гражданской войны, как о желании уничтожить каталонскую идентичность¹. Помимо многочисленных офицеров и нижних чинов родом из Каталонии, служивших в различных подразделениях армии франкистов, ряд каталонских деятелей науки, литературы и искусства выразили свою поддержку «Национальному движению» (*Movimiento Nacional*) в Гражданской войне: писатели И. Агусти, А. Кальвет, Ж. Вальес-и-Пужалс, Ж. Пла и Э. Д'Орс; поэт Л. Рибер; художники Ж. М. Серт, П. Пруна и С. Дали; композитор Ф. Момпоу; филологи А. Гриера и М. де Рикер; историки Ф. Вальс и И. Касановас; кардиналы Э. Пле-и-Дениель и И. Гома и др. Предположение о том, что все эти люди сознательно выступали за запрет собственного языка, представляется маловероятным.

В то же время у победителей в Гражданской войне не было никаких идеологических установок, направленных против каталанского языка. Двумя наиболее влиятельными силами в послевоенной Испании стали фалангисты и карлисты. У испанской «Фаланги», основанной Х. А. Примо де Риверой, одним из основных принципов была идея единой Испании. В то же время из фалан-

¹ Положение, встречающееся, например, в уже упомянутых работах Ф. Феррера-и-Жирунеса и Н. С. Авиловой [1; 23].

гистского неприятия любых сепаратистских или автономистских движений не следовало, что региональные языки и культуры не имеют право на существование. По свидетельству Х. М. Фонтаны, Х. А. Примо де Ривера регулярно бывал в Барселоне и относился с большим интересом к Каталонии и ее культуре [24]. Как неоднократно подчеркивал Х. А. Примо де Ривера в своих выступлениях, само по себе существование регионального языка не было для него негативным явлением; осуждению подвергалось лишь использование языковой темы в политических целях каталонскими националистами. Например, в речи, произнесенной 29 октября 1933 г. в мадридском Театре комедии, в день основания «Фаланги», политик заявил, что цель их движения — добиться того, чтобы «все народы Испании, какими бы разными они ни были, могли гармонично сосуществовать, объединенные общей судьбой» [19]. Месяцем позднее, формулируя идеологическую платформу своей партии, Х. А. Примо де Ривера писал: «Сепаратисты обращают внимание, говорят ли они на отдельном языке, имеют ли расовые отличия, есть ли в их комарке особый микроклимат или своеобразный ландшафт местности. Однако — и это надо будет подчеркивать постоянно — нация это не язык, раса и не территория. Это единство судьбы в универсальном. Подобное единство судьбы называлось и называется Испанией» [29].

В отличие от фалангистов, карлисты выступали за фуэрос — привилегии отдельных регионов в составе Испании. Не ставя под сомнение единство государства, приверженцы карлизма подчеркивали культурное и языковое своеобразие каждого региона страны¹. Карлистское движение в Каталонии традиционно пользовалось популярностью, и этот регион был одним из центров карлизма вместе с Наваррой и Страной Басков [6]. Для карлистов язык был одним из ключевых элементов идентичности жителей Каталонии; защита и развитие каталанского языка были важными пунктами в карлистской программе. При этом, несмотря на сходное отношение к языковому вопросу, ставить знак равенства между каталонскими карлистами и сепаратистами было бы необоснованно².

Таким образом, идеологических предпосылок для запрета каталанского языка франкиста-

¹ Об идеологии карлизма см.: [3].

² Подробный разбор данного вопроса представлен в статье Ж. Канала [16].

ми до окончания Гражданской войны не было. Уже после победы «Национального движения» Р. Серрано Суньер, министр внутренних дел в 1938–1940 гг., сформулировал отношение испанских властей к каталанскому языку следующим образом: «Если каталанский будет являться орудием и инструментом сепаратизма, мы будем с ним бороться <...>. Если же каталанский будет служить для возвеличения нашего Отечества, с чего бы мы стали относиться к этому языку без должного уважения?» [17. Р. 91]. Разумеется, это высказывание, во многом определившее франкистскую языковую политику в Каталонии, не означает того, что развитие каталанского языка получило бы государственную поддержку. Кроме того, никак не определены критерии того, что может считаться сепаратизмом: теоретически, любое проявление региональной самобытности могло быть воспринято, как желание отделиться от Испании. Тем не менее ключевым является то, что Р. Серрано Суньер не ставил своей задачей уничтожение каталанского.

Оспаривая идею о сознательной попытке уничтожения каталанского языка испанскими властями в изучаемый период, было бы некорректно утверждать, что положение регионального языка в Каталонии не изменилось после 1939 г. Тот факт, что каталонские националисты выступили на стороне Республики, повлиял на формирование негативного образа местного языка в сознании части франкистов. Каталанский язык, особенно в первые месяцы после окончания войны, ассоциировался с дискурсом сепаратистов, что влекло за собой желание осуществлять коммуникацию исключительно на испанском³. Появляются такие призывы, как «Если ты патриот, говори по-испански» (*Si eres patriota habla español*) и «Если ты испанец, говори на языке Империи» (*Si eres español habla la lengua del Imperio*) [10. Р. 148–168]. Отмена в апреле 1938 г., в разгар войны, статута об автономии Каталонии влекла за собой переход исключительно на испанский язык в официальных документах. Сразу после окончания войны были запрещены вывески и афиши на каталанском языке [14]. В то же время никто не запрещал говорить по-каталански в неформальной обстановке. Генерал Э. Альварес, командующий

³ Использование испанского языка также коррелировало со слоганом сторонников «Национального движения» «Воспрянь, Испания!» (*¡Arriba España!*) и с их пропагандой, основанной на обращении к эпохе Католических Королей и Испанской империи.

испанскими войсками в Каталонии, в феврале 1939 г. пообещал, что употребление каталанского в семье и в частном общении никак не будет преследоваться [15]. Годом позднее, уже после прекращения режима военного положения, губернатор Барселоны В. Гонсалес подтвердил, что использование каталанского языка в частной жизни так же «естественно и законно», как и любого другого регионального языка Испании. В то же время в официальной обстановке предписывалось употреблять испанский язык, что должно было привести к «обогащению культуры каталонцев благодаря великолепному знанию официального языка помимо языка, используемого ими в повседневном общении» [15. Р. 3].

В дальнейшем, на протяжении диктатуры Ф. Франко, правительство Испании не издало ни одного законодательного акта, запрещающего каталанский язык¹. Более того, в некоторых случаях в 1939–1975 гг. каталанский язык пользовался защитой властей от критики со стороны частных лиц. В 1969 г. можно отметить нашумевшее «Дело Нестора Лухана». Н. Лухан, редактор газеты «Дестино» (*Destino*), опубликовал в своем издании письмо одного из читателей, которое было озаглавлено «Конец каталанского» (*El catalán se acaba*). Автор письма, чье настоящее имя установить не удалось, оскорбительно отзывался о каталанском языке. Редактор, опубликовавший данный материал, был осужден Верховным Судом на 8 месяцев заключения и 10 000 песет штрафа [20]. Это дело было не исключением из правил, но отражением тенденций в политике испанского государства по отношению к каталанскому во второй половине 60-х — начале 70-х гг. В 1970 г. Х. М. Пеман — писатель, член Королевской Академии испанского языка и один из идеологов режима Ф. Франко — опубликовал свою знаменитую статью «Каталанский язык.

¹ Запрет вывесок на каталанском языке выполнялся далеко не всегда. Анализ языкового ландшафта в Каталонии во второй половине XX в. заслуживает отдельного исследования; в настоящей работе в качестве примера обхода запрета на печать вывесок и объявлений на каталанском приведем официальную кинохронику 1966 г. В недавно опубликованном «Фильмотекой Испании» репортаже, показывающем визит Ф. Франко в Бергу (комарка Бергеда, провинция Барселона) в 1966 г., видно наличие на улицах города указателей и вывесок на каталанском языке («Exposició de fotografia», «Cinema retrospectiu», «Ordenacions sacerdotals» и др.) [27].

Стакан чистой воды» [28], в которой с сожалением отмечал предвзятое отношение некоторых испанцев к каталанскому языку и замечал, что изучать этот язык так же легко и приятно, как выпить стакан чистой воды.

Слова Х. М. Пемана не стали открытием для людей, занимавшихся каталанским языком профессионально. Уже в 1950-х гг. преподавание каталанского языка на филологических факультетах в университетах Испании стало повсеместным [31]. При этом первые занятия по каталанскому в университетах начались в 1944 г., всего через 5 лет после окончания Гражданской войны. Важной вехой в развитии каталанистики в изучаемый период стала публикация в 1951 г. «Исторической грамматики каталанского языка» (*Gramàtica històrica catalana*) А. Бадиа-и-Маргарита [8]; годом позднее Ф. де Боржа Моль выпустил еще одну значимую работу на данную тематику [12]. Рассматривая развитие каталанистики при франкизме, нельзя не отметить, что начиная с 1942 г. в Барселоне функционировал «Институт каталанских исследований» (*Institut d'Estudis Catalans*), занимавшийся изучением каталанского языка и культуры и выработкой языковой нормы.

Сам факт академического изучения каталанского не может быть показателем языковой политики государства. Даже в нацистской Германии ученые могли заниматься исследованиями, связанными с культурой, историей и языком еврейского народа (разумеется, в определенных идеологических рамках); однако эта научная работа никак не препятствовала созданию концентрационных лагерей и геноциду. Применительно же к Каталонии теоретическое изучение каталанского языка послужило базой для формирования программы школьного обучения. Стоит заметить, что если научные исследования в области каталанистики существовали с XIX в. и вышеперечисленные авторы имели возможность опираться на предшествующие им работы, то вопрос о преподавании каталанского в школе к середине XX в. был слабо разработан. За исключением короткого периода Второй Республики (1931–1939), каталанский не преподавался детям, и у педагогов не было серьезной теоретической базы в области преподавания каталанского в школе. Это стало одной из причин (вместе с настороженным отношением властей к каталанскому как к возможному инструменту сепаратистов) того, что уроки каталанского языка в школе были введены только

в 1967 г. С этого времени региональный язык преподавался учащимся муниципальных начальных школ в Каталонии; предмет был факультативным, то есть родители могли отказаться от него при желании. Программа предусматривала один урок каталанского ежедневно [21]. Через 8 лет, в мае 1975 г. (за полгода до смерти Ф. Франко), вышел декрет Министерства образования и науки о введении обучения региональным языкам в дошкольное образование и в среднюю школу [13].

При этом в изучаемый период можно отметить не только прогресс в каталонском языкознании и педагогике, но и развитие литературы и книгопечатания на каталанском языке. В 40–50-е гг. было произведено переиздание ряда классических произведений каталонской литературы на региональном языке, а количество книг, изданных на каталанском, возросло с 12 в 1946 г. до более 200 в 1960 г. [18]. При этом издавались не только классические произведения, но и современные. Многие каталонские поэты и писатели, жившие в Каталонии в 1939–1975 гг., писали и публиковались на родном языке. Например, в 1946 г. поэт С. Эсприу напечатал сборник стихов «Кладбище Синера» (*Cementiri de Sinera*), ставший одним из наиболее значимых поэтических произведений на каталанском языке в XX в. Позднее, в 1954 г., каталонский драматург Ж. М. де Сагарра получил «Национальную театральную премию» (*Premio Nacional de Teatro*) за драму «Блестящая рана» (*La ferida lluminosa*), написанную на каталанском языке¹. В то время как произведение Ж. М. де Сагарры было оценено на общеиспанском уровне, в изучаемый период можно отметить существование ряда премий, на которые могли претендовать только авторы, пишущие на каталанском языке: премия «Честь каталонской литературы» (*Honor de las Letras Catalanas*), премия «Золотая Буква» (*Lletra d'Or*), «Премия имени Пруденси Бертрана» (*Prudenci Bertrana*), «Премия имени Жозепа Пла» (*Josep Pla*) и «Премия имени Жоакина Руйры» (*Joaquim Ruyra*). Среди лауреатов данных наград фигурируют такие авторы, как Т. Мош, Ж. Вальверду, Б. Пурсел, Ж. Карне, Ж. Пла и др.

Каталанский язык при франкизме был не только языком литературы, но и средством общения каталонцев в повседневной жизни. Для анализа

частотности использования каталанского в устной речи в данный период, обратимся к материалам, собранным А. Бадиа-и-Маргаритом для написания своего фундаментального труда «Язык барселонцев» (*La llengua dels barcelonins*) [9]. Работа была опубликована в 1969 г., но опрос информантов происходил на протяжении нескольких лет, то есть данное исследование отражает социолингвистическую ситуацию в Барселоне во второй половине 60-х гг. Значимость данного временного промежутка заключается в том, что к этому моменту прошло три десятилетия после окончания Гражданской войны. За это время выросло, получило образование и сформировалось новое поколение, которое, согласно мнению каталонских националистов, жило в период «запрета» регионального языка. Тем не менее, как будет показано ниже, было бы необоснованно говорить об исчезновении или упадке каталанского языка в устной форме, в том числе среди молодежи.

Информантам А. Бадиа-и-Маргарита было предложено заполнить анкету из 35 вопросов, посвященных языковым предпочтениям участника опроса. Каждый интервьюируемый мог выбрать язык, на котором ему было удобнее отвечать. Из 12 муниципальных районов города в 5 преобладали анкеты, заполненные на каталанском, в 4 — на испанском, и в 3 районах не наблюдалось кардинального перевеса анкет ни на одном из языков [9]. Данный критерий не является решающим и может служить только как один из ориентиров при изучении языковых предпочтений жителей различных районов Барселоны. Тем не менее соотношение частотности употребления испанского и каталанского в речи барселонцев является лишь одним из аспектов исследования А. Бадиа-и-Маргарита; значительная часть представленных статистических данных касательно данного вопроса связана с языком, который информанты выбрали для работы с анкетами. В абсолютных цифрах соотношение анкет, заполненных на каталанском и на испанском языках, выглядит следующим образом: 2035 анкет (62,4 %) на каталанском, 1227 (37,6 %) на испанском [9]. Наибольший процент анкет на каталанском языке (69,5 %) отмечается в районе *Gràcia — Coll*, вошедшем в состав Барселоны только в конце XIX в.² Район с самым высоким процентом анкет на испанском

¹ Всего Ж. М. де Сагарра, после войны проживавший в Испании, в 1939–1961 гг. опубликовал 10 драматургических произведений, 1 поэму и 1 путеводитель на каталанском языке.

² Таким образом, преобладание каталанского в этом районе может быть связано с тем, что региональный язык в провинции использовался гораздо шире, чем в столице Каталонии.

языке (43,2 %) — это зона *Sant Andreu — La Trinitat*, на северо-восточной окраине Барселоны, ограниченной рекой Бесос [9]. Этот район можно охарактеризовать как «рабочее предместье» города.

Анализируя результаты исследования А. Бадиа-и-Маргарита, можно отметить некоторые закономерности в выборе анкеты на испанском или каталанском языке у представителей различных сфер деятельности. Самый высокий процент анкет, заполненных на каталанском языке, наблюдается у информантов, занимающихся торговлей (72,2 %) или связанных с церковными структурами (71,4 %). Меньше всего анкет на каталанском языке было получено от информантов, работающих в сфере транспорта (42,9 %). Интересным является то, что 55,3 % опрошенных чиновников заполнили анкеты на каталанском языке, то есть этот язык был предпочтительнее для более чем половины людей, находящихся на государственной службе и занимающихся управлением городом [9].

Если ввести в анализ переменную «возраст», наблюдаются две тенденции, связанные с предпочтением каталанского или испанского языка в разных возрастных группах. С одной стороны, среди информантов моложе 20 лет только 54 % предпочли каталанский язык (самый низкий показатель среди всех возрастных групп); у информантов в возрасте от 21 до 30 лет такой же процент анкет на каталанском языке (54,1 %). У людей более старших возрастных групп наблюдается рост процента информантов, выбравших каталанский язык: 31–40 лет — 55,7 %; 41–50 лет — 64,1 %; 51–60 лет — 65,6 %; 61–70 лет — 70,1 %. После 70 лет начинается снижение числа людей, предпочитающих каталанский: 71–80 лет — 63,4 %; старше 80 — 59 %. Количество информантов, не указавших свой возраст, является незначительным и не вносит кардинальных изменений в представленные данные [9]. Данная статистика отражает динамику развития каталанского языка. Являясь преимущественно языком деревни и небольшой группы барселонских интеллектуалов на протяжении большей части XIX в., каталанский начал активно проникать в городскую среду в конце XIX — начале XX вв. Поэтому информанты, родившиеся до 1889 г., используют каталанский приблизительно с такой же частотой, как и молодое поколение, выросшее после Гражданской войны (59 % — 54 %). Среди тех, кто родился во время бурного развития каталан-

ского в 1899–1918 гг., напротив, отмечается самый высокий процент использования регионального языка (70,1 % — 65,6 %).

Невысокий процент использования каталанского языка среди информантов моложе 30 лет¹ может быть объяснен двумя факторами. С одной стороны, негативное отношение части общества к каталанскому языку и ограничение употребления региональных языков в официальном регистре после 1939 г. могли оказать определенное влияние на формирование языковых предпочтений у молодых барселонцев. С другой стороны, в 60–70-е гг. XX в. наблюдался мощный миграционный поток из Андалусии и Эстремадуры в Каталонию. Развитие каталонской промышленности привело к появлению значительного числа рабочих мест; в то же время бедный аграрный юг Испании стал поставщиком рабочей силы. Большая часть переселенцев с юга были людьми молодого возраста; они владели только испанским языком и не старались перейти на региональный язык после переезда в Каталонию. Мигранты с юга расселялись преимущественно в Барселоне и ее пригородах, где были сосредоточены промышленные предприятия в регионе. Как отмечает К. Ильямола, прибытие в Каталонию мигрантов из других регионов Испании сильно повлияло на социолингвистическую ситуацию в регионе [26]. Результаты, полученные А. Бадиа-и-Маргаритом, объясняются присутствием мигрантов с юга среди информантов; было бы не совсем верно списывать снижение употребления каталанского среди молодежи запретом или репрессиями со стороны государства.

А. Бадиа-и-Маргарит принимал во внимание не только язык, выбранный информантом для заполнения анкеты, но и то, как оценивает информант свой уровень владения каталанским. Средний процент жителей Барселоны, указавших, что они свободно владеют региональным языком, составил 78,9 %. Самый высокий процент каталаноговорящих был отмечен в районе, занимающем нынешний *Raval* и часть *Eixample*, от площади Каталонии до площади Испании (83,9 %), и в уже упомянутой зоне *Gràcia — Coll* (83,7 %). Наименьший процент людей, владею-

¹ Невысоким он является только в сравнении с данными других возрастных групп; само по себе предпочтение каталанского языка испанскому у 54 % опрошенных барселонцев говорит о гармоничном сосуществовании регионального языка с общенациональным.

щих каталанским, проживал в районе *Barceloneta* (73 %). В рабочем районе *Poble Nou* также наблюдался один из самых низких процентов каталаноязычных жителей, 74,9 % [9].

Сравним данные 1969 г. с результатами исследования, проведенного в 2013 г. «Главным управлением по языковой политике» (*Direcció General de Política Lingüística*) при Правительстве Каталонии. Согласно статистике 2013 г., 71,8 % жителей Барселоны владеют каталанским языком, то есть на 7,1 % меньше, чем в 1969 г. При этом только 27,8 % барселонцев предпочитают использовать его в повседневном общении [22]. Если обратиться к статистике по всему региону, можно увидеть, что самый высокий процент людей, которые преимущественно используют каталанский, отмечается на юго-востоке Каталонии, в районе дельты реки Эбро (73,8 %). Во время Гражданской войны (1936–1939) эта местность стала ареной одного из крупнейших сражений; инфраструктуре был нанесен непоправимый ущерб, и долгое время после войны эта зона оставалась наименее экономически развитой частью Каталонии. Как следствие, данный район не привлекал мигрантов из Андалусии и Эстремадуры, которые предпочитали переселяться в промышленно развитую зону рядом с Барселоной. Можно предположить, что именно этим вызвана столь значительная разница в частотности использования каталанского между населением Барселоны и юго-востока Каталонии, то есть именно мигра-

ция, а не репрессивная политика государства стала основным фактором формирования нынешней социолингвистической ситуации в регионе.

Подводя итог всему вышеизложенному, можно сделать вывод, что часто встречающееся в научных работах и в публицистике мнение о репрессиях и запрете каталанского языка со стороны правительства Испании в 1939–1975 гг. является политически ангажированным и в значительной степени преувеличенным. Испанское государство в рассматриваемый период проводило политику централизации и жестко подавляло любые сепаратистские движения в регионах. Тем не менее использование региональных языков оставалось неотъемлемым правом всех жителей Испании. Испанский язык занимал лидирующие позиции в официальном регистре в Каталонии; при этом каталанский язык употреблялся без ограничений в частной жизни и литературе, а в отдельных случаях и в официальном регистре.

В настоящее время каталанский язык динамично развивается и, по оценкам барселонских лингвистов, сохранит свое значение на протяжении XXI в. [11]. Занимая нейтральную позицию в споре между каталонскими националистами и сторонниками единой Испании, можно утверждать, что нынешнее благоприятное положение каталанского на языковой карте Европы отчасти обусловлено бурным развитием каталанистики и лояльным отношением испанских властей к региональным языкам в третьей четверти XX в.

Список литературы

1. Авилова, Н. С. Языковая политика в Каталонии в период диктатуры Франко / Н. С. Авилова // Иберо-романистика в современном мире. Научная парадигма и актуальные задачи : тез. V междунар. конф. — М., 2010. — С. 5–6.
2. Астахова, Е. В. Манифест в защиту испанского языка — политическое и языковое измерение / Е. В. Астахова // Филолог. науки в МГИМО. — 2009. — № 36 (51). — URL: <http://www.old.mgimo.ru/files/128544/128544.pdf>.
3. Василенко, Ю. В. Генезис карлизма и проблемы типологии испанского консерватизма / Ю. В. Василенко // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отделения Рос. акад. наук. — 2016. — № 1, т. 16. — С. 92–111.
4. Нарумов, Б. П. Каталонский язык / Б. П. Нарумов // Романские языки. — М., 2001. — С. 492–517.
5. Разумихина, Д. В. Процессы нормализации каталанского языка : дис. ... канд. филол. наук / Д. В. Разумихина. — М., 1991. — 20 с.
6. Anguera, P. El carlisme a Catalunya, 1827–1936 / P. Anguera. — Barcelona, 1999. — 139 p.
7. Artur Mas, a Vic : «Els botxins del català es presenten ara com a víctimes» // Nació Digital. — 14.05.2015. — URL: <http://www.naciodigital.cat/osona/noticia/46331/artur/mas/vic/botxins/catala/es/presenten/ara/victimes>.
8. Badia i Margarit, A. Gramàtica històrica catalana / A. Badia i Margarit. — Barcelona, 1951. — 385 p.
9. Badia i Margarit, A. La llengua dels barcelonins. Resultats d'una enquesta sociològic-lingüística / A. Badia i Margarit. — Barcelona, 1969. — 684 p.

10. Benet, J. Catalunya sota el règim franquista / J. Benet. — Barcelona, 1978. — 459 p.
11. Boix i Fuster, E. Un panorama sociolingüístic dels territoris de llengua catalana / E. Boix i Fuster // Els futurs del català. Un estat de la qüestió i una qüestió d'estat. — Barcelona, 2008. — P. 11–27.
12. Borja Moll F. de Gramàtica històrica catalana. — Madrid, 1951. — 449 p.
13. Boletín Oficial del Estado. — 01.06.1975. Decreto 1433/1975, de 30 de mayo. — URL: <http://boe.es>.
14. Butlletí Oficial de la Província de Barcelona. — 06.09.1939. — URL: <http://www.diba.cat/>.
15. Butlletí Oficial de la Província de Barcelona. — № 1 (04.02.1939). — URL: <http://www.diba.cat/>.
16. Canal, J. El nacionalismo catalán: mitos y lugares de memoria / J. Canal // Historia y política. — 2005. — № 14. — P. 45–84.
17. Clara, J. Epistolari de Josep Cartañà, bisbe de Girona (1934–1963) / J. Clara. — Barcelona, 2000. — 296 p.
18. Conversi, D. Ideological fragmentation, cultural nationalism and state violence. Euskadi and Catalonia (1939–1968) / D. Conversi // Canadian Review of Studies in Nationalism. — 1999. — XXVI. — P. 37–51.
19. Discurso de la fundación de Falange Española. Teatro de la Comedia de Madrid, el día 29 de octubre de 1933. — URL: <http://www.rumbos.net/ocja/jaoc0011.html>.
20. El Supremo confirma una sentencia contra don Nestor Luján // La Vanguardia. — 30.03.1969. — URL: <http://www.lavanguardia.com/hemeroteca>.
21. En octubre, enseñanza del catalán en las escuelas municipales // La Vanguardia, 12.09.1967. — URL: <http://www.lavanguardia.com/hemeroteca>.
22. Els usos lingüístics de la població de Catalunya. — URL: http://llengua.gencat.cat/web/.content/documents/publicacions/altres/arxiu/eulp2013_fullet.pdf.
23. Ferrer i Gironès, F. La persecució política de la llengua catalana. Història de les mesures preses contra el seu ús des de la Nova Planta fins avui / F. Ferrer i Gironès. — Barcelona, 1985. — 308 p.
24. Fontana, J. M. Los catalanes en la guerra de España / J. M. Fontana. — Madrid, 1951. — 380 p.
25. González, W. El uso del idioma nacional en todos los servicios públicos / W. González // La Vanguardia Española. — 30.06.1940.
26. Illamola, C. Contacto de lenguas y la expresión de la posterioridad temporal en el español de Cataluña: Tesis doctoral / C. Illamola. — Barcelona: Universitat de Barcelona, 2015. — 630 p.
27. La visita de Franco a Berga l'any 66 — “Apoteosis en Berga”. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vQW0o5hJSzI>.
28. Pemán, J. M. El catalán: un vaso de agua clara / J. M. Pemán // ABC. — 13.04.1970. — URL: <http://hemeroteca.abc.es/>.
29. Primo de Rivera, J. A. Puntos iniciales / J. A. Primo de Rivera // FE. — 07.12.1933. — URL: <http://www.rumbos.net/ocja/jaoc0014.html>.
30. Pujol, J. Us presentem el general Franco / J. Pujol. — Barcelona. — 1960. — URL: <http://flicxcat.blogspot.ru/2010/05/us-presentem-el-general-franco.html>.
31. Sánchez Miret, F. Rumanística en la Universidad de Salamanca / F. Sánchez Miret // Philologica Jassyensia. — № II (2). — 2006. — P. 257–261.
32. Vidal, P. El bilingüisme mata / P. Vidal. — Barcelona, 2015. — 248 p.

Сведения об авторе

Терещук Андрей Андреевич — Ph. D. (филология), управление по связям с общественностью, РГПУ им. А. И. Герцена. Санкт-Петербург, Россия. san_petersburgo@inbox.ru, atereschuk@herzen.spb.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 4 (414). *Philology Sciences. Iss. 112. Pp. 153–162.*

«USE THE LANGUAGE OF THE EMPIRE»: REVISITING THE QUESTION OF THE SITUATION WITH CATALAN IN THE PERIOD OF FRANCO'S DICTATORSHIP (1939–1975)

A. A. Tereshchuk

The Herzen State Pedagogical University of Russia. Saint-Petersburg, Russia. san_petersburgo@inbox.ru, atereschuk@herzen.spb.ru

The article is devoted to the language policy in Spain in 1939–1975. It analyzes the ideology of the leaders of the Spanish National Movement and their attitude towards Catalan. The research studies the language politics of the Francoist authorities during the Spanish Civil War (1936–1939) and shows the incorrectness of extrapolation of some restrictions of the use of Catalan explained by the martial law in 1936–1939 to the whole period of Franco's dictatorship. Facts concerning the development of Catalan studies, literature and book-printing and the introduction of classes of this language at Spanish schools and universities in 1939–1975 are presented. The article uses the results of the sociolinguistic study by A. Badia i Margarit "The language of Barcelona" to describe the language preferences of the inhabitants of the capital of Catalonia. The investigation accomplished by A. Badia i Margarit shows that in the 1960s the population of Barcelona used Catalan in oral speech more often than nowadays.

Keywords: *Catalan language, language politics, Franco's dictatorship, Catalan separatism.*

References

1. Avilova N.S. Jazykovaja politika v Katalonii v period diktatury Franko [Language politics in Catalonia during the period of Franco's dictatorship]. *Ibero-romanistika v sovremennom mire. Nauchnaja paradigma i aktual'nye zadachi. Tezisy V mezhdunarodnoj konferencii* [Ibero-romance studies in the modern world. Scientific paradigm and actual tasks. Proc. V international conference]. Moscow, 2010. Pp. 5–6. (In Russ.).
2. Astahova E.V. Manifest v zashhitu ispanskogo jazyka — politicheskoe i jazykovoe izmerenie [Manifest in defense of the Spanish language — political and scientific dimension]. *Filologicheskie nauki v MGIMO : sb. nauch. tr.* [Philology at MGIMO], 2009, no. 36 (51). Available at: <http://www.old.mgimo.ru/files/128544/128544.pdf>. (In Russ.).
3. Vasilenko J.V. Genezis karlizma i problemy tipologii ispanskogo konservatizma [Genesis of the Carlism and problems of the typology of Spanish conservatism]. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk* [Scientific annals of the Institute of philosophy and law of the Ural department of the Russian academy of sciences], 2016, no. 1, vol. 16, pp. 92–111. (In Russ.).
4. Narumov B.P. Katalanskij jazyk [Catalan language]. *Romanskije jazyki* [Romance languages]. Moscow, 2001. Pp. 492–517. (In Russ.).
5. Razumihina D.V. *Processy normalizacii katalanskogo jazyka* [Processes of normalization of Catalan language]. Moscow, 1991. 20 p. (In Russ.).
6. Anguera P. *El carlisme a Catalunya, 1827–1936*. Empúries, Barcelona, 1999. 139 p. (In Cat.).
7. Artur Mas, a Vic: «Els botxins del català es presenten ara com a víctimes». *Nació Digital*, 14.05.2015. Available at: <http://www.naciodigital.cat/osona/noticia/46331/artur/mas/vic/botxins/catala/es/presenten/ara/victimes>. (In Cat.).
8. Badia i Margarit A. *Gramàtica històrica catalana*. Barcelona, 1951. 385 p. (In Span.).
9. Badia i Margarit A. *La llengua dels barcelonins. Resultats d'una enquesta sociològico-lingüística*. Barcelona, 1969. 684 p. (In Cat.).
10. Benet J. *Catalunya sota el règim franquista*. Barcelona, 1978. 459 p. (In Cat.).
11. Boix i Fuster E. Un panorama sociolingüístic dels territoris de llengua catalana. *Els futurs del català. Un estat de la qüestió i una qüestió d'estat*. Barcelona, 2008. Pp. 11–27. (In Cat.).
12. Borja Moll F. de *Gramàtica històrica catalana*. Madrid, 1951. 449 p. (In Span.).
13. *Boletín Oficial del Estado*. 01.06.1975. Decreto 1433/1975, de 30 de mayo. Available at: <http://boe.es>. (In Span.).

14. *Butlletí Oficial de la Província de Barcelona*, 06.09.1939. Available at: <http://www.diba.cat/>. (In Span.).
15. *Butlletí Oficial de la Província de Barcelona*, no. 1 (04.02.1939). Available at: <http://www.diba.cat/>. (In Span.).
16. Canal J. El nacionalismo catalán: mitos y lugares de memoria. *Historia y política*, 2005, no. 14, pp. 45–84. (In Span.).
17. Clara J. *Epistolari de Josep Cartaïà, bisbe de Girona (1934–1963)*. Barcelona, 2000. 296 p. (In Span. / Cat.).
18. Conversi D. Ideological fragmentation, cultural nationalism and state violence. Euskadi and Catalonia (1939–1968). *Canadian Review of Studies in Nationalism*, 1999, XXVI, pp. 37–51.
19. *Discurso de la fundación de Falange Española. Teatro de la Comedia de Madrid, el día 29 de octubre de 1933*. Available at: <http://www.rumbos.net/ocja/jaoc0011.html>. (In Span.).
20. El Supremo confirma una sentencia contra don Nestor Luján. *La Vanguardia*, 30.03.1969. Available at: <http://www.lavanguardia.com/hemeroteca>. (In Span.).
21. En octubre, enseñanza del catalán en las escuelas municipales. *La Vanguardia*, 12.09.1967. Available at: <http://www.lavanguardia.com/hemeroteca>. (In Span.).
22. *Els usos lingüístics de la població de Catalunya*. Available at: http://llengua.gencat.cat/web/content/documents/publicacions/altres/arxiu/eulp2013_fullet.pdf. (In Cat.).
23. Ferrer i Gironès F. *La persecució política de la llengua catalana. Història de les mesures preses contra el seu ús des de la Nova Planta fins avui*. Barcelona, 1985. 308 p. (In Cat.).
24. Fontana J.M. *Los catalanes en la guerra de España*. Madrid, 1951. 380 p. (In Span.).
25. González W. El uso del idioma nacional en todos los servicios públicos. *La Vanguardia Española*, 30.06.1940. (In Span.).
26. Illamola C. *Contacto de lenguas y la expresión de la posterioridad temporal en el español de Cataluña*. Barcelona, 2015. 630 p. (In Span.).
27. La visita de Franco a Berga l'any 66 — “Apotheosis en Berga”. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=vQW0o5hJSzI>.
28. Pemán J.M. El catalán: un vaso de agua clara. *ABC*, 13.04.1970. Available at: <http://hemeroteca.abc.es/>. (In Span.).
29. Primo de Rivera J.A. Puntos iniciales. *FE*, 07.12.1933. Available at: <http://www.rumbos.net/ocja/jaoc0014.html>. (In Span.).
30. Pujol J. *Us presentem el general Franco*. Barcelona, 1960. Available at: <http://flicxcat.blogspot.ru/2010/05/us-presentem-el-general-franco.html>. (In Cat.).
31. Sánchez Miret F. Rumanística en la Universidad de Salamanca. *Philologica Jassyensia*, II (2), 2006, pp. 257–261. (In Span.).
32. Vidal P. *El bilingüisme mata*. Barcelona, 2015, 248 p. (In Cat.).

УДК 398.222
ББК 82 (2Рос-4Кур)

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ЗАУРАЛЬСКИХ ЛЕГЕНД О ЯВЛЕННЫХ ИКОНАХ

В. П. Федорова

Курганский государственный университет, Курган, Россия

В статье впервые рассматриваются зауральские легенды о явленных иконах. Эмпирической базой исследования являются вербальные тексты о четырех иконах, официально признанных явленными и чудотворными: Чимеевской Божией Матери, два списка Порт-Артурской Божией Матери (Торжество Пресвятой Богородицы) и Николая Чудотворца.

Цель статьи — выявить типологические константные черты текстов, что выводит исследование на проблему жанровой идентификации обозначенных легенд.

На основании типологического метода анализа художественных явлений и методологии, разработанной Б. Н. Путиловым («Фольклор и народная культура»), выявлен круг константных черт в текстах, что позволило выделить в жанре легенд о чудотворных иконах поджанровый тип — легенды об иконах явленных.

Чудоявление иконы показательно как типологический мотив ряда легенд. Мотив божественного обретения иконы определяет другие мотивы: обретение иконы у воды безгрешными людьми, специфический хронотоп, чудотворение, трагедийные судьбы икон на земле, страдание их за христианство, культурологическая значимость, идея бессмертия иконы, репрезентированная утратой святыми и вторичным ее явлением.

Исследование входит в региональный аспект изучения устной поэзии, рожденной чудоявлением икон.

Ключевые слова: *икона, легенда, мотив, жанр, явленная икона, чудотворная икона, чудотворение, пространство и время, народное православие, сакральный локус.*

Опорой в изучении жанровых образований легенд можно признать классификацию, предложенную Б. Н. Путиловым. Им выделены в «безбрежном море» фольклорных материалов *области*, далее названы *разделы*. «На следующей (третьей по счету) ступени включается категория *жанра*». Далее указывается более узкий термин — *тип*, то есть поджанр [9].

Проблема классификации легенд об иконах поднята И. М. Снегирёвым, отметившим связь изображения и слова. Рассматривая главные общие понятия о русской христианской живописи, он обратил внимание на два типа своеобразных икон — «чудотворные» и «явленные». Чудотворные, по его наблюдениям, отмечены чудесами. «Что же касается до явленных икон, то под этим названием известны чудесно обретенные, по особенному усмотрению промысла Божия, который нередко сам являл верующим иконы, неизвестной рукой написанные» [11. С. 33–34]. Важны замечания Ф. И. Буслаева о связи изображения и слова [2], а также об отражении в этой области творчества национального русского характера, истории, социальных

и бытовых обстоятельств [2]. Однако легенды о явленных иконах не привлекли пристального внимания ученого. В настоящее время актуализирована проблема регионального изучения комплекса материалов, связанных с явлением икон [3]. Заметим, что понятие «чудотворная икона» шире понятия «явленная», так как явленная икона тоже отмечена чудотворением.

Материалом нашего исследования являются легенды об обретенных иконах, бытующие в Зауралье. Они соединяют региональную историю святынь с общерусской традицией. Сложенные в разное время, легенды имеют общие черты. Мы рассматриваем тексты о четырех иконах, официально признанных явленными: два (из четырех дореволюционных) списка с икон Порт-Артурской Божией Матери (Торжество Пресвятой Богородицы, Далматовский монастырь, районный центр Мишкино); чимеевская темноликая Казанская Божия Матерь (Чимеево, Белозерский район) и Николай Чудотворец (с. Утятское Притобольного района).

Что типизирует устные тексты о явленных иконах? Что позволяет характеризовать их

как поджанровый тип? На ряд жанровых признаков легенд о явленных святынях указала Л. И. Журова [3]. Эмпирической базой ее исследования были локальные тексты о Колочской иконе. Зауральские материалы позволяют обозначить более широкий круг жанровых признаков этого типа (поджанра) легенд. Во-первых, *мотив* явления благодаря Провидению. Мотив является структурообразующим. Им задаются образная система, сюжет и его композиция. Во-вторых, *хронотоп*: обретают икону ясным, как правило, весенним утром. На фоне лучей солнца икона, сияя золотом, согревает боготворный мир [7]. Характерно не только время, но и пространство — водоем, чистая открытая вода или подземный целебный ключ, который пробивается сквозь толщу земли. Мотив обретения святыни у воды связан с представлениями об источниках как священных и целебных [6]. Отсутствие водоема в момент обретения иконы восполняется в процессе жизни иконы в данном пространстве. Так, на месте явления иконы «Усекновение главы Иоанна Предтечи» (деревня Кресты) родничок позже раскопали приходившие поклониться иконе и святому месту люди. Обретение Порт-Артурской Богородицы диковинно связано с водой: о необходимости создать ее образ поведал старый *матрос*, защитник Севастополя [6]. Ему было видение, по которому образ Богородицы для Порт-Артура накануне русско-японской войны и был изготовлен. На полях иконы эмалированной вязью шла надпись: «В благословение и знамение торжества христолюбивому воинству Дальней России со святых обитателей Киевских и 10 000 богомольцев и друзей». Дело в том, что для сотворения иконы нужны были деньги, как бы сказали сейчас, на расходные материалы. Сбор ограничивался одним рублем с дарителя.

Защитник Севастополя, знавший цену каждой пяди русской земли, усердно молился за отечественный флот, находившийся в Порт-Артуре. Матрос чувствовал неминуемые беды русских моряков на Востоке. Искренние молитвы за моряков отзывались сакральным видением. Однажды во сне он увидел Богородицу: стоя спиной к заливу моря, она держала в руках белый продолговатый плат с сиреневой каймой. На плате был изображен лик Спасителя. Отчетливо видел защитник славы русской земли синий хитон Богородицы и верхнее коричневое одеяние. Но самым удивительным было то, что Богородица стояла на двух обнаженных, отточенных и обою-

доострых сломанных самурайских мечах. С правой стороны сверху от лика Богородицы находилась Архистратиг Михаил, с левой — Архангел Гавриил. Над головой ее ангелы держали царскую корону, увенчанную перекрещивающимися радугами с крестом наверху. Еще выше кучились облака, на которых восседал Господь Саваоф. Облака поддерживались небесной силой. Все это вершилось надписью по сиянию: «Да будет едино стадо и един пастырь» [6. С. 1]. Явление святыни матросу воплотил в икону художник. «Это — первая явленная в XX веке икона и единственная, где Мать Божия изображена как воительница, попирающая оружие; с платом, как Святая Вероника, всегда готовая прийти к нам на помощь; со взрослым сыном, акцентирующая наше внимание на образе Спаса Нерукотворного», — пишет Н. Б. Павлов [6. С. 8].

Жанровым признаком легенд о явленных иконах является и *мотив обретения их чистыми, непорочными людьми*: детьми, стариками, трудолюбивыми кормильцами-крестьянами: «Весенним днем кто-то из ребятишек, игравших на берегу Ниапа, внезапно увидел чудо: по речным волнам навстречу течению плыла большая икона. Ни одна струйка воды не колыхнула ее. Икона как будто шла к людям. И пришла. Остановившись у берега, она стала медленно вращаться, словно оценивая место, где ей придется жить» [7. С. 5].

Мотив явления иконы безгрешным людям характерен и для легенды о лике Николая Чудотворца (Утятское): «Ее увидела женщина. Какое фамилие? Давно было, никто не помнит. Ну, вот она пошла рыбу на Тоболе мыть. Почистила много, знать. Моет себе. Глядь — чудо: по реке шла икона. Прямо в полный рост. Даже вода не всплеснула. Стоит икона, не шелохнется. Женщина бросилась в воду: спасать надо. Икона отплыла. Женщина опять на нее — та опять отошла и подошла сама к берегу. Женщина побежала в деревню. Закричала: “Там икона по воде пришла”. Собрались люди во главе с батюшкой. Икона далась им. Принесли обществом в храм. Потом прихожане собрали деньги, украсили иконостас» [1. С. 43].

Икона Порт-Артурской Богородицы (Далматовский список), по легенде, открылась в озерном краю Курганской области — в Частоозерье. Явилась она местным земледельцам, перебиравшим старый дом, на месте которого собирались ставить новый: «На чердаке нашли икону, бережно уложенную кем-то в ящик.

Подумав, куда бы определить так чудодейственно обретенную святыню, частоозерцы решили отнести ее в Далматов монастырь, до которого в конце 90-х годов XX века добраться было нелегко» [б. С. 22–23]. Собранный материал о Порт-Артурском списке Н. Б. Павлов предполагает, что Частоозерский вариант попал в Зауралье в силу трагической ситуации. Икону в осажденный Порт-Артур послала с полковым священником о. А. Агаевым сестра погибшего там капитана второго ранга А. В. Лебедева. Но о. Алексей (Агаев) погиб где-то на пути следования по железной дороге, которая связывала страны и тянулась через Зауралье. В пути икона затерялась. Может быть, это и есть один из ее четырех дореволюционных списков.

Мишкинский список — загадка. Как он оказался здесь — никто не знает. Легенды тоже не проясняют вопрос. По изысканиям Н. Б. Павлова, список мог подарить местный богач из крестьян П. А. Горнов. К открытию храма Пресвятой Богородицы в 1908 г. он привез из Киева предметы для служб. Не исключено, что икону он купил там же и доставил в Мишкино.

Сопоставление вербальных текстов о явленных иконах позволяет выделить еще один из константных признаков — драматическую судьбу святынь. Идея страдания за христианский мир реализуется через яркие элементы, входящие в сюжеты легенд. Жизнь среди людей драматизирует судьбы икон, а самих людей проверяет на прочность. В ряде текстов икона исчезает навсегда, покидая греховный мир: так, например, пропала икона из Крестовского храма. На годы вынуждена была покинуть свой дом Порт-Артурская Божия Матерь. «Стали иконы зорить, церкву закрывать. Когда было? Ну, до войны. Люди стали уносить и прятать иконы. Потом, уже года три-четыре после войны, церкву открыли. Нежилое все было. Отмыли, высушили, иконы принесли» (зап. В. П. Федоровой и Е. В. Рычковой в 2018 г. от З. Г. Бухаровой, 1946 г. р.). Через огонь прошла Чимеевская Божия Матерь. Ее дом-храм в 1944 г. власть определила под зерно; только начавшееся разрушение пола остановило использование святой обители под зернохранилище. Испытание выпало на долю Мишкинской иконы: она вынуждена была покинуть свое место. Жители Утятского переживают, что их икону «как бы согнали со своего места»: перенесли в один из храмов областного центра.

Легенды соотнесены с духовными стихами, декларацией выбора человеком пути к святыне, от-

ношения к ней. Самому человеку предоставляется возможность выбора пути добра или пути зла: почитания явленных икон или разрушения их. Создатели и носители легенд четко определяют свою позицию, ставя на высокую шкалу ценности спасение национальных святынь.

Легенды о явленных иконах типологизирует с легендами о чудотворных святынях мотив оказания небесными силами помощи людям. Помощь, подобно жизни, многообразна: в болезнях, дальней дороге, бездетности. «Слышала от людей, — рассказала Г. А. Кривоногова, — что одна семейная пара девять лет приезжала просить Матушку Порт-Артурскую о ребенке. Помогла, родили. Родили» (зап. В. П. Федоровой и Е. В. Рычковой от Г. А. Кривоноговой, 1942 г. р.).

Распространена легенда о помощи иконок-святынь: «Приложи хоть к голове, хоть к руке, хоть к зубам, — всё помогает» (зап. В. П. Фёдоровой и Е. В. Рычковой от Г. А. Кривоноговой, 1942 г. р.).

Идея защиты морских границ и моряков, заложенная в легендах о явленных иконах, явилась основой текста о спасении тела погибшего матроса: «Тоже от людей слышала. Где-то было кораблекрушение. Много погибло. Убивались отцы-матери. Даже тела не было, могилки нет. Одна мать всё ходила, ходила — молилась у Порт-Артурской. Она же и моряков спасает. Долго молилась. Сообщили — нашлось тело. Хоть похоронить — и то слава Божией Матери» (зап. В. П. Фёдоровой в 2018 г. от Н. Ф. Бегуновой).

В легендах разработан мотив помощи Чимеевской Божией Матери и ключа, бьющего из-под горы, на которой стоит ее храм.

Жанровым признаком рассматриваемых текстов является мотив сакрализации места явления иконы. Оно отмечается строительством часовен, храмов. Устойчив мотив культурологического значения явления святынь: место обретения становится центром общественной, производственной, творческой, хозяйственной жизни региона. Так, явление иконы «Усекновение главы Иоанна Предтечи» способствовало становлению третьей в России по товарообороту Крестовской ярмарки, давшей импульс творческой активности значительного региона [10].

В качестве жанрового признака исследуемых легенд можно назвать организующую функцию явленных икон. Они сплачивают людей в самых драматических ситуациях. Показателен в этом плане крестный ход — моление о дожде, помощи в преодолении повальных болезней.

Из поколения в поколение транслируется сюжет о крестном ходе в Чимееве во время засухи в 1921 г.: «Каждый день — голубой небосвод, ни облачка, и палящее всесожигающее солнце. Травы поникли. Стали чахнуть колосья, сворачиваться листья» [7. С. 29]. Решили идти крестным ходом с благословения батюшки: «Дюжие мужики взяли с двух сторон икону Царицы Небесной, понесли к выходу. Следом за ними пошли псаломщики, певчие, затеснился народ. Запели: «Пресвятая Богородица, спаси нас». Вынесли образ матушки на улицу <...>. Пошли в поле <...>. В полях отслужили молебен... Помолившись, пошли обратно. Едва зашли в церковную ограду, как подул резкий ветерок, набежали тучи <...>. Икону занесли в храм. Полыхнуло. И сразу обру-

шился ливень, щедро поя исстрадавшуюся землю оживляющей влагой» [7. С. 30].

Отличительной жанровой чертой явленных икон является мотив вторичного обретения святынь — своеобразного залога их бессмертия. Выбор иконами крестьян как своих спасителей возвышает земледельцев края как искренне верующих христиан. Легенды о явленных иконах обращены к духовному миру человека. Они пронизаны верой в человека, в его разум и способность сделать достойный выбор в мире, сотканном из добра и зла. Чудом небесного сошествия святыни задана константность жанровых черт легенд, представляющих собой своеобразный поджанровый тип жанра произведений о чудотворных иконах.

Список литературы

1. Архив КГУ. Коллекция «Нагорское-88».
2. Буслаев, Ф. И. О литературе. Исследования. Статьи / Ф. И. Буслаев. — М., 1990. — 512 с.
3. Журова, Л. И. Сказание о Колочской иконе / Л. И. Журова. — Новосибирск, 2000. — 260 с.
4. Мизь, Н. Порт-Артурская икона Божией Матери / Н. Мизь // Журн. Москов. Патриархии. — 1998. — № 10. — С. 6.
5. Окунев, Н. О. Иконы / Н. О. Окунев // Христианство: Энциклопедический словарь : в 3 т. — М., 1993. — Т. I. — 863 с.
6. Павлов, Н. Б. Порт-Артурская икона «Торжество Пресвятой Богородицы» на Зауральской земле / Н. Б. Павлов // Звонница. Альманах. — 2008. — № 2. — 111 с.
7. Панфилов, С. Чимеевская святыня / С. Панфилов. — Новосибирск, 2008. — 143 с.
8. Пропп, В. Я. Фольклор и действительность / В. Я. Пропп. — М., 1976. — 324 с.
9. Путилов, Б. Н. Фольклор и народная культура / Б. Н. Путилов. — СПб., 1994. — 236 с.
10. Серафимов, А. Ивановская ярмарка в Шадринском уезде / А. Серафимов // Перм. губерн. вед. — 1861. — № 26. — С. 336–339, 348–349.
11. Снегирёв, И. Чудотворные, явленные, небошественные... / И. Снегирёв // Православная икона. Канон и стиль: к Богословскому рассмотрению образа. — М., 1998. — 496 с.
12. Христианство: Энциклопедический словарь : в 3 т. — М., 1995. — Т. I. — 863 с.
13. Христианство: Энциклопедический словарь : в 3 т. — М., 1995. — Т. II. — 870 с.
14. Чистов, К. В. Русская народная утопия / К. В. Чистов. — СПб., 2003. — 538 с.
15. Чистов, К. В. Фольклор. Текст. Традиция / К. В. Чистов. — М., 2005. — 272 с.
16. Шапарева, Н. С. Краткая энциклопедия славянской мифологии / Н. С. Шапарева. — М., 2001. — 624 с.
17. Шеваренкова, Ю. М. Исследования в области русской фольклорной легенды / Ю. М. Шеваренкова. — Н. Новгород, 2004. — 214 с.

Сведения об авторе

Федорова Валентина Павловна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и фольклора филологического факультета, Курганский государственный университет. Курган, Россия.

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 4 (414). *Philology Sciences. Iss. 112. Pp. 163—167.*

GENRE SPECIFICS OF THE TRANS-URAL LEGENDS ABOUT THE SHOWN ICONS

V. P. Fedorova

Kurgan State University, Kurgan, Russia

For the first time the trans-Ural legends of the shown icons are considered in the article. Empirical base of the research are verbal texts about four icons, officially recognized as shown and wonder-working: Chimeevsky Mother of God, two lists of the Port-Artursky Mother of God (Blessed Virgin Mary's Celebration) and St. Nicholas the Wonderworker. The purpose of the article is to reveal typological constant lines of texts. It brings the research to a problem of genre identification of the named legends. On the basis of a typological method of the analysis of the art phenomena and the methodology developed by B. N. Putilov ("Folklore and national culture"), the circle of constant lines is revealed in texts that has allowed to allocate in a genre of legends of wonder-working icons the subgenre type — legends of the shown icons. The wonderful appearance of an icon is indicative as typological motive in a number of legends. The motive of divine finding of an icon defines other motives: finding an icon at water by innocent people, a specific chronotope, wonderful creation, the tragical fate of icons on the earth, their suffering for Christianity, the culturological importance; the idea of immortality of an icon and its secondary appearance. The research is a part of regional aspect of the study of the oral poetry.

Keywords: *icon, legend, motive, genre, the shown icon, wonder-working icon, wonderful creation, space and time, national Orthodoxy, sacral locus.*

References

1. *Arhiv KGU. Kollekcija «Nagorskoe-88»* [Archive KSU. Collection «Nagorskoje-88»]. (In Russ.).
2. Buslaev F.I. *O literature. Issledovanija. Stat'i* [About literature. Researches. Articles]. Moscow, 1990. 512 p. (In Russ.).
3. Zhurova L.I. *Skazanie o Kolochskoj ikone* [Legend on the Kolochsky icon]. Novosibirsk, 2006. 260 p. (In Russ.).
4. Miz' N. Port-Arturskaja ikona Bozhiej Materi [Port-Artursky icon of the Mother of God]. *Zhurnal Moskovskoj Patriarhii* [Magazine of the Moscow Patriarchy], 1998, no. 10, p. 6. (In Russ.).
5. Okunev N.O. Ikony [Icons]. *Hristianstvo: Jenciklopedičeskij slovar' : v 3 t. T. I* [Encyclopedic dictionary in 3 volumes. Vol. 1]. Moscow, 1993. 863 p. (In Russ.).
6. Pavlov N.B. Port-Arturskaja ikona «Torzhestvo Presvjatoj Bogorodicy» na Zaural'skoj zemle [Port-Artursky icon "Blessed Virgin Mary's Celebration" on the Trans-Ural earth]. *Zvonnica. Al'manah* [Belfry. Almanac], 2008, no. 2, p. 111. (In Russ.).
7. Panfilov S. *Chimeevskaja svjatynja* [Chimeevsky shrine]. Novosibirsk, 2008. 143 p. (In Russ.).
8. Propp V.Ja. *Fol'klor i dejstvitel'nost'* [Folklore and reality]. Moscow, 1976. 324 p. (In Russ.).
9. Putilov B.N. *Fol'klor i narodnaja kul'tura* [Folklore and national culture]. St. Petersburg, 1994. 236 p. (In Russ.).
10. Serafimov A. Ivanovskaja jarmarka v Shadrinskom uezde [The Ivanovo fair in the Shadrinsk County]. *Permskie gubernskie vedomosti* [Perm provincial sheets], 1861, no. 26, pp. 336–339, 348–349. (In Russ.).
11. Snegirjov I. Chudotvornnye, javlennnye, neboshestvennyye... [Wonder-working, shown, not divine]. *Pravoslavnaja ikona. Kanon i stil': K Bogoslovskomu rassmotreniju obraza* [Orthodox icon. Canon and style: To Theological consideration of an image]. Moscow, 1998. 496 p. (In Russ.).
12. *Hristianstvo: Jenciklopedičeskij slovar' : v 3 t. T. I* [Christianity: Encyclopedic dictionary in 3 vol. Vol. 1]. Moscow, 1995. 863 p. (In Russ.).
13. *Hristianstvo: Jenciklopedičeskij slovar' : v 3 t. T. II* [Christianity: Encyclopedic dictionary in 3 vol. Vol. 2]. Moscow, 1995. 870 p. (In Russ.).
14. Chistov K.V. *Russkaja narodnaja utopija* [Russian national utopia]. St. Petersburg, 2003. 538 p. (In Russ.).
15. Chistov K.V. *Fol'klor. Tekst. Tradicija* [Folklore. Text. Tradition]. Moscow, 2005. 272 p. (In Russ.).
16. Shapareva N.S. *Kratkaja jenciklopedija slavjanskoj mifologii* [Short encyclopedia of Slavic mythology]. Moscow, 2001. 624 p. (In Russ.).
17. Shevarenkova Ju.M. *Issledovanija v oblasti russkoj fol'klornoj legendy* [Researches in the field of the Russian folklore legend]. Nizhny Novgorod, 2004. 214 p. (In Russ.).

УДК 4-3
ББК 81.033

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛОВ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ В ГОВОРАХ ШАДРИНСКОГО РАЙОНА

Н. М. Харлова

Шадринский государственный педагогический университет, Шадринск, Россия

В статье анализируются особенности образования и употребления слов категории состояния в говорах Шадринского района Курганской области. Материалом для наблюдения послужили полевые записи, сделанные во время диалектологических экспедиций.

Ключевые слова: *морфологические особенности северного наречия, слова категории состояния, безлично-предикативные слова, семантические группы инстативов.*

В настоящее время в науке о языке слова категории состояния являются самой неустоявшейся частью речи, на что указывают лингвисты в научных статьях последних десятилетий, грамматики русского языка, лингвистические словари и справочники. Это отражают и учебные и справочные пособия по морфологии современного русского языка для вузов. В основной общеобразовательной школе эта часть речи или не рассматривается (относится к наречиям, например, в УМК Т. А. Ладыженской, М. Т. Баранова), или сведения о ней носят лишь ознакомительный характер (например, в УМК В. В. Бабайцевой).

На разные взгляды указывает и существующий разнобой в терминах: слова категории состояния называют также предикативами, безлично-предикативными словами, инстативами (*in* — «в», *statio* — «состояние») (термин предложен В. П. Тимофеевым [6]). Термин «категория состояния» некоторыми лингвистами считается не совсем удачным, так как в языкознании активно употребляются такие понятия, как: «грамматическая категория», «категория рода», «категория числа», «категория наклонения» и так далее.

Между тем, особый характер этой части речи был описан учеными еще в первой половине XIX в. (Н. Кошанский, А. Х. Востоков, Ф. И. Буслаев. Уже в XX в. А. М. Пешковский вывел эту группу слов за пределы утвердившихся к тому времени частей речи и назвал их «аморфными словами». Л. В. Щерба высказал предположение, что это особая часть речи, «которую за неимением лучшего термина можно назвать предикативным наречием» [9. С. 76]. Термин «категория состояния» появился в его работе «О частях речи в русском языке» (1928 г.). По признанию Л. В. Щербы, эта часть речи весьма разнообраз-

на: в этот разряд слов он включил не только такие слова, как: «настороже», «в состоянии», «замужем», «без памяти», но даже и такие выражения: «она без чувств», «он в сюртуке». Формальными признаками слов этой группы была названа неизменяемость и сочетаемость со связкой «быть». Как особую часть речи категорию состояния описал В. В. Виноградов, включив в ее состав ряд исконно кратких имен прилагательных (горазд, должен, прав, рад), некоторые наречия (вправе, навеселе, не прочь), способные выступать в функции именной части сказуемого.

Неоднородный подход к категории состояния отражен и в грамматиках. В первой «Грамматике русского языка» 1952 г. для обозначения этой части речи употреблены термины «предикативные наречия» и «категория состояния». В «Грамматике-70» эти слова рассматриваются в составе имен существительных (недосуг, жаль, охота), наречий со значением состояния (боязно, можно, надо и так далее) с указанием на неизменяемость и синтаксически обособившееся значение. «Русская грамматика-80» не выделяет категорию состояния в самостоятельную часть речи, рассматривая ее как предикативы в составе имен существительных и наречий. Не дается определение слов категории состояния в Лингвистическом энциклопедическом словаре (гл. ред. В. Н. Ярцева). В настоящей статье мы описываем эти слова как самостоятельную знаменательную часть речи.

Итак, слова категории состояния — «это самостоятельная часть речи» [3. С. 191], «неизменяемые слова, обозначающие состояние, способные сочетаться со связкой и употребляемые в функции сказуемого безличного предложения или в роли сказуемого двусоставного предложения с подлежащим-инфинитивом» [4. С. 231]. Как от-

мечают ученые, такие слова занимают достаточно большое место в современном языке: по наблюдениям Л. А. Глинкиной, слов категории состояния 120–150 единиц на 100 000 слов [1].

Рассмотрим особенности образования и употребления слов категории состояния в говорах Шадринского района Курганской области. Говоры Зауралья, к которым принадлежат и говоры Шадринского района Курганской области, относятся к Вологодско-Вятской группе северного наречия [8]. Диалектные морфологические особенности говоров Шадринского района ранее не являлись предметом пристального изучения. Однако именно диалектная морфология обладает разнообразием специфических грамматических форм, иллюстрирует функционирование частей речи и грамматических категорий какого-либо говора.

В говорах Шадринского района инстатив в силу своей синкретичности является достаточно часто употребляемой частью речи. Согласно проведенному анализу, в словаре В. П. Тимофеева [7], например, из 11 500 слов около 160 являются словами категории состояния.

Материалом для наблюдений послужили в основном собственно-лексические диалектизмы — безлично-предикативные слова, записанные во время диалектологических экспедиций, а также материалы многолетних наблюдений над речью диалектоносителей города Шадринска Курганской области. Например: Нет, *холодно* на улке, *надерно*. Сено гнилое, каждый день даешь и оглядываешься. Так *заботно*. Не ходи на гору, там *ка́тко*. Все приведенные безлично-предикативные слова являются сказуемыми в безличных предложениях.

Результаты исследования и их обсуждение. Как известно, безлично-предикативные слова включают 3 группы:

1. Основой являются слова, не соотносимые с другими частями речи. Это такие, как: *нельзя, можно, жаль, боязно, стыдно, совестно*. (Ночью то темно, иди домой *боязно*. Тебе *не стыдоба* на людях-то!).

2. Слова на –о (ё, е), соотносимые с качественными наречиями, краткими именами прилагательными среднего рода: *смешно, грустно, весело, морочно, муторно, сыро* и др. (Мне *дивно стало*, что он живой. Кругом *синё* (посинело). Не *лихо* тебе *станет?*).

3. Слова, соотносимые с именами существительными: *грех, лень, пора, охота* (*Грех* тебе отца-то не слушать! На улице *непогодье*).

С нашей точки зрения, в говорах Шадринского района распространены и другие способы выражения слов категории состояния:

1. Слова, соотносимые с определительными и обстоятельственными наречиями: *недоку́ль* (некогда), *невдога́д* (невозможно догадаться), *невсу́терть* (нестерпимо), *невдо́сталь* (мало, недостаёт), *в лепо́рец* (в меру, в самый раз), *подпарсо́нь* (к лицу, под стать). А мне и *невдога́д*, что всё выкипело. У их всегда *невдо́сталь* было.

2. Слова, соотносимые с наречиями, образованными от предложно-падежных форм имен существительных +(—) частица «НЕ»: *по путе́* (1. В одном направлении. 2. Одинаково с кем-либо, в унисон), *не по губе́* (не по вкусу, не по нраву), *не по зубам* (что (кто)-либо не поддается), *на моде́* (быть в центре внимания, быть уважаемым), *к ду́ше* (хорошо, приятно). Мне с тобой совсем *не по путе́*.

3. Особыми формами безлично-предикативных слов, употребляемых в говорах Шадринского района, являются следующие: *ды́рка свись* — (Оглянулась — а его и *ды́рка свись*); *без(о) всякого* — (И чтобы мне *безо всякого!*); *в надие́(ю)* — (Скажи точно, чтоб *в надие́ было*); *губа на локоть* (Как не придешь, у ей всё *губа на локоть*). Подобные фразовые выражения приобрели целостный характер по значению и употреблению.

По нашему мнению, не следует включать в состав слов категории состояния следующие группы слов: во-первых, краткие имена прилагательные, хотя бы и не употребляющиеся в полной форме (Отец был рад). Для таких прилагательных характерна изменяемость по родам и числам, синтаксическая функция именной части составного именного сказуемого в личном двусоставном предложении. Во-вторых, краткие страдательные причастия в роли сказуемых в безличном предложении (У меня уж к празднику вымыто, выстирано, поглажено, всего напечено). У этих слов сохраняются глагольные категории вида и залога.

Особые взаимоотношения у слов категории состояния сложились с безличными глаголами, которые обозначают состояние природы, физическое и психическое состояние человека и употребляются в безличных предложениях: Ночью *вызвездило*. Небо *заволокло́*. В боку *ко́лет*. В ушах *звени́т*. В говорах Шадринского района подобные глаголы широко распространены: Ишь, как *обыскиват* (холодно). Здесь хорошо *протягиват*, *сарабани́т* (холодно, дует). Чем тут *захватыват?* (о резком неприятном запахе).

Небо всё *затяну́ло*. Ночью так *воссия́ло* (сверкала молния). Такие глаголы не изменяются по лицам, не выражают значений числа и рода. Тем не менее безличные глаголы имеют начальную форму, формы изъявительного и сослагательного наклонений, парные по виду имеют все временные формы, могут быть возвратными и невозвратными. Дело в том, что категория состояния «является по природе своей синкретичной и объединяет свойства глагола и наречия: глагольные свойства проявляются в форме связки (вспомогательный глагол)» [5. С. 149], которая указывает на грамматическое значение вида, времени, наклонения; в сходстве синтаксической функции. Безличные глаголы употребляются только в безличных предложениях. Слова категории состояния, как следует из данного нами в начале статьи определения, способны выступать в роли сказуемого двусоставного предложения с подлежащим-инфинитивом. Этот факт многими лингвистами не признается. Однако именно в говорах подобных примеров больше: Мне здесь жить *славне́цко*. Робятишкам тут играть *мирово́*. Отцу на тебя смотреть *ли́хо*.

В связи с этим необходимо отличать слова категории состояния от омонимичных частей речи: кратких имен прилагательных, наречий, имен существительных. Ядром категории состояния являются слова, не имеющие омонимов среди других частей речи: *невмоготу́*, *невдога́д*, *боя́зно*, *невмо́чь*, *нельзя*, *можно*, *сове́стно*, *то́шно* и другие.

Основное сходство с наречиями проявляется в неизменяемости. Основное отличие от наречий и кратких прилагательных на -о состоит в категориальном значении: слова категории состояния имеют категориальное значение состояния, а не признака.

*Вобело*¹ — бело, чисто. Она така чистотка: выстират, так всё прямо *вобело*. (*Вобело* — краткое прилагательное, обозначает признак, отвечает на вопрос каково? Является именной частью составного именного сказуемого).

*Вобело*² — чисто. Везде в избе *вобело* вымыла. (*Вобело* — определительное наречие, обозначает признак действия — его качество. Отвечает на вопрос как? Является обстоятельством образа действия).

*Вобело*³ — чисто, прибрано. В горнице-то *вобело*. (*Вобело* — категория состояния, обозначает состояние окружающей среды. Отвечает на вопросы: как? каково? Является предикатом в безличной конструкции).

Подобные отличия находим в следующих случаях: *во́горько*¹ — несколько горько, горьковато (*Уха во́горька*); *во́горько*² — горько (*Ты уж по-солила во́горько*); *во́горько*³ — горестно, тяжело (*На душе у него во́горько*). *Во́черно*¹ — грязновато (*Во́черно уж полотенце-то*); *во́черно*² — грязно (*Сношенька-то твоя во́черно вымыла*); *во́черно*³ — грязно (*У меня уж два года не белено, во́черно стало*).

Слова категории состояния, омонимичные наречиям на -о, так же, как и наречия, могут быть употреблены в синтетической форме компаратива: *наряднее* (*Дома у нас к празднику всегда наряднее*); *ма́ятнее* (*Мне еще ма́ятнее с багажом-то будет*); *убро́днее* (*Утром было убро́днее идти*). Распространена и аналитическая форма суперлатива: *всех стра́ннее*, *всех неупра́внее* (*Дома у их всех стра́ннее, у дома всех неупра́внее*). Аналитические формы компаратива, как и синтетические формы суперлатива, практически не употребляются.

В говорах Шадринского района отмечают формы субъективной оценки, сближающие слова категории состояния с именами прилагательными и наречиями на -о: *красны́м-красно́*, *красне́хонько* (*Пришла по ягоды, а там красне́хонько*); *мешковáтенько* (*Давай сымай пальто, тебе мешковáтенько в нём*); *любёнько-милёнько* (*Малёнько, да милёнько*); *жалёчо́хонько* (*Дак чо, мне прямо жалёчо́хонько его*); *стыдо́бушка* (*И как им не стыдо́бушка?*), *страшнёхонько* (*Так собака воеет, аж страшнёхонько*).

К числу особых форм, по нашему мнению, следует отнести следующие безлично-предикативные слова: *славне́цко* — (*Мне и здесь славне́цко* (хорошо)); *басота́* (от «баско») — (*Кругом басота́*); *дельня́во* (от «дельно») — (*Дельня́во в конторе-то стало*); *подави́ховото* — (*Да разведи пожиже, чтоб не подави́ховото было*); *нече́стно-нехва́льно* — (*Роблю, роблю, а всё нече́стно-нехва́льно*). Такие формы образовались различными морфологическими способами от существующих диалектных форм категории состояния. Обычно же, по наблюдениям В. П. Захаровой, «словообразовательная особенность данной части речи состоит в том, что все слова этого разряда образовались и образуются (в современном русском языке) только морфолого-синтаксическим способом, то есть в результате перехода разных частей речи в безлично-предикативные слова» [3. С. 54].

Основное отличие от имен существительных также состоит в категориальном значении состо-

яния, в утрате категории числа, рода, падежа. Ср.: Лень-матушка раньше тебя родилась (лень — имя существительное ж. р., ед. ч., И. п. В предложении является подлежащим). — И не лень тебе на реку идти в таку жару? (Лень — категория состояния, предикат в безличной конструкции).

По семантике безлично-предикативные слова в говорах Шадринского района делятся на группы:

1. Слова, обозначающие состояние окружающей среды, обстановки: *душно*, *сыро*, *холодно*, *душище* (На конюховке-то *душище*), *слизко* (На дороге *слизко*, *катко* (скользко)), *падерно* (На улице *падерно*), *морочно* (Утром было *морочно*), *чадно* (На кухне *чадно*), *сиверно* (Вечером сделалось *сиверно*, *студёно* (задул северный ветер)), *сорно* (У крылечка *сорно*), *копотно* (На кухне *копотно*). Носители говора при помощи безлично-предикативных слов указывают на состояние природы, на обстановку. Это одна из самых многочисленных групп слов категории состояния в Шадринском районе. По наблюдениям Л. А. Глинкиной, «в севернорусских народных говорах представлены слова категории состояния, передающие обобщенную оценку локальной ситуации, окружающей среды по какому-либо характерному изобилующему признаку с семантикой предметности и множества в определенном локальном пространстве: (где-то) *комарно*, *клопно*, *красно* и *ягодно*, *навозно*, *катко*» [1. С. 20].

2. Физическое состояние живых существ: *тошно*, *зябко*, *болько*, *под турахом* (Завтра ему быть *под турахом*), *приторомко* (Не хочет есть, *приторомко* ей), *садко*² (Кошка все руки исцарапала, так *садко* (саднит)), *не в замёту* (Тебе *не в замёту*, к кому мой мужик ходил), *дивья* (*Дивья* тебе, у тебя ноги не болят).

3. Слова, выражающие душевное состояние человека: *мутно*, *жутко*, *стыдно*, *совестно*, *на диво*, *думно*, *маятно*, *невтерпь*, *заботно*, *взабеду* (Чо ни скажешь, ему всё *взабеду* (обидно)).

Чёрна юбка, бела кофта —

Вечером *фасонисто*,

Изменил, потом подходит —

Как глазам *не совестно*?

Психическое состояние человека выражают также следующие безлично-предикативные слова: *на диво* (на удивление), *муторно* (тошно, неприятно), *гаведно* (тяжело, трудно), *в зарях* (в обиде), *чутко* (чувствительно).

4. Слова категории состояния, выражающие состояние временных и пространственных, коли-

чественных отношений: *поздно*, *далекó*, *задóрого* (Мне *задóрого*, не буду эти гнилушки покупать), *верховáто* — (Хватит, не накладывай, и так уж *верховáто* (с *верхом*)), *до дури(ы)* — (Картови-то ноне *до дури*), *завáльно*, *додóволи* (В магазинах теперь всего *додóволи*).

5. Безлично-предикативные слова, выражающие отрицательную или положительную оценку какого-либо состояния или действия: *баса́*, *баско*, *басотá*, *славне́цко*, *приста́листо* (красиво), *дельно*, *дельняво*, *дóбре*, *ладно* (хорошо), *мировó* (удобно, хорошо), *на диво* (на удивление). — (*Ладно*, что он из дому ушел. Ох, и *баса́* же в насъ картофь копать! *Дельно* тебе с мужиком-то, а я всю жись одна. *Дельно* стало в конторе).

Безлично-предикативные слова следующих групп (6, 7, 8) в говорах Шадринского района не являются диалектными и совпадают с литературным языком:

6. Слова, выражающие модальное значение: *можно*, *нельзя*, *надо*.

7. Слова, обозначающие необходимость прекращения действия: *хватит*, *полно*, *будет*.

8. Слова: *каюк*, *капут*, *конец*, *крышка*.

По нашим наблюдениям, некоторые слова категории состояния могут входить в разные семантические группы: *гаведно* — 1. Грязно, душно (В избе *гаведно*, пошли на улицу). В первом значении данное слово относится к 1 группе. 2. Тяжело, трудно (На душе стало *гаведно*). Во втором значении слово «*гаведно*» выражает душевное состояние человека и относится к третьей семантической группе. Такое явление связано с многозначностью, а также с различной сочетаемостью: безлично-предикативные слова 2 и 3 групп чаще управляют формой дательного падежа, а слова 1 группы — формой предложного падежа. Например: Мне в этой оде́же *вóтесно* (2 группа). — В доме у них *вóтесно* (1 группа); Да, *не худо* тебе жить в новом доме (5 группа) — День здорова, а день ей *худо* (2 группа).

Таким образом, в говорах Шадринского района слова категории состояния являются в основном собственно лексическими диалектизмами и имеют ярко выраженные семантические, словообразовательные, синтаксические особенности в употреблении. Дальнейшее изучение морфологических особенностей говоров Зауралья предполагает рассмотрение функционирования наречий, кратких имен прилагательных, некоторых отвлеченных имен существительных.

Список литературы

1. Глинкина, Л. А. О динамике слов категории состояния в истории русского языка / Л. А. Глинкина // Филолог. класс. — 2016. — № 1 (43). — С. 18–22.
2. Захарова, В. П. Вопрос о категории состояния в русской лингвистической литературе / В. П. Захарова // Интеграция образования. — 1999. — № 4. — С. 53–55.
3. Касаткин, Л. Л. Краткий справочник по современному русскому языку / Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков, П. А. Лекант. — М., 1991. — 383 с.
4. Шанский, Н. М. Современный русский язык : в 3 ч. / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. — М., 1981. — Ч. 2. — 270 с.
5. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц : в 2 ч. / под ред. Е. И. Дибровой. — М., 2011. — Ч. 2. — 624 с.
6. Тимофеев, В. П. К вопросу о категории состояния / В. П. Тимофеев. — Шадринск, 2004. — 119 с.
7. Тимофеев, В. П. Диалектный словарь личности: около 11500 слов / В. П. Тимофеев, О. В. Тимофеева. — Шадринск, 2010. — 595 с.
8. Харлова, Н. М. Морфологические особенности современных говоров Зауралья / Н. М. Харлова // Русский язык в контексте национальной культуры. — Саранск, 2012. — С. 120–124.
9. Щерба, Л. В. Избранные работы по русскому языку. О частях речи в русском языке / Л. В. Щерба. — М., 1957. — 188 с.

Сведения об авторе

Харлова Надежда Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры славяно-германской филологии, Шадринский государственный педагогический университет. Шадринск, Россия. nkharlova@bk.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 4 (414). *Philology Sciences. Iss. 112. Pp. 168–173.*

FEATURES OF THE USE OF WORDS OF STATUS CATEGORIES IN THE DIALECTS OF SHADRINSKY DISTRICT

N. M. Kharlova

Shadrinsk State Pedagogical University, Shadrinsk, Russia. nkharlova@bk.ru

The article analyzes peculiarities of formation and use of words status categories in the dialects of Shadrinsky district of Kurgan region. Material for supervision were field recordings made during dialectological expeditions.

Keywords: *morphological characteristics of the Northern dialects, words of category of state, impersonal predicative words, semantic groups of instution.*

References

1. Glinkina L.A. O dinamike slov kategorii sostoyaniya v istorii russkogo yazyka [On the dynamics of words of category of state in the history of the Russian language]. *Filologicheskij klass* [Philological class], 2016, no. 1 (43), pp. 18–22. (In Russ.).
2. Zakharova V.P. *Vopros o kategorii sostoyaniya v russkoy lingvisticheskoy literature* [The question of the category of state in Russian linguistic literature]. *Integratsiya obrazovaniya* [Integration of education], 1999, no. 4, pp. 53–55. (In Russ.).
3. Kasatkin L.L., Klobukov E.V., Lekant P.A. *Kratkiy spravochnik po sovremennomu russkomu yazyku* [Quick reference in the modern Russian language]. Moscow, 1991. 383 p. (In Russ.).
4. Shan N.M., Tikhonov A.N. *Sovremennyy russkiy yazyk : v 3 ch. Ch. 2* [Modern Russian language in 3 part. Part 2. Word formation. Morphology]. Moscow, 1981. 270 p. (In Russ.).
5. Dibrova E.I. (ed.). *Sovremennyy russkiy yazyk. Teoriya. Analiz yazykovykh edinit : v 2 ch. Ch. 2* [Modern Russian language. Theory. Analysis of linguistic units in 2 part. Part 2. Morphology. Syntax]. Moscow, 2011. 624 p. (In Russ.).

6. Timofeev V.P. *K voprosu o kategorii sostoyaniya* [On the category of the state]. Shadrinsk, 2004. 119 p. (In Russ.).
7. Timofeev V.P., Timofeev O.V. *Dialektnyy slovar' lichnosti: okolo 11500 slov* [Dialectal dictionary of personality: ~ 11500 words]. Moscow, 2010. 595 p. (In Russ.).
8. Kharlov N.M. Morfologicheskie osobennosti sovremennykh govorov Zaural'ya [Morphological features of modern dialects of the Urals]. *Russkiy yazyk v kontekste natsional'noy kul'tury* [Russian language in the context of national culture]. Saransk, 2012. Pp. 120–124. (In Russ.).
9. Shcherba L.V. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku. O chastyakh rechi v russkom yazyke* [Selected works on Russian language. Parts of speech in the Russian language by L. V. Shcherba]. Moscow, 1957. 188 p. (In Russ.).

УДК 81'22
ББК 81.2

СЕМИОТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЗНАКОВ: НОВЫЙ АКЦЕНТ

А. А. Шунейко, О. В. Чибисова

Комсомольский-на-Амуре государственный университет, Комсомольск-на-Амуре, Россия

*Исследование проведено при поддержке Правительства Хабаровского края.
Договор № 94/2016 Д от 11.07.2016 о предоставлении гранта на проведение научных исследований
в области гуманитарных и общественных наук*

Статья находится в контексте исследований, связанных с теоретическими вопросами типологизации знаков. Анализ реальных текстов указывает на то, что за пределами действующих классификаций остаются достаточно частотные явления, реально функционирующие в пространстве языка. В статье, базируясь на дистрибутивном и аппозитивном методах, описан и проанализирован бифокальный знак. Результаты показывают, что адекватная интерпретация текста, включающего бифокальный знак, невозможна без учета его специфики.

Ключевые слова: *бифокальный знак, референтная отнесенность, прецедентный феномен, интерпретация текста.*

Широко распространенная и признаваемая многими исследователями, хотя и не получившая до настоящего времени единого толкования, типология знаков предполагает их членение на знаки-признаки, индексы, иконические знаки и символы [17]. В основе этой классификации лежат работы Фердинанда де Соссюра и Чарльза Сандерса Пирса.

Одним из основных положений семиотической теории Фердинанда де Соссюра [16] является интерпретация знака как двусторонней (материальной и идеальной) значимости: понятие + акустический образ, связь между которыми является асимметричной (омонимы и синонимы). Второй важный момент этой теории — идея произвольности (отсутствие связи между означающим и означаемым) и мотивированности лингвистического знака.

Чарльз Сандерс Пирс [13] в любом явном или неявном определении знака придавал наибольшее значение его трем элементарным составляющим: знаку, его объекту (с которым он связан) и его интерпретанту (его отображению в сознании), которые находятся в четко определенном типе взаимосвязи. По его словам, эта триада обязательна и одновременно самодостаточна, потому что все другие виды отношений сводятся к ней и могут быть проанализированы в ее терминах. Пирс выделил протяженность, то есть ширину понятия (набор объектов, к которым оно применимо), и интенцию, то есть его глубину.

Тем не менее классическая типология не включает в себя все разнообразие знаков. Это связано с тем, что новые типы не могут быть обнаружены при помощи критериев, лежащих в основе вышеупомянутой классификации. Это кажется вполне естественным, поскольку эта классификация изначально не предназначалась для охвата всех знаковых признаков.

Некоторые более поздние теории отрицают различие между означающим и означаемым, введенным Соссюром и Пирсом, и рассматривают знак не изолированно, а в его взаимодействии с окружающим контекстом. Луи Ельмслев [15] утверждал, что язык является коллективной памятью обо всех способах передачи смысла. Он считал, что наименьшая семиотическая единица — это «фигура» (своего рода фигура речи), а внутренняя структура языка — это его система. Ельмслев использовал термины «плоскость выражения» и «плоскость содержания» вместо означающего и означаемого и утверждал, что знак является функцией между ними двумя. Он изучил и описал комбинации формы содержания, субстанции содержания, формы выражения и субстанции выражения.

Клод Леви-Стросс [1] постулировал разобщенность означающего и означаемого и ввел в научный оборот термин «плавающее означающее», которому Д. Чандлер [9] дал следующую дефиницию: означающее с расплывчатым, переменным, неопределенным или несуществующим оз-

начаемым, что предполагает взаимодействие некоторых означающих в их отрыве от означаемых практически в любом тексте.

Жак Мари Эмиль Лакан [12] связывал идею разрушения структуры знака с ассоциированной проблемой интерпретации значения. Согласно Лакану, было бы ошибкой утверждать, что трактовка открыта для всех значений под предлогом того, что речь идет о связи между означающим и означаемым, являющейся неконтролируемым звеном.

Альгирдас Жюльен Греймас [11] исследовал законы, регулирующие механизмы генеративной семиотики. Изучив их, он переключил внимание со знаков на системы обозначений. В результате он сформулировал семиотический квадрат — структуру, фиксирующую взаимодействие значений в дискурсе. Эта элементарная структура определяется тремя отношениями: отношением противоположности, отношением противоречия и отношением комплементарности. Ее можно использовать в качестве инструмента анализа как отдельных семантических понятий, так и абзацев и целых текстов.

Главный представитель Тартуско-московской семиотической школы Юрий Михайлович Лотман [2] изобрел понятие семиосферы — пространства, в котором действуют и взаимодействуют друг с другом большие комплексы разных типов знаков. В качестве семиосферы Лотман подразумевал культуру, описать которую означает описать набор знаков.

Умберто Эко [10] предложил интерпретировать знак не только как материальный объект, но и как директиву для интерпретации. К этому умозаключению он пришел в результате исследования взаимодействия автора текста и читателя. Основываясь на функциональном понимании знаков, Эко предложил свою типологию, включающую четыре параметра: физические усилия, необходимые для формулирования выражения; соотношение числа разных слов к общему числу слов в анализируемом отрывке; тип континуума; режим и сложность артикуляции.

Группа Мю [8] приложила традиционную классификацию знаков к риторическим константам, которые она изучала. Ученые особенно интересовались тем, как определенный тип знака функционирует при формировании утверждений с определенной постановкой задачи. Они разделили все имеющиеся риторические фигуры и тропы на метаплазм (преобразование отдельных букв и слогов языковой единицы), на мета-

семему (преобразование на семантическом уровне языковой единицы), на метатакис (преобразование на уровне синтаксиса) и на металогизм (логическая операция).

Как следует из вышесказанного, можно предположить наличие совсем иной типологии, которая по своей сути не имеет пересечений с традиционной классификацией знаков, поскольку в ней фиксируются совершенно иные характеристики знаков. Один из них — нулевой знак — подробно исследован А. А. Шунейко [7]. Второй — бифокальный знак — описан в данной статье.

Материалом исследования послужил большой массив разнообразных художественных текстов, подобранных таким образом, чтобы они относились к различным культурным и литературным традициям: сочинения Хорхе Луиса Борхеса, Станислава Лемма, Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина и Андре Осиповича Новодворского. Разброс временных, языковых, концептуальных, эстетических и идеологических характеристик этих текстов позволяет говорить о том, что бифокальный знак — не случайное, а устойчивое семиотическое явление, бытование которого не связано с языковыми и собственно литературными рамками. В упомянутых текстах производилась сплошная выборка материала.

Наблюдения, сделанные в ходе исследования, основаны на анализе литературных текстов, использующих имена собственные, которые уже использовались в других текстах. Особое внимание было уделено случаям, в которых связь с предыдущим текстом и использованием имени автором в своем тексте намеренно подчеркивалась.

Случаи были проанализированы с помощью аппозитивного и дистрибутивного методов.

Процедура анализа в общем плане предполагает следующий алгоритмизированный механизм:

1. Выявление в художественном тексте имени собственного (имя-2), внешняя форма которого позволяет однозначно утверждать, что оно уже было использовано ранее в ином предшествующем, закрепленном в эстетической традиции тексте и является безусловным идентификатором какого-либо ранее упоминаемого объекта, например, персонажа или названия текста (имя-1).

2. Установление типа координации между именем-2 и именем-1. Всего таких типов три:

- (1) Имя-1 и имя-2 никак между собой не связаны. Такие случаи не рассматриваются, поскольку являются случайными совпадениями, вызванными ограниченностью набора имен.

(2) Имя-2 полностью дублирует своей референтной отнесенностью имя-1, например, кто-то размышляет о прочитанной книге и упоминает функционирующих в ней персонажей. Такие случаи не рассматриваются, поскольку относятся к числу прецедентных феноменов.

(3) Имя-2 не дублирует своей референтной отнесенностью имя-1, но в то же время обнаруживает с ним однозначно подтвержденную контекстом связь. Такие случаи подвергаются анализу.

3. Констатация наличия интегральных и дифференциальных признаков семантики имени-2 и имени-1, находящихся в третьем типе координации. Дифференциальные признаки обнаруживаются через наличие семантических сдвигов в контекстах и непосредственных описаниях именуемых объектов.

4. Атрибуция имени-2 и имени-1 как репрезентаторов бифокального знака. Под референтной отнесенностью и семантикой, в зависимости от типа имени, понимаются как воображаемые объекты, то есть созданные в рамках художественной реальности образы, так и реальные объекты, например, конкретные художественные произведения.

Проанализируем характеристики бифокального знака, сравнивая его со смежными ему явлениями. Прежде всего, отметим, что ситуации, в которых один знак имеет значение другого или других знаков, являются обычными и частотными для любого языка. Их можно стабильно выявить в следующих случаях:

1. Использование терминологии любого метаязыка может предполагать, что этот термин относится к знаку. Это наиболее отчетливо видно в лингвистической терминологии, которая практически вся, за некоторыми исключениями, используется для выдвижения других признаков различной степени сложности. Поскольку на любом развитом национальном языке доля метаязыковых единиц велика, такие ситуации устойчивы и привычны. Например, знак «предложение» в выражении «Предложение “Я сижу на лекции” — это двусоставное предложение» заменяет предложение «Я сижу на лекции».

2. Родовидовые отношения постоянно используются в речи. Они являются неотъемлемой частью представлений о мире и зафиксированы с помощью специальных категорий, представленных в тезаурусах определенными группами. В силу этого они буквально пронизывают спонтанную и подготовленную устную и письменную

речь. Всякий старший в иерархии знак означает множество младших. Так, знак «птица» в выражении «Слова “воробей” и “ворона” обозначают птиц» используется для номинации видовой разновидности птиц, то есть знаков «воробей» и «ворона».

3. Всякая оценка речи, упоминающая подвергающуюся оценке единицу или совершающая указание на нее, означает другой знак. «<...> буквы лежат, словно спать захотели...» [3]. Слово «буквы», которое само по себе знак, обозначает другие графические знаки.

4. Все указания, упоминания или описания определенных речевых действий, какими бы средствами и способами они не производились, обязательно предполагают использование одного знака для номинации другого. «Я находился в периоде скандала...» [3]. Слово «скандал» указывает на определенный сложный знак.

5. Существует традиция характеристики и номинации человека, базирующаяся на особенностях его речевого поведения. Она проявляется в устойчивом существовании индивидуальном и групповых прозвищ и нарицательных имен. Например, говорун, пустобрех, красноречивый, нудный. Эти имена в любом языке используются устойчиво и постоянно. В предложении «Да и то сказать надо: письменный!» [3] под словом «письменный» подразумевается «умеющий читать и писать».

6. Использование слова в перформативной функции предполагает, что им обозначается другой знак «действие». Особенно отчетливо это видно на примере действий, обязательность которых предполагается существованием социальных договоров. Например, здравствуйте, договорились, я согласен и так далее. Каждое из подобных действий активно представлено в коммуникативном пространстве. «Эх, выпить бы, что ли! В воспоминания, в воспоминания!» [3]. Словом «воспоминания» обозначается то действие, которое предполагает осуществить человек.

Все перечисленные выше типы ситуаций, в которых один знак используется для обозначения другого, последовательно и непротиворечиво включаются в суппозиции Оккама, следовательно, их можно представить через персональную (любой обозначаемый объект), простую (интенция души) и материальную (термин именуется сам себя) суппозиции [17].

Существующие классификации знаков не позволяют (в строгом типологическом и структур-

ном определении формы) интерпретировать все случаи функционирования знака в контексте. В частности, за их пределами остается значительное количество фактов, связанных с использованием прецедентных имен собственных, встречающихся в особом виде коммуникативных ситуаций, зафиксированных в процедуре анализа вышеуказанных текстов.

Особое использование знака в данных видах коммуникативных ситуаций невозможно соотнести с перечисленными выше случаями (и с суппозициями Оккама). Оно имеет место тогда, когда персонаж, четко называемый и функционирующий в одном художественном тексте, до этого функционировал в другом произведении под тем же именем. Примечательно то, что совпадение имен не случайно: оно изначально предусмотрено художественным замыслом автора. Посредством уже знакомого читателю имени автор текста производит сознательную отсылку, таким способом решая задуманные эстетические задачи.

Эти случаи также не являются чем-то уникальным или экстраординарным. Они широко представлены в качестве примера в очерках М. Е. Салтыкова-Щедрина «Благонамеренные речи» и «Господа Молчалины». Герои этих произведений Держиморда и Молчалина взяты из классической русской литературы — комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» и А. С. Грибоедова «Горе от ума» соответственно. Необходимо оговорить, что имеются в виду не те случаи, когда имя собственное становится именем нарицательным, а случаи, когда оно называет другого самостоятельного персонажа с аллюзией на предшественника. Но, несмотря на наличие точной отсылки к исходному тексту, которая продуцирует требуемый художественный эффект, эти имена упоминаются совсем не как цитаты. Вопреки известным именам персонажи наделяются характеристиками, которыми они не обладали в исходных текстах. Таким образом, все имена в новых контекстах одновременно сохраняют прежнюю семантику и наделяются дополнительными смыслами, являясь в одно и то же время как самостоятельными, так и несамостоятельными знаками. То есть они одновременно и способны, и не способны функционировать автономно от контекста исходного произведения, так как изолированность ведет к потере их семантики, и, следовательно, тех функций, для реализации которых они предназначались. Итак, знак — имя собственное — од-

новременно обозначает сам себя и не обозначает этого, одновременно отсылает к своему тождеству и не отсылает. Этот знак называется бифокальным.

Различия между структурой знака в традиционном смысле и структурой бифокального знака могут быть представлены в сопоставлении с моделью семиотического треугольника, предложенного Огденом и Ричардсом [14]. Эта модель отражает взаимодействие между тремя основными компонентами знака: самого знака, его интерпретанта и объекта. Бифокальный знак имеет совершенно другую структуру. В него входят, по крайней мере, два означающих, два сигнификата и два денотата. Следует подчеркнуть, что целостность бифокального знака не определяется тем, что он состоит из двух или более базовых треугольников, а из-за того, что он является неделимой единицей. Бифокальный знак не является составной частью элементарных знаков; это новый тип элементарных знаков с характерной типологической структурой.

Целостностью бифокального знака обусловлены функциональная природа и предназначение самого знака, а также создаваемые им эффекты. Эта целостность является следствием особых типов ситуаций, предназначенных для установления и утверждения нерушимого единства двух наименований двух неодинаковых объектов. То есть появление бифокального знака предreshено автором текста, который стремится особо выделить ту или иную переключку собственного текста с другим, ранее появившимся текстом.

Хотя бифокальные знаки выступают в номинативной функции, их раздвоенно-цельными означающими бывают не только имена собственные, но и нарицательные имена, а также целые фразы. Приведем пример бифокального знака с означающим «мой дядя».

У А. С. Пушкина находим:

«Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог» [4].

Если обратиться к тексту П. Г. Короленко, это:
«Мой дядя, сильный, как орлан,
Был упакован в жизни круто:
Приостанавливал минуту,
Преобразить мог жизнь в роман» [5].

Бифокальный знак «мой дядя» может иметь ряд омонимов, как в строках некоего автора с сайта Хохмодром:

«Мой дядя, самых честных правил,
 Когда в полиции служил.
 И это делать был он вправе.
 Да, да! И лошадью не ржи...» [6].

Раздвоенно-цельное означаемое бифокального знака — это не простая сумма означаемых входящих в него компонентов. Сам факт их сближения порождает специальные семантические эффекты тождества и различия, схожести и контрастирования. Это они инкорпорируют существующие текстовые характеристики и символизируют существенные признаки семантики бифокального знака, часто амбивалентной или близкой к амбивалентности. Одновременно находящийся в двух местах, бифокальный знак в этом смысле похож на элементарную частицу в квантовой механике, которая может находиться сразу в двух точках пространства, или на дифтонг в лингвистике, в котором два самостоятельных звука действуют в качестве единого целого.

Вектор создания (возникновения) бифокальных знаков направлен в прошлое, поскольку они возникают при взаимодействии нового и предшествующего текстов. Это свойство отличает их от вектора переименований, который направлен в будущее. Это верно и для случаев, когда знак возвращает себе свое прошлое имя (Нижний Новгород — Горький — Нижний Новгород), которое функционально в будущем, а не в прошлом.

Напротив, бифокальный знак адресует приемника информации именно к прошлой традиции. Это верно и для случаев, когда номинация и значение объекта сначала появляются в каком-либо воображаемом мире (подводный корабль Жюль Верна, робот Карла Чапека и т. п.), а впоследствии этот объект материализуется в реальном мире, бифокальный знак является только отсылкой вновь появившегося имени к предшествующему.

Отдельного внимания заслуживает сопоставление бифокальных знаков и прецедентных феноменов, соотношение которых в общем плане подчинено правилу: любой бифокальный знак, в принципе, можно воспринимать в качестве прецедентного феномена, но далеко не любой прецедентный феномен является бифокальным знаком. Сфера пересечения между этими различными в лингвистическом и семиотическом отношении объектами ограничена именами собственными и номинативными группами, обретающими в новом тексте новую референцию. Важно, что в данном случае к числу имен собственных относятся не только антропонимы. Это могут быть названия

любых объектов. Например, творческие наследия Хорхе Луиса Борхеса и Станислава Лема содержат множество бифокальных знаков — названий литературных произведений, которые самим фактом своего присутствия и художественного воплощения порождают новые воображаемые реальности. С другой стороны, цитаты, а также имена и номинативные группы, которые при использовании в новом тексте сохраняют старую референцию, являются прецедентными феноменами, но не являются бифокальными знаками. Традиционно такие случаи воспринимаются носителями языка как упоминания или отсылки. Их функциональность не предполагает приращения новых смыслов и ограничивается прямым указанием на культурную традицию, с которой ведется тот или иной тип диалога, связанный с актуализацией авторитетности первичного источника.

Множество прецедентных феноменов функционирует во всех функциональных стилях, исключая официально-деловой, но чаще всего привлекает к себе внимание в СМИ. При этом исследователи прецедентных феноменов не проводят разграничения между прецедентными феноменами, бифокальными знаками и случаями их взаимного наложения и весь комплекс фактов интерпретируют как единое целое, что влияет на качество самих интерпретаций. Важно подчеркнуть, что прецедентные тексты выполняют категоризацию уже существующей действительности, а бифокальные знаки всегда создают какие-то ее новые сегменты. То есть для последних в рассматриваемом аспекте превалирующей является генерирующая функция.

Бифокальный знак фиксирует не только новый объект, но его комплексное восприятие в качестве единицы, уже имеющей определенную историю в сфере культуры. Можно утверждать, что бифокальный знак в момент своего возникновения и трансляции всегда имеет перспективный вектор семантического развития, а прецедентный текст может иметь как перспективный (когда он совпадает с бифокальным знаком), так и ретроспективный (когда он не совпадает с ним) вектор семантического развития.

Еще одним критерием разграничения можно считать то, что прецедентные тексты сами по себе могут иметь диффузную природу, то есть отсылать к нескольким текстам одновременно без конкретизации (например, к книге и фильму, стихотворению и роману и так далее). В то время как бифокальный знак всегда имеет конкретную при-

роду, то есть он отсылает к строго определенным денотатам, совмещающимся в единое целое.

Функциональное сходство между прецедентными текстами и бифокальными знаками одно: те и другие в своем восприятии связаны с фоновыми знаниями адресата. Но это сходство относится к числу внешних, не является содержательным и никак не связано со структурными характеристиками объектов.

Феномен знака со времен Пирса и Соссюра устойчиво привлекает к себе внимание исследователей. Знаки рассматриваются в их соотношении с иными объектами различной широты и сложности, выявляются механизмы их вхождения в коммуникацию. При этом базовая классификация знаков содержательно варьируется, но остается неизменной. В то же время она не позволяет интерпретировать всего многообразия знаковых объектов. Существует большой объем фактов, которые оказываются за пределами традиционно выделяемых типов. Описать семиотическую специфику этих фактов можно только с использованием новой классификации. Она не отменяет и не отрицает прежней, а имеет по отношению к ней дополнительный характер. В основе ее лежит учет того, каким образом знак функционирует в контексте. Функционирование знака в контексте как база для выявления его специфических черт указывает на существование двух различных групп ситуаций.

Первая группа — это разнообразные и до сих пор последовательно не типологизированные ситуации, в которых один знак используется вместо другого. Всего таких ситуаций шесть. Каждая из них является интересной в коммуникативном контексте, но не демонстрирует какого-либо неизвестного прежде семиотического потенциала.

Иное дело — вторая группа, которая позволяет обнаружить контексты использования неизвестного ранее типа знака. С точки зрения второй группы употребления в контексте, особым типом знака является бифокальный знак. Это особая семиотическая единица, в которой все компоненты удвоены, а их взаимодействие подчинено наличию между ними двунаправленных связей.

Бифокальный знак никогда не существует в одном отдельно взятом контексте. Он всегда рассредоточен как минимум между двумя текстами. Он реализует различные функции, а его комплексная двойственная семантика является амбивалентной по самой своей природе.

Верное прочтение любого текста предполагает, в первую очередь, верное прочтение совокупности содержащихся в нем знаков. Использование понятия бифокальный знак и учет выявленных и зафиксированный в статье признаков этого типа знаков позволит с большей степенью последовательности и адекватности воспринимать и анализировать различные тексты. Поскольку бифокальные знаки представляют собой особые структурные и семантические образования, их восприятие приемником информации должно осуществляться не так, как восприятие иных типов знаков.

Ход рассуждений и характер подачи материала в данной статье являются примером анализа текста, содержащего бифокальный знак.

Интерпретация бифокальных знаков, содержащихся в конкретных текстах и высказываниях всегда шире границ данного текста и высказывания. По этой причине бифокальные знаки необходимо оценивать в качестве особых языковых и культурных скреп — факторов, обеспечивающих единство конкретных языков и культур.

Выводы, полученные в рамках данного исследования, в основном ограничены материалом языка художественной литературы и недостаточно полно экстраполированы на семиотическое пространство в целом.

Перспективным представляются такие дальнейшие направления поиска. Во-первых, рассмотреть, как бифокальные знаки представлены в различных функциональных стилях, каким статистическим и содержательным закономерностям подчинено их функционирование там. Во-вторых, необходимы поиски ответа на вопрос «Могут ли бифокальные знаки возникать спонтанно, неосознанно, без участия целенаправленной воли говорящего?». В-третьих, каким функциональным потенциалом обладает использование бифокальных знаков в спонтанной повседневной речи, какие ограничения и приоритеты здесь существуют. И, наконец, можно ли говорить о совокупности всех бифокальных знаков как о самостоятельной семиотической подсистеме или они являются совокупностью локальных разрозненных единиц, выполняющих свои функции по отдельности и независимо друг от друга.

Решение всех этих вопросов позволит создать целостную теоретическую базу для осмысленного использования бифокальных знаков в различных коммуникативных средах.

Список литературы

1. Автономова, Н. С. Клод Леви-Стросс — in memoriam: уроки структурной антропологии и гуманизм XXI века / Н. С. Автономова // *Вопр. философии.* — 2010. — № 8. — С. 97–107.
2. Лотман, Ю. М. Статьи по типологии культуры. Материалы к курсу теории литературы / Ю. М. Лотман. — Тарту, 1973. — 95 с.
3. Осипович-Новодворский, А. Н. Эпизод из жизни ни павы, ни вороны / А. Н. Осипович-Новодворский. — URL: http://az.lib.ru/o/osipowichnowodworskij_a_o/text_0010.shtml.
4. Пушкин, А. С. Евгений Онегин / А. С. Пушкин. — URL: <http://ilibrary.ru/text/436/p.2/index.html>.
5. Псой Короленко. Тексты песен / Псой Короленко. — URL: <http://www.megalyrics.ru/lyric/psoi-korolienko/moi-diadia-dot-silnyi-kak-orlan-byi-obustroien-zhizni-kruto-dot.htm/>.
6. Хохмодром. Мой дядя самых честных правил. — URL: <http://best.hohmodrom.ru/project.php?prid=95534>.
7. Шунейко, А. А. Лакуна и нулевой знак (семиотический аспект) / А. А. Шунейко // *Лакуны в языке и речи* : сб. науч. тр. / под ред. проф. Ю. А. Сорокина, проф. Г. В. Быковой. — Благовещенск, 2005. — Вып. 2. — С. 86–95.
8. Andersson, F. Groupe μ and “the system of plastic form” — for an evaluation / F. Andersson. — URL: <http://epublications.unilim.fr/revues/as/3097>, accessed 18.06.2017.
9. Chandler, D. *Semiotics: The Basics* / D. Chandler. — Routledge, 2007. — 328 p.
10. Eco, U. *The Role of the Reader: Explorations in the Semiotics of Texts*. Indiana University Press / U. Eco. — URL: http://www.goodreads.com/book/show/10528.The_Role_of_the_Reader, accessed 18.06.2017.
11. Katalius-Boydston, M. *The semiotics of A. J. Greimas: an introduction* / M. Katalius-Boydston. — URL: http://www.lituanus.org/1990_3/90_3_02.htm, accessed 18.06.2017.
12. Lacan, J. *Écrits: The First Complete Edition in English* / J. Lacan. — New York, 2006.
13. Murphey, M. G. *The Development of Peirce’s Philosophy* / M. G. Murphey. — Cambridge, 1961. — 432 p.
14. Ogden, C. K. *The meaning of meaning* / C. K. Ogden, I. A. Richards. — URL: <http://courses.media.mit.edu/2004spring/mas966/Ogden%20Richards%201923.pdf>, accessed 18.06.2017.
15. Qvarnstrom, B-O. Review: Louis Hjelmslev, *Omkring Sprogteoriens Grundlaeggelse*; Louis Hjelmslev, *Prolegomena to a Theory of Language* / B-O. Qvarnstrom // *Journal of Symbolic Logic.* — 1971. — № 36. — Pp. 153–154.
16. Saussure, F. de. *Course in General Linguistics* / F. de Saussure. — New York. — URL: <http://faculty.georgetown.edu/irvinem/theory/DeSaussure-Course-excerpts.pdf>, accessed 18.06.2017.
17. *Stanford Encyclopedia of Philosophy.* — URL: <http://plato.stanford.edu/>, accessed 18.06.2017.

Сведения об авторах

Шунейко Александр Альфредович — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Комсомольский-на-Амуре государственный университет. Комсомольск-на-Амуре, Россия. a-shuneiko@yandex.ru

Чибисова Ольга Владимировна — кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Комсомольский-на-Амуре государственный университет. Комсомольск-на-Амуре, Россия. olgachibisova@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 4 (414). *Philology Sciences. Iss. 112. Pp. 174—181.*

THE SEMIOTIC TYPOLOGY OF SIGNS: A NEW ACCENT

A. A. Shuneyko

Komsomolsk-on-Amur State University, Komsomolsk-on-Amur, Russia. a-shuneyko@yandex.ru

O. V. Chibisova

Komsomolsk-on-Amur State University, Komsomolsk-on-Amur, Russia. olgachibisova@yandex.ru

The article is written in the context of researches related to the theoretical issues of distributing basic units, to which the sign belongs. The way its nature and structure are understood influences the character of almost all linguistic and semiotic studies. Currently existing classifications of signs reflect the consistency, depth and completeness of signs perception. The analysis of concrete texts proves that beyond their limits there are left quite frequent phenomena that actually function in the space of language. Based on the distribution and apposition methods, the article specifies and reviews the type of signs which have not been previously apprehended by the researchers as self-reliant and have not been analyzed at all. This sign is called a bifocal sign and it is consistently described in terms of its specific features which do not allow mixing it with other types of signs. The results show that an adequate interpretation of any text which includes a bifocal sign is impossible without taking into account the specificity of this sign.

Keywords: *a bifocal sign, reference attribution, precedent phenomenon, interpretation of the text.*

References

1. Avtonomova N.S. Levi-Stross — in memoriam: uroki strukturnoj antropologii i gumanizm XXI veka [Claude Levi-Strauss — in memoriam: Lessons of structural anthropology and humanism of the XXI century]. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2010, no. 8, pp. 97–107. (In Russ.).
2. Lotman Y.M. *Stat'i po tipologii kul'tury. Materialy k kursu teorii literatury* [Articles on the typology of culture. Materials for the theory of literature]. Tartu, 1973. 95 p. (In Russ.).
3. Osipovich-Novodvorskij A.N. *Ehpizod iz zhizni ni pavy, ni vorony* [Episode in the life of any surfactants or crows]. Available at: http://az.lib.ru/o/osipowichnowodvorskij_a_o/text_0010.shtml, accessed 18.06.2017. (In Russ.).
4. Pushkin A.S. *Evgenij Onegin* [Eugene Onegin]. Available at: <http://ilibrary.ru/text/436/p.2/index.html>, accessed 18.06.2017. (In Russ.).
5. Psoj Korolenko. *Teksty pesen* [Lyrics]. Available at: <http://www.megalyrics.ru/lyric/psoi-korolienko/moi-diadia-dot-silnyi-kak-orlan-by-l-obustroien-zhizni-kruto-dot.htm/>, accessed 18.06.2017. (In Russ.).
6. *Khokhmodrom. Moj dyadya samykh chestnykh pravil* [Hohmodrom. My uncle has the most honest rules]. Available at: <http://best.hohmodrom.ru/project.php?prid=95534>, accessed 18.06.2017. (In Russ.).
7. Shuneyko A.A. Lakuna i nulevoj znak (semioticheskij aspekt) [Lacuna and zero sign (semiotic aspect)]. Sorokina Yu.A., Bykovej G.V. (eds.). *Lakuny v yazyke i rechi* [Lacunas in language and speech]. Blagoveshhensk, 2005. Iss. 2. Pp. 86–95. (In Russ.).
8. Andersson F. *Groupe μ and “the system of plastic form” — for an evaluation*. Available at: <http://http://publications.unilim.fr/revues/as/3097>, accessed 18.06.2017.
9. Chandler D. *Semiotics: The Basics*. Routledge, 2007. 328 p.
10. Eco U. *The Role of the Reader: Explorations in the Semiotics of Texts*. Available at: http://www.goodreads.com/book/show/10528.The_Role_of_the_Reader, accessed 18.06.2017.
11. Katalius-Boydston M. *The semiotics of A. J. Greimas: an introduction*. Available at: http://www.lituanus.org/1990_3/90_3_02.htm, accessed 18.06.2017.
12. Lacan J. *Écrits: The First Complete Edition in English*. New York, 2006.
13. Murphey M.G. *The Development of Peirce's Philosophy*. Cambridge, 1961. 432 p.
14. Ogden C.K., Richards I.A. *The meaning of meaning*. Available at: <http://courses.media.mit.edu/2004spring/mas966/Ogden%20Richards%201923.pdf>, accessed 18.06.2017.
15. Qvarnstrom B-O. Review: Louis Hjelmslev, Omkring Sprogteoriens Grundlaeggelse; Louis Hjelmslev, Prolegomena to a Theory of Language. *Journal of Symbolic Logic*, 1971, no. 36, pp. 153–154.
16. Saussure F. de. *Course in General Linguistics*. Available at: <http://faculty.georgetown.edu/irvinem/theory/DeSaussure-Course-excerpts.pdf>, accessed 18.06.2017.
17. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Available at: <http://plato.stanford.edu/>, accessed 18.06.2017.

УДК 811.512.145; 81-112.2
ББК 81.2

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АРАБСКИХ И ПЕРСИДСКИХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В ЯЗЫКЕ ТАТАРСКОЙ ПОЭЗИИ XIX ВЕКА

А. Ф. Юсупов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

В статье рассматриваются вопросы грамматического освоения и закономерности функционирования арабо-персидских элементов в языке поэтических произведений XIX в. В ходе анализа устанавливается соотношение нормативности и вариативности употребления иноязычных грамматических форм в именных частях речи.

Научная новизна данной статьи определяется новым подходом к изучению арабских и персидских элементов — описанием грамматического освоения инородных форм. В ходе исследования констатируется, что для языка татарской поэзии XIX в. характерны грамматические нормы разносистемных языков: татарского, арабского и персидского; разнородные языковые факты в системе языка поэзии становятся выразительными или стилистическими средствами.

Ключевые слова: старотатарский язык, история языка, язык поэзии, заимствования, грамматическая форма.

Заимствования, в первую очередь арабские и персидские, были зафиксированы во всех этапах развития татарского языка. В процессе исторической эволюции лексический состав языка, в том числе старотатарского языка, пополняется заимствованиями и грамматическими средствами других языков. Если обратиться к истории, то можно заметить, что «в протяжении многих веков тюркский письменно-литературный язык был оснащен большим количеством инородных лексических единиц и грамматических элементов» [7. С. 208]. Вместе с тем поэзия считалась высшим видом литературы и «поэтические произведения сочинялись в “возвышенном” поэтическом стиле» [5. С. 7], то есть на классическом литературном языке «с активным употреблением арабо-персидских грамматических элементов и традиционных общетюркских форм» [6. С. 99]. Как нам представляется, аналогичное явление характерно и для языка татарской поэзии XIX в. В частности, значительную часть лексического состава, а также грамматической системы старотатарского языка исследуемого периода составляют заимствования и грамматические элементы арабского и персидского языков.

Систематическое изучение арабо-персидских заимствований в татарском языке началось относительно давно. Однако, вопросы грамматического освоения арабо-персидских элементов оставались вне поля зрения специальных лингвистиче-

ских исследований. Целью данной статьи является описание грамматического освоения арабо-персидских элементов в языке татарской поэзии XIX в., определение соотношения нормативности и вариативности употребления иноязычных грамматических форм в именных частях речи и особенностей их функционирования.

Как показывают наши исследования, в грамматической системе языка татарской поэзии XIX в. арабские и персидские грамматические элементы зафиксированы, прежде всего, в оформлении именных частей речи (имя существительное, прилагательное, местоимение, числительное, наречие), а также в тех наклонениях глагола, которые по семантике и синтаксическим функциям близки к именам то есть субстантивированным частям речи (причастие и имя действия). Однако в рамках одной статьи описать все арабо-персидские элементы, употребляющиеся в языке татарской поэзии XIX в., не представляется возможным, поэтому в данной статье внимание акцентируется только на арабских и персидских грамматических элементах в грамматических категориях имени существительного и заимствованиях в составе имени числительного.

Как было отмечено выше, основной формой — базисной формой — выражения грамматического значения всех грамматических категорий в языке исследуемых поэтических текстов является тюркская. Вместе с тем для передачи значения

отдельных грамматических категорий употребляются грамматические средства персидского и арабского языков, которые формируют варьирование письменной нормы языка и являются периферийными признаками.

В языке татарской поэзии XIX в. грамматическое значение **принадлежности** передается при помощи следующих языковых средств персидского и арабского языков:

1) Грамматическое значение принадлежности выражается присоединением персидских слитных местоимений. «Этот разряд местоимений в отличие от других видов местоимений всегда примыкает к предшествующему слову, не употребляется самостоятельно и не может иметь главного ударения... Эти аффиксоподобные элементы по своему значению соответствуют личным местоимениям, но отличаются от них характером употребления и выполняемым синтаксическим функциям» [3. С. 172–173].

Как и в современном персидском языке, слитные местоимения в языке исследуемых поэтических текстов чаще всего выполняют атрибутивную функцию, выражая принадлежность. Принадлежность к I лицу передается заимствованными слитными местоимениями *-ам / -эм*, которые отличаются от тюркских аффиксов принадлежности лишь фонетически: *хаман мәрде диләм, кьоруғь телемдер* [4. С. 95] «все еще не ожило сердце мое, запекся мой язык» [Здесь и далее перевод автора. — А. Ю.].

Персидские слитные местоимения I лица *-ам / -эм*, присоединяясь к тюркским личным местоимениям, употребляются в функции личного местоимения «я», то есть *бән — мән (я) + эм (я)*. Например: *вә анда мәдәдкәрең бәнәм* [4. С. 132] «и там я твой помощник». Как видно из вышеприведенных примеров, при присоединении персидских слитных местоимений к тюркским личным местоимениям они употребляются в функции аффиксов сказуемости.

Нами зафиксированы примеры, где персидские слитные местоимения I лица, присоединяясь к именам существительным, употребляются так же, как и в персидском языке в значении «я», в татарском языке они соответствуют функции аффиксов сказуемости: *гъарибәм, хакъдан үзгә мөнисем йукъ* [4. С. 96] «я инвалид, нет друга у меня, кроме бога».

Персидские слитные местоимения I лица *-ам / -эм* выражают ярко выраженную эмоционально-экспрессивную окраску и участвуют в формиро-

вании обращения: *ходавәндәм, сәңадыр ибтиһал* «о, мой бог, тебя я умоляю», *деләгем диндин жүни, и зөлкәрәм* [4. С. 133] «много я желаю получить от тебя, о, желанная» и так далее.

Таким образом, персидская форма *-ам / -эм* относится к периферийным показателям языка исследуемых произведений данного периода и является стилистическим вариантом грамматических форм тюркских аффиксов принадлежности.

2) В языке татарской поэзии XIX в. значение принадлежности выражается также при помощи изафетных сочетаний персидского и арабского языков. Как показывают наши наблюдения, в ходе выражения значения принадлежности татарские поэты чаще употребляют персидские несогласованные определения — изафеты, которые являются более простыми, чем арабские изафетные конструкции.

При этом лингвисты отмечают, что в персидском языке «изафетной связью объединяются разные лексико-грамматические категории слов. В результате взаимодействия их значений возникают отношения определительные, принадлежности, количественные, пространственные, временные» [3. С. 363].

В персидском языке любую связь между определением и определяемым называют изафетной конструкцией. Таким образом, конструкция слов, состоящая из имени существительного и прилагательного, тоже образует изафетное сочетание. Персидским изафетом называют такое сочетание слов, где на первом месте стоит определяемое, к нему присоединяется суффикс *-э*, называемый изафой, затем следует определение.

В поэтических произведениях изафетные конструкции являются универсальным типом атрибутивной связи. «При помощи изафета могут присоединяться к определяемому не только качественные определения, выраженные именами прилагательными, но и определения по принадлежности в широком смысле слова, то есть выраженные именами существительными» [2. С. 71–72]. Имя существительное, выступая вторым членом изафетного словосочетания, приобретает значение прилагательного и играет роль определения. Например: *атәш-э гъыйшыкъ илә йаныб* [4. С. 86] «горя огнем любви», *нигъмәт-э хакъ дөрледер* [4. С. 125] «у бога множество разных довольствий», *кузлейә гъыйбрәт дорур хал-э жиһан* [4. С. 131] «человеку, имеющему зрение, примером является состояние мира» и так далее.

3) Кроме того, в языке поэтических текстов зафиксировано выражение значения принадлежности арабскими несогласованными определениями. «Несогласованные определения — это определения, выраженные именем существительным в родительном падеже без предлога или с предлогом» [1. С. 90]. Как известно, такие типы определений в арабских грамматиках называют изафой или изафетными сочетаниями. Например: *фа шокру нигъмәти Аллаһи, — диде хакъ* [4. С. 125] «будьте благодарны дарам Всевышнего, — сказал бог».

Мы называем изафетным сочетанием субстантивное словосочетание, состоящее из определения в форме притяжательного падежа и определяемого. Как известно, в арабском языке порядок слов в изафетном сочетании отличается от порядка слов изафетной конструкции, употребляющейся в татарском языке. В арабском языке второе слово тоже стоит в притяжательном падеже. Арабским строением называют такое словосочетание, когда первое слово (определяемое) без артикля (без алифа и ляма), второе (определение) с артиклем: *белгел, Аллаһ вәлийү әл-мәминин* [4. С. 125] «знай: Аллах — покровитель верующих (мусульман)».

Наши исследования позволяют констатировать, что такой способ выражения грамматического значения принадлежности средствами арабского языка встречается в религиозных выражениях и фразеологизмах, написанных на арабском языке.

Таким образом, в исследуемых поэтических текстах при выражении значения принадлежности часто употребляются изафетные конструкции, являющиеся нормой для персидского и арабского литературных языков. В языке татарской поэзии XIX в. данные языковые конструкции относятся к периферийным показателям языка исследуемых произведений, формируя варьирование письменной нормы грамматических форм.

В языке татарской поэзии XIX в. при выражении значения грамматической категории числа имени существительного зафиксированы следующие арабские грамматические элементы:

1) В исследуемых текстах наблюдается выражение значения множественности арабскими заимствованиями в форме «ломаного» множественного числа, то есть помимо тюркских грамматических способов при выражении значения множественности выступают и грамматические формы, присущие арабскому языку. «Особенностью

такого образования множественного числа является то, что оно образуется не присоединением к форме единственного числа окончания множественного числа, а путем изменения внутренней структуры слова, то есть путем так называемой внутренней флексии» [1. С. 117].

В арабских грамматиках приводится свыше тридцати моделей образования такого типа множественного числа, поэтому и в языке исследуемых нами произведений можно встретить немало примеров использования форм «ломаного» множественного числа. Как известно, в арабском языке различные формы образования «ломаного» множественного числа обозначаются специальными формулами. С помощью данных формул можно сгруппировать однотипные слова, у которых форма множественного числа совпадают. Ниже приводятся часто употребляемые формы образования данного типа множественного числа, в соответствии с правилами произношения, принятыми в татарском языке:

от **فعل** «фәгъалә» → **افعال** «әфгъалу». Например: *гъәмәл* «дело, занятие» — *әгъмәл* «дела» [4. С. 102], *хәл* «положение, состояние» — *әхвәл* «состояние дел» [4. С. 108];

от **فعل** «фигълун» → **افعال** «әфгъалу». Например: *шигъер* «стих» — *әшигъар* «стихи» [4. С. 90], *сер* «секрет, тайна» — *әсрар* «тайные дела» [4. С. 108];

от **فعليل** «фәгъилун» → **افاعيل** «әфагъилу». Например: *хәдис* «рассказ, предание» — *әхадис* «слова, приписываемые пророку Мухаммеду» [4. С. 126];

от **فاعل** «фагъилун» → **افعال** «әфгъалу». Например: *сахиб* «друг» — *әсхаб* «друзья» [4. С. 123];

от **فعل** «фугълун» → **افعال** «әфгъалу». Например: *рух* «дух» — *әрвах* «духи» [4. С. 112];

от **فعللي** «фәгълән» → **فعال** «фәгъалин». Например: *мәгънә* «смысл, значение» — *мәгъани* «значения» [4. С. 85];

от имен существительных женского рода, типа **فعية** «фәгъиләтун» → **فعايل** «фәгъа'илу». Например: *хәзинә* «клад, сокровище» — *хәза'ин* «богатство» [4. С. 91];

от недостаточных глаголов, типа **فعل** «фәгъилә» → **افعلاء** «әфгъилә'у». Например: *гъани* «богатый» — *әгънийә* «богатые» [4. С. 132], *нәби* «пророк» — *әбнийә* «пророки» [4. С. 100] и др.

2) Грамматические элементы арабского языка употребляются при образовании лексико-син-

тактического способа выражения множественного числа, присущего татарскому литературному языку.

Как известно, при вышеотмеченном способе выражения значения множественности в качестве определения имени существительного выступают отдельные слова, выражающие понятие множественности. В исследуемых поэтических текстах в функции наречных слов, усиливающих значение множественности, употребляются также арабское слово *жәмлә* «весь, вся, все» и слово персидского происхождения *һәмә* «весь, вся, все». Например: *жәмлә бимарның дәвасы бондадыр* [4. С. 112] «здесь лекарство для всех больных».

Значение множественности может передаваться сочетанием морфологического и лексико-синтаксического способов, т. е. «смешанным способом» множественного числа: *чөн һәмә таләбаләрең мәтлубы сән, чөн һәмә гъашыйкъларың мәхлубы сән* [4. С. 132] «потому что для всех студентов ты желанный, потому что ты всех влюбленных любимец».

В ходе передачи значения множественности при вышеотмеченном способе употребляются также арабские слова в форме «ломаного» множественного числа: *наһан улса, кирәктер жәмлә әсрар* [4. С. 108] «если нужно, важно секретность во всех делах», *жәмлә әрвахның гидасы бондадыр* [4. С. 112] «здесь все нищие духом» и так далее.

Так, при выражении значения множественности заимствованные грамматические элементы употребляются в довольно большом количестве (арабские имена существительные в форме «ломаного» множественного числа участвуют при формировании лексико-синтаксического способа выражения множественного числа, присущего татарскому литературному языку), что обусловлено письменно-литературными традициями и жанровой спецификой татарской поэзии изучаемого периода.

Как уже было отмечено выше, среди заимствованной части лексики татарской поэзии данного периода большинство составляют имена существительные, имена прилагательные и служебные слова, проникшие из арабского и персидского языков. Иноязычные арабо-персидские грамматические элементы — имена прилагательные — стали уже предметом наших исследований в ранее опубликованных статьях [7], поэтому в рамках данной статьи внимание акцентируется только на остальных иноязычных грамматических элементах и заимствованных частях

речи, употребляющихся в языке татарской поэзии XIX в.

Язык поэзии данного периода не характеризуется обильным употреблением **имен числительных**, вместе с тем в текстах зафиксированы нами *количественные, порядковые, собирательные и разделительные* имена числительные, однако заимствованные имена числительные арабского и персидского происхождения встречаются лишь среди *количественных и порядковых* числительных.

В исследуемых поэтических произведениях количество исчисляемого предмета в основном выражается числительными тюркского происхождения, однако поэты иногда прибегают к числительным персидского языка. В грамматиках отмечается, что в персидском языке «количественные числительные обозначают абстрактное количество или количество конкретных предметов» [3. С. 186].

В поэтических текстах зафиксированы следующие персидские количественные числительные: *йек* «один», *ду* «два», *һазар* «тысяча» и *һазаран* «тысячи». Последнее числительное образовано присоединением к основе *һазар* «тысяча» суффикса множественного числа иранского происхождения *-ан*.

Как показывают наши исследования, как само понятие числа, так и называющие его числительные весьма абстрактны. Выражаемый ими количественный признак уточняется и конкретизируется только после присоединения к ним предметных слов. Заимствованные числительные в предложении выступают в функции определения, слово *һазаран* «тысячи» обозначает абстрактное количество, а остальные персидские числительные, зафиксированные в поэтических текстах данного периода, количество конкретных предметов. Например: *жәһәңә улсын һазаран әфәрин* [4. С. 132] «к твоей душе прильнут тысячи», *күзләмәз ду гъәләмең къарасыны вә агъыны* [4. С. 92] «он не видит ни черного, ни белого в мире».

Персидское числительное *йек* «один» иногда в предложении выполняет функцию сказуемого, в таких примерах именное сказуемое оформляется при помощи древнетюркского слова «дорур»: *йек дорур бең йыл гъәләмдә булмагъа ул шаһыны* [4. С. 115] «за тысячу лет этот шах один во вселенной».

Порядковые числительные выражают порядок, последовательность предметов при счете. В исследуемых произведениях употребление заимствованных порядковых числительных

ограничено, нами зафиксирован лишь единственный пример — порядковое числительное арабского происхождения *әүвал* «первый»: *әүвал-ахыр морадым ул дорур* [4. С. 127] «она — первая и последняя цель моя».

Итак, для языка татарской поэзии XIX в. характерны общетюркские числительные. Однако следует отметить, количественно-числовое и счетно-порядковые значения предметов выражается также числительными арабского и персидского происхождения.

Таким образом, для языка татарской поэзии XIX в. характерны грамматические нормы разно-

системных языков: татарского, арабского и персидского. В грамматической системе языка поэтических произведений арабские и персидские грамматические элементы употребляются, в основном, в составе именных частей. Подобной смешанности и разнообразию отдельных грамматических форм способствовали письменно-литературные традиции того времени и жанровая специфика поэзии, благодаря которой различные языковые факты в системе языка поэзии становятся выразительными или стилистическими средствами.

Список литературы

1. Ковалев, А. А. Учебник арабского языка / А. А. Ковалев, Г. Ш. Шарбатов. — М., 2002. — 751 с.
2. Овчинникова, И. К. Учебник персидского языка / И. К. Овчинникова, А. К. Мамед-Заде. — М., 1956. — 438 с.
3. Рубинчик, Ю. А. Грамматика современного персидского литературного языка / Ю. А. Рубинчик. — М., 2001. — 600 с.
4. Шәмсетдин Зәки шигырьләре // Научный архив Института истории, языка и литературы Академии наук Республики Башкортостан. Ф. 3. Т. 63. Ед. хр. 47. 178 л.
5. Юсупов, А. Ф. Морфологические особенности языка произведений суфийского поэта I половины XIX века Шамсетдина Заки : дис. ... канд. филол. наук / А. Ф. Юсупов. — Казань, 2004. — 226 с.
6. Юсупов, А. Ф. Многовариативность старотатарского языка XIX века / А. Ф. Юсупов // Филология и культура. — 2012. — № 3 (29). — С. 99–103.
7. Юсупов, А. Ф. Заимствованные имена прилагательные в языке татарских суфийских произведений / А. Ф. Юсупов // Филолог. науки. Вопр. теории и практики. — 2013. — № 10 (28). — С. 214–217.

Сведения об авторе

Юсупов Айрат Фаикович — кандидат филологических наук, доцент кафедры татарского языкознания Института филологии и межкультурной коммуникации имени Льва Толстого, Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань, Россия. faikovich@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 4 (414). *Philology Sciences. Iss. 112. Pp. 182–187.*

REGULARITIES OF FUNCTIONING OF THE ARAB AND PERSIAN GRAMMATICAL ELEMENTS IN LANGUAGE OF THE 19TH CENTURY TATAR POETRY

A. F. Yusupov

Institute of Philology and Intercultural Communication them. L. Tolstoy, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia. faikovich@mail.ru

In the article questions of grammatical development and regularity of functioning of the Arab-Persian elements in language of the 19th century poetic works are considered. During the analysis the ratio of a norm and variability of the use of foreign-language grammatical forms in nominative parts of speech is established.

Scientific novelty of this article is defined by new approach to studying of the Arab and Persian elements — the description of grammatical development of alien forms. During the research it is noted that grammatical norms of different systems of languages (Tatar, Arab and Persian) are characteristic of the 19th century Tatar poetry language; in grammatical system of language of poetic works the Arab and Persian grammatical elements are used, generally as a part of nominative parts. Similar combination and a variety of separate gram-

matical forms were promoted by written and literary traditions of that time and genre specifics of poetry thanks to which the diverse language facts in system of the poetry language become expressive or stylistic means.

Keywords: *old Tatar language, language history, poetry language, borrowings, grammatical form.*

References

1. Kovalev A.A., Sharbatov G.Sh. *Uchebnik arabskogo yazyka* [Textbook of the Arabic language]. Moscow, 2002. 751 p. (In Russ.).
2. Ovchinnikova I.K., Mamed-Zade A.K. *Uchebnik persidskogo yazyka* [Textbook of the Persian language]. Moscow, 1956. 438 p. (In Russ.).
3. Rubinchik Y.A. *Grammatika sovremennogo persidskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of modern Persian literary language]. Moscow, 2001. 600 p. (In Russ.).
4. Shəmsetdin Zəki shıgyr'ləre [Poems by Shamsetdin Zaki]. *Nauchnyj arhiv Instituta istorii, yazyka i literatury Akademii nauk Respubliki Bashkortostan* [Scientific archive of the Institute of History, Language and Literature of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan]. Fond 3. Vol. 63. Unit. of st. 47. Sh. 178. (In Tatar).
5. Yusupov A.F. *Morfologicheskie osobennosti yazyka proizvedenij sufijskogo poehtha I poloviny XIX veka Shamsetdina Zaki* [Morphological features of the language of works of the Sufi poet I half of the XIX century Shamsetdin Zaki]. Kazan, 2004. 226 p. (In Russ.).
6. Yusupov A.F. Zaimstvovannye imena prilagatel'nye v yazyke tatarskih sufijskih proizvedenij [Borrowed adjectives in the language of Tatar Sufi works]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Questions of theory and practice], 2013, no. 10 (28), pp. 214–217. (In Russ.).
7. Yusupov A.F. Arabo-persidskie zaimstvovaniya v yazyke tatarskoj poehzii XIX veka [Arab-Persian borrowings in language of the Tatar poetry of the XIX century]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Questions of theory and practice], 2014, no. 12 (1), pp. 208–210. (In Russ.).